

СЕРИЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

| В. А. КУТЫРЁВ

| Последнее
| ЦЕЛОВАНИЕ
Человек как традиция
|

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2015

УДК 001.18+130.3

ББК 87.2

К 954

Кутырёв В. А.

К954 Последнее целование. Человек как традиция. – СПб.: Алетейя, 2015. – 312 с. – (Серия «Тела мысли»).

ISBN 978-5-9905768-9-6

Захваченные Великой Технологической Революцией люди создают мир, несоразмерный собственной природе. Наступает эпоха трансмодерна. Смерть человека не состоялась, но он стал традицией. В философии это выражается в смене Абсолюта мышления: вместо Бытия – Ничто. В культуре – виртуализм, конструктивизм, отказ от природы и антропоморфного измерения реальности.

Рассматриваются исторические этапы возникновения «Иного», когнитивная эрозия духовных ценностей и жизненного мира человека. Нерегулируемое развитие высоких (постчеловеческих) технологий ведет к экспансии информационно-коммуникативной среды, вытеснению гуманизма трансгуманизмом. Анализируются истоки и последствия «расчеловечивания человека»: ликвидация полов, клонирование, бессмертие.

Против «деградации в новое», деконструкции, зомбизации и электронной эвтаназии Homo vitae sapiens, в защиту его достоинства автор выступает с позиций консерватизма, традиционализма и Controlled development (управляемого развития).

УДК 001.18+130.3

ББК 87.2

*В оформлении обложки использованы:
фрагмент картины Рафаэля «Положение во гроб»,
фрагмент фрески «Поцелуй Иуды» (Чимабуэ, конец XIII в.)*

ISBN 978-5-9905768-9-6

9 785990 576896

© В. А. Кутырёв, 2015

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2015

ВВЕДЕНИЕ

Конца света не будет, а будет...

О конце света говорят как о возможном чрезвычайном событии. Но это естественное явление, которое рано или поздно наступает для каждого. Когда он умирает. На Земле веками длится непрерывная, страшная для любого отдельного индивида мировая катастрофа, когда все меркнет, гибнет и уходит в небытие. «Под каждой могильной плитой лежит всемирная история» (Гёте). Однако, человечество обновляется, возрождается, воспроизводя себя как родовую сущность. Снимается абсурд ничто-жности единичного существования, оно становится историческим, обретает смысл. Жил не зря, не сам по себе, ни для кого ненужный, а ради второго, третьего, третий для четвертого и т. д. Через смену и преемственность конечное существо включается в ряд бытия, делая его бесконечным, «причащается» вечности. Становится (служит) частью Вселенной, или Предвечного Бога как ее антропоморфного образа. Как *Человечество*.

Наше существование может прерваться космо-астрономическим происшествием, однако это внешний, случайный конец света, для кого-то представляет угрозу, пугает, но в норме, «по жизни» не страшит и не угнетает.

Подлинной, т. е. духовно трудно переносимой мировой катастрофой, абсолютным концом света является (была бы) для человека его смерть: 1) в целом, как родового человечества, всех его настоящих и будущих поколений; 2) не извне, а в силу собственного развития, его законов и тенденций, как общий *самоапокалипсис*.

Смерть как катастрофа развития в виде процесса утраты человеческого в людях, их умаления вплоть до исчезновения, или, то же самое, «превращения в иное» при движении «вперед и дальше». Может быть, по каким-то параметрам к высшему, но для *этого* сущего, его

тождественности себе – движение вниз, в про-пасть самоотрицания. Не в пустоту (ее нет), а в Инобытие. Как пустоту для нас. Вперед, быстрее, дальше и – к смерти. Конец света в результате процессов, ведущих к убийству рода – трагическая диалектика истории, которая гнетет его мыслящую часть, ввергая в депрессии, продуцируя «несчастное сознание», лишая бытие смысла. Надеяться жить на том, «другом» Свете, сохранив себя – contradiction in adjecto, парадокс всех парадоксов.

Но именно такое будущее обещает нам эпоха постмодерна, превращая индивидов в нечто бес/пост-человеческое, бестелесное, бесчувственное, да, пожалуй, и без(с)мысленное, что на поверхности бытия (у обывателей) проявляется в форме непрерывного назначения и переносов даты конца света. *Прогресс к смерти, смерть в результате прогресса как потери своего качества, самости, родовой идентичности* – угроза, в философской истории человеческого духа практически не обсуждавшаяся. Потому что не предполагалась, была очень отдаленной, сейчас она выступает как фундаментальная. Пришло время *Mortido* (влечения к смерти), постмодерн перерастает в *транс*модерн, когда дальнейшие успехи в производстве и экономике вступают в противоречие с жизненным миром человека как целостного телесно-духовного существа. И требуют его демонтажа. По мере роста влияния NBICS технологий, онтологически реализующихся в качестве микро, космо, инфо, вирту, нано и прочих чужеродных «старой», естественной земной природе миров, макромир сокращается как шагреневая кожа. Экологический кризис приобретает абсолютный характер. Земной *Umwelt* больше не континент, это остров, непрерывно размываемый бушующим океаном инобытия. Прогресс *пере-*ступает *через* человека, транс-форм(ир)уя его в «человеческий фактор», «человеческий капитал», «агентов», «зомби» или просто в исходный материал для «пост-человека». *Бытие под знаком «транс»: Современная Трагедия.*

* * *

О ней, в каких формах и как она разворачивается, о Новой, измененной относительно природы человека реальности, которая по(на) крывает Землю, о том, как на ней будет жить традиционный человек, а если нет, что за сущее тогда будет (эта) нежит(зн)ь, и какая философия нужна человеку перед фактом экспансии Высоких технологий, предлагаемая читателю книга. Мысли о немислимом, о чем в большинстве своем люди избегают думать, а философы боятся философствовать.

И о других, все более активном техногенном меньшинстве (пока), кто уже роботообразные, чье сознание похищено силами Иного, торопящихся к самоликвидации, маскируя эту печальную перспективу идеями некой «творческой смерти», или бессмертием в виде чего-то замороженного, а потом оживляемого, или «мертвого бессмертия» путем переноса сознания на «силикон» или, превращения в виртуальные формы, голограммы, «информационные поля», свет, а некоторые ничем не маскируют. Объявляют, пропагандируют, что человек существо отжившее, (за)конченное, его цивилизации больше не будет, что, впрочем, по их мнению, неважно. Самое важное, чтобы не прерывалось главное – «новации и технический прогресс». Прогресс важнее бытия.

Разумеется, в философской работе данные процессы рассматриваются не фактологически, а в духовно-теоретическом преломлении, «по идеям», с анализом борьбы в этой сфере. Борьбы, которую многие, считая себя мыслящими, не хотят видеть, предпочитая абстрактное, оторванное от представлений о добре и зле, описание того, что они (будто бы) видят. Бесценностное, а значит, с точки зрения жизни, и бессмысл(енн)овое философствование. Shut up and calculate (заткнись и вычисляй) – вот суть идеологии тупого сциентизма, который стихийно формируется, а где-то насаждается в науке, в университетах и стала, как ни удивительно, хорошим тоном, почти доблестью «настоящих ученых». Удивительно потому, что живые, еще не ставшие технократами и потребителями люди в мировоззренческой тревоге, экзистенциальном потрясении, а теоретики и философы науки в основном заняты восторженным или нейтральным пересказом достижений в высоких (постчеловеческих) технологиях. Тем же, кто обеспокоен, встревожен их влиянием на будущее человека, его «деградацией в новое», говорят: «это алармизм»; «это пессимизм»; и наконец, «это философия». Да, философия, а вот закрываться от фактов и логики ярлыками, как будто ими можно что-то доказать или опровергнуть – это не философия, не мудрость, даже не знание в подлинном значении слова. Которые, увы, и господствуют.

Мы подобного беспроблемного теоретизирования старались избежать или хотя бы минимизировать. «Признаюсь, – пишет популярный сейчас у молодежи в Европе автор Фредерик Бегбедер, – меня изумляет всеобщее равнодушие к начавшемуся концу света»¹. Пишет как литератор и художник, с легкой иронией, как бы защищаясь от своего же

¹ Бегбедер Ф. Конец света. Первые итоги. – СПб., 2014. С. 9.

наблюдения. Философ на это не имеет права и должен, стремясь смотреть на вещи при полном, не исключая тени, свете, соотносить их с перспективами человека. Давать им оценку. Видеть исторические истоки проблем, предлагать их смысловые решения, а если возможно, и практические советы. Иначе, зачем нужно все это знание? Если оно перетасовка информации. Наукообразная болтовня без (о)сознания.

Высказанная М. Хайдеггером в начале XX века мысль, что история метафизики есть история забвения бытия, долгое время представлялась гениально-личной догадкой, для многих сомнительной, и не была актуальной. До тех пор, пока веками привычная реальность макромира не стала на наших глазах, стремительно меняясь по своим характеристикам, умаляться. Тождественная жизненному миру, который человек видел, слышал, осязал, она превращается в среду, где он действует, но жить не может. По размерам, скоростям, температурам. Появились наноэлементы, микро и мега-миры, от которых он дистанцируется, экранируется, защищается, направляя туда вместо себя искусственные приспособления и машины. Все технологизируется, автоматизируется. Не только производство, но и бытие, вплоть до возникновения «умных домов», технологизируются также действия и поведение утрачивающих свое (на)значение органов собственного тела. И попадает от всего этого, начавшего самовоспроизводиться искусственного мира, чудовищной эффективности и возросших возможностей Техники – в зависимость. Без нее он – ник-ак и никто. Переворот в судьбе человечества, пожалуй, более радикальный, чем переход от собирательства в природе к ее обработке, к неолиту.

Пост-неолитическая эра.

Идея забвения бытия казалась надуманной и не была востребована, пока не произошла информационная революция, заменяющая предметы симулякрами и виртуальными двойниками, людей персонажами, слова цифрами, голову чипами, знание компетентностью, формируя Double World (второй мир). С «телами без органов» (для жизни в компьютере органы не нужны) и «телами без пространства» (на экране объемов нет). Который, как будто незаметно, но с поразительной быстротой, в исторически короткое время подавляет и вытесняет наш «традиционный» = жизненный мир. Который становится все менее жизненным, (не)жизненным, безжизненным, реальность – иной, (не)реальной, пост-реальной, инореальной, бытие – небытием. Происходит тот самый «конец света», в ходе которого люди переносятся в (не-ино-пост)

бытие, на тот самый «Тот Свет». Становятся (не)людьми, постлюдьми, «люденами и трансхьюманами» – инолюдьми. Средой их существования начинает быть коммуникация, коммутация, новый, (не)словесный, бессловесный, постсловесный, цифровой способ общения – инояз(ык).

Происходящее на Земле всегда воспроизводилось на Небе. Мир людей порождал мир Богов. А может, наоборот? Об этом велись споры на протяжении всей истории метафизики, называемые ее основным вопросом. Развитие капитализма радикально изменило христианскую религию, породив протестантизм, – утверждал К. Маркс. Нет, дух протестантизма сформировал буржуазные отношения между людьми, – возражал М. Вебер. После возникновения учения о сложных нелинейных системах, структурно-функциональной методологии, теорий самоорганизации и синергетики, знания о положительных и отрицательных обратных связях, о чем в спекулятивной форме речь шла уже в гегелевско-марксистской диалектике: (Все в мире связано вокруг // Примеров мы не будем множить // Нельзя цветка задеть нам вдруг // Чтобы звезды не потревожить) стала общепризнанной необходимостью рассуждать в парадигме «кибернетического (для точных наук) и герменевтического (для гуманитаристики) круга». Вопрос в том, где, когда и как, в зависимости от целей исследования в этот круг входить, его размыкать. Чтобы видеть отражение мира вещей и идей друг в друге, точки их взаимопроникновения, влияния и борьбы, превращение предположений в следствия и наоборот. При этом мы стараемся не увлекаться схоластическими спорами «об определениях», например, о различии между «пост» и «транс» применительно к обществу и человеку. Ясно, что они пересекаются, а их функциональный смысл, как и большинства других актуальных понятий, плавающий, зависит от контекста обсуждения того или иного вопроса. От ситуации. Она его выбирает. Раскрыть контекст, показать какая трактовка конкретно в данное время «работает» – *sapient sat* (умному достаточно).

* * *

Поскольку наша работа мировоззренческая, то конец жизненного мира эпохи премодерна и модерна будет прослеживаться, прежде всего, в истории мысли. Как происходило становление иной, постмодернистской реальности в головах самих людей. Какие идеи (при)вели человека, считавшегося когда-то «украшением Вселенной», к отрицанию самого себя. Это, если вспомнить расположение нитей в ткацких

станках – основа. Однако к событиям в предметной истории периодически тоже надо отсылать-ся. Это – уток. Чтобы в итоге, двигаясь теоретически, идеально, в сознании, хотя с учетом обстоятельств реального существования, рассмотреть ткань, пелену «забвения бытия» через его зарождение и разворачивание как целостного духовно-предметного континуума. К сожалению, наша точка отсчета не столь глубока как у Хайдеггера («атомная бомба взорвалась в трудах Парменида»), а с момента, когда все стало более очевидным, зато более доступным слабеющим современным умам. Фактически начиная с Канта. Именно он, совершив «коперниканский переворот» заложил основы для возникновения постнеолитической, по сути постчеловеческой реальности.

Исторические формы познавательного моделирования мира по линии восхождения «от поэмы к матеме»: мифология – онтология – гносеология – эпистемология в работе только выявлены и обозначены. В центре нашего внимания последняя (современная) стадия этого моделирования – когнитология. И ее философская база – трансцендентализм, генетическим отцом которого был Кант, восприимчивым и воспитателем, проложившим ей дорогу в жизнь – Гуссерль. Когнитизация реальности была процессом создания ее новой формы, ведущей, соответственно, к параллельному уничтожению жизненного мира человека. Развита Кантом трансцендентальная философия стала выходом человеческого духа в возможные миры, «в космос». Из естество-знания в знание математическое. Кант вышел в пустое пространство-время, но все-таки оглядывался в иллюминатор на оставляемую Землю, ее эмпирическое бытие, хотя бы как на «вещь-в-себе». Гуссерль, в отличие от него, преодолел эту непоследовательность путем замены «вещи в себе» принципом интенциональности сознания, когда прежней предметной реальности больше нет. Сущностная направленность сознания на вещь снимает необходимость ее самостоятельного существования. Отказ от какой-либо материальности. *Бытие об-является состоянием сознания!*

И все-таки, даже у Гуссерля это преодоление произошло не до конца. Фундамент сознания оставался от физического мира. От «вещей». Да, внутренне он избавил трансцендентальное сознание от «естественной установки», но само оно по-прежнему опиралось на принцип тождества. Исторически тождество есть единство = «комплекс» чувственных свойств («ощущений») живого человека. Кантовско-гуссерлевский трансцендентальный субъект – его тончайшее представление, сублимация до чистого пространства-времени. Однако, это

не новая сущность. Основа мира остается старой, «посюсторонней». И только в постмодернизме непоследовательность интенциональности («сознание о» – всегда о *чём-то*) преодолевается путем замены принципа тождества и противоречия принципом различия и повторения (Делёз) и мы оказываемся «по ту сторону вещей». Субстанция бытийного философствования заменяется абсолютом отношений, любые вещи рассматриваются как их пересечение и узел. Сознание становится самоценным, функционируя без какой-либо естественной связи с миром и предварительной направленности на него – пустым и чистым. Больше не отражает его. Превращается в *мышление*. Которое само развивается в процессе коммуникации. Применительно к человеку его можно считать «не нашим» (только), а машинным. Постчеловеческим. Этот принцип является наиболее глубоким (об)основанием трансцендентализма и когнитивизма как форм философствования уже в иной, пост(бес)человеческой реальности.

В эпоху постмодерна трансцендентализм и когнитивизм реализуются *на практике*: в информационной теории сознания и «письме». Различие/ повторение – это философская транскрипция наличия/отсутствия, на технико-математическом языке выражаемых «битами». Тайнственные «вещи сознания» Гуссерля были гениальным философско-спекулятивным предвидением единиц информации, возгонкой предметного мира вещей в математический универсум отношений. В виртуальную реальность. «Традиционное» целостное сознание человека распадается на смысловое, понятийное (словесно-образное) – *logos* и формализованное, техническое (мышление-коммуникацию) – *mathesis*. Его вторая форма машинизируется и вытесняет первую, «ручную» (головную), подтверждая высказывание М. Хайдеггера, что «наука не мыслит». Когнитология – теория мышления без сознания, без образов и психики. *Без понимания*. Реальность макромира становится проекцией, «реификацией» вычислительной математики. Лишённое рефлексии коммуникационное мышление превращается в искусственный интеллект как новую реальность. *В Иное*.

На стадии зрелости цивилизация постмодерна перерастает в саморазвивающееся постчеловеческое образование. Сфера инобытия становится определяющей. Она задает цели и идеалы деятельности, отрывая их от интересов сохранения человека как живого существа. От его *Lebenswelt* – жизненного мира, среды, в которой он только и может жить как органическое телесно-духовное существо.

От идеологии гуманизма, заменяя ее идеологией техно(цифро)кра-тизма. Прокламируемое в ней «общество знания» является обще-ством сетевого постсознательного мышления – «обществом незна-ния», в котором человек, лишаясь личностных характеристик, прев-ращается в агента информационно-компьютерных сетей, его тело в средство для сбора «данных», чтобы перенести их в Сеть (основное занятие «офисного планктона»). Или в подставку для них. Или в их отходы. Как обобщенное отражение новых обстоятельств (не) существования человека возникают, сначала в философии, а потом захватывает сферу всей культуры, разнообразные теории его конца и смерти. Наступает мир универс(ум)ального «пост/после»: религии, морали, истории, искусства, политики. Все они заменяются «гума-нитарными технологиями». Через ге(й)ндеризм, феминизм и толе-рантность к ним открылись шлюзы самоотрицания условий воспроиз-ведения живого человека как родового существа: полов (различия их функциональных ролей), семьи, этносов, национальностей. И т. д. Все они заменяются «социальными технологиями». Потому что им на смену идет «иная реальность». Это и есть «конец света» – **эпоха Трансмодерна.**

Судьба человека! Как менялось его состояние и представление о самом себе в историческом процессе «забвения бытия»? Чем он(о) заканчива-ется? Если перевести этот процесс в антропологический контекст, то придется сказать, что в XXI веке *Он становится традицией.* Тем, что есть, существует, но не подкрепляется дальнейшими потребностями окружающего и пронизывающего его мира, новыми тенденциями раз-вития. Настолько, что рождение человека теперь происходит в резуль-тате «традиционного секса» (говорящий, кричащий термин!), такой же семьи и брака. Быть мужчиной и женщиной, продолжать жизнь, рожая детей – традиция. Прогрессивно ими не быть (вместо полов – гендер) и ничего не продолжать (детей покупать, пока есть отсталые продавцы или, как предлагают совсем передовые борцы с традициями – клони-ровать). Хотя «традиционный р-ебенок» еще не говорят (пока?). Пока не появились «дизайн-бэби». Процесс «традиционализации» человека подкрепляется появлением традиционного и нетрадиционного искус-ства, намечающегося аналогичного деления культуры в целом, даже традиционной (классической) и нетрадиционной (постклассической) науки и техники. Началась традиционализация человеческой жизни!

Как принципиально новый этап ее подавления до, если дело пойдет так и дальше, «окончательного забвения».

Очевидно, что если человек не будет этим тенденциям сопротивляться, не найдет своего места в потоке перемен, то как специфическая форма бытия он исчезнет. И чем дольше не поймет своего изменившегося положения, тем это роковое событие произойдет раньше. Оно уже «при дверях»: в открытой форме, даже не стремясь обмануть себя, люди(?), их теоретики заговорили о необходимости «расчеловечивания человека», его замены чем-то другим. И предлагают варианты, радуясь столь счастливой перспективе. Потом, мол, «соберем лучшего». Еще лет 15–20 назад, это было невозможно представить или показалось бы из серии «мысли о немыслимом». Абсурдом. Нравственной патологией. Чем-то чудовищным. Но вот возник трансгуманизм (тирансгуманизм), пред(по)лагающий трансформировать существоющего *Genus Homo*, показывая открывающиеся здесь возможности и прогрессивные перспективы. Трансгуманизм можно ругать, проклинать, но это только идеология практически набирающего силы процесса замены функций и роли человека техническими приспособлениями, перекинувшегося на его тело и мозг. Вплоть до реализации проекта полного технического воссоздания, а потом, по-видимому, со скоростью смены технологических поколений, «усовершенствования» (в России известная доктрина Бессмертие – 2045). Далее может быть Доктрина – 2070, 2100... – в направлении человеческого «пост-бытия» или (пост)человеческого бытия.

Соответственно в «высокой» философии начинают превалировать аналогичные процессы. Эпоха трансмодерна разрушает традиции гуманизма, тем более представления о божественном творении человека. «Транс» как переход мира в инореальность означает отказ существовавших от века представлений о назначении и смысле его жизни. Гуманизм трансформируется в трансгуманизм. В действительности, за пределами философских учений о гуманизме, трансгуманизм – это трансгуманизм, отказ не от идеологии высшей ценности людей, а от их самих. Как формы бытия. Её необходимости на этой Земле. В философской антропологии культивируются наряду с «телами без органов» и «телами без пространства», «постчеловеческая персонология», «гуманология», «творческая смерть», «бессмертие», мода на «зомби» и прочие варианты самоотрицания. Смысл этой категориальной перестройки в приспособлении гуманизма, а фактически антропологии, самого человека к его

собственной смерти. Отдание нашего, живого, естественного, предметного, собственно человеческого бытия на милость «того света», техногенной, информационной, виртуальной и т. п. реальности. Человека хоронят недостойно, даже не попрощавшись. Что, к сожалению, проявляется и в философии, которая стремясь быть актуальной (как актуальное искусство), стала рефлексом, а не рефлексией событий, которой принято (было) от нее ожидать.

Соответственно в сфере гуманитаристики нарастает критика языка. Пошли странные разговоры о «признаках увядания традиционной сигнальной системы» и «конце библейского проекта». В искусстве художественной задачей концептуализма объявлен «выход из плена языка». Разрозненные выпады против слова выливаются в контрлингвистическое движение. Причиной этих тенденций являются все те же явления технологизации и сциентизации современного мира, его переход от логоса к матезису, от слова к цифре. Замена живой речи сначала универсальным абстрактным языком, потом текстом, потом цифровой коммуникацией и, наконец – коммутацией. Хотя в гуманитарном сознании все это происходит в преврат(щен)ной форме концептов «грамматологии», «археписьма», «скрипторики», «риторики», «антиязыка», маскирующей от людей суть происходящих процессов. Даже от самих ее авторов и носителей. Если на первом уровне лингвистической контрреволюции или, может быть контрлингвистической революции «антиязыком» можно считать языки программирования и коммуникации, что в свое время в завуалированной форме было обосновано, прежде всего, в работах Ж. Деррида, то на втором, когда коммуникация трансформируется в коммутацию, никакой язык больше не нужен. Конец Слова, «которое было у Бога» и Человека. Возникает (не)человек молчащий. Параллельно «слипанию» мира в матрицу нерасчлененного тождества Иного.

В конце XIX века Ницше предупреждал и объявлял: «Я утверждаю, что все ценности, к которым в настоящее время человечество стремится, как наивысшим – суть *ценности decadence*... Я утверждаю, что всем высшим ценностям человечества *недостает* этой воли (к власти. – В. К.), что под самыми святыми именами господствуют ценности упадка, *нигилистические ценности*»¹.

¹ Ницше Ф. Сумерки кумиров. Соч. в 5 т. М. 2012. Т. 5. С. 268.

Я – как автор данной книги, да и как любой честно мыслящий человек – невольник, понуждаемый объективными обстоятельствами следовать за Ницше, полагаю, что теперь *вместо decadence (упадка воли к жизни) утверждаются ценности Mortido (отказа от жизни и воли к смерти)*. Под лозунгами прав человека, политкорректности и толерантности господствуют ценности нигитологии и инонизма, идеология автогеноцида. Человечества! Его Бытия! Именно под давлением этих сил человека пора заносить в Красную книгу. Потому что он становится традицией, сохранение которой равнозначно продолжению его дальнейшего существования.

Не видеть подобных тенденций могут только слепые и труссы. Или слепые, потому что труссы, будто бы оптимисты, а на самом деле «комфортники», «гламурники», ленивые души и ограниченные технократы (как много их!), не понимать только те, кто мыслит не дальше хода е-2 – е-4 (кажется, большинство, и кажется – ученое). Не случайно эти то и дело по разным поводам ожидания апокалипсиса, его перенос на новые сроки. Потому что *он происходит*, здесь и сейчас, вполне реально. Не обязательно мгновенно, в дыму и пламени, а – эпоха. **«Деградация в новое»**, в состоянии «пост» всего сущего – так можно определить ее трагическую для человечества суть. Новационизм, идеология инновационизма, когда все вещи считаются существующими не для того, чтобы быть, жить, работать, а скорее исчезнуть, замещаться другими, более совершенными – это растянутый во времени, непрерывный апокалипсис, фактическая цель переднего края технонауки. И теперь, когда обоснованная структурализмом и открыто пропагандируемая постмодернизмом в XX веке «смерть человека» реализуется на практике, посредством его замены в трансгуманизме «люденами» и «трансхманами» как чем-то «новым, усовершенствованным», задачей философии становится раскрытие закрывающихся катарактой (прежде всего, техногенной) теоретических глаз человечества. Смысл ее/его существованию придает борьба с наступающим временем. **Борьба за Традицию Человека**. Это наш последний (увы) пока сохраняющийся рубеж обороны.

* * *

Основной = роковой и мучительный вопрос (философии) этого времени: на что надеяться, как вести себя человеку в условиях, когда процесс его «снятия» приобрел объективный характер и прогресс

«переступает» через него. Как вырваться из гегелевской тоталитарной ловушки-утверждения, что «все действительно разумно, все разумное действительно», которое нельзя просто отбросить, так как оно говорит о необходимости происходящего. Как относиться к подобной необходимости?

Если она ведет явление, оно встроено в нее, то все великолепно, ее надо только познавать и реализовывать: свобода – познанная необходимость. Такой и была идеология человечества на стадии совпадения технического и духовного прогресса, притом, что его телесное развитие происходило по законам живого. Но если в настоящее время человек познал, что эта необходимость его, как носителя разума, устраняет, является ли она для него разумной? Не разумней ли бороться с ней, имея в виду, что действительность неоднозначна, противоречива, многопланова и плюралистична? В ней, о чем заявляют все, кто находится на переднем крае науки, заложены разные варианты, что развитие реальности принципиально нелинейно и «возможно все». Тогда разумно то, что служит сохранению той сущности, для которой этот разум существует. Разум, если он служит и следует тому, что его уничтожает, сходит с ума, превращается в абсурд. Чтобы он не стал таким, необходимо преодоление неблагоприятной (для нас) необходимости. *Свобода – это преодолеваемая необходимость!* Разум нетождествен (по)знанию, это ум(ение) = способ(ность) оценивать, сравнивать, выбирать. Перефразируя того же Гегеля, «направлять одну силу на другую, чтобы стоя за их спиной, сохранять себя». Такой Разум и надо культивировать как основной вопрос-задачу философии. Как деятельность ради продолжения нашего бытия.

В любом случае, даже если не верить в возможность сосуществования разных миров, не лучше ли тогда умереть достойно, по философски, т. е. отдавая отчет, каким образом привело нас к этому положению вырвавшиеся из-под контроля нерегулируемое научно-техническое развитие. Давайте уйдем мужественно, в памяти опыта и с пониманием амбивалентности результатов своей без(д)умной веры в прогресс. В сознании, хотя бы в лице некоторой части людского рода. В истории человечества было много великих смертей, начиная с Сократа и Христа, но в ситуации его родовой смерти стоит вспомнить артефакт Гамлета, его последние в трагедии, обращенные к Горацио, слова: «Так ты ему (новому наследнику трона), скажи и всех событий

открой причину. Дальше – тишина». (Умирает)¹. «По-философски» – это не в состоянии эвтаназии, а хотя бы попросившись, сохранив честь человека как разумного существа, когда-то населявшего Землю.

Еще более по философски, пока Печальное Событие не произошло, думать и заботиться, при каких условиях, какие предпринять действия, чтобы оно *не происходило как можно дольше!* Не торопиться к рукотворному концу света, антропологическому апокалипсису, не камуфлировать бессмысленно учеными словами свое «комфорт(абель)ное самоубийство», что оскорбительно для существ, веками считавших себя разумными. Значит, необходимо обуздывать фанатиков любого нового. На фронтоне каждого технопарка золотыми буквами должна быть выбита надпись: **не все, что технически возможно, следует осуществлять.** Главным социальным институтом в/при/ них должны быть гуманитарные центры как фильтры контроля внедрения новаций. Принимающие решения не по финансово-бухгалтерским соображениям прибыли, а просчитывая их последствия всесторонне и максимально далеко. Прикладные технические работы должны быть подчинены теоретическому и философскому, шире – гражданскому, еще шире – Высшему контролю.

Одновременно, поскольку «мысль не остановишь», надо допустить право на существование игровой науки. Общество вполне может платить ученым как художникам, музыкантам, другим деятелям культуры, откупаясь от них, особенно от их нетрадиционности. Пусть развивается «наука для науки». Пусть проводятся выставки и конкурсы теоретических новаций, без их превращения в инновации. Как актуальное искусство, фактически являющееся игрой ума. Прикладной наукой. Они и так сливаются друг с другом. Последним критерием ценности новых идей в физике объявляется не истина или польза, а «интересность». Чтобы они были любопытны и «раздражали мысль». Тогда пусть адронный коллайдер останется в истории как произведение «научного искусства». Атомные бомбы, если их удастся не использовать – тоже. (Любители прекрасного будут ходить на выставку атомных бомб; в Сарове, в музейной форме, я такую видел; они эстетичны; главное, чтобы изобретения были бесполезны). Не уничтожив себя ради истины и пользы, люди тем более не должны допустить этого акта

¹ Шекспир У. Трагедия о Гамлете, Принце Датском (перевод М. Лозинского). Акт V, сцена 2. – М.,-Л.: Academia. 1935.

из любопытства. Мы не торопимся к смерти в индивидуальной жизни, не радуемся ей, хотя она тоже predetermined. Такой теперь должна быть модель поведения родового человека. Жить, смеяться и верить как дети, влюбленные, посетители тренажерных залов и косметических салонов: вопреки перспективе.

Сохранить Homo genus-vitae – sapiens получится, если сохранится среда, необходимая для его бытия как целостного телесно-духовного существа = Lebenswelt, включая естественный язык как выразителя собственно человеческого, о-со-знающего (не редуцированного к интеллекту, тем более, программированию) мышления. Его/их право на бытие и надо защищать, опираясь на идеи полионтизма и коэволюции, допускающие, в отличие от фаталистического универсального эволюционизма, вечное существование *нашей реализации* возможных миров. Гамлет остался героем на все времена, потому что умер, сражаясь. Герой тот, кто в поединке с судьбой, в дилемме «быть или не быть», выбирает: *Быть*. Если же, в конце концов, наступит конец, чтобы не по собственной вине. Задача времени: *будить Людей, культивировать Язык жизни, поднимать Голос, говорить Слово(а) и не бояться философии Крика...*, призывающего к спасению человека, в надежде, что кто-то нас услышит. С упованием: *Deum salvatorem*¹.

Так продлимся...

¹ Бог сохраняет всё (лат.).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

ГЛАВА I

КОГНИТИЗАЦИЯ АНТРОПОМОРФНОЙ РЕАЛЬНОСТИ, ЕЕ ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

1. Последнее слово в познании мира

Все великие империи, будь-то Римская или Советская, распались из-за внутреннего нестроения, хотя выглядело это как под воздействием варваров. 2-х тысячелетняя традиционная философия терпит поражение не столько от ударов постмодернистского нигилизма, сколько из-за процессов и событий в царстве человеческого духа в целом. Распад метафизики их продукт, проявление. То и дело торопливо провозглашаемая смерть постмодернизма подтверждает его жизненность, но уже не в виде отдельного течения, а в качестве типа знания и способа существования человека, возникающего в результате охватившей мир новационно-информационной революции. Это глобальная идеология техногенной цивилизации, захватывающей/ая/ одну страну за другой, продвигаясь с Севера на Юг и с Запада на Восток. В культурологии и гуманитаристике ее было принято определять как идеологию постмодернизма. Для понимания онтологического смысла этой идеологии важно: 1) рассматривать ее не интерналистски, изнутри, а как она развивалась вместе и параллельно с историей общества, или минимум, вместе и внутри культуры, или минимум минимумом, внутри философии; 2) во что она превращается на своем последнем этапе, о котором

говорят как о «смерти постмодернизма». Или о возникновении «пост-постмодернизма». Что «на» и «в» место его.

Падение начинается с вершины и потеря философией статуса метафизики как высшей формы духа происходит со смещением её внимания с бытия на познание, переносом центра тяжести с онтологии на гносеологию. И. Канта не зря до сих пор считают актуальным философом. Потому что он первый «отказался от мира», объявив его «вещью в себе». Перестав рассматривать объективное бытие как таковое, он перенес интерес и смысл философствования на субъект, сознание и познание. Гносеология, анализ субъектно-объектных отношений становятся синонимом прогрессивного, отвечающего духу времени, «продвинутого» философствования практически до возникновения феноменологии и структурно-лингвистического поворота, не говоря об «отсталых странах», где гносеология была знаменем прогресса в борьбе с гегельянством и материалистической онтологией почти до конца XX века. Хайдеггерианство и связанное с ним возобновление внимания к проблемам бытия не могли остановить общий процесс гносеологической деонтологизации философии. Также безуспешно ему противостояли философская антропология и экзистенциализм. Их, да и любые вне-научные формы философствования, можно считать маргинальными уже в неклассическую эпоху, сейчас же, в постнеклассическую, или, говоря культурологическим языком, эпоху постмодерна и «пост-постмодерна», они существуют вопреки, несмотря или по недосмотру адептов и идеологов глобальной сциентизации, технологизации и дигитализации всего сущего.

Однако на отказе от предметно-чувственного мира (опыта, фактов) – от «бытия» и переносе внимания на гносеологию процесс деонтологизации философии не остановился. Он продолжился внутри самой гносеологии. В ней происходит отказ от рассмотрения познания с точки зрения субъектно-объектных отношений, от оппозиции субъект-объект как «основного вопроса философии». Сначала он решается в пользу первой стороны – приоритета наделенного сознанием и волей субъекта, больше не отражающего, как в классической онтологии, а изменяющего и преобразующего противостоящий ему объект. Субъект первичен, действует и «создаёт» себе объект. В этом свете всё, что было в философии до Канта, предстаёт как аристотелизм, «птолемеевщина». В разработке гносеологии как учения об активно познающем субъекте суть совершённой Кантом коперниканской революции. Заменяя принцип отражения

принципом деятельности, гносеологизм ориентирует на исследование новых, уже не онтологических оснований познания...

И сталкивается с онтологичностью (фактичностью) самого субъекта. Хотя субъект может быть не индивидуальным, а коллективным, родовым, он всё ещё обладает «бытием» – носителем опыта и каких-то жизненных характеристик – антропоморфный, духовный, психологичный. Даже если универсализируется. Деятельность, направленная на «что-то», предполагает деятеля, «кого-то», что вместе обуславливает её сущностную апостериорность. Проблема снятия бытийного, особенно антропологического характера активности субъекта встаёт во весь рост только в философии XX века. Ранее предпринимавшиеся такого рода попытки в пользу Бога, Абсолюта или, как у самого Канта, «практического разума», так или иначе, иницировались внезапной, эмпирической, пусть и сублимированной, реальностью. Или предполагались реальными. *Принципиально и радикально проблема деонтологизации философии решается при отказе от субъект-объектной схемы как таковой.*

Это происходит в русле позднего позитивизма и критического рационализма, где гносеология полностью десубъективируется, что означает её выход за рамки философии и превращение в науку. В результате такой трансформации она прекращает своё существование. Её функции принимает на себя эпистемология. *Эпистемология – научная гносеология, (не)гносеология, бывшая гносеология.* Знание в ней рассматривается и не как отражение, и не как средство преобразования внешнего мира, а в качестве существующего самого по себе, самостоятельно – анализируются его предпосылки, функции, возможности. Эпистемология исходит не из занятого познанием «гносеологического субъекта», а из объективных структур знания *sui generis*. Онтология как бы возвращается, однако, уже в роли онтологии знания. Онтологии как (не)онтологии, постонтологии. Если гносеология это теория познания предлежащей реальности, то эпистемология это *теория самого (по)знания как особой реальности.* Предметная или чувственно-телесная реальность в ней практически исчезает, испаряется. Если она в знании и представлена, то «не собой», а предельно опосредованно – в виде его направленности на что-то (гуссерлевская феноменология) или через обозначение чего-то (структурно-лингвистический анализ). Представлена до тех пор, пока от неё не откажутся вовсе и не будет объявлено, что существует лишь самореферентные

феномены, язык, знаки, текст – и ничего больше. Эпистемология – вершина, последний рубеж традиционного, хотя уже облаченного в научные формы философствования, связанная с ним пуповиной анализа внутренних значений внешней предметно-чувственной реальности. После обрыва этой связи постфилософская теория и методология любой научной активности предстает как новая, универсальная, самостоятельная дисциплина. «Общенаучное» научное знание. *Наукология*. Как вся так называемая научно-аналитическая философия, или «стандартная» позитивистская философия науки*.

Казалось, что в контексте трансформации метафизической субъект-объектной философии в науку, у эпистемологии блестящие перспективы. Торопливые теоретики от философии начали переназывать все проблемы познания – и когда процветала онтология, и когда победила гносеология (что называется, «от яйца»), – проблемами эпистемологии. В учебниках по философии науки теории познания, что, впрочем, естественно, больше нет. Она трансформировалась в эпистемологию. А противоестественно, что как раздел, гносеология исчезает и из учебников по общей философии, которая, стремясь удостоиться похвал, что стала научной, избегает своего «основного вопроса» о соотношении мира и человека, объекта и субъекта. Теряя эту проблематику, она действительно становится научной, то есть теряет себя и превращается в философию (теорию и методологию) науки. Содержание же теории и методологии науки фактически сводится к эпистемологии. С большей или меньшей полнотой, с сильной или слабее проявленностью, везде – эпистемология. Кто думает по другому, «онтогносеологически», т. е. говорит о денотате, истине, о соотношении объекта и субъекта, вспоминает содержание и чувственную предметно-телесную реальность, тот просто консерватор.

Тем временем время летит стремительно, технологии меняются каждые 3–5 лет и от эпистемологического ствола общенаучного (бывшего философского) дерева пустился и набирает силу смертельный для него побег. В последних, новейших философских изысканиях эпистемология тоже исчезла(!). Вместе с неклассической эпохой. Постнеклассическая эпоха постмодерна отказывается не только от гносеологии, но и от эпистемологии. Пробыл их час, они обе (особенно обидно за вторую, совсем молодую) приказали долго жить. На их месте возникла когнитология. Для легко/мысленно философствующих, или думающих, что они философствуют, ничего особенного не произошло.

Во многих словарях, вовсе не старых, слово «когнитология» объясняется путём простого перевода с латыни: «относящееся к познанию; когнитивный – значит познавательный». В «передовых статьях» гносеология и эпистемология срочно заменяются когнитологией, которая опять применяется ко всей истории философии – *ab ovo* или глубже. Ко всей современной философии. Обсуждаются проблемы «когнитивного развития личности», «когнитивные особенности мифологического мышления», «когнитологические механизмы диалога культур» и т. п. Те, кто продолжает говорить о рациональном и иррациональном, утратили чутьё к новому, а не утратившие его вместо этого должны исследовать «соотношение когнитивного и ценностного в научном исследовании». Таким образом, оказывается, что никакой гносеологии и эпистемологии не было. Всегда была когнитология. Кто думает по другому, «гносеоэпистемологически», т. е. вспоминает значения, говорит о проблемах интерпретации и реализуемости, смысла и верификации, тот тоже консерватор, хотя быть может не такой злостный как онтологи и реалисты, которые теперь просто архаики**.

Как всё же много теоретиков безнадежно отставших от паро, электро, аэро, ракето, атомовоза/хода современности! А может, другими словами, бегущих вперед его? Но именно *словами*, так как на самом деле «бегущие по волнам» (поверхности истории, без понимания её глубинных течений) не хотят считаться, что каждое понятие имеет предел применения (должно быть фальсифицируемо, сказал бы К. Поппер) и «распространенное на всё» утрачивает своё содержание. Становится пустым. Или, если его содержание сохраняется, оно разрушает, выхлещивает неадекватный ему предмет исследования. Отстают, потому что убегают – от сути дела, от драматических противоречий развития. Отсталость в наше время приобретает прогрессивные формы.

Экономя время для последующего дискуссионного рассмотрения содержания когнитологии, воспроизведём её наиболее устоявшуюся базовую характеристику по энциклопедии. «Когнитивная наука (*cognitive science*) – комплекс наук, изучающих познание и высшие мыслительные процессы на основе применения теоретико-информационных моделей. Включает в себя исследования, проводимые в таких областях как эпистемология, когнитивная психология, лингвистика, психолингвистика, психофизиология, нейробиология и компьютерная наука. Основания когнитивной науки были заложены исследованиями математика А. Тьюринга по конечным автоматам (1936). Ему

удалось показать, что для проведения любого вычисления достаточно повторения элементарных операций. Тем самым открылись перспективы для проверки и реализации известной идеи Т. Гоббса и Д. Буля, что мышление есть исчисление»¹.

Сущностно в данном определении можно выделить три практически никем неоспариваемых мысли: что когнитивная наука (когнитология) изучает «познание и высшие мыслительные процессы», что она делает это путём «применения теоретико-информационных моделей» и что «мышление есть исчисление». Если гносеология это теория (по) знания внешней реальности, эпистемология это теория знания как особой реальности, то когнитология, в пределе – это *теория всей реальности как особого знания*. Для традиционной философии, вообще для сложившегося способа человеческого познания посредством языка – Logos-a, не говоря об образах и представлениях, об интуиции и телесности, это крайне серьёзное событие, означающее, собственно говоря, их ликвидацию. Смерть. *Замену*. Замену не только человека, не только субъекта, не только сознания, до сих пор существовавших эмпирически и выражавшихся преимущественно посредством языка – словами, устно и письменно, вслух и «про себя», но всего Означающего. Которое, отныне, лишается предметности и психичности (ценностей и смыслов). *Становится Информацией*. Место онтологического человека, гносеологического субъекта, эпистемологического сознания занимает когнитологическое мышление, включённое в один ряд с информацией и исчислением. Они предстают как проявление, коды одного и того же процесса функционирования систем (комплексов) получения, обработки, хранения и, по мере необходимости, активизации информации. Её исчисления или, иначе говоря, мышления. Гносеологическая истина и эпистемологический смысл уступают место когнитивному знаку (цифре). «Телом мысли» в таком случае является не столько человек, сколько компьютерная техника. Компьютер, если по-русски – Универсальный Вычислитель. А если в когнитивистике – Мыслитель. Всё это «подходы к», «проба пера», этапы становления технического, т. е., в пределе, абиотического, немозгового, постпсихического, постсемантического = постантропоморфного мышления. *Когнитология есть теория и методология, и только в условном смысле слова «философия», информационно-компьютерных технологий,*

¹Новая философская энциклопедия . М., 2001. Т. 3. С. 264.

их доведения до уровня искусственного интеллекта как Реальности и обеспечения её пространственно-временной экспансии внутри человеческой цивилизации на Земле и в Космосе.

При содержательном понимании когнитивности, мы видим, что повальное употребление данного понятия превращает его либо в пустышку, либо ведет к теоретически странным, необычным сопряжениям смыслов, превращая их в абсурдные. Что это будут за «информационные особенности мифологического мышления», «вычислительное развитие личности», «постсемантические механизмы научного исследования» или «соотношение математического и ценностного в диалоге культур»? Если здесь есть проблемы, а они есть, притом самые острые, то они требуют специального разъяснения, особого направления философствования, изучающего взаимодействие разных миров и онтологий, разных способов теоретизирования, принципиально по-новому ставящих вопрос о соотношении технического и гуманитарного знания. Нужен осознанный анализ как принятия, так и не принятия когнитивизма. Для о-предел-ения сфер его ответственного использования. Ясно одно, что это последняя, завершающая форма словесного познания мира, дальше и после нее вместо слов будут цифры. Уже сейчас в ней говорится о формализации, «цифрах и исчислении», но пока словами. Задачу ставит человек, а решать ее должны машины. Например, «автоматического извлечения информации из текста». Возникла «компьютерная лингвистика». Потом машины будут ставить и задачи. Тогда когнитология, окончательно избавившись от непоследовательности, превратится в дигитализм. В рамках computer science.

Критически относясь к универсализации когнитологии, её распространению на всё и вся, особенно в истории мысли, в психологии, лингвистике и, разумеется, в философии, мы не имеем оснований считать, что её /по/явление было результатом произвольного изобретения. Ею завершается *нарастание абстрактности духовного освоения человеком мира по линии восхождения от «поэмы к матеме»: мифология – онтология – гносеология – эпистемология – когнитология.* Также как нельзя считать, будто постмодернистская эпоха не имеет предпосылок в модернизме и сама является чем-то застывшим, завершенным. Не исследуя почвы, корней и ствола бурно растущего дерева познания, ставшего когнитологическим кустарником, невозможно понять и в интересах человека оценить его плоды. Предположить, куда оно будет распространяться дальше. Без такого понимания

мы останемся в плену «идеологического постмодернизма», манипулирующего словами без соотнесения с порождающим их бытием. И тем самым маскирующим новую, иную, постчеловеческую реальность, которая приходит, надвигается, лишая нас шансов, где возможно, к ней приспособливаться, а где нужно – с нею бороться.

Будем копать. Понимая, что формализация, когнитизация и меонизация мышления подобны механизации, автоматизации и ликвидации физического труда, а также, что археология (знания) требует ручной работы (головой), в ней нельзя пользоваться тяжелой машинной (компьютерной) техникой.

2. От бытийного идеализма к априорному трансцендентализму

Молодые не знают, а старики кое-кто помнят, что прежде чем всё стало информацией, а любое сущее, не исключая человека и общества, её кодом, существовала Природа, Естественное (калька с греческого – фю(и)зис, с латыни – натура). Статусом подлинности обладала чувственная реальность. Соответственно, философия предавалась изучению окружающего мира, возгонке в мысль того, что человек видел, слышал, осязал – и была мета/физикой, натур/философией. Для метафизиков=натурфилософов природа представлялась некой самой себя обосновывающей сущностью – субстанцией, носителем всех воспринимаемых человеком качеств. С развитием науки как естествознания, природа-субстанция теряла свои непосредственно чувственные качества и превращалась в Материю, которую естествоиспытатели рассматривали как конкретный материал изучения и преобразования. Постепенно натурфилософы тоже переориентировались на материю-материал и стали заниматься вопросами естество-знания, превращаясь в «материалистов», сочетая веру в природу-материю как субстанцию с осмыслением результатов, достигнутых науками в изучении её конкретных свойств. В европейских университетах даже в Новое время на философских факультетах фактически занимались естествознанием, они были родственны факультетам медицины и противопоставлялись факультетам богословия. Западный «доктор философии» профессионально до сих пор может быть физиком и математиком. Материализм соперничал с идеализмом всю классическую

(модернистскую) эпоху и начал утрачивать влияние, когда наука обратилась к исследованию «невидимых» миров, микро и мега реальностей и отношений, т. е. превратилась в неклассическую. В XX веке.

По мере того как наука теряла связь с непосредственно воспринимаемой эмпирией, онтологический, как механический, так и диалектический материализм становился «гносеологическим», «научным», «функциональным», «знаковым» и т. п. Но в принципе его время кончилось и в ситуации постмодерна он, как и природа, жёстко табуированное слово. В среде «пишущих философов» прослыть материалистом (не вульгарным, «элиминативным», а континуальным, онтологическим) также неприлично как идеалистом в эпоху, когда все были марксистами, пока не щелкнул старо-новый классово-идеологический бич и панургово стадо не рвануло в противоположную сторону. Если кто отважится, то отчаянная голова, кому чужая жизнь копейка, да и своя пятачок. Об этом, впрочем, мало кто узнает. Антропо-материалистически ориентированные мировоззренческие тексты практически не публикуются, разве что под покровом экологии, от которой — от самой, в обстановке творящейся инновационной вакханалии, остаётся пустое слово.

В «высокой философии», непосредственно не связанной с естествознанием, материализм никогда не занимал высокого положения. В кабинеты и парадные залы его не пускали, держа в прихожей, в лучшем случае, на кухне, в спальне. Гегель, как известно, вообще не считал его философией. И вот теперь, когда он «был всюду принят, изгнан отовсюду», казалось, наступило время полного торжества идеального и его теоретиков. Однако никаких кликов ликования не слышно, больше того, постмодернистскому деконструированию подвергается не столько материализм (которого как бы нет), сколько «платонизм». Платон для постмодернистов стал каким-то жупелом (правда, в пост-постмодернизме его реабилитируют, но это требует особого разговора). Декарт и Гегель тоже не в почете, Бога умертвили, критика центризма, начавшаяся с критики геоцентризма, завершается разрушением любой вертикали, линейности и семантики. В борьбе с классикой классический идеализм главный объект атаки, ибо он является её высшим достижением. Важно разрушить «естественную установку»: сам принцип бытия, присутствия, онтологию, неважно материальную или идеальную; ликвидировать принцип отражения, образца-копии, неважно отражается ли природа в сознании или эйдосы, дух, идея воплощаются

в природе; снять саму бинарную, неважно дуалистическую или монистически-диалектическую оппозицию лого/с/центристского мышления. Идеальное, идеализм – Победитель, понунив голову, уходит со сцены вслед за поверженным и лежащим на пол(у)е боя побеждённым соперником – природой и материализмом.

Это в центре нигилистического, меонистического циклона, уносящего традиционную философию. По его краям, в самой философии начались аналогичные процессы. Вслед за «материей» куда-то исчезает и «идея», идеальное. В «Новой философской энциклопедии» (М., 2001), например, идеализму уделена 1(одна!) страница, а слово «идеальное» отсутствует вовсе (!!). Факт особенно показательный, если вспомнить, какие страсти бушевали вокруг них во времена «старого» издания, где идеализму было посвящено 13 страниц, а идеальному 9. (Щадя жизнь философов советского воспитания, соотношение статей по материализму лучше хранить в тайне)***.

Все это, конечно, не по забывчивости или безответственности. В текущих исследованиях «идеальное» фактически вытеснено понятием «виртуальное». И настолько, что первыми виртуалистами вот-вот объявят Парменида, Фалеса, а может кого и раньше (теперь, не шутите, вся культура, а у «неофундаменталистов» и природа стала виртуальной); при переиздании философских классиков в некоторых предисловиях слово «идеальное» по-тихому стали заменять (подменять) на «виртуальное». Виртуальное, не так давно переводившееся как «мнимое», претендует быть более реальным, чем «реальное реальное». Как идеальное в идеализме – субстанцией. Поток статей и диссертаций по виртуалистике несравнимо мощнее, нежели по проблематике идеального, от которой остался слабенький, почти пересыхающий ручеёк. В суть(щ)ности говоря, идеальное отправлено в архив вслед за материальным вместе с так называемым основным, главным, центральным, кардинальным вопросом всей метафизической философии: что есть Бытие (Природа, Бог)? Какое оно, материальное или идеальное? Вместе с самим бытием. В шею его! Что и отразилось, по мере сил, не всегда последовательно, в Новой, оправдывающей это слово, российской философской энциклопедии самого начала XXI века (М., 2001 г.).

Как видим, судьба всю жизнь братски враждовавших понятий материального и идеального одинаково печальна. Хотя в разной степени. Если у материализма не осталось даже наследников, по крайней мере, прямых, то у идеального есть, не всеми правда признаваемый,

восприимчив – виртуальное, которое (в свидетелях все следящие за текущей философской жизнью) стремительно стремится занять его нишу. А не признаёт его опять-таки «высокая философия». Какое-то оно сомнительное – «техническое», без корней, без истории и традиции. Обсуждают его в основном в русле философии науки, техники и информатики. Высочка. И вот – спрос рождает предложение – в последнее время на наследство идеального объявился еще один претендент. Это – *трансцендентальное*, которое, пожалуй, может вступить в спор за наследство с виртуальным, претендуя на него по праву первой очереди. Ибо укоренено в истории философии: идеализм различался как субъективный, объективный, абсолютный и – трансцендентальный. Правда, до смерти «классического идеализма», понятие трансцендентального держалось скромно, как обозначение одного из не самых значимых направлений, известного в основном специалистам по Канту, неокантианству и феноменологии и о котором не пишут в учебниках. Теперь оно выходит на большую дорогу. Этот, по словам Гегеля, «варварский схоластический термин», заимствованный Кантом из средневековой теологии, распространяется всё шире и по последним наблюдениям в своей «обратной экспансии» дошел до Декарта. Уже появляются высказывания насчет «трансцендентального идеализма Платона», имитируются неокантианские попытки «трансцендентального измерения гуманитарного знания», вплоть до укоренения трансцендентального в экзистенциальном(?!). Опять все признаки набирающего обороты запутывания существа понятия противоположными или посторонними смыслами, его превращения в «необязательное» слово. Как с когнитивизмом и виртуалистикой.

Пока этого не произошло (откапывать его в виду сложности для понимания будет особенно трудно), обратимся ко времени, когда оно обрело свой действительный смысл, связанный с разрывом с прежней метафизической философией и поворотом от онтологии к гносеологии, потом к эпистемологии, а далее к когнитивистике. Философия трансцендентального идеализма и когнитивизм внутренне взаимообусловлены, вследствие чего И. Канта можно считать первым представителем когнитивного моделирования мира.

Так чем отличается трансцендентальный идеализм, осознававшийся самим Кантом как *беспрецендентный* в истории философии, от прежнего, «метафизического» идеализма? От «неспособного указать никаких критериев истины» субъективного идеализма Беркли,

от «догматического идеализма Платона», а также от идеализма Декарта, Лейбница, прочих теоретиков, опиравшихся на интеллектуальную интуицию? В Новое время в философии и науке стало утверждаться убеждение, что «познание всякого, по крайней мере, человеческого, рас-судка есть познание через понятия, не интуитивное, а дискурсивное»¹.

Другими словами, оно должно быть научным, т. е. не выходить за пределы строгой рациональности, в которой и надо искать обоснование его обязательной общезначимости. Ни интеллектуальная, ни чувственная интуиция, ни тем более апелляция к Трансцендентному, её не обеспечивают.

*Трансцендентальный идеализм отличается от «обыкновенного» онтологического объективного и субъективного идеализма тем, что постулирование в нём чистого, внеопытного, априорного разума было прыжком человеческого духа из единственной, генетически адекватной ему предметной реальности в возможные миры. Это философский этап его «де-терра-ториализации», возгонки «в космос», в пустоту Ничто. И (об)основание права на существование чистого, не обусловленного природой, материей и обществом, т. е. чем-либо апостериорным, эмпирическим, (Богом, духом, психикой, вообще «означаемым») – знания. Другими словами, не обусловленного Бытием и учением о нём – онтологией. Бытие квалифицируется как «вещь в себе» и больше не присутствует в каких-либо теоретических построениях. Данные опыта, «факты», по мысли Канта, имеют значение постольку, поскольку дают представление о законах эмпирической реальности, но они не могут привести к познанию генезиса и причин этих законов, гарантировать их аподиктический характер. Законы, в силу которых существует и через которые познается мир, должны быть первичными, «начальными». *Не законы в мире, а мир в законе.* Не разум в Бытии, а бытие в Разуме. Не возможности, открывающиеся в ходе развития действительности, а действительность как воплощение заранее существующих возможностей.*

Человеческая мысль долго двигалась к достижению чистоты, свободы и самостоятельности. Первоначально она была полностью «вплетена в бытие» и, неразрывно связанная с переживанием мира (лизали, трогали, нюхали), наглядными представлениями, оперировала преимущественно чувственными образами. Осваивала единичное. Это было

¹ Иммануил Кант Сочинения в шести томах. Т. 3. М., 1964. С. 166.

«бытие-в-мире». В процессе усложнения практической деятельности, возникают общие понятия, которые требуют преимущественно звуковой, словесной формы, непосредственно не отражающей каких-либо предметов. Такой подход к реальности устанавливался с большим трудом. Вижу чашу, но не вижу чашности, говорил оппонент Платона. Это потому, отвечал тот, что у тебя есть глаза, но нет ума. Тем не менее, люди постепенно осваивали «невидимые», «сверхчувственные» связи и отношения. Формировали «картину мира», в которой появляются беспредметные понятия, категории и универсалии. И, наконец, возникает логическое мышление как таковое, счет и первые представления о количестве, не опирающиеся ни на указания конкретных предметов, ни на память о них («без палочек» и пальцев рук-ног). Осваиваются проектные и реляционные, «без-вещные» отношения. Изобретаются бесконечно малые числа и аналитическая геометрия.

Кажется, всё хорошо. Человеческая мысль, повзрослев и встав на собственные ноги, подняла глаза к небу. Проблема, однако, в том, что смотрела она туда все еще ради земли, побуждаемая потребностями своей телесно-духовной жизни. Она *эта*, с определённым артиклем, человеческая, сугубо антропоморфная. Логос, слово, язык, даже числа, пока они действительные, обусловлены эмпирией, хотя бы потому, что они «качественные», всегда «о чем-то». Выражаемое в них знание содержательно. Абстрактность нарастает, но самые тонкие сублимации, самые отдалённые испарения несут в себе следы своего субстрата. Следы бытия. Декарт разделил бытие на две сущности, а потом всё время был озабочен проблемой их взаимодействия. Только Кант решился обрезать пуповину, связывающую бытие с со-знанием и постулировал самотождественность, априорность и независимость последнего. Даже от головы, от физиологии и психики. Осознал *в принципе* его совершившийся «отлёт» от действительности. Для начала – от природы. «Ибо те, кто исследует одни лишь явления природы, всегда остаются одинаково далеки от глубокого понимания первых причин этих явлений и столь же мало способны достигнуть когда-нибудь познания самой природы тел, как те, кто, подымаясь в гору всё выше и выше, стал бы убеждать себя в том, что, в конце концов они коснутся рукой неба»¹.

Во времена Канта Небо было оппозицией земле, символом чистоты и пустоты, хотя не для всех: у кого-то там были поселения Богов.

¹ Иммануил Кант. Сочинения в шести томах. Т. 3. М., 1964. С. 137.

Если бы он жил сейчас, то мог полнее развернуть свою аналогию. На небе жили и живут «традиционные идеалисты». Метафизические. Как религиозные, так и секуляризованные. Да, они оторваны от земли, однако это, пусть предельное, но абстрагирование, т. е. сохранение связи с тем, от чего уходят. Там могут быть образцы, «эйдосы», предполагающие земное воплощение. В любом варианте: Небо зависит от Земли или, наоборот, Земля порождается Небом, они обуславливают друг друга. Специфика трансцендентального философствования в выходе за пределы системы земля-небо, являющейся своего рода содержательной реализацией традиционного бытия. *Преодолев земное притяжение, человеческий дух, вселившись в голову Канта как космический корабль и используя его хилое тело как ракету, вышел в Космос.* В возможные миры. Детерриториализовался. Виртуализовался. В мега и микро масштабах. Вместо предметного бытия = от бытия, у Канта остаются пространство и время. Существующие а-приорно и аподиктически. Вечно и бесконечно. Это характеристики не субъективного, и не просто объективного и общезначимого, а трансцендентального = трансбытийного сознания. (Имея в виду контекст постмодернизма, лучше бы сказать не «сознания», а «мышления»; Кант – убийца Духа, прямой убийца, исполнитель и даже Сознания, заказчик; *Вместо них он изобрёл Мысль, Интеллект*; но всему своё время). Транс, через, пост, пере – назначение подобных приставок в обозначении «перехода за», прорыва границы сущего. Границы Земли и её атмосферно-духовной ауры – Неба. П(е)реступание человечества за Бытие. За deadline. *От своего жизненного мира к Иному.*

Поскольку сознание у Канта, принадлежа трансцендентальному надчеловеческому «Я», лишено субъективно-личностных характеристик, универсально и не взаимодействует с объектом, постольку, вопреки школьным представлениям, *он эпистемолог, а не гносеолог.* Притом первый, ибо гносеологизм – предел «идеалистичности», абстрактности традиционного идеализма, ограниченного «основным вопросом философии»: взаимодействием Земли и Неба, материального и идеального, субъекта и объекта. Гносеологизм – категория сознания, до(вне)научного, спекулятивного, не «позитивного». Принципиальная новизна кантовской философии (в сравнении с предшествующей), состоит именно в том, что она его преодолевает. Коррелятом эпистемологии как философии науки, а не философии как

метафизики с её онтологией и гносеологией, является постметафизический, т. е. *трансцендентальный* идеализм. Это минимум.

Максимум, что эта сфера чистого разума (постбытийного мышления) с его априоризмом и аподиктичностью есть, говоря языком науки, сфера потенциалистской логики, аксиоматики и дедукции, в конечном счёте, беспредметного, математического, количественно-топологического моделирования реальности. Моделирования как мысленного конструирования. Трансцендентализм – это то, что относится ко всем возможным мирам. Абсолютным максимумом возможностей обладает Ничто. *Трансцендентализм – это то, что относится к Ничто, из которого возникает Всё.* О «всеобщей математике», об «универсальной геометрии», которые применялись бы к любым областям знания, в большей или меньшей степени мечтали все рационалисты. Естественно, в естественных науках, но Гоббс, как известно, предлагал использовать их в политике и юриспруденции, Спиноза пытался делать это в этике, Лейбниц в мышлении вообще, в том числе в философии. «В случае возникновения разногласий, – провидчески писал он, – двум философам не придется больше прибегать к спору, как не прибегают к нему счётчики. Вместо спора они возьмут перья в руки, сядут за доски и скажут друг другу: «будем вычислять»¹.

Вот когда ставился вопрос о преодолении логоса (и не в восточно-христианском смысле как «Живого слова», а уже как «рацио») и переходе к когнитивному познанию! Однако выглядело это гносеологической утопией, которая не подкреплялась ни состоянием тогдашней математики, занятой преимущественно изучением постоянных величин и евклидовых геометрических фигур, ни философской тематикой, ориентировавшейся на рассмотрение действительности, а не любых отвлечённых форм мысли. По крайней мере, до создания (не открытия, как часто говорят, а именно создания, конструирования) воображаемой, наконец-то априорной геометрии Н. И. Лобачевского (1826 г.) и спустя три года геометрии Яноша Больяи, который с гордостью писал своему отцу: «Из ничего я создал целый новый мир». Меонист! (с греч.: ме-он = не-бытие). Докантовские рационалисты, если и подводили под всеобщую математизацию теоретическую базу, то она оставалась либо общенаучной, либо апеллировавшей к внерациональным

¹ Цит. по: Рассел Б. .Новейшие работы о началах математики. // Новые идеи в математике. Вып. 1. СПб 1913 С. 87-88.

аргументам. Не отказавшись от Бытия в пользу Ничто, не вырвавшись за границу традиционного «онтогносеологического» философствования, не сделав абстракцию первичной, т. е. фактически не абстракцией-сублимацией, а суб/станцией, создать её было невозможно. Мироззренчески эту задачу решил Кант. Преодолев земное притяжение логоса, он вывел математизацию в априорный, пустой и чистый разум-космос, в силу чего его можно считать *первым представителем нигитологии как **креативного меонизма**, т. е. сверхъ-естественным идеалистом-конструктивистом* и... философским основателем когнитивистики. *Он не просто эпистемолог, а когнитолог.* Создатель предпосылок конструктивизма и пост, а как скажем потом точнее, *транс*Модернизма. Хотя, разумеется, возникли другие проблемы, начиная с его собственной непоследовательности, но всё это на уровне, коррелятивном запросам неклассической науки и постметафизического мироззрения.

Главной причиной непоследовательности Канта оставалась «вещь в себе», мир, от которого он отказался. Получив после этого антиномические противоречия и начав задыхаться в безвоздушном пространстве-времени пустоты, падать, теряя ориентацию и равновесие, в неве(ш)сомости, замерзая среди холодных построений алгебры и геометрии, он был вынужден возвратиться назад, на Землю. Фактически через принцип двойственности истины, прибегнув к практическому разуму, необходимым постулатом которого является существование Трансцендентного Бога. Войдя в этот корабль духовного спасения, он отчалил от абсолютно чистой трансцендентальной апперцепции и, оттолкнувшись, парашютировал «вниз», к эмпирии, к проблемам чувственно воспринимаемой реальности, «метафизики нравственности», «вечного мира», «незаинтересованного», но всё же «удовольствия», другим жизненным формам человеческого бытия. Вплоть до интереса к натуралистическим воззрениям равного ему по исторической роли антипода – Руссо.

К (не)счастью, эстафета борьбы на уничтожение духовного и предметно-чувственного мира, нашей «естественной установки» (через головы Гегеля, Маркса, оставшихся «при бытии», т. е. метафизиками, т. е. не доросшими до у(вы)хода в транс имманентистами) была принята следующим великим представителем трансцендентализма Э. Гуссерлем. Он тоже прошёл стадию отказа от метафизическо-идеалистического абстрагирования, называя его, в соответствии с терминологией Платона,

эйдетической редукцией и считая недостаточным для создания философии как «строгой науки». Эйдетическая редукция – высшая форма абстрагирования, но она посторонняя и референтная, чего-то отражает. А не потусторонняя и не саморефлективная. Она, следовательно, не трансцендентальна. Это «традиционный» рационализм. Трансцендентальной является *феноменологическая редукция*, в которой проблема внешней реальности решается не через её сублимированное-абстрагированное, но всё равно мешающее чистой логике наличие, с одной стороны, и не через всё же пугающее меонизмом исключение из теоретического со(по)знания, с другой, а путём превращения в его атрибутивное качество. Сознание обладает свойством интенциональности, то есть направленности на реальность по самой своей сути. Как наш взгляд, если мы вменяемы, не безумны, всегда смотрит на что-то, а если мы слушаем, то не тишину, а звуки, так наше сознание всегда «сознание о» – о чём-то. Или чего-то. Вместо поиска объективного, «аффицирующего» нас референта – интенциональность. Вот пункт поворота философствования от метафизики к феноменологии. Отсюда следует, что никакой отдельной «вещи в себе» предполагать не нужно. Она не отброшена, не забыта (как, например, предлагали неокантианцы Марбургской школы), а учтена, хотя как таковая не существует. Благодаря феноменологической редукции и идее интенциональности получается, что и волки сыты, и овцы целы. Мир помещён в скобки, капсулирован, он больше ничего не загрязняет и никому не мешает, однако, являясь членом алгебраического уравнения, участвует во всех сложениях, умножениях, делениях и прочих его преобразованиях. Он о(за)хвачен сознанием, находится в нём и заключён в него. Это *состояние сознания*. Так Гуссерль нашёл, «вывел» новую феноменологическую форму(лу) един(ства)ого мира как «(не)бытия-в-сознании».

Название программной статьи Э. Гуссерля “Philosophy als strenge Wissenschaft” (Logos, 1910) на русский язык перевели: «Философия как строгая наука». В контексте современности более точно было бы, по-видимому: «Философия как точная наука». Все мы движемся «к точке». От тычки. С разницей начала и конца в одну букву. Тычинки и пестики, мужское и женское – тыч и песта. Это старое славянское название органов продолжения жизни. Отсюда негативно-двусмысленное отношение к «тыканию». С одной стороны – «ты», как выражение близости, неформальных отношений, а с другой – «ты меня не тыкай», «эй, ты, недотыканный». (См., например, рассказ Г. Успенского «Недотыкомка»).

Тычка в виде палки, о-паленой ветки обозначала границу земельного участка и любого пространства. Его конец, ничто. Как у греков камни = термины для тех же целей. В культуре, на письме тычка превратилась в точку, обозначающую границы, конец предложения. А с греческого – в термин, однозначное понятие. Точное знание – чисто знаковое = терминологическое = формализованное = когнитивное = конечное = необытийное знание. Любая тычка рано или поздно превращается в точку. Не только (у) индивида. К этому стремится вся современная цивилизация и ее философия. Когнитивизм! Когнитивный капитализм. А не надо (бы) торопиться. Ни в чем. Итак, идем к окончанию. Точке. Потом, правда, будет еще тачка.

Отныне человека окружают не вещи, а феномены. Даже не окружают – это выражение пережиток «естественной установки» – а всё сущее и он сам есть чистое, хотя бытийствующее сознание-знание. В XX веке отказ от бытия как признания самостоятельного существования предметно-чувственного, образно-телесного мира приобрёл общетеоретический характер. Так называемый структурно-лингвистический (поздний вариант – текстологический) поворот оппонирует любому, как материальному, так и идеальному субстанциализму и эссенциализму, фактически позиционируя себя кантианством без вещи в себе и трансцендентального субъекта. Подобно феноменам, структура, язык, текст являются со/знанием, в котором по самому их назначению представлен объективный мир. Собственно говоря, это была трансцендентальная феноменология, вырвавшаяся из философско-спекулятивных схем рассуждения на простор сначала гуманитаристики, а потом познания вообще. Или можно наоборот: трансцендентальная феноменология была порывом философии к структурно-лингвистической парадигме, но ограниченная спекулятивными путями сугубо умозрительного типа мышления, осталась её специфическим, почти эзотерическим направлением. Оно до сих привлекает к себе высоких философских интеллектуалов, почему-либо не ставших полезными математиками, всех любителей «игры в бисер» возможностью заниматься церебральной теоретической мастурбацией («текстурбацией»), не плодотворяя других областей жизни и деятельности. Хотя сам Гуссерль оказался (всего только) человеком и – «сломался». Разочаровавшись в науке, тем более «строгой», он, подобно Канту, обратился к экзистенциально-антропологической проблематике жизненного мира, этому «практическому разуму» XX века.

3. Когнитология как реализация философии трансцендентализма

Однако теоретический разум не дремлет. Структурно-лингво-текстологическая парадигма была своего рода самоубийственным порывом гуманитаристики к его ещё более мощному проявлению, укоренённому в развитии науки, точнее, человеческой цивилизации в целом. Она оказалась специфической гуманитарной подготовительной ступенью к развёртыванию *Великой Информационной Революции*. Феномен, структура, язык, – все их можно обобщить в понятии Информация. Она тоже универсальна, *интенциональна* и в силу этого включает в себя, одновременно заменяя собой, Бытие. Кредо информационной трактовки мира: «В Начале была Информация. И Информация была у Бога. И Информацией был Бог» (новейший перевод ветхозаветной Книги Бытия). Пока наш, не канонический.

Но... пока и не строго трансцендентальный, не чисто когнитивный. Трактовка информации по аналогии с феноменами, языком и структурой, решая проблему «вещи-в-себе» путём её включения в себя через интенциональность, через отражательное понимание информации как «сведений», «информации о», «знание про что-то» не является априорной. Она лого/с/центрична, она всё-таки содержательна, апостериорна, т. е. не до, не вне и не сверхопытна. Не формальна. Язык, язвук, язвук, голос = фоноцентризм; речь о чём-то и обращённая к кому-то = онтоцентризм; слова, которые бывают мужского и женского рода = фаллоцентризм – вот и полезла эмпирия. Так и со структурой, феноменами, со всей включившей в себя, изолирующе-кодирующей собою предметно-эйдетическое, эссенциалистское содержание мира, информацией. Ткни, поскреби хорошенько, раскрой скобки, повреди кабельную оболочку – и вещи выйдут из себя. На свет, наружу, ворвутся в мысль, брызнет кровь, ударит энергия, д/у/охнёт жизнью. Опять проклятые субстраты. Опять ненавистные идеи. Так называемые реальность, образы, смыслы. Это отвратительное, враждебное абсолюту формализма Бытие. Притом (караул!) – Человеческое.

Полагали, что здесь вырывает текст. Он надёжнее, ибо отчуждён от головы и тела, существуя после изготовления вполне самостоятельно. Дух в нём упорядочен и организован. Внутреннее и имманентное преодолено. Если в языке бытие очищено и пастеризовано, то в тексте оно

высушено и законсервировано. От территории остаётся карта, от общества библиотеки, от людей знаки. Обновленное, «постязыковое», усиленное кредо борьбы с чувственной реальностью: «нет ничего кроме текста». Под этим лозунгом познание докатилось до постмодернизма. Но... погода переменчива, вдруг сгустятся жизненные тучи и на текст прольётся дождь, после которого законсервированное в нём содержание намочнет, разбухнет, оживёт и даст побегу? Заключённую в нём информацию начнут интерпретировать, «докопаются» до того, что она отражает, куда зовёт? «Звуки на *a* широки и просторны // Звуки на *u* высоки и проворны // Звуки на *y* как пустая труба...» (Д. Бурлюк). «Структуры не выходят на улицы» – это правда, но вдруг они ослабеют, пропитаются «желанием» и опять появятся субъекты? Опасность апостериорного заражения знания бытием и жизнью – сохраняется. *Текстуализм – тоже не подлинное, не фундаментальное, а значит не гарантированное у-ничто-жение бытия и его всевозможного лого/с/центристского представительства!*

Подлинный прорыв к трансцендентализму и когнитивизму происходит в транс/пост/модернистской (не)философии: после деконструкции традиционной метафизики, т. е. умерщвления субъекта, человека, означающего и означаемого; в процессе отказа от слова (и знака!) или, если сохранять это слово, в пользу *пустого* знака, т. е. письма, грамматики; по мере реализации программы борьбы с архео-тео-онто-этно-фалло-фоно-лого (историей, Богом, бытием, культурой, телесностью, эмпирией, слово)-центризмом и прочих, прочих экспроприационно-деконструкционных ак(т)циях нигилистической идеологической революции; после бульдозерной рас(за)чистки ею места (не терри/terra/тории, а *от* территории) с целью подготовки теоретической площадки для позитивно-нигилологического когнитивного моделирования и конструирования. Когда как результат действительно возникают «новое Небо и новая Земля», а если без архаических метафор, то человечество, наконец, пре(одолевая) небо и землю, начинает действовать в Космосе, на любых иных планетах не только в фантазиях или технически, но и философски. Делает его точкой отсчёта при моделировании любой реальности, а *космизм – мировоззрением и парадигмой познания*. Или, уничтожая природу, создаёт «рукотворный» космос (возможные виртуальные миры), его/их невыносимые условия для жизни на земле. Отряхнув со своих ног прах естества, предметно-вещной реальности и обратив взгляд внутрь себя, вступает в реальность

головную, а потом от головы отчуждённую, полностью искусственную, информационную, интеллектуально-техническую. *В когнитивно реализованный трансцендентализм.*

Самый значимый теоретический вклад в *когнитивно-трансцендентальный, компьютерно-космический по(пере)ворот*, как знаток истории философии, её болевых точек, внёс, пожалуй, Ж. Делёз. Он «довёл до точки» проблемы, оставленные Кантом и Гуссерлем, не имевшими для их решения объективных условий или малодушно убоявшихся последствий их последовательного решения. Не всегда осознавая, он положил краеугольные философские камни в основания когнитивизма, и хотя тоже страдал от нехватки воздуха, но мужественно держался до последнего прыжка из окна. Процесс шёл(,) естественно, не по порядку, будто бы сначала была трансцендентальная философия, потом постмодернистская деконструкционная программа, а за ними когнитивная информационно-дигитальная практика. Скорее наоборот. Трансцендентальная философия «доставлялась назад», разыскивая, а чаще придумывая свои основания в прошлом, для чего его пришлось подвергнуть чудовищной деконструктивистской ревизии, поставив всю метафизику теперь уже (окончательно) с ног на голову, а потом, вовсе оставив без головы, вместо которой будут предложены... (но об этом в конце главы).

Философски нам важно зафиксировать точку опоры рычага трансцендентального переворота. Традиционная метафизическая философия опиралась на принцип тождества и исповедывала единство мира, которые Кант и Гуссерль не преодолели. Только в постмодернизме – Жиль Делёз вместо принципа тождества (и противоречия) предложил положить в основание философствования принцип различия (и повторения). «Различие – за каждой вещью, но за различием ничего нет» – таково кредо его «нового рационализма»¹. Принцип тождества – это «самое само» метафизики вещей, тел и идей, объекта и субъекта, их существования и сохранения. $A = A$ – изменения возможны, но в пределах границ, качества, идентичности данной вещи. Нарушая меру, изменения приводят её к гибели, разложению на элементы, из которых возникает нечто другое. Если эта «вещь» мир в целом, то все изменения происходят внутри Единого Бытия, которое само по себе вечно и бесконечно. Принцип различия, наоборот – когда A (не) = A , $A =$ не $A =$

¹ Делёз Ж. Повторение и различие. СПб., 1998. С. 79.

Б = В = Г и т. д. Это принцип существования «одного другим», становления и изменения, непрерывного возникновения Нового, Иного. Для сущего – принцип отсутствия, небытия. «Необходимо, чтобы вещь не была тождественной, но была бы разорвана различием, в котором угасает тождество объекта, увиденного как видящий объект. Необходимо, чтобы различие превратилось в стихию, высшее единство, чтобы оно отсылало к другим различиям, которые вовсе не отождествляют, но дифференцируют его. Необходимо, чтобы каждый член ряда, уже будучи различием, находился в изменчивом соотношении с другими членами, учреждая тем самым другие ряды, лишённые центра и сходимости. В самом ряде надо утвердить расхождение и смещение центра. Каждая вещь, каждое существо должно видеть поглощение собственной идентичности различием, быть лишь различием среди различий»¹.

Гимн, исполняемый Делёзом Различию, оправдан. Эта категория его заслужила, ибо сама постмодернистская философия нередко определяется как философия различия. Не только у Делёза, а во всём постмодернистском мышлении (см., например: Деррида Ж. «Письмо и различие». М., 2000). Она выступает связующим звеном, средостением, своего рода шлюзом для перехода из метафизики в трансцендентализм, от эссенциализма к реляционизму, от единства к множеству, от сознания к мышлению. Переход от тождества к различию есть переход от вещей к отношениям, притом, различия в постмодернизме не являются основаниями вещей и даже не отношения между вещами. Это чистые, самодостаточные отношения – априорная Мысль. *Информация как нечто первичное* (не она отражает и кодирует мир, а мир является её отражением и кодом). Которая, как известно, тоже определяется через «меру разнообразия», т. е. через различие. Чистое, количественное, формальное. Первое, построенное Чарльзом Бэббиджем вычислительное устройство, называлось «разностная машина». Различия – это бывший «атом», «элементарная частица», «квант» – теперь *грамма, бит, про-бел* мысли-информации, существующие априорно, до опыта, до бытия. Тождество и единство дают «вещь», которую можно чувствовать, различие есть отношения, которые можно только мыслить.

Если Кант через критику апостериоризма отказался от представительства мира в сознании, если Гуссерль через критику психологизма устранил из него всякую образность, то Делез, через критику

¹ Делез Ж. Повторение и различие. СПб., 1998. С. 7.

интенциональности вычистил из него значения и смыслы. Вот когда мышление, наконец, стало бессодержательным. «Абсолютно внешним». Если в философии Бытия в качестве *causa sui* постулировалась некая материальная (природа) или творческая (Бог) сущность, то здесь в качестве *a priori* берётся Ничто (мысль). Как таковая. Там субстанциальность, здесь трансцендентальность. Можно наоборот: *a priori* есть субстанциализм Ничто («мысли-в-себе»); *causa sui* есть трансцендентализм Бытия («вещей-в-себе»). Когда Канта, Гуссерля, Делёза упрекают в беспредпосылочности их априоризма (пространственно-временного, феноменологического, «дифференциального»), то забывают, что понятие субстанции, Бога тоже беспредпосылочно, не обосновано и постулируется. Просто это разные основания и постулаты. Два догматизма: фундаменталистский, реалистический, содержательный и реляционистский, конструктивистский, формальный. В метафизической философии как догма, в качестве исходной абсолютной категории берётся Бытие (сначала Природа, Бог, потом материя, идея); в трансцендентальной философии абсолютной категорией является Ничто (сначала Сознание, потом чистая Мысль). *Трансцендентализм суть априорный субстанциализм = субстанциальный априоризм.*

Субстанциализм/априоризм/фундаментализм не (из)вечного Бытия, сублимацией которого является пространство, а *Ничто как Становления*, идущего во времени, через различие-повторение, *trace-differance*, различие-повторение, *trace-differance*, и так далее... До умопомрачения. Авто(само), архе(первичное) письмо, графически (грамматологически) выражаемое цифрами 101100101110 и так далее... *По Программе.* Мироззрение “it, s from bit”, в конечном счёте исходящее из Ничто, когда сущее не существует, а непрерывно исчезает и возникает. Становится. *Самоорганизуется.* Самоорганизация – самодействие, по-гречески, *автоматос*. Автомат – изм есть «субстанция-субъект» становленческой модели мира. Как каждый охотник хочет убить фазана, так любая технология стремится стать автоматической. В когнитивно-технологическом мире Автоматы, в широком смысле этого слова, наш Бог и Абсолют (Матрица). На них мы молимся, и предварительно перестав быть субъектами, раствориться в этом новом божестве – стремимся. Выдающийся советский когнитивист Г. П. Щедровицкий любил повторять фразу: «Уважаемые коллеги. Творчество есть фантом». Оно заменяется сначала предметной деятельностью (когда он был еще марксистом), потом просто деятельностью, потом *мыследеятельностью* и,

наконец, мыслекоммуникацией. Конец креативности! Не надо больше и конструктивизма. Искусственное эволюционирует и как объективный процесс становится «естественным». Конструктивизм становится реальностью иного. Возникает «конструктивный реализм». *Реализм искусственного мира.*

Реализуемый через повторение автоматизм и синергетика как теория неравновесных систем – вот (не)онтологический, конструктивистский (пока) фундамент объяснения априорного, внебытийного субстанциализма, которого во времена Парменида, Платона, даже Канта и Гуссерля не было, а Делёз его только философски=спекулятивно открыл. Была диалектика, где утверждалось, что находящееся в потоке и процессе пространственно-протяжённое сущее, тоже саморазвивается. Но это объяснение содержательное, философологосцентричное, опирающееся на принцип тождества и противоречия, т. е. на порождение как сохранение трансформирующегося сущего. Была, есть синергия, творчество, предполагающие своим перво/последним гарантом Трансцендентное, из/вос/хождение от/к него/му. В противоположность им – диалектизму и синергии, даже кантовскому креативному меонизму, в *автосинергетической информационно-динамической парадигме* объяснение формализованное, количественное, техноцентричное. В ней трансцендентальный априоризм фундирован положением, что универсум создается, опираясь на множество и хаос, различия и их повторение. На чистый саморазвертывающийся процесс – непотяжённое, детерриториализованное время как «растянутое», распределённое по «пространству», всё вбирающее в себя ничто. И опять по-Рождаящее, «из хаосмоса», однако бессубъектно, («эндофизика»), причём с огромной интенсивностью, опять бытие. Но *Иное*. Новационную (по отношению к «миру № 1») реальность других миров. «Механизмом» его/их действительного осуществления и экспансии становятся, на наших (не)глазах, Hi-Tech, и, прежде всего нано и биотехнологии. В гуманитарной проекции этот процесс идет от человека как субъекта и личности через его превращение в человеческий фактор и зомбизацию (техницистское мышление без о-сознания) к трансгуманизму и идеям human enhancement, вплоть до создания на собственной, кремниевой, «бессмертной» основе искусственных интеллектуальных комплексов, индивидуализированных или в виде «универсальной мировой решетки». (Об этом мы и будем говорить во второй части работы).

*Совпадение, начавшегося с Канта отрыва мысли от бытия, её субстанциалистской догматической «априоризации» с потребностями когнитивно-информационной, нанотехнологической (и) космической революции – вот причина возрождения трансцендентализма. Непрерывного возрастания интереса к нему. (Обсуждение в наукологии проблем рационализма без учёта трансформации рационального в трансцендентальное производит впечатление вращающейся, застряв на одном звуке, пластинки). Трансцендентальная философия, с одной стороны, вызывается к (не)жизни новейшими тенденциями нынешнего времени, а с другой, она, предчувствуя информатику, синергетику, программирование, виртуалистику и другие формы самоорганизации новационно-искусственного универсума, приходящего на смену нашему естественному миру, закладывала для него спекулятивные основания. Трансцендентализм – это философия когнитивизма. Когнитология – это (не)философия трансцендентализма****. Вместе, претендуя на универсальность и парадигмальность, они предлагают единственно актуальную, «наконец-то» истинную модель мира, которую, в плане исторического (опре)деления можно охарактеризовать как эпоху трансмодерна. Она есть то, что невнятно и путано определяется как «смерть постмодернизма» или так называемый «пост-постмодернизм». Это мир, который несоизмерен человеку, превращает его в традицию, а в пределе, если этим тенденциям не сопротивляться, где человек, наконец, покончит с собой. Пройдя по ленте Мёбиуса отрицания бытия, мы получаем его другое, послечеловеческое, трансгомонистическое качество. Новую Онтологию. И Идеологию. Онтоидеологию безграничного, ничем не регулируемого, в пределе автоматического, технического инновационизма, благодаря которому человечество, теряя смысловое, лого(с)центристское сознание, (в)падает в дигитальный транс(модернизм) *Mathesis Universalis*. Если дело пойдет так и дальше, на его долю останется последнее математическое действие: вычитание себя из самого себя.*

* * *

Рассмотрев становление новой, несоизмеренной историческому духовно-телесному человеку реальности на самом абстрактном уровне, своего рода в философской стратосфере и тем самым поняв его *in pise*, теперь можно спуститься ближе к Земле. Рассмотреть, через какие этапы и формы развитие человеческого духа приближалось к этому

состоянию – трансцендентализму и когнитивизму. Ему предшествовало умаление первоначальной мудрости как способа ориентации человека в мире, ее сужение до «сознания», что произошло со вступлением человечества в Новое время, эпоху модерна. В настоящее время происходит умаление уже сознания, его превращение в мышление, процесс, обозначаемый как эпоха пост и трансмодерна. Здесь надо остановиться более основательно, опускаясь до практики, ибо это та реальность, в которой мы живем. «Мышление без сознания», без рефлексии, не говоря уже о духовности и культуре, – это технология. Трансцендентализм и когнитология – абстрактная суть технологии, технология – реализация трансцендентализма и когнитологии, их во-пло(ть)щение в социум и самого человека. В наше бытие.

Примечания

* Может быть, авторитетный у специалистов журнал «Эпистемология & философия науки» переименовать в: «Эпистемология & наукология»?

** Может быть, авторитетный у специалистов и переименованный (пока нами) журнал «Эпистемология & наукология» переименовать в: «Наукология & когнитология»?

*** Реконструированный Э. В. Ильенковым метод «Капитала» К. Маркса как «восхождение от абстрактного к конкретному» и вытекающая отсюда бессубъектная трактовка идеального стали порывом, предтечей перехода к трансцендентализму. Но в сравнении с последним, он недостаточно последователен, остается в рамках реализма и потому не используется, забыт. Современные аналитики марксизма начали трактовать его и всю немецкую классическую философию как род «конструктивизма» (см., например, работы Тома Рокмора). Гляди того конструктивистом объявят Фалеса. Такая редукция реализма к парадигмальной сейчас потенциалистской кантианско-фихтеанской линии есть вопиющая модернизация и антиисторизм.

**** Может быть авторитетный у специалистов и переименованный (пока нами) журнал «Наукология & когнитология» переименовать в: «Когнитология & трансцендентализм»?

ГЛАВА II

НАША ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ЭПОХУ ТРАНСМОДЕРНА

1. Отказ от мудрости

Если историю человечества рисовать предельно широкими мазками, то она выглядит как движение от варварства к культуре и от культуры к цивилизации. В символической сфере этому примерно соответствует переход от мифа к логосу и от логоса к матезису. Так шёл процесс рационализации мира или, с лёгкой руки постмодернизма, пропуская логос, таково было движение «от поэмы к математике».

Особенность современной – XX-XXI века цивилизации в том, что, идя по этому пути и непрерывно глобализуясь, она накопила огромные, немислимые в прежние времена богатства, а её рациональность стала технико-информационной. Превратившись в потребительское общество, создаваемое и регулируемое разного рода технологиями с остаточным вкраплением традиций и культурных форм, она устремилась к своему идеалу: некоему саморазвивающемуся, всё более производительному социотехническому образованию, в котором человек средство этого развития. На повестке дня – технологизация всего и вся, вплоть до процессов творчества, его замены алгоритмами деятельности и программирования. Возникает цивилизация универсальных систем и сетей (цусс). Или пусть будет – *Технос*.

Это чрезвычайно успешно по условиям быта и комфорту образование (общество). Почти рай! Но все, способные видеть дальше своего носа люди, говорят о его кризисе, конце истории и смерти человека. Так чего не хватает человечеству для полноценной жизни или хотя бы выживания (демографически его авангард вымирает буквально), не говоря о гармонии и счастье? Неужели энергии? Денег? Вещей и информации? Да сколько можно! И сколько нужно? «Передовые» страны от них просто задыхаются, не зная как утилизировать, на что/кого истратить, куда выбросить. Тем не менее, разного рода средств и богатств кажется все мало, за ними она гонится, ставя задачу бесконечного «увеличения ВВП». Отказавшись от идеи устойчивости, она бросилась, несётся по пути бесцельного, без образца и идеала, научно-технологического

ин-новационизма. Который неизвестно куда ведёт и велика вероятность, что к Апокалипсису. Симптоматично, что о нём всё время говорят и ожидают, перенося вперед на ближайшие 2–3 года. Она сорвалась с тормозов, ножного, ручного, а главное, головного и лишается встроенного в себя, регулирующего её разума. Становится сначала бездуховной, а теперь уже без(д)умной. В этом трагедия нашей цивилизации. *Превращаясь в постчеловеческую, в постобщество, она вступает в эпоху трансмодерна.* А люди – пленники этого процесса. И если чего ей/нам сейчас не хватает, то конечно, Мудрости. Мудрости использования или не использования энергии, богатств, информации. *Мудрости в (не)использовании техники и технологий.* Где мы ее потеряли и продолжаем терять?

Человечество никогда не было особенно мудрым, на что издавна сетовали его великие представители. Наше время отличается тем, что дефицит мудрости приобретает сущностный, структурный характер. Она изгоняется из современной жизни и отношений «как класс», как форма духа. Перестает быть целью и считаться «высшим уровнем знания». Оказывается не нужной в принципе. Даже вредной, тормозящей, мешающей. «Наука не мыслит» – утверждал М. Хайдеггер. Возможно, это жёстко сказано или неудачно переведено, но то, что она «не размышляет» – вполне очевидно. Отвечая на вопрос «как», она практически перестала спрашивать «почему» и «зачем», отказываясь от рефлексии, то есть созна(ва)ния, ограничиваясь техномышлением. Это происходит особенно по достижению цивилизацией информационной, «новационной» стадии. Отсюда соответствующее отношение к философии, к духовности, когда вместо любви к мудрости культивируется равнодушие или ненависть к ней – «фобиософия». Однако начнем с «Начала», когда мудрость и любовь ещё ценились и были живы.

«В Начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог» – сообщает Библия. По-гречески «Слово» – это Логос. Логос в определённом смысле есть преодоление мудрости, которая в нашем сознании (что не случайно), если подлинная, настоящая, то обычно «древняя» и «восточная». Это значит, *существовавшая до Логоса.* «Западной» мудрости как бы и не бывает. В самом христианстве, особенно его восточной византийской ветви, неудовлетворенность несовпадением логоса с мудростью выразилась в апологии Софии как Премудрости Божией. «Несогласие с логосом» в контексте греко-русской православной традиции дошло до XX века. София противопоставлялась логосу как душа

духу, или как бытие духа, но все-таки ориентированного на чувственную интуицию, более близкую, в сравнении с Логосом, божественному началу, прежде всего на ценностное, нравственное отношение к миру. С точки зрения В. Соловьёва, П. Флоренского и других «софиологов» логос уже не мудрость. Он оторвался от добра и красоты, он слишком «знание». С другой стороны, позитивисты стремились к преодолению философии из-за её смысловой многозначности, нечистоты, загрязнённости чувствами, вообще – жизнью. Адепт «строгой науки» Э. Гуссерль считал мудрость низшим уровнем знания, «предзнанием», а русский последователь Э. Гуссерля Г. Шпет даже написал работу «Знание или мудрость», осознанно противопоставляя их как нечто объективное, истинное и субъективизм, произвольное. Мудрость – это то, что надо преодолевать. Забыть и отбросить.

Другие представители русской философии, понимая, что под напором происходящей рационализации мира Мудрость как таковую не отстоять, боролись за «софийную» трактовку Логоса в виде целостного и одушевлённого знания в противовес его позитивистскому сведению к чистому разуму. По этому вопросу вокруг образованного в 1910 году философского журнала «Логос» развернулась знаменательная полемика. Владимир Эрн в книге: «Борьба за Логос» М., 1911 г. упрекал редакцию, что направление журнала не отвечает Логосу, как он понимался в античности, христианстве и философии вообще. Что логос у них из «Живого Слова» превратился в сухую и мёртвую мысль, в абстрактное *Рацио*, а потому название журнала есть «маска». Измена традиции. С историко-философской точки зрения В. Эрн был прав, но тенденция трансформации логоса в рацио побеждала не просто в журнале, а в духовной жизни, в предметной реальности.

В XX веке логос практически полностью отождествляется с «позитивным» мышлением, рациональностью и дискурсом. Если отслеживать названия, то возобновившееся в 1991 году в России издание нового «Логоса» это подтверждает: журнал занял нишу наиболее абстрактного, аналитического, ориентированного на научность трансцендентально-феноменологического мышления. А после случившегося в философии структурно-лингвистического поворота, в ней настал трансцендентально-идеальный рай: всё предметное исчезло, всё живое и телесное умерло, кругом одни слова, язык, анализ и дискурс. Ни объекта, ни субъекта, ни означаемого, ни означающего. Реальность стала знанием, знание – реальностью. Кто в него не попал, мучаются в аду веры

и любви, чувственного и иррационального, страдают и лечатся от прорывов в сознание бессознательного. О мудрости в таких условиях вспоминать неприлично, философия, если допускается, то «научная», в виде «рассказов о высоких технологиях» или вырождается в технологию социального управления. Однако отношения и смыслы всё-таки остаются. Живи теоретик и радуйся, воспевай свое отсутствие, рациональный логос или логическую рациональность, кои, от-ныне, заняли место бытия.

Увы, счастье редко бывает долгим. Идеологическим выражением вступления цивилизации в технико-информационную стадию стал постмодернизм. Если его сузить до «философии», то постструктурализм. А это – *пост*лого(с)центризм! Конечной целью провозглашенной в нём деконструкции онто(бытия)-тео(Бога)-фоно(эмпирии)-фалло(телесности) – лого(слово)центризма (Ж. Деррида) был логос. «Классическое» рациональное познание мира по законам логики и на естественном языке – главная мишень в критике ими теоретического централизма. Пожертвовать логосом, отказаться от сознания – вот что требует постструктуралистская (не)философия. Пожертвовать языком, отказаться от слова – вот о чём говорит она человеку. Логофобия, логотомия – зафиксированные в словарях, специфические категории постмодернизма, предназначенные для борьбы с логосом. Его «лоботомии». Руинизации предметного мира и рас/за/чистки места для Иного. Борьбы не с какой-то там древней мудростью или духом, а с рациональностью и пониманием, которые тоже больше не нужны и которыми тоже нужно – «пожертвовать». Борьбы *со смыслом*. Смысл – это то, что надо преодолевать. Забыть и отбросить.

Значит ли это, что постмодернизм отказывается от мышления вообще? Нет. Оно сохраняется, однако при условии, если это будет «письмо». Письмо не буквенное («голос», «звуковое»), а археписьмо, состоящее из «грамм», грамматология. Т. е. если оно не качественное, а количественное, не словесное, а цифровое. Если вместо логоса – матезис, топос. *Исчисление*. И лучше, когда оно не «ручное» (головой), а информационно-компьютерное, основывающееся на принципе «следа и различия». Математически «говоря» – в битах (граммах). Граммы как единицы письма – преврат(шен)ное, гуманитарное имя для бит-ов как единиц информации. Это тоже рациональность, но постчеловеческая, когнитивная и машинная – *авторациональность Техноса*. Это тоже мышление, только трансцендентально-когнитивное, но в отличие от гуссерлевского

трансцендентализма, без интенциональности, «абсолютно внешнее» (Ж. Делёз), т. е. «без о-сознания». Без рефлексии. Точное и формализуемое. Мышление как программирование, как чистый, не загрязненный предметным бытием (виртуальный) интеллект, в пределе – *Искусственный Интеллект*. И тогда наступает эпоха трансмодерна (транс – сквозь, через, переход в другое качество). Если говорить о мире в целом, то, другими словами, это есть эпоха «конца света». Собственно человеческого мира и торжества зомби, роботов, наноботов под прикрытием эвтаназийной лжи о будто бы нашем бессмертии в/через них.

В классической философии привычно думать, что всякое мышление есть сознание, логос, язык, что это словесное обозначение предметного содержания, его обработка и движение в понятиях, суждениях и умозаклчениях, которые, в конце концов, дают нам модель мира, позволяют ставить цели и решать задачи по выживанию в окружающей среде. Мы все время представляем, помним, подкрепляем образами реальных предметов то, о чем с-мыслим и ведём речь. В целом оно должно служить нашему Благу. В прежние времена мышление без блага, не «ведущее к Храму» не ценилось или считалось опасным. «Разум без божьего страха держимый, меч есть от мужа безумна носимый» (Семеон Полоцкий). Потом, как известно, стало цениться полезное знание (Ф. Бэкон), но полезное для человеческой жизни. Во всех случаях это было знание, соотнесенное с *мерой человека*, что собственно и есть главное свойство мудрости и даже смысла.

В отличие от него, с возникновением информационно-компьютерных технологий и отражающей этот процесс когнитизации знания, т. е. когнитивистике, возникают внутренне не связанные с целями и ценностями, чисто абстрактные, математические способы об/пере/работки реальности. Полу-и-полностью автоматизированное *мышление-исчисление, знание-коммуникация*. Рацио превращается в когницию. Рацио – это сознание, отношение между вещами, установление различия и тождества, функция от аргумента. Когницию – это когда отношение, различие, функция берутся сами по себе, как первичные, «субстанциально». Но тогда это субстанция пустоты, ничто. Пробел, 0, различание. «Нулевой», априорный субстанциализм есть нигитология, чистая мысль, базисным философским о(бо)снованием которой, как мы видели, был трансцендентализм Канта-Гуссерля. Когнитивизм – это своего рода «научный трансцендентализм», а трансцендентализм – философия когнитивизма. Отказываясь в эпоху модерна

от поэзиса и мудрости в пользу логоса и рациональности, на этапе пост-модерна человечество начинает отрекаться и от вторых, последних – в пользу матезиса и техноса. В процессе когнитивной коммуникации рационально всегда быть в состоянии on-line. В нем нет предметности, образов и смыслов – в таком «смысле» оно безбытийное, от которых/ого/ оно только отталкивается в начале или они «вышелушиваются» в его конце. Что происходит при интерпретации, но культивировать способность к ней становится все труднее, ибо под влиянием формального мышления человек постепенно совсем перестает понимать *о чем, о какой реальности* мыслит. И ему этого даже не надо. Вредно. В том числе в «конце и начале». Даже когда он мыслит «вручную», собственной головой. Самый абсурдный вопрос, который можно поставить при подобном без(д)умном познании, это «Откуда мы, кто мы, куда идём?» Самый абсурдный предмет в нем – философия. А самый безумный, ненужный человек – «кто рассуждает», мудрец. *Когнитивно-технологическое мышление современной цивилизации отвечает только на вопрос «как».*

Первая глава знаменитой, достойной считаться одной из главных в XX столетии, книги Ж. Деррида «О грамматологии» называется: «Конец книги и начало письма». На первый взгляд название парадоксальное. Ему удивляются. Но это те, кто не видит амбивалентности когнитивной революции и превратного характера ее отражения в пост-модернизме. Парадокс исчезает, если мы поймем, что письмо в данном случае не буквенное, не текстовое, а на основе постлогоцентристского (не)алфавита, дигитальное письмо-матезис. Оно действительно «после книги». Конец книги и начало компьютера, конец дискурса и начало программирования, конец о-смысл-ения и начало ис-числ-ения и, наконец, если говорить применительно к человеку непосредственно, то, что лежит в фундаменте этого процесса: *конец сознания* (человеческого) и *начало мышления* (постчеловеческого) – так разрешается мнимый парадокс Ж. Деррида. Так раскрывается тайна всего постмодернизма (в России, точнее, в Советском Союзе, тоже, не будем забывать, развивавшегося, прежде всего в рамках мыследеятельностного движения Г. П. Щедровицкого) как идеологии и философии Техноса. Если по аналогии с структурно-лингвистической революцией, её выразить в лозунге, то будет: *There is nothing outside of the bit*. Если в начале XX века под напором структурно-лингвистической революции и ударами Слова, языка, текста отступили на задний план, потом

пали, почти умерли Природа, чувственность и мудрость, то в его конце и начале XXI века под напором когнитивно-информационной революции вместо тех и других (не)живут Цифры, биты, информация. Слово – это то, что надо преодолевать. Забыть и отбросить.

В «конечном счете» бессознательно-безбытийное технологическое мышление, формальное мышление-исчисление, превращаясь в безъязыково-бессловесно-бессознательное, будет осуществляться «от мозга к мозгу» (а лучше, от чипа к мозгу, совсем хорошо, когда от чипа к чипу) над чем день и особенно ночь/ю/, особенно в технопарках работают представители инновационного, так называемого открытого церебрального общества. Или даже «искусственного общества» = электронного постобщества. И этот процесс забвения мудрости, дошедший до «потери сознания» всё более ускоряется. Техно-информационное, в пределе – бессмысловое (без(д)умное) мышление как бы незаметно, но довольно быстро становится господствующим, своего рода парадигмальным способом отношения к миру. Всё больше людей охотнее пишущих, занятых компьютерной текстурбацией, нежели говорящих и предметно действующих. А когда они говорят, их язык отрывист, схематичен, суждения рубрикаторские, действия механичные. Зато никаких противоречий, никакой пресловутой диалектики. Потеря собственно человеческого, языкового и победа полностью формализованного, программного, *принципиально антисмыслового* мышления объясняет(ся) кризис антропологии и гуманизма, переход к трансгуманизму, а точнее трансгоманизму и *posthuman study*, борьбу со всем реальным, еще не информационным, не виртуальным, со всем естественным и культурным в человеке – телесностью, этносом, полом, религией, моралью, образностью, духовностью, чтобы вместо этого стать «концептом», «аватаром», «персон(ой)ажем». И борьбу, конечно, с пережитками любомудрия. Оно теперь – «эзотерика». В книжных магазинах словом «метафизика» обозначаются полки с восточной и эзотерической литературой. Они еще вызывают интерес, а в разделе «философия» в основном классическая литература (мертвых) и учебники по философии (науки). Живые люди не по обязанности туда не ходят. Отстраненности от жизненных проблем, в голый «технологичности» – причина кризиса современной философии. Став служанкой технонауки, она потеряла дух мудрости. Стала полумертвой.

На безбытийное, постсознательное, посткреативное, бессмысленно-инструментальное когнитивно-коммуникационное мышление

ориентируется глобальная система образования и это главный показатель его парадигмальности. Тестирование вместо рассуждения, спора и предварительного построения модели ответа – первичный специфицирующий признак перехода мышления от его образно-смыслового этапа к знаковому, от «поэмы к математике», от свободы, пусть учебного, но творческого построения новой познавательной ситуации к ограниченному выбору из кем-то и где-то заранее построенной. Произошедшее насильственное внедрение тестов, с очевидностью ведущих, если стоять на личностно-человеческой точке зрения, к примитивизации мышления, не только произвол чиновников от образования, или выражение их глупости, а объективный заказ прогресса на формирование «общества незнания». Не о-со-знающего, безрефлексивного, но эффективного, адаптированного к машине и потому *безумно* производительного. И когда на всех перекрестках говорят об «обществе знания», то это злостный (само)обман. На самом деле формируется общество информации и чисто технологического, в пределе, автоматического интеллекта, с вкраплением в него (пока) «субъектности», «человеческого фактора», необходимого на стыках потоков компьютерных исчислений. Чаемый идеал такого бессознательно (не)мыслящего общества хорошо выражается популярным лозунгом: «За нас думает математика». Или (и) опредмеченная, «реализованная» математика – ИКТ, Интернет. Благодаря им/ему человек не нуждается в собственном знании, достаточно быть «компетентным» (*осведомленным* в каком-то вопросе, как толкует словарь иностранных слов). В современной ситуации – знающе-осведомлённым, куда нажать в компьютере, чтобы, вытащив, «с-качав» из моря информации чужое знание, куда-то его «вставить» или зачитать по ксерокопии. Мыслить своей головой в таких условиях тоже, что вести устный счет в уме или столбиком на бумаге или, стоя рядом с многокубовым экскаватором, копать землю детской лопаткой. Никто устно и не считает. В принципе, с таким же успехом можно и перестать(ну) думать, рассуждать и самостоятельно говорить. Как перестали копать/считать. Больше *не культивируют*. Ни землю, ни головы, которые, в качестве естественной и осознающих, существуют теперь «по традиции». Инерционно. В отсталых = не(до)модернизированных странах.

Институционально в системе образования принципиальный поворот от знания к компетентности зафиксирован, как известно всем компетентным людям, в положениях Болонской де(града)кларации. С неё началась

технологизация и автоматизация образования, его замена на «управление знанием», в сущности, *управление сознанием*, т. е. программирование. E-learning, использование нейро-лингвистических методов и других достижений когнитивистики представляет собой постобразование как «напи(хи)тывание», наполнение обучающегося информацией «извне», без ее осознания. Самостоятельное, как обучение игре на гитаре по самоучителю. Началось с обучения иностранному языку «за две недели», но по тому же принципу можно обучать чему угодно. *Минутная личность*. Создаются учебные программы, которые «снимут различие между отличником и двоечником», как гордятся их авторы. (Потому что учеников будут «заряжать» одинаковыми программами). В таком случае XXI век будет не веком образования, как объявляют на тех же перекрестках, а веком программирования, не веком творчества, а веком автоматизации всего, в том числе мысли. Веком постчеловека. А предварительно, слово «образованный» не будет ли означать «запрограммированный», посткреативный, то есть ограниченный, (п)оглупевший и для реальной, не (в) компьютерной жизни потерянный? Не будет ли это «мыслящий зомби»? Потерявший сознание, т. е. не о-сознающий, что и зачем мыслит. Чтобы потом перестать мыслить вообще. Очевидно, что в ближайшее время без/д/умно новационные теоретики *трансгресса* человека к бессмертному искусственному интеллекту будут считать интерпретирующее мышление таким же архаическим, как мудрость, духовность и (теперь уже) логос-языковая рациональность, а его/их живых носителей патриотами, консерваторами и опасными фундаменталистами. Произ/ходит/ойдёт это незаметно, в режиме эвтаназии, под наркотизирующие крики о гаджетизме и инновациях. Мы не будем знать, когда нас не будет. Если, конечно, всё не рухнет раньше под тяжестью результатов нашей, катастрофически ограниченной в понимании направления и целей, деятельности.

Фундирует и возглавляет эту деятельность наука и «научная философия», которые в эпоху постмодерна целенаправленно повели борьбу с условиями человеческого бытия как таковыми. Жаждают, работают над достижением «конца света». Античеловеческие, несовместимые с жизнью идеи культивируются не в фантазиях, не в обывательских спекуляциях желтой прессы, а на передовых рубежах современного познания. Его «самые умные», ученые (!) представители начали отказываться от мира, в котором живут. В основном, правда, делая это бес-сознательно. Но как они «дошли до жизни такой»?

2. Человек в сознании

Прежде чем быть «в сознании», «разумным» (consciousness, mind), человек, что мы уже начали обсуждать выше, был духовным, «имел душу» (soul, anima). Это время Традиции, эпоха премодекрана, когда знание и мысль органически переплетались с чувствами – страхом, верой, любовью, надеждой и т. п. В мифические времена люди считали (исторически сказать – представляли), что о чем мы говорим как о сознании, на «постоянной основе» существует вне их – вокруг, выше, ниже. Оно входит в их тела с рождением и покидает после смерти. Это были сущности и существа, обычно всемогущественные, добрые или злые, которых можно призвать, изгнать, умиловать. Они овладевают человеком как объектом, делая его сферой обитания. Сам человек в качестве самостоятельной сущности не существует. Он, если забегая вперед, заимствовать терминологию современных авторов, «функция места». Места Духов. Про-Явление внешних сил.

В монотеистическом мире человек непосредственно отождествляется с духом (душой), которые первичны, изначальны. Он частица субстанции всеобщего Духа, его «самоноситель». Искра божественного огня, летящая и потухающая. В Библии сотни раз говорится о душе и сердце, но почти нет ума и никакого сознания. Смерть верящего в Бога происходит в результате отделения души от тела, однако он умирает внешне, сбрасывая данную ему на время материальную оболочку, а как таковой, перерождаясь, внедряется в другие существа, или попадает в рай/ад, в зависимости от поведения в земной жизни. Без смерти. Навечно. «Мертвые души» – оксюморон, на самом деле таких душ быть не может. Человек здесь Homo Dei, spiritual, принадлежащий Богу – во-плоти(вшийся) дух. Изначальное присутствие в нем (про-явление) высших сил. Или, по контрасту, низший образ его природной временности: Homo bullo. Мыльный пузырь.

Люди духа, как при внешнем, так и внутреннем его местопребывании, живут реальностью воображения, которая делает их поэтами, верующими, мистиками. Они не столько осознают, сколько переживают мир. Состояние Традиции и «поэзиса» длилось тысячи лет. Условно говоря, до возникновения «логоса» как рождения философии, а потом (в ее лоне) зачатия науки – до греко-римской античности, или говоря более строго – европейского Нового времени, когда Homo, подняв

руку (секуляризации) на Spiritual, объявил себя Sapiens-ом. Это произошло буквально «на днях», в «последние часы», справедливо именуемых эпохой Разума = Просвещения, рассеявшей тьму веры/любви и обуздавшей хаотическую силу чувственного воображения. Обрезав нити помоч(щ)и, соединявшие с Небом, отделив себя обувью культуры от питавших его корней Земли, Ното sapiens в(ос)стал на собственные ноги. И, стремясь уже не вверх, а вперед, пошел, пошел «по дороге прогресса», на которой духовный, достигший великих результатов в искусстве и религии человек, несмотря на продолжающиеся сольные иззакулисные выходы, уступает авансцену жизни носителям знания и науки. «Поэзо/эстетизис», оттесненный на обочину, ре(про)грессируя через этап мудрости/софии, потом живого слова/логоса, опять уходит в традицию (теперь с маленькой буквы), т. е. в (при)донные отложения культуры. Окончательно он был побежден рацио/логосом как Смыслом и Делом. Антей превратился в Прометея, украденный у богов огонь которого, разгоревшись в пламя цивилизации, пожаром охватил весь земной шар.

У верующих не в Бога, а в Прометея (ученых, секуляристов) ни духа, ни души нет. Совершенно бездушны философские материалисты и атеисты. У них – психика, обусловленная, в отличие от души и духа, жизнью тела, т. е. нечто атрибутивное. Это не окружающая его аура и не частица вечной божественной субстанции, а свойство, функция. Со смертью тела погибает и она. Никакой психики вне индивида, в том числе, когда ее редуцировали «к уму», к ментальности – нет. Человек здесь Ното *vitae sapiens* – разумный, сознательный и даже идеалисты, когда речь пошла не о «духе», а о разуме, связывали его с обстоятельствами телесной жизни. Хотя начатая Декартом и трансцендентализмом Канта линия на субстанциальную трактовку сознания, отождествляя его с *cogito*, «чистым разумом», стала философским зародышем разрыва единства сознания с телом, реально это отождествление/разложение составило содержание только следующей, неклассической эпохи. Заменяя дух сначала психикой, потом сводя к сознанию, Новое время прикрепляло их к конкретно-родовому человеку. Физи(ологи)ческое и психическое, мозг и сознание для господствующего в нем научно-атеистического мировоззрения, в особенности эволюционной антропологии, не разные миры, а взаимодействующие (правда, по-разному), сущности единого целого, которое делает индивидуума самостью. Возникает «Я». Субъект. Личность. Со(ново)временный человек.

В «со-стоянии Просвещения», ограничивать ли его Новым временем, рациональностью или трактовать широко, как любое секуляризованное мировоззрение, включая всю историческую метафизику, место Бога занимает человек. Становится **Человеком**. И/но подобно христианскому Богу выступает в трех ипостасях: Личность=Субъект=Сознание, существуя тоже в виде Троицы, «неслиянно и нераздельно».

«Высшее счастье детей Земли – личность» – говорил Гёте. Личность как «практический субъект» и Субъект как «теоретическая личность» явно или косвенно центрируют всю классическую философию, сознание в которой либо прямо отождествляется с бытием (идеализм), либо предстает его универсальным проявлением (материализм). «Типический» русскоязычный словарь по философии второй половины XX в., т. е. времени ве(ко)нца классической философии, де-факто фиксируя ее итоговые достижения, дает: **«Личность**, общежитийский и научный термин, обозначающий 1) человеческого индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности (лицо, в широком смысле слова) или 2) устойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества, общины»¹. Человек как сознающий себя личностью субъект – это системообразующий фактор просвещенческо-модернистской картины мира, родовая стволовая клетка, которая, делясь, определяет все ее содержание. Если непосредственно какое-либо философское течение не занимается человеком, то все равно подразумевается, что оно создано им и служит ему. Отказ от представлений о человеке как личности и сознательном субъекте, означал бы превращение Смысла в абсурд, крушение, катастрофу не только его как такового, но и мироздания, созданного сначала Богом (премодерн), потом самими людьми (модерн) и тысячелетиями обживаемого ими как Дом (бытия). Это было бы /будет поистине страшное в своей у-ничто(жающей) силе событие.

И вот – **Оно произошло**. Аккуратнее говоря, происходит на передовых рубежах эволюции человека, характеризующихся вступлением в эпоху постмодерна. Мы в нем живем. Если вновь обратиться к общающим публикациям, то, пожалуй, в самом известном русскоязычном, так называемом «Минском» словаре по постмодернизму, который, «являя собой квинтэссенцию стиля философии второй половины

¹ Личность. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 314.

20 – начала 21 века»¹ как (оправданно!) пишут его авторы, этих великих ключевых категорий больше нет. Он их не знает. Не видит. Вообще. Среди 250 терминов статья о человеке отсутствует! О личности – тоже. О субъекте – ее нет. О сознании – не найдете. Как нет и категории Бытия. Отсюда можно сделать уверенный вывод: классический мир исторического человека вместе с ним самим ушел в небытие. О нем если и вспоминают, то в контексте и ради «ви(е)дения» его смерти. Статья о смерти Бога есть, о смерти субъекта – да, смерти автора – конечно; всего разнообразным смертям (потребительское изобилие), включая саму(ю) почетную категорию «Смерть», в данном авторитетном своде актуальных = постмодернистских понятий, посвящено более 50 страниц. Что касается смерти человека как такового, то она стала всемирным брендом любого авангардно-прогрессистского сознания. Без нее и эстетики пустоты, зла и перверсий, глумления над жизнью, вплоть до отмены полов, оно – никуда. По-истине, сформировалась «Культура смерти». Фактически, если думать последовательно = честно – Идеология самоубийства. Это что-нибудь да значит!?

Значит, что *Человечество вышло на тропу войны с самим собой. И на плане смыслов победило. Происходит теоретический (для начала) апокалипсис (холокост=всесожжение, в терминологии Деррида), в котором возникает «Тот свет» – новационное, постчеловеческое (Не)небо и новая, постчеловеческая (Не)земля.*

Сказать, что после деконструкции «пре» и модернистской картины мира осталось пустое место, нельзя. В постмодернизме, как видим, был раз(на)работан и продолжает совершенствоваться свой специфический категориальный аппарат. Не только для разрушения, умерщвления представленного в метафизике мира посредством «де» и «анти», как на этапе руинизации, но и для позитивного конструирования. Это аппарат более мягкого «изживания человека», состоящий из категорий для выражения состояния «после него», где человек предстает в виде совокупности концептов, как персона(ж), складка, карман, точка сборки и т. д. Когда эти понятия относят к традиционным людям и их предметной реальности, то получается произведение абсурдистского художника. Абсурдизм тоже род искусства и множество теоретиков упражняется в замене бытийных явлений концептами складок, складками

¹ Предисловие. Новейший философский словарь по постмодернизму. Минск, 2007. С. 5.

концептов, видео-медиализируясь и пополняя быстро растущий отряд идеологов новой карт(ы)ины нового мира. Однако подобные занятия не могут отменить потребности в защите и сохранении территории, где человек мог бы жить не в «живом журнале», а «традиционно» – как целостное телесно-духовное существо. Потребность, которая постоянно воспроизводит попытки сопротивления прогрессу, удержания Традиции, в которую теперь можно включать и модерн – как экологию и консерватизм.

В свое время мы имели возможность сказать, что система категорий постмодернистской философии становится не абсурдной, а вполне «реалистичной», логичной и содержательной, если ее соотносить не с предметной, а с виртуальной реальностью¹. Концепты, ризома, персонажи, различие и повторение, тела без пространства, программология и т. п. понятия вполне адекватно описывают функционирование Сети. Сети, которая является (основой) double world. Постмодернизм, по сути, это идеология computer science, мировоззрение (для) пользователей и на(ви)сельников виртуальной реальности. Хотя одновременно оно иррадирует в предметный мир, культуру, повседневное сознание людей, неся туда, когда его непосредственно прилагают к их реальной жизни, несущую путаницу. И ничего не дает для понимания положения, в какое они попадают, подавляемые и пронизываемые экспансией несоизмеримых с ними как целостными существами медиа/вирту/микро/нано/мега реальностей. В то же время исторический аппарат эпохи Просвещения применительно к новым явлениям потерял объяснительную силу. В результате мы не имеем языка для описания положения и образа человека, живущего после своей (пока теоретической) смерти.

Да, прогрессисты утверждают, что человек умер, приходится соглашаться, но мы не верим, что до конца, «детерриториализован», «децентрирован» до полного исчезновения в виртуале. Он все-таки «присутствует» (потрогайте себя) в макромире, на Земле. Но каким тогда Homo sapiens становится в окружении высоких, т. е. постчеловеческих, Нитехнологий и сред? Что человеческого остается от тех, кто ушел в Сеть или, функционируя как земно-водное, оттуда иногда возвращается? Бог умер в XIX веке, но его остаточные проявления продолжают влиять на людей. Религия перестала быть воздухом, которым дышат и силой,

¹ Подробнее см.: Кутырев В. А. Философия постмодернизма. Н. Новгород, 2006.

определяющей их сознание. Она трансформировалась, бог подвергся обмирщению, отделен от государства и заключен во благо(ему) устроенные церковные резервации, но в него верят, ему поклоняются. Теперь этот процесс дошел до человека: его самозабвенно умерщвляют, гуманизм перестал быть высшей ценностью, однако, «не весь», многие, (реакционеры) хотят остаться «как есть» и упорно сопротивляются изживанию и дегуманизации. Включая тех, кто прямо захвачен новационным поток(п)ом, составляя его содержание, пусть «мертвые», но еще не похоронены, существуют и действуют. Да, много и, к сожалению, все больше теоретиков торопливо соглашается, что человеку пора расчеловечиваться. (Простить, при личном уважении, например, к Г. Л. Тульчинскому, его самоубийственную по сему случаю радость: «И слава Богу!» – невозможно), что он становится другим: без-личный, не-субъект, без-сознания (“undead”, как определяют его в англоязычной литературе), полезно знать, как это происходит, во что/кого он превращается. **Кто он (будет) в таком случае?**

Пришло (увы) время обсуждать перспективы человека в его постчеловеческой перспективе. В мире «по ту сторону человека».

Хотя бы в какой-то одной ипостаси.

Возьмем, пожалуй, тему в «потусторонней литературе» (постмодернизме), в отличие от активно обсуждаемого Бытия («забвение бытия», «бытие у своего порога», «ускользание бытия») философски намного меньше отрефлексированную или хотя бы оплаканную: *как трансформируется его Сознание*. Оно убило Дух, через кого теперь осуществляется возмездие? Поняв эту ипостась Троицы, или, что тоже самое, всю Троицу в этой ипостаси, достаточно легко спроецировать ее/их на общую судьбу Мира (и) Человека.

3. Потеря сознания, в-падение

в мышление и когницизм*

Секуляризация духа в эпоху Просвещения привела к сужению чувственной и сверхчувственной сферы до разума, или, что в обновленной философской транскрипции синонимично – сознания. «Лишавшиеся чувств» стали «терять сознание», блаженные, бесноватые, юродивые превращаются сначала в душевно, потом психически больных,

ума-лишенных или с-ума-шедших. Это не означало, что все идеальное сразу стало приравняться к рацио(нальному), к ментальности. Кант, как известно, разделил разум на два типа: чистый и практический. Первый априорный, теоретический, ко второму относится разум, которым люди руководствуются в поступках, нужный для жизни, а не познания. Полнота духа воспроизводится, но точка отсчета изменилась. Вместо чувственности и духа как носителей веры, любви, красоты, ею стало знание. Вместо поэзиса в фундамент сверхчувственного был положен логос, рацио. Просвещение избавилось от духовности, редуцируя ее до сознания, разума. Но скорее структурно (и терминологически), т. е. не уничтожив, а только истощив, модернизировав. Эпоха модерна, ее начало.

Следующий принципиальный поворот в трактовке сознания справедливо связывать, что мы и делали при рассмотрении трансцендентализма, с Гуссерлем. Проблемы Духа (святого, поэтического) для него нет, он был преодолен уже Кантом, однако остался «практический разум», «психика» (атеистические). С ними Гуссерль поступает не менее жестоко, чем они с духом: не хочет знать. Для этого, как и у Канта, все, что не вмещается в чистый разум, в том числе психическое, приравнивается к «вещам-в-себе». Но в отличие от Канта он лишает вещи-в-себе самости. Путем преодоления «естественной установки», предполагавшей объективное, независимое от по(со)знания существование эмпирического и трансцендентного миров, что становится возможным благодаря постулированию им такого чуд(ес)ного свойства сознания как интенциональность. Сознание всегда на что-то направлено, благодаря чему вещи-в-себе воскресают и вновь существуют, однако уже как вещи-в-сознании (потом их назовут информацией). Происходит великий отказ от чувственной материи и сверхчувственного духа/психики путем их поглощения сознанием, принятием в его лоно. Субстанциально, по своей «природе» они отсутствуют, но не исчезли как феномены, ибо представлены, заключены в сознании/разуме в силу его универсальной «априорно-содержательной» природы. В итоге получается, что все сущее есть сверхчувственное, идеальное. И не просто идеальное, а рациональное, ноуменальное, ничем посторонним не загрязняемое сознание. Сплошной Разум. Апофеоз Сознания. Чувственное и психическое, вообще любое бытие – Его/их состояние. Мир становится единым, однородным, наконец-то на самом деле чистым, что делает возможным возникновение строгой

науки. Строгой настолько, что теперь в ее фундамент вместо логоса можно положить матезис. Точка отсчета в представлении, правильное сказать, моделировании мира, изменилась: ею становится количество. Логос уступает (первое) место Матезису. Прометей, через преобразовавших эстафету живого огня в электричество исторических посредников, посылает ее в виде «вещей-в-сознании», т. е. вещей-как-информации Биллу Гейтсу. Наступает конец эпохи модерна. И вырвавшая ее метафизики.

Начало конца. Его абстрактно-философское проектирование. Растворив объективный мир в сознании, Гуссерль обесмыслил понятие субъекта не только в виде эмпирического индивида, но и как некое абсолютное априорно познающее существо, называемое, начиная с Канта, трансцендентальным субъектом. Нет объекта, не нужен и субъект. Сознание стало единственной реальностью, которая не объективна и не субъективна, она просто есть. Она не хаос, упорядочена и организована. Космос! (пока теоретический). Фактически это было философско-спекулятивное изобретение релятивистского моделирования мира, в параллель структурализму, развертывавшемуся в частных науках, в том числе гуманитарных, прежде всего в лингвистике. Структурализм представляет сущее трансдисциплинарно – как множество (систему) по-разному объединенных между собой элементов и отношений абсолютного сознания. Мир есть иерархия структур. Это положение закрыло эпоху субстратов и вещей, открыв эпоху функций и отношений. Потом скажут – различий/различаний. Вещи мы ощущаем, а функции/отношения/различания можно только мыслить. Априоризм и матезис получают бытийное основание. Количество тоже своего рода качество = квалиа – субстанция. Но **Иного**. Возникает «постнеклассическая онтология». Уже совсем бесчувственная, хотя не сразу, были этапы. Перво(й)начальной «естественно-бытийной» структурой является язык. Соответственно, перенося в *структурно-лингвистической* парадигме ударение на второе слово, можно уверенно сказать, что все есть язык. И сказали: в XX веке адепты и пропагандисты структурно-лингвистического поворота, отдали жизни доказательствам универсального характера языка. В передовых рядах гуманитариев произошло своего рода языковое (умо)помешательство. Язык наделяли почти мистическими миростроительными возможностями. Но как всегда в таких случаях бывает, по мере разворачивания борьбы за чистоту и однородность сущего, в оболочке

безразмерно надуваемого структурно-языкового мира стали появляться трещины. У языка обнаружился существенный недостаток: родимые пятна, тайный канал связи, необрезанная пуповина апостериорности. Звучание, голос (фоноцентризм – уличит потом Деррида), вообще эмпирия, а значит, человеческое и субъектное, что для постметафизического, математизирующегося познания и науки недопустимо, непростительно. Выходом из затруднения стал переход от постулирования универсальности языка к постулированию универсальности текста. Он, как и язык – структура, но намного более абстрактная. Текст отчужден от человека, в нем нет никаких его следов, кроме мысли. Он не фонит, не я-з(в)ычит, может жить без автора. А потом и ... смерть автора. Текст, особенно универсальный, тождественный миру, сам пишет и читает себя, существуя в автономном режиме. Текстурбация... Короче (говоря) «пиша»: *There is nothing outside of the text!* Апофеоз языка сменился апофеозом текста. Но это была последняя черта, стена, до которой дошел и в которую уперся структурализм. Окончательный конец эпохи модерна.

И начало *пост*структурализма в философии, гуманитаристике и культуре в целом. Другими словами, вступление нашей цивилизации в эпоху постмодерна. По дороге к ней, модернизм, как видим, упал, потеряв сознание. Отождествил с бытием – и утратил. Потерял как нечто специфическое, присущее человеку свойство. Его искали и продолжают искать в физиологии, сводя к устройству, нейронным связям и выделениям мозга. «Как из печени желчь» – объясняли старые вульгарные материалисты. Но оно, в отличие от желчи, как синяя птица, исчезает. Как исчезает при переводе с естественного языка на язык программирования, философию которого, не объявляя, а может, сами не понимая этого, и представляют сторонники «личностей без умов» (Р. Рорти). Сознание ищут в «новой физике», переводят на «наноровень» (Р. Пенроуз). Получается, что, чем дальше мы уйдем от него/себя, вплоть до: «в никуда», тем объяснение будет глубже. По-видимому, это уже сциентистский абсурд (абстрактно теоретичный бред). Впрочем, мы дали обет не трогать проблему *mind-body*, ввиду ее полной исчерпанности новационно вульгарными (преимущественно нейронаучными) материалистами, и соблюдая эту клятву, в дальнейшем рассмотрении сознания обратимся к собственно постмодернистским авторам, которые, если и не нашли его или даже окончательно уничтожили, но, делая это сознательно, нашли, предложили вместо него

нечто другое. Что более плодотворно, нежели потерять бесследно. Это «другое» все-таки связано с целостными людьми, а не «мозгом в банке» или квантовой физикой, способами их жизнедеятельности, которые, сколько ни вычищай из теоретических конструкций, как ни объявляй об их смерти, продолжают существовать. Правда, меняются, кажется, до неузнаваемости, до потери личности, но смысл философствования – узнавать. Понимать, что происходит. С миром и человеком.

В объявлявшей на всех перекрестках о смерти человека и субъекта постмодернистской философии довольно долго не было понимания, что тогда надо умертвлять и сознание. Да и как это сделать, тем более, в отличие от структурализма, развертывавшегося как бы параллельно метафизике, постструктуралистское теоретизирование в некоторых вариантах прямо отталкивалось от нее, из-за чего разрыв переживался болезненнее. Открыто и решительно, сознавая величие стоящей перед прогрессом науки задачи, в российском сегменте постмодернизма на него решился Г. П. Щедровицкий. «Я здесь должен сделать следующий шаг, – подводя итоги возглавляемого им мыследеятельностного движения, реконструировал он этот процесс. – Одним из важнейших результатов последующего периода – 60-х – начала 70-х годов – было различение *мышления как субстанции и сознания*. И надо спрашивать, как устроено сознание, и разрабатывать теорию сознания как таковую. И это – совершенно особая дисциплина. Сначала надо строить философию сознания, потом науку о нем, если она возможна. Но это – то, чем я не занимаюсь, и я там мало что понимаю. А вот мышление – это не сознание. *Мышление – это особая субстанция*. Вот что мне важно различить»¹.

Слово было сказано. Четко и недвусмысленно, как все, что говорил и делал Г. П. Щедровицкий (это было его главное слово!). Объективный заказ на «завершение» человека принят: лишить его мышление сознания. Не сознание (индивидуальное), а мышление (над-индивидуальное) – вот что обладает реальностью. Которое *вместо* сознания. Как будто милостиво, щадяще относясь здесь к сознанию, (все-таки жизнь, история философии, коллеги-психологи) в дальнейшем он его полностью забывает, а потом, трансформируя человека, уничтожает

¹ Щедровицкий Г. П. Онтологические основания деятельностного подхода. Искусственное и естественное. // На досках. Публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого. М., 2004. С. 100.

и отбрасывает. Вместе с человеком. Мышление отделяется от эмпирического Homo sapiens и универсализируется. Получается Sapiens без Homo. Все сущее предстает как априорно/аутично саморазвивающееся мышление, его проявление. «По сути дела, *не человек мыслит* (курсив мой. — В. К., хотя дальше все можно выделять курсивом), а мышление мыслит через человека. Человек есть случайный материал, носитель мышления. Мышление сегодня по случаю паразитирует на людях и двигает людьми. Это надо четко понимать и рассматривать мышление и деятельность как особую социально-культурную субстанцию, захватывающую на время тех или иных индивидов и использующую их»¹.

Превращение сознания в мышление означает, что оно становится «функцией места». Любого, по крайней мере, в социуме, а фактически, «вообще». Мышление может возникнуть где угодно, главное, чтобы это был не человек, без субъектно. «Не между ушами» (так его авторы (?) стали определять (на)значение своих и читатель, не обольщайтесь, ваших, да всех прочих, будто бы «мыслящих» голов). Допустимо предположить, что мыслят деревья, камни, животные, артефакты, отношения между ними — лишь бы не голова. Какой-нибудь отъявленный консерватор решится утверждать, что он (человек) все-таки мыслит, пусть не головой, то хотя бы ...(ой). Нет, это было бы для не(е)го слишком лестно. Он не мыслит как таковой, по природе. Если Homo, наряду с другими объектами и существует, то без sapiens. Такова уж теперь его «природа». Наподобие мифических духов субстанция мышления в него только вселяется, не возникая у него, а овладевая им. Существовая «наряду с машинами и знаками», люди нужны для проявления этой мыслительной субстанции. В качестве табло. Мы, увы, даже не компьютеры, только мониторы. Вводимое Г. П. Щедровицким немислимое в модернистскую эпоху ценностное уравнивание человека с любыми другими феноменами мира казалось тогда дерзким, но оно доводит до логического завершения лишение его статуса субъекта**.

Благодаря отделению от человека, провозглашаемое в постмодернизме мышление, сначала, как видим, перестало быть сознанием людей. Вторым шагом постмодернизм лишает их и собственно(го) мышления. Оно есть, остается, но в качестве продукта внешних обстоятельств, будто бы социально-культурных отношений, которые сформировались

¹ Щедровицкий Г. П. Основные вехи становления концепции ММК. // На досках. Публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого. М., 2004. С. 120.

каким-то загадочным образом без человека. Благодаря этому, однако, оно, наконец, чистое, не обусловленное какими-либо страстями, интересами, а значит и смыслами людей/индивидов. Оно «не загрязнено» человеком. **Постчеловеческое!** *Человеческое сознание, исчезающее вместе со смертью человека как субъекта и начало, а точнее, экспансионистское постулирование извечного существования не(пост)человеческого мышления, – вот постмодернистская реконструкция «философии сознания».* Только в таком виде ее предлагают считать актуальной. Все остальные трактовки надо отбросить как ошибочные, устаревшие. Иначе... «И это, говорю я, опять-таки важнейшая оппозиция, решающая, с моей точки зрения, судьбы XX века и следующих двух-трех столетий, поскольку трактовка мышления как эманации человека и человеческого сознания есть, по моему глубокому убеждению, величайшее заблуждение европейской истории. И это то, что сегодня делает нас идиотами и мешает нашему развитию»¹.

Итак, быть идиотами = философами (историческими метафизиками) и обычными (*Homo sapiens*) людьми, значит верить, что: 1) сознание есть мышление, 2) мышление есть сознание, 3) человек мыслит, 4) мыслит человек, 5) делает это как субъект. И 6) огромное количество следствий, увенчивающихся уже совершенно идиотским, действительно мешающим дальнейшему развитию цивилизации, мнением, что человек вообще (*Genus homo*) существовал. Тем более, 7) должен существовать***.

В широких кругах философско-гуманитарной общественности постмодернизм долго воспринимался как нечто скандальное, патологическое, его пытались игнорировать, осмеивали, потом к нему привыкли, стали обильно пересказывать, беспринципно усваивать, не обращая внимания «за кого» он метафизику и человека держит. И не понимая, что при прямом его принятии и согласии с ним применительно к естественному миру, к размерностям макробытия, он в этой оценке прав.

Или же, не желая подтверждать подобную оценку, его надо отвергнуть, считая «трепом», игрой праздных умов?

Ни то, ни другое. Надо видеть, что в постмодернизме нашли преврат(щен)ное отражение процессы становления на Земле новой,

¹ Щедровицкий Г. П. Онтологические основания деятельностного подхода. Искусственное и естественное. // На досках. Публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого. М., 2004. С. 120.

постчеловеческой информационно-виртуальной реальности, реальности матезиса, дигитализма, Сетей, коммуникации, искусственного интеллекта, робототехнического предметного мира. Становления *double world*. *Отделение мышления от сознания было открытием, точнее, философским рефлексом (к сожалению, не рефлексией) становления computer science и начала когнитизации нашей естественной реальности*. В этом бытийная суть Великой Интеллектуальной революции XX века. В виртуально-компьютерном мире действительно нет сознания, человек не субъект, он не мыслит, а вычисляет, да как целостного существа, личности, его в нем и нет. Он/а/ в него не вмещается, если только не более чем персона(ж). Inet! Сплетя паутину, мы стали в ней мухой. Вот (не)почва, область, причина популярности бессубъектного теоретизирования. Когда ее не выделяют, не отличают от традиционной=соразмерной нам действительности, перепутывая законы их развития и функционирования, теоретизирование становится хаотизированием. Как в отношении предметного, так и виртуального миров. Что мы то и дело наблюдаем: философы, кто рефлексировал, а не просто является рефлексом событий, выглядят как безнадежно отставшие от прогресса идиоты, а постмодернисты, настаивающие на универсальном характере когнитивизма, как потерявшие здравый смысл и сознание сумасшедшие. И те и другие правы...

В критике метафизики как философии макромира, постмодернистское движение в России развивалось от предметной деятельности к просто деятельности, потом мыследеятельности, а потом к коммуникации и мыслекоммуникации. Его лидер успел провозгласить отказ от речи в пользу «схематизации», «мышления на станке», «методологической графики», но «мелом», «на досках». Это было кустарно-гуманитарное изобретение «машины мышления», стихийный переход от логоса к матезису, который реально проходил как процесс компьютеризации по(со)знания. В отличие от российского извода, вторая в Европе, французская ветвь постмодернизма опиралась на более высокий уровень технического прогресса и опыт отталкивания не от «сырой» метафизики, а от преодоления структур, языка и текста, когда метафизика уже была загнана в подполье и деонтологизирована. Значит, можно было начинать бороться прямо с логосом. Прежде всего, в работах Ж. Деррида, который, в отличие от ближайших коллег по деконструкции метафизического философствования, не остановился на ней, а предложил позитивную программу, выработав «субстанцию» для построения

(конструкции) нового мира. Это была идея отказа от звукового языка и буквенного текста, их замены «письмом», теория грамматиологии. Письмо или грамματοлогическое мышление есть знаковые, чисто формальные, математические способы обработки реальности. Грамма как единица следа и различия, черточки и пробела – это «бит», гуманитарный аналог технической записи информации. Полу-и полностью автоматизированное *мышление-коммуникация*. В нем нет предметного содержания, образов и смыслов (в этом смысле оно трансцендентальное, безбытийное), от которых оно только отталкивается в начале или они «вышелушиваются» в его конце. При интерпретации, культивировать которую становится все труднее, ибо под влиянием машинного мышления человек постепенно совсем теряет сознание, т. е. перестает понимать *о чем*, о какой реальности мыслит. И ему этого даже не надо. Вредно. В том числе в «конце и начале». Даже когда он это делает «вручную», собственной головой.

В «конечном счете» формальное мышление-исчисление, превращаясь в безъязыково-бессловесное, будет осуществляться «от мозга к мозгу», о чем день и особенно ночью мечтают творцы так называемого открытого (прямая передача и чтение мыслей) церебрального общества. Процесс потери сознания у человека идет полным ходом. Техническое, в пределе – бессловесное мышление как бы незаметно, но довольно быстро становится господствующим, нормой, своего рода парадигмальным способом отношения к миру. Теряя сознание, мы перестаем быть по-человечески воспринимающими и переживающими мир существами, если не вообще – людьми. Вместо нас возникает нечто *иносущее*, более адекватное техническому прогрессу. «Сделано без человека» – вот идеал качества современного продукта или надежности процесса. Вместо антропологии и гуманизма – трансгуманизм, а точнее, трансгоманизм, гуманонология и *posthuman study*. Таков теоретический результат отказа от всего реального, не виртуального, еще не информационного, естественного и культурного в человеке. Дискредитации живой телесности, этноса, полов, религии, морали, смысла, образности, духовности. И сознания. Замена его информационным мышлением без образов и даже языка. Прежде всего, в образовании, для чего оно и реформируется. Для «автоматизации образования». Чтобы закончиться *закатом Сознания*. Про-граммированием (мозгов). Ради возникновения «нового человека», вернее трансчеловека. Естественно, в масштабах глобального мира.

4. Глобальная технологизация жизни

При первом взгляде на глобализацию она предстает как усиление взаимосвязей между людьми разных стран, этносов и культур, ведущее к формированию из населения земного шара единого человечества. Радоваться бы этому! О жизни «без границ и контрибуций» мечтали самые благородные умы. Однако в который раз подтверждается, что реальное осуществление некогда желанных целей часто порождает проблем больше, чем решает.

Превращение человечества в целое амбивалентно для его блага. Если для производства, экономики, техники соединение разрозненных усилий дает эффект эмерджентности, способствует росту, то сферы жизни, где самоценны различия – деградируют. На начальном этапе усиление взаимодействия может происходить при сохранении качества составляющих систему частей. Это феномен комплексности, предполагающий функциональное единство компонентов при их субстратной гетерогенности. На содержательном языке об этом говорили как об интернационализации. В дальнейшем, при отсутствии противонаправленных усилий процессы обычно идут в сторону стирания различий между частями. Компоненты становятся одинаковыми и вся система – гомогенной. Именно такой характер приобретает сейчас взаимодействие людей на планете, заставляющее говорить о глобализме. Мир давно, по крайней мере, с Нового времени был единым, но как комплекс, теперь он переходит в состояние однородной органической системы.

В глобально целостной системе этносы не обогащают друг друга, а взаимопоглощаются, культуры не получают импульс для самораскрытия, а нивелируются, страны не коэволюционируют, сотрудничая, а унифицируются. Везде то же самое надевают, едят, пьют, поют, везде Диснейленд и Макдональдс. Своеобразие народов уходит в прошлое, в традицию, в фольклор и существует как пережиток прошлого. Если бы в городах не было старых кварталов и музеев, то путешествовать было бы совершенно бессмысленно – человек неизбежно попадает в окружение изошренно одинаковых автомобилей, дизайн-зданий, его преследуют вездесущие рекламы транснациональных корпораций. Многообразное, до противоположности, пестрое, географически разбросанное и растянувшееся по историческим эпохам

человечество стоит на пороге трансформации в раздираемое противоречиями, но структурно однородное пространственно-временное образование.

Формирующийся одинаковый образ жизни не равновесное смешение всех существующих форм. Это не сплав этносов, культур и политических институтов с заимствованием в каждом лучшего и включением его в общую целостность. С точки зрения содержания в глобализме выражается победа западной, в особенности американской культуры над всеми остальными. Экономика, государственное устройство, наука, первоначально возникшие в Европе, сейчас захватывают в свою орбиту другие народы. Так называемые общечеловеческие ценности фактически рождаются западной, либерально – рыночной демократией. «Новый мировой порядок» результат ее развития и несогласные с ним рассматриваются как консерваторы, стоящие на обочине цивилизационного процесса, его «изгои». Кто хочет сохранить традиции своей культуры и нерыночный, нелиберальный образ жизни, тот противится «воле истории». Если бы существовала красная книга погибающих культур, она была бы очень толстой, а вскоре ее возможно придется сдать в архив, из-за того, что заносить туда больше нечего. На Земле остается одна, единственная – глобальная – современно-западная культура. Вернее сказать, не культура, а цивилизация.

Стоит ли, однако, драматизировать ситуацию, ведь любые существующие ныне этносы и культуры продукт интеграции более мелких. Народности образовывались из племен, нации возникали в результате переплавки в тигле истории народностей с потерей их оригинальных обычаев, искусства, языков. Тем более экономические и государственные формы. Глобализация завершает данный процесс. С этим следует согласиться, но в том же и проблема. Завершение не продолжение. Если до сих пор происходило укрупнение культурных единиц, то дальше укрупняться нечему. Между тем разнообразие является условием выживания организмов в быстро меняющейся среде. Совершенствование невозможно без отбора, а для него нужен материал. Законы эволюции относятся как к биологическим, так и любым другим системам. Становление монокультуры означает сужение базиса развития человечества. При коренных изменениях – война, природные, техногенные катастрофы и т. п. не будет заготовок и моделей для соответствующей адаптации, не окажется ростков, способных дать

всходы в новых обстоятельствах. Корабль, в котором убраны трюмные перегородки, становится легче и идет быстрее, но может погибнуть от одной пробоины.

И все-таки трактовка глобализации как потери культурного разнообразия недостаточно глубокая. Это пока драма. Трагичность положения культуры в глобальном мире в том, что она вырождается, исчезает вообще, вытесняется другим способом воздействия на духовную и социальную жизнь. Несмотря на споры по поводу определений, культура немислима без табу, норм и регламентаций, общего представления о долге, чести и совести, без опоры на моральные, религиозные и эстетические регуляторы. Это ценностно-рациональное отношение к миру. Оно ограничивает свободу индивида, его личные интересы, требуя «служения» чему-то внешнему, высшему, социуму или Богу, что несовместимо с идеалом открытого гражданского общества. Принципы служения общепонимаемому благу закрывают его, делая традиционным, тоталитарным. Правовое государство тоже стремится преодолеть остатки ценностного подхода к социальным проблемам вплоть до провозглашения «приоритета права над благом». Открытость общества предполагает, что люди в нем действуют, руководствуясь принципом полезности и личной выгоды, опираясь на расчет. Все его члены – разумные эгоисты, механизм их взаимосвязи – эквивалентный обмен услугами. Это целерациональное регулирование жизни. Не случайно сам Запад в настоящее время характеризует себя в терминах не культуры, а цивилизации. В пределе, если исключить «пережитки культуры» и брать рациональность в действии, это ситуация, когда все вопросы решаются технологически (социо – и психотехника, сексуальные технологии, техника общения и т. п.). Такое общество лучше называть Техносом. *Глобализм – это универсальный технологизм.*

Глобальная технологизация превращает человека из социально-культурной личности в человеческий фактор Техноса. Человеческий фактор, бурно протестуя против ограничения своей свободы культурными регуляторами, довольно легко смиряется, если они будут техническими. Лишение индивида имени, замена его номером и тем более «клеймение», всегда воспринималось как надругательство над достоинством человека. Но если номер обещают ставить лазерным лучом и хранить в компьютере, то у «прогрессивной общественности» особых возражений нет. Протестуют консерваторы,

фундаменталисты и прочие антиглобалисты. Слежка за гражданином, наружное наблюдение и письменные доносы – тоталитаризм, стукачество, но если посредством телекамер просматриваются целые кварталы и обо всем подозрительном предлагается звонить по специально объявленным телефонам, это воспринимается как необходимость обеспечения общественной безопасности. Поставьте «телескринов» больше, наблюдайте на всех станциях метро, умоляют обыватели правовых государств. Обыск в форме ощупывания одежды руками отвергается как нечто унижительное, но если по телу водят электронной палкой, все стоят как покорные бараны. И т. д. и т. п. Лишь бы не со стороны живых людей, не от имени культуры, техникой – и свободолюбивые либералы соглашаются на самый тотальный контроль. Удивительно, но разоблачение Э. Сноуденом слежки американскими службами за людьми всего мира меньше всего обеспокоило либеральную общественность. Не только в России, где эта «общественность» обычно отражает интересы Запада. Везде протестовали больше всего консерваторы. Потому что современный либерализм находится на первой линии превращения в технократизм. Открытое гражданское общество закрыто и регламентировано не меньше, чем традиционные, культурные, разница в том, что закрытость здесь «усовершенствованная», технологическая. *В условиях глобализации демократия вытесняется технократией.*

Замена хотя и стандартных, одномерных, но культурных отношений между людьми на технологические можно считать рубежом превращения глобализации в глобализм. Этот «изм» – выражение перехода к жизни без оценки поступков с точки зрения греха и воздаяния, добра и зла, прекрасного и безобразного. Главное, не нарушать правила игры, требующие из всего извлекать пользу, вписываться в потребности дальнейшего роста производства и совершенствования техники. В традиционных обществах спорили о высоких целях, в глобальном мире – о высоких технологиях. Они стали нашими целями. Образуется общество, которое предсказывали фантасты-утописты начала 20 века. Одни с упованием, другие с ужасом. Рассматривая оба подхода с временной дистанции практического становления «мирового государства», Дж. Оруэлл писал о складывающемся механизме его посткультурного развития: «... Будущее представляется все более ускоряющимся маршем технического прогресса: машины, избавляющие от физического труда, машины, избавляющие от размышлений,

машины, избавляющие от боли, гигиена, высокая производительность труда, четкая организация производства, больше гигиены, рост производительности труда, лучшая организация производства – пока вы не окажетесь в знакомой уэллсовской утопии, тонко спародированной в «О прекрасном новом мире», рае маленьких толстяков»¹. *Глобализм – это посткультура.*

Утверждениям о глобализме как стиранию культурных различий и движении к посткультурной технической цивилизации противоречат широко распространенные представления о плюралистическом характере нашего времени и наступлении эры мультикультурализма, апофеозом которого считают возникновение «индивидуальной культуры». Думается, что это противоречие поверхностное. В безудержной плюрализации, раздроблении культуры на дисперсные частицы как раз и выражается ее распад, превращение в материал «для другого». Индивидуальная культура, когда у каждого собственные понятия о добром или должном, персональная совесть, которая, естественно, всегда оправдывает свою персону, обесмысливает ее социальные функции, ведя тем самым, к исчезновению, что невольно признавали сами адепты экстремального мультикультурализма, когда он еще только обозначился. «Дорогой, но необходимой ценой за рост культурного разнообразия становятся, во-первых, ограничение разнообразия живой природы, а во-вторых, гомогенизация глубинных смысловых пластов этнических, рациональных, религиозных и прочих макрогрупповых культур. Следовательно, экологам придется примириться с неизбежным сокращением видового состава природной среды... Культурологам же стоит обратить внимание на то, что сохранение исторической самобытности каждой культуры – задача по-видимому благородная, но нереалистическая и будучи понята буквально, чреватая опасными последствиями...²»

Больше культуры, культурой объявляется все – чтобы ее было меньше и не стало совсем – такова коварная логика мульти – и микрокультурализма, сопровождающая процессы глобализации мира. Культура в современном обществе существует, но она, если вспомнить Гегеля, стала «неразумной». Аналогичная логика (диалектическая!)

¹ Orwell G. Wells, Hitler and the World State. L. 1970. p. 170.

² Назаретян А. П. Синергетика в гуманитарном знании. // Общественные науки и современность. 1997. №2. С. 96.

работает и в политической сфере. Условием победы глобализма как становления единого мира является раздробление национальных государств, этносов, особенно крупных, на более мелкие части. На куски, которые легче «проглотить». К глобализации через регионализацию. К тотальному однообразию через разнообразие и свободу. Свободу от культурно-политических регуляторов к тоталитаризму финансов, экономики и технологий. Универсальная технологизация жизни на социально-политическом уровне становится технократией. Власть людей как субъектов истории посредством технологий превращается во власть техники посредством людей, которые теперь ее «человеческий фактор». Таков механизм движения истории к своему «концу».

Идеальной моделью посткультурного, а если брать культуру в широком смысле слова, то и постполитического состояния мира является Интернет. Виртуальное пространство и в самом деле не делится на свое и чужое, здесь не важна ни государственная, ни этническая, ни половая, ни социальная, ни возрастная, вообще – «никакая» принадлежность пользователя, кроме содержания коммуникации, обозначаемого условным адресом. Восторгов по поводу такого анонимного существования не счесть и не перечесать. Наконец-то отбрасываются «заскорузлые» категории старого мышления, всякое почвенничество, патриотизм, конфессионализм, сексизм и др. И что получается? Человек-кочевник, номад, не принадлежащий ни к одной культурной группе, кроме, может быть, какой-либо профессиональной корпорации. Наш идеал, пишет известный постмодернистский, иными словами, посткультурный философ Р. Рорти, – «безродные космополиты», которых в свое время осуждал А. Жданов. О космополитизме как идеале толкует Ю. Хабермас. Но тогда не было Интернета. Если все человеческие отношения на их полную глубину будут строиться по виртуальному типу, то на историческую оценку споров вокруг идеала человека стоит посмотреть еще раз. И на объективное значение филиппик других постмодернистов против «этноцентризма», «фаллоцентризма», на концепции «тел без органов и без пространства». «Человек без свойств» – вот результат глобализации, доведенной до своего логического завершения. А разве бывают вещи и тела без свойств? *Глобализм – это конец истории, точнее, конец культурной истории человечества*, в ходе которой сформировался традиционный Гомо сапиенс как разумное, но телесное, чувственное,

ценностно-духовное, а не виртуально-информационное существо. Очевидно, что все, считающие себя представителями этого типа бытия, за сохранение культуры должны бороться.

По отношению к глобализму/космополитизму культура находится в том же положении, что и природа. Но если в необходимости защиты природы отдадут отчет и что-то предпринимается, то об экологии культуры говорят в самом неопределенном или узко эмпирическом смысле как бережном обращении с памятниками и артефактами. Нет ясности от чего/кого ее надо защищать, какие процессы угрожают культурному разнообразию мира. Не разрабатывается, следовательно, и модель потребного состояния. Под влиянием начинающей господствовать глобалистской идеологии «стираются», подавляются даже его контуры, которые в таком случае надо подчеркивать и пропагандировать. Общесистемным ядром разрешения противоречия между глобальными тенденциями развития цивилизации и существованием культур, ставшего критическим для современного мира, является «принцип Троицы» – неслиянно и нераздельно. Это синтез принципов механизма и организма, «живой комплекс», отношения между элементами которого не функциональные, а коэволюционно-синергийные. В политическом плане позитивной альтернативой глобализму является идея многополярного мира. Ее разделяет большинство государств планеты и предотвратить нарастающую опасность «столкновения цивилизаций» в ближайшей перспективе способен именно этот подход. *Глобализм провоцирует мировую войну.* Экономически ему может противостоять ориентация на «реальную экономику», ограничение спекулятивного манипулирования виртуальными финансовыми потоками, когда разрушается производство целых стран, независимо от действительного уровня его развития. Объективно в этом заинтересованы все правительства и нужно лишь понимание и политическая воля. Собственно культурная политика должна быть направлена на защиту традиционных, специфических для данного общества форм искусства, образа жизни, быта – «различий», того, что делает их интересными друг для друга, создает основу для взаимного диалогического и дружеского существования. Когда говорят, что ради мира между людьми надо прекратить их делить на «мы» и «они», это напоминает рецепт избавления от головной боли путем отрубания головы. Поддержание культурной идентичности этносов служит не только их сохранению самих по себе, но «человека со свойствами»,

человека как такового. Политические образования, этносы и культуры интенсивно взаимодействуют, сознательной целью при этом должно быть культивирование ими своей тождественности – «выживание». Аналогичная цель встает перед человечеством в целом. Эти проблемы взаимообусловлены.

Мир глобализуется и технологизируется, но его сегменты и страны находятся на разных этапах данного процесса. Если передовой отряд прогресса уже вступил в стадию информационного общества, виртуализма, нанотехнологий и прочих форм Hi-tech, то другие только стремятся к нему. Перед ними стоит задача изживания наличных формы индустриализма, социальной организации и культуры как некой устаревшей традиционности. Эта задача осознается ими как необходимость модернизации своих обществ. И все начинает рассматриваться через модернизационную призму. Зачастую те же самые процессы технологизации и глобализации предстают как модернизация уже не только сейчас, а и в прошлом. Оказывается, все было модернизацией, и люди говорили прозой, не зная об этом. Происходит своего рода «модернизация истории», через ее удвоение и обозначение другими словами. Избежать подобного запутывания сути дела можно, если помнить и понимать, что для части стран и народов модернизация это их специфическая форма технологизации, а в сущности речь идет «про одно и то же».

В определенном смысле вся человеческая история – это модернизация. Но чтобы не расплыться мыслью по древу, надо, видимо, указать ветку, на которой мы сидим и модернизируем: здесь, сейчас, в начале XXI века, в России. Под модернизацией в таком случае имеется в виду перевод общества на новационный образ жизни, внедрение (ин-новацию) в быт и бытие последних, «с пылу, с жару» достижений науки и техники. В отличие от предыдущих веков развития человечества, их особенность в том, что все они связаны с проникновением в мега, микро(нано) и информационно-виртуальные миры, возникшие на базе теоретических открытий первой половины XX века, прежде всего в физике, квалифицируемых обычно как неклассические и начавшейся во второй половине века их технизацией, воплощением в практику. Благодаря этому, люди видят, слышат, осязают то, чего вокруг них нет, что феноменологически они не видят, не слышат, не воспринимают. Открытые микро/мега/вирту миры несоизмеримы с нашими органами чувств, параметрами телесности, а в конце концов,

и мышлением, если оно не вооружено электронными машинами. Однако мы в них действуем, добываясь полезных в/для макрореальности результатов. Общий смысл практически происшедших научных революций XX века в том, что несоизмеримость познания стала несоизмеримостью быт(а)ия. Сфера деятельности человечества превысила сферу его жизни. *Мир перестал совпадать с нашим Домом.*

К настоящему времени наука прямо сливается с техникой, превращаясь в технонауку (technoscience), которая больше не познает природу, подобно классической, и не преобразует ее как неклассическая, а используя в виде материалов, создает новую реальность, вторую «природу». В таком качестве она обычно определяется как постнеклассическая, философски говоря, является трансценденталистской (исходит не из сущего, а из мысли), дигиталистской (все формализуется и математизируется), конструктивистской (проективной, ориентированной на то, чего нет) – «искусственной». Ее признанное ядро – конвергирующие друг с другом исследования в сфере наноразмерностей, биоты, информатики и когнитивного интеллекта (НБИК). Однако, это узкое, интерналистское понимание проблемы. Если ее оценивать мировоззренчески, то *современная = постнеклассическая наука является постчеловеческой.* Потому что творит реальность неадекватную биологическому человеку, какой он был в до сих пор прошедшей истории, это реальность до людей на Земле не бывшая, не существовавшая на Земле и при людях, до актов со(творения)здания ими иного, искусственного мира. Иного не по форме, как было «в (не)классике», а по субстрату. Если продолжить данные тенденции развития до метафизического идеала, то постчеловече(некласси)ческая наука творит новую=иную субстанцию. Притом произвольно, свободно: «по щучьему велению, по моему хотению». И какую угодно. Это вершина деятельных возможностей человечества, их масштаба и величия, которой оно, в лице западной цивилизации, жаждет как можно скорее достичь.

Все народы карабкаются к ней, одни находясь у подножья, другие где-то посредине или ближе. Россия отстает от передового отряда прогресса и задача модернизации в том, чтобы догнать его, влиться в ряды стран, чье производство в гораздо большей степени основывается на постнеклассических технологиях. Передовым странам модернизация не нужна, они в ней развиваются, в то время как содержанием российской модернизации является переход к подобным технологиям.

Их универсализация****. Поскольку все постнеклассические новации опираются на достижения информационной революции, то под модернизацией можно бы подразумевать процесс информа(нова)тизации страны; поскольку в материальном плане постнеклассические новации опираются на микро-нано-размерности, то под модернизацией можно бы подразумевать процесс иннано(нова)тизации страны; или, идя по схеме НБИК дальше, подразумевать под ними процессы биотизации + когнитизации. Хотя такой буквализм не обязателен. Для определения сути стоящей на повестке дня модернизации, достаточно понятия *постчеловеческой инноватизации*. Но «пост» и «ин» – обязательно. Постчеловеческий модернизационный инновационизм – это процесс, вызывающий невиданные, почти невообразимые, немислимые энергии, силы и материалы, которые делают человека Богом, но он же может поглотить его, превратив в материал и силу для того, что будет после человека. Умертвит его. *Ради становления Иного.*

Когда-то модернизация России проводилась под лозунгом: «Коммунизм есть советская власть + электрификация всей страны». Это была индустриальная модернизация. Теперь лозунг светлого будущего может звучать так: «Потребительское общество (комфорт) есть капитализм (рынок) + инноватизация всей страны». Инновационизм нельзя сводить к голой техничности. Он предполагает вывод нового товара или услуги на рынок, спрос на них. Для этого в них должна быть потребность и главная проблема инновационной экономики не в том, что не хватает новаций, а в том, как выявить или создать, при(на)думать новые потребности. Прежние теоретики будущего были озабочены проблемой нехватки материальных благ для удовлетворения потребностей человека и заботились, как их ограничить, выделив «разумные». О том, какие потребности считать разумными, а какие нет, были написаны горы книг. Ирония истории в том, что теперь проблема не в нехватке благ, а в нехватке потребностей. «Потребность в потребностях». Нынешние «форсайт технологи» обсуждают и заботятся о том, как увеличить их количество. Отсюда «потребительское общество». Это общество, когда не только много и все больше потребляют, но когда потребности его членов не ограничиваются, а изобретаются, культивируются. Вплоть до рекламирования с целью эксплуатации пороков и страстей. «Пути разума», налагавшиеся на рост потребностей – сброшены. Они не только перестали быть разумными,

но и не должны ими быть. С их разумностью борются. Потому что воля к жизни деградирует до «воли к потреблению». *Началось потребление самого человека*****.

Поскольку базовые, «естественные» потребности в современной цивилизации фактически удовлетворяются, или, в принципе, могут быть удовлетворены, их место занимают сознательно конструируемые, искусственные. Человек не подозревал, что какие-то услуги или товары ему нужны, пока их не изобрели в инновационно-коммерческих центрах, и реклама не убедила его в их совершенной необходимости. Иногда они хулиганские (специальные очки с рисками для разрезания торта, аппарат для надевания презерватива, устройство, приподнимающее тарелку по мере съедания супа), иногда, особенно по отношению к природе, просто преступные, или на первом этапе полезные, а на втором приносящие вред, для компенсации которого нужно изобретать новые новации. Возникли символические, знаковые, виртуальные потребности, и для них, в общем-то, нет предела. Самая великая ложь нашего времени, что для благополучной жизни людям все еще недостаточно средств. Понятие богатства и бедности исторично, нынешние бедные в XIX веке считались бы очень обеспеченными людьми. В то же время при знаково-символическом потреблении средств не хватит никогда и никакое наращивание производства удовлетворить их не сможет (в XX веке количество продукции на душу населения увеличилось в десятки, по некоторым видам в сотни раз). Современная цивилизация – это глупая и вредная старуха в сказке Пушкина о золотой рыбке, которая хочет потратить весь мир, чтобы опять остаться у разбитого корыта.

Само развитие техники, смена ее поколений тоже рождает потребность в непрерывных новациях, внутренне как бы обусловленных, необходимых, если же этого мало, то стимулируются «навороты», гаджетизм, мода (!) на машины и сооружения. Автомобили оцениваются по красоте и дизайнерским выдумкам как когда-то женские шляпки. Их производство стимулируется досрочным уничтожением. Здания строятся для престижа: кто выше, какое нелепее, причудливее. Мощнейшие ракетные системы, пожирающие тысячи тонн кислорода, используются для вывоза космических туристов. Сообщают о работах над специальной капсулой «для медового месяца в невесомости». Получается, что вершины, достижением которой можно бы удовлетвориться в погоне за новыми потребностями, в потребительском

обществе – нет. Развитие его передового отряда демонстрирует «дурную бесконечность» их все время отодвигающихся сияющих горизонтов, манящих, притягивающих к себе о(т)стал(ьн)ое человечество. И нас – несчастных, всегда догоняющих.

Догоняющих что? Общество полностью (не)удовлетворяемых потребностей и бес-конечного (окончательного) комфорта? Хотя, если принципиально обобщать достигнутый людьми уровень возможностей, то они и так живут в раю, все сказки стали былью. Вокруг нас самодвижущиеся ступы и сапоги-скороходы (ставить негде), летают ковры-самолеты, на которых спят и принимают душ, волшебные зеркала, позволяющие видеть события в любом конце Земли, чудесные коробочки по которым можно говорить с кем и когда угодно, из-под земли непрерывно фонтанируют несущие свет и тепло рога изобилия. На каждом углу развернуты скатерти-самобранки, на каждом шагу непрерывно доставляющиеся из тридевятых царств золотые, они же молодильные яблоки, называемые теперь апельсинами. Все удобства, вплоть до прекрасных гурий на дорогах, зазывающих отдохнуть путников из ступ, и «умных домов» с автоматизированными, куда даже царь пешком ходил, то(л)чками. Если нынешнее положение человечества оценивать исторически честно, то надо сказать, что осуществилась его самая великая мечта, самая универсальная утопия: *она идет/попало(сь) в Рай!*

Разумеется, в райском положении пока не все, даже в самом раю, что касается России, то она вступила в него одной ногой, вторая пока в чистилище. Стремясь в рай обеими ногами, стоило бы посмотреть на него более здраво и объективно. Каков он на самом деле, надо ли туда безоглядно рваться, если судить не по технико-экономическим показателям, а по людям, которые там живут. Имея в виду, что проблема неравного использования потребительских благ вполне решается социально-политическими методами, мы будем вести речь о философской, культурно-исторической характеристике «состояния рая» и модернизационных подступов к нему, оценивая его с точки зрения судьбы человека. *Каким «человек потребляющий» в нем становится – сейчас и по тенденции? В конце концов, для кого/чего ведется борьба за максимальное потребление и комфорт?*

Для начала можно с уверенностью утверждать, что потребительские общества перестали быть культурными. Другими словами, отношения в них перестают регулироваться внутренними духовными

ценностями – представлениями о добре, зле, долге, грехе, чувством вины, стыдом и совестью, заменяясь регламентациями извне – прямым контролем, правовыми и социальными технологиями, доходя до материальной фиксации камерами наблюдения всех поступков. Общество атомизируется, формализуется, непосредственные, живые связи между его членами заменяются юридическими, кодифицированными. Выявленное в свое время О. Шпенглером различие между культурой, когда отношения между людьми носят органический характер и цивилизацией, когда они становятся механическими, вполне подтверждается. Переход от культуры к цивилизации Шпенглер рассматривал как исторический тренд, это было его предвидение, сейчас оно – реальность. Культуре как духовности – конец. В цивилизации личность заменяется актором, целерациональным дельцом, который, выбирая свое поведение, не переживает ситуацию, а реализует условия достижения социально-экономического успеха. В дальнейшем актер десубъективируется, превращаясь в человеческий фактор и агента. Распадается даже индивид, его целостность, вместо него – «мультивиды», что, впрочем, правильнее квалифицировать как проявление кризиса уже самой цивилизации, ее «болезни к смерти».

Таким образом, модернизация, когда речь идет о социальных отношениях, означает преодоление культуры и замену ее цивилизацией. Это практически свершилось. По ближайшей же тенденции, учитывая распространение социально-гуманитарных технологий, их наложение на постчеловеческий характер производства, можно сказать, что умирает и вот-вот умрет цивилизация. Это свершается. Она превращается в Систему техники. Возникает *Техносоциум*. Модернизация, когда речь идет о социальных отношениях, означает теперь их преодоление и замену не просто технико-экономическими, а финансовыми и коммуникационно-виртуальными отношениями. Так называемыми гуманитарными технологиями, продуктом Hi-tech и Hi-Hume^{*****}. Личности и даже бездуховному актору – конец. Остается «человеческий фактор» и агенты (сетей), превращающиеся в своего рода зомби (вопрос, что такое зомби, плохо или хорошо (!) им быть в методологии науки активно обсуждается, мы его специально рассмотрим ниже, в разделе о человеке). Особенность ситуации России в том, что, э(ре)волюционируя от культуры и личностей к Техносу, к агентам, фактору и мультивидам, она должна как бы перепрыгнуть через акторов и цивилизацию, проходя этот период в ускоренном историческом темпе. Отсюда

драматизм по(раз)ложения личностей, тяжелая ломка всех межчеловеческих отношений.

Становление Техноса не какие-то фантазии или футурологические предсказания, а жизненная повседневность существования людей в инновационном обществе. Так или иначе, она отражается в философской рефлексии. Наиболее известные оценки технико-потребительского образа жизни: «бюрократические джунгли», «общество спектакля», «всеобщего равнодушия», «массового опустошения», «состояния после оргии», в конце концов – непрерывное ожидание конца света. Или утверждений, что он произошел: «Апокалипсис now»¹. «Человека заставляют жить в блаженстве, выстроенном из геометрических идиллий, регламентированных восторгов, тысячи омерзительных чудес, которое может представить зрелище совершенного мира, мира готовых конструкций» – так оценивает Бодрийяр, складывающиеся в потребительском обществе социальные отношения². Внутренних критиков этого техногенного рая, как ни странно, больше, чем внешних, которые его еще не достигли, в частности, в России. Хотя может не странно. Те, кто живут в нем (в состоянии «пмж»), знают его реалии непосредственно, а находящиеся на подступах к нему имеют туристическое сознание.

И это в странах, которые достигли высшей точки в «потреблении инноваций». Неужели мы, в России, борясь с остатками своей культуры, чтобы «вступить в цивилизацию», а на самом деле в Технос, не должны задуматься, а все ли в порядке с положением, к которому, подстегивая себя модернизационными призывами, стремимся как к земле обетованной? Не постараться извлечь какие-то уроки из их опыта?

Неоспоримым достоинством западной цивилизации в ней самой и для остального мира считалась свобода. «Свободное общество» – ее другое название. Свободой, ради свободы, издержками свободы (слова, предпринимательства, любви) оправдывались любые отрицательные (если таковые признавались) черты «открытого общества». «Открытое» – знаменитый концептуальный синоним свободного

¹ См., например: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002; Культура времен апокалипсиса. Екатеринбург, 2004; Липовецки Ж. Эра пустоты. СПб., 2001; Сиоран Э. М. Горькие силлогизмы. М., 2008; Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2004 и т.д.

² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: 2006, стр. 153.

общества. Оно противостояло «закрытым», где свободу ограничивают мораль и религия. Privacy: права человека, презумпция невиновности, тайна переписки, частной жизни, выбора – его священные коровы. Которые в самом деле были и давали молоко. Но кто решится теперь о них говорить, если говорить всерьез? Теперь, когда все просматривается, а где просматривается, там и прослушивается; когда человека то и дело, публично щупая, раздевают догола и у каждого универсальная электронная карта с индивидуальным номером, занесенным в общую базу данных; когда невозможна тайна межгосударственных дипломатических связей, не говоря об индивидах, и вот-вот будут чипы в голове. И т. д. В условиях перерастания цивилизации в технос о свободе можно говорить только в силу инерции или корыстного интереса в обмане. Нынешний, «воспитанный в свободе», обыватель требует установки камер слежения за всеми и везде: на улицах, на транспорте, в магазинах, тюрьмах, в солдатских казармах («глаз командира»), в частных офисах и госучреждениях, в банях(?), туалетах(!). Наконец, в квартирах (сначала за домработницами, чтобы не съели у детей лишнюю ложку каши, потом детьми, потом сами за собой). В так называемых «умных домах» фиксируется любой шаг и внутреннее состояние организма. Практически нет мест, которые бы оставались неприкосновенными (обещают, правда, оставлять одну комнату «для интимных отношений без наблюдения»; какая деликатность!). Да вряд ли она будет нужна. Все больше ограничивается принадлежность человеку собственного тела. Детекторы лжи, отпечатки пальцев, универсальные электронные карты, эксперименты с аппаратами по чтению мыслей и стиранию памяти, ничтоже сумняшеся, вводят и принимают как норму, не отдавая отчета, что это отказ от признания человека ответственным, обладающим собственной волей и сознанием существом. *Практико-эмпирически осущетвляющийся отказ от личности.*

Да все ли в порядке у «не работающих и не думающих гигиеничных толстяков», как писал Оруэлл о людях Нового прекрасного, теперь можно дополнить, «и комфортного», мира. Не с осуществлением только, а с самим идеалом, к которому, руководствуясь девизом: «в науке кроется все счастье человечества», устремилась потребительская цивилизация, если они = человек в ней вымирает? При всех инновационных достижениях – это прозаическая, подтверждаемая статистикой, правда. Курс на полную технизацию жизни, дискредитацию традиционных

ценностей родового человека с неизбежностью ведет к падению его воспроизводства. Конец природно-культурной истории человечества означает «в конце концов» конец демографический. Богатый, комфортный, эгоистичный, ге(й)ндерный Запад, благодаря этому – заканчивается. (Для воспроизводства населения коэффициент рождаемости на одну семью должен быть 2,4, а он в среднем по Европе 1,5). В отличие от России, «минусующей» от высокой смертности и безответственного эгоизма правящего класса, причина их вымирания не в недостатке (новаций, знаний, денег, товаров), а в их избытке, в образе жизни, который ведут люди. Чего стоит запрет на официальное употребление слов «отец» и «мать», тем самым их признание нецензурными, объявленное в Европе и США. Как в вызывавшем всеобщее отторжение «Новом удивительном мире», описанном в романе О. Хаксли, где слова «отец» и «мать» тоже были ругательными. Когда это виделось утопией, такого будущего все боялись, когда подобное скандально символическое совпадение происходит в реальности – не замечают. Очевидно, что дальнейшим движением по тому же пути, в том же направлении проблема у(вы)мирания передового отряда человечества не преодолевается, а усугубляется. Значит, стремление в рай – это стремление к смерти. Неужели бездумным «сторонникам модернизации», ставя задачу «догнать» и идя след в след, скорее войти в него, но в той или иной степени еще находясь на распутье, не повод задуматься? Что тогда для этого надо, если, конечно, они совсем не утратили такой способности.

Более того, если они, реализуя идеалы инноватизации, прямо не объявили себя врагами существующего человека и не ставят своей целью заменить его другими формами разума. Число вариаций на тему пост-человека все время возрастает: «усовершенствуем свое тело» (три-четыре руки, почему не больше?); «перейдем на автотрофное питание» (тогда живого тела не будет вообще); «уйдем в машину/дискету» (там заживем!); и, наконец, «обретем бессмертие». Последнее обещание представляется неотразимым, ибо рай и есть другое название бессмертия. Бессмертие в раю – вот идеал и смысл жизни человека. О нем мечтают не какие-то безответственные фантасты. К переходу на автотрофное питание призывает, например, нынешний директор Российского научного центра «Курчатовский институт» М. Ковальчук. Чего тогда ожидать от масс-медиа. Газеты пестрят рассказами о роботах, которые вот-вот «будут ухаживать за людьми». Заменят близких,

потом социальных работников, потом вообще – людей. Даже в таких, казалось бы сугубо незаменимых, личностных сферах. Что же говорить об остальных формах жизни! Новейшую модель «социального робота» назвали Ромео, заголовок восторженного описания его возможностей: «Нет робота прекраснее на свете». Роботы за роботами. Робот Ромео за роботом Джульеттой. Любовь в исполнении роботов (появился вариант после создания компьютеризованной женщины-любовницы). Такова конечная вдохновляющая перспектива, «светлое будущее» сотрясающей мир инновационной истерии и самоценной техномодернизации. И кто посмеет возражать, что человечество, в лице своего авангарда, не сошло с ума?

Идеология инновационизма стала господствующим мировоззрением и настолько, что возник феномен *неомании*. Когда предполагается, что любые сложившиеся системы и вещи существуют для того, чтобы скорее исчезнуть и замениться иными, новыми. Потом опять новыми, ещё раз новыми – непрерывный, ничем не ограничиваемый поток перемен в режиме с обострением, который уносит мир и человечество в неизвестном направлении, растворяя и превращая в материал прогресса. Неомания и ненасытный молох потребления питают друг друга и оба вместе истощают природу и человека, ведя к утрате ими их идентичности. Лишь бы новое, лишь бы прибавлять. Перемены и «реформирование» стали самоцелью. Не прогресс ради общества, а общество ради прогресса, развитие «в разнос» – вот что происходит с обществом, когда оно идет по пути модернизации под знаменем без(д)умного инновационизма. *Прогресс превращается в трансгресс.*

Трансгресс – это развитие с переходом через то, что развивается, в «свое иное». Трансгрессизм категорически противоречит теории так называемого устойчивого развития, которая была выдвинута в 90-е годы XX века как своеобразный императив выживания человечества. Она была принята практически всем миром в качестве «официальной идеологии» после серии докладов Римского клуба, показавших губительную для природы и человека опасность неконтролируемого роста мировой экономики, когда прозвучали призывы к «остановке развития», к «нулевому росту». На подобный шаг мир пойти не мог. Но ограничить развитие по параметрам сохранения системы, которая развивается, то есть поддерживать её в устойчивом состоянии – это было осознано как единственно правильная возможная установка, если люди хотят

выживать. Последний рубеж их самости. Чтобы удержаться на нем, развитие цивилизации надо перестраивать по целям, скорости и внутреннему характеру, подчиняя задачам сохранения *Homo sapiens*, каким он сложился в процессе биологической эволюции. Подчиняя экономику – хозяйству, технику – культуре, потребление – самосовершенствованию, рациональное – духовному. Это предполагает, что далеко не все, что технически возможно, следует осуществлять, не всякое новое можно и нужно внедрять. Чтобы стать инновациями, новации должны проходить жесткие социально-гуманитарные фильтры. Базовая мировоззренческая установка для устройства и при функционировании таких фильтров: сначала надо быть, а потом меняться; *развиваться надо для того, чтобы быть*. Sustainable development – это когда изменение и становление не самоцен(ль)ны, не движение в дурную бесконечность, а служат сущему и Бытию.

И вот сейчас, с одной стороны, это, выдвинутое в качестве последней надежды мировоззрение выживания забывают, а с другой, если используют, то в извращенном виде, трактуя устойчивость развития как его еще большее ускорение. Страны, области, районы, графства и кантоны принимают планы «устойчивого развития», имея в виду обязательное наращивание объемов производства. Не отказываясь открыто, принятую всем миром идею поддержания того, что развивается (природы, общества, человека) также всем миром запутывают, а фактически отбросили. Хоронят, не попросившись. Вместо устойчивого развития, как видим, стоит всеобщий оглушительный крик о развитии как замене всего и вся без разбора – новым. Крик об «инновационизме». И никакого осознания, что это прямо противоположные, отрицающие друг друга подходы. Никакой проблемы, по крайней мере, в России, тут не видят. Поистине, слепые вожди слепых, идут с закрытыми глазами. Деятельность Римского клуба и провозглашенная в 1992 году в Рио-де-Жанейро Декларация об устойчивом = ограниченном = регулируемом развитии, были, по-видимому, последним озарением человечества перед погружением в техногенный фатализм. Последней крепостью его здравого смысла.

Хотя, так или иначе, взывать к ним (человечеству и здравому смыслу) надо. Даже если не удастся остановить это трансгрессивное движение, должны быть люди, которые понимают, что происходит. Чтобы сохранить наше достоинство как мыслящих существ. Были мол, такие, кто видели и предупреждали. Пытались опровергнуть утверждение

М. Хайдеггера, что «наука не мыслит», предлагая отслеживать результаты технической активности в более широком контексте, чем дальнейшее развитие ее самой – контексте жизни. Если наше положение безнадежно, надо сделать все, чтобы его изменить. Таким способом существующий *Homo sapiens* может выиграть несколько лет, десятилетий, веков. Если будет бороться до конца, хотя бы и без упования на окончательную победу.

Как само устойчивое развитие не должно пасть жертвой непрерывного новационизма, так и его идеология не должна быть заложником суетной моды, мельтешения теоретической терминологии. Если смысл устойчивого развития превратился в противоположный, никакими объяснениями, призывами «к подлинности» его не восстановить. Однако стоит попытаться выразить, удержав эту подлинность в других, близких понятиях и терминах. Желательно более точно отвечая изменившимся обстоятельствам, с учетом прежнего опыта использования имени. Модифицировать форму, чтобы адекватнее уловить содержание. Представляется, что другим названием современного развития, поскольку мы хотим надеяться, что оно останется человеческим, может быть – *управляемое развитие*.

Развитие объекта с сохранением устойчивости требует управления им. Устойчивое развитие (*Sustainable development*) в действительности может быть реализовано только как управляемое развитие (*Managed/control development*). Развитие управляемо, если оно с рефлексией, если у него есть цель и субъект. Это значит, что любая инновационная деятельность должна отслеживаться по последствиям и параметрам влияния на человека, быть обдумываемой и оцениваемой. У сторонников внедрения того или иного изобретения должны быть обязательно критики, оппоненты, ибо ни один продукт современной технонауки не является однозначно положительным. Они все, даже если не брать открыто авантюрные и непосредственно патологические – амбивалентны. «По определению», поскольку инновационная деятельность вышла за пределы феноменологической реальности и стала постчеловеческой. Приводить ее к мере человека, задача более актуальная, ответственная и сложная, чем внедрять нарастающее как цунами количество сомнительных, неясных и непредвидимых по последствиям новаций. Как бы они нас не смыли, не унесли с этой Земли. *Взаимодействие Человеческого и Иного – вот основной вопрос философии (управления) ради Нашего выживания.*

Примечания

* По легенде, на платоновской академии была надпись: да не войдет сюда не знающий геометрии. Условием выхода из тупика в философии сознания должен, по-видимому, быть девиз: да не обсуждается больше проблема mind-body; и не пересказывается, что писали о ней Д. Денет с Дж. Сёрлем в китайской комнате. Мы намерены (не веря также, что к пониманию сознания можно приблизиться, удаляясь от него в квантовые миры) рассмотреть противоположный любому физикализму путь, пройденный советско-российскими авторами. Именно, социологически-трансценденталистский отрыв сознания от биосубстрата, прежде всего в работах Г. П. Щедровицкого (+ немного Дерриды), а также подразумеваемая аналогичные мотивы у Э. В. Ильенкова и М. К. Мамардашвили. Это другой тупик для естественного человека, подготавливающий его замену искусственным интеллектом. А спасительный про(вы)ход, как известно, между Сциллой и Харибдой, диалектико-феноменологического-синергетического. О нем, о сохранении идентичности человека надо/и будем заботиться. См.: Кутырев В. А. Философия (для) людей // Вопр. филос. 2012. № 9.

** И сейчас набирает обороты. См. например: Эпштейн М. Н. *Debut de siecle*, или От пост – к прото. Манифест нового века. // Знамя. 2001. № 5; Латур Б. *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии*. СПб., 2006; Шеффер Ж.-М. *КОНЕЦ человеческой исключительности*. М., 2010.

*** После одного доклада Г. П. Щедровицкого, стремясь освободиться от подавляющего обаяния его бесчеловечной логики, я спросил: «Так что, роботы среди нас»? Он ответил: «Вы, молодой человек (тогда так и было) неплохо усекли суть дела». Смутить Г. П. было невозможно.

**** Если, рискуя запутать читателя внутри философскими тонкостями, подходить к типологии исторического развития более глубоко, то модернизацию на основе постнеклассической науки надо называть постмодернизацией. Тогда все получается логично: эпоха постнеклассики = постмодерна = постчеловека. Задачей России в таком случае является постмодернизация. Но, по-видимому, целесообразно остаться при социально утвердившемся слове – модернизация, подразумеваемая ее постчеловеческое измерение, исходя из чего, мы и обосновываем необходимость управлять ею.

***** Пример заботы о том, как эти процессы эффективнее наладить см:Аргонов В. Ю. Искусственное программирование потребностей человека: путь к деградации или стимул развития. // Вопр. филос. 2008. № 12. Из содержания статьи следует, что стимул развития. Программирование потребностей – это программирование (зомбирование) личности. Вот каких высот/низин достигла наука и будто бы философия, беспринципно обслуживая саморазвитие потребления и технологий.

***** Если, рискуя запутать читателя внутри философскими тонкостями, подходить к типологии исторического развития более глубоко, то модернизацию на основе Hi-Hite технологий (когнитивного манипулирования сознанием человека) надо бы называть трансмодернизацией. Получается все логично: эпоха транснауки (техноса) = трансмодернизма (трангресса) = трансгуманизма (трансгомонизма). Эта задача еще не решена и на Западе, а Россия к ней только приближается.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧЕЛО-ВЕК XXI:

УХОДЯЩАЯ НАТУРА, УГАСАЮЩИЙ ДУХ...

ГЛАВА I

Из истории человека...

1. Человек обыкновенный

Не имея возможности останавливаться на славном прошлом, когда мы были дикарями и варварами, по принятому мнению существами доисторическими, надо отметить, что доисторическая ступень не значит современная или, как нередко полагают профессиональные историки, дописьменная. История возникает раньше письменности, по крайней мере, не сводится к ней. Явно или неявно историческим считается время появления культуры. Именно с ней связывают «начало конца» условно говоря, естественного, а говоря более строго, традиционного в первичном смысле слова, или «древнего человека». История суть культура, вместе с которой и появляется современный, исторический человек. Зарождается Личность.

Разложение первобытного, длившегося сотни тысяч лет общества, происходило с распространением земледелия и орудийного производства, образованием частной собственности, социальным расслоением и становлением государства. В сфере духа этому соответствует так называемое осевое время, датируемое 8–2 вв. до н. э. Если опираться

на веберовскую классификацию «сапиентности» человека, то это был переход от аффективных и традиционных способов регулирования социальных отношений, характерных для дикости и варварства, к ценностно-рациональному. Аффективно-традиционное регулирование в определенном отношении тоже рационально, но это опосредованная, скрытая рациональность. Субъект действия здесь не индивид, который лишь «исполнитель» социального поступка, а его род, племя, община. Коллективные решения предполагают такую же ответственность. Главные регуляторы поведения: тотем, табу, ритуалы и обычаи, представления о судьбе, воля предков не допускают свободы человека. Им просто следуют. Освобождение от природных инстинктов требовало диктата социальности. *В этом, буквальном и узком смысле слова* аффективно-традиционные регуляторы не относятся к истории и культуре, а члена первобытного племени нельзя считать личностью. Они *доценностные*, т. е. еще не стали тем, что нравится или не нравится, считается добром или злом, можно принять или отвергнуть. Ценности связаны со свободой, хотя бы она была иллюзорной.

Культуру определяют всячески. Но в основе лежит представление, что это пре-образованная, обработанная и обуздываемая природа в соответствии с господствующей совокупностью идеальных или предметных ценностей. У понятия личности трактовок не меньше. Но практически все они признают, что это живой, биогенный человек с вмененной ему свободой и ответственностью. Культурный человек, человек-личность сам определяет содержание своего поведения. Он обретает возможность выбора, хотя соотносит его с заповедями религии, нормами морали, а потом и письменными законами. Личность обладает противоречивым внутренним миром, тем, что принято называть душой, а в ее стремлении к высшему, «сверхопытному» – духом. Или, если человек плохо справляется с внутренним напряжением он, с позиции медицины, становится больным. Невротиком. По З. Фрейду именно культура является общей причиной неврозов, комплексов и психических страданий людей. Личность переживает душевные коллизии, выдерживая или не выдерживая борьбу различных мотивов. Она отвечает за свои поступки как их автор. Живя страстями, человек должен быть выше их. Ориентируясь на требования общества и с этой точки зрения поступая разумно, рационально, личность в тоже время любит и ненавидит, верит и надеется, рассматривает все как хорошее или плохое, прекрасное или безобразное, тратит время на созерцание и общение.

Польза лишь часть того, что имеет значение. Личность – это человек духовный, он сам контролирует свои аффекты, но его рациональность обусловлена телесными потребностями, окрашена чувством и служит продолжению его жизни как целостного биосоциального существа.

До сих пор этот тип человека обычно отождествляется с подлинным, аутентичным, «настоящим». Он автор величайших достижений в познании и покорении природы, накопил огромные сокровища духа, творец мировых религий, философии, художественной литературы, музыки, живописи и других видов искусства. Его жизнь – пример жертвенности и эгоизма, высокой доблести и низкого коварства. «Я раб, я Царь / Я червь, я Бог» (Г. Державин). Культура, личность, духовность – разные ипостаси человека как ценностно-рационального субъекта социального действия. Мало кто ставил бы под сомнение это достигнутое за тысячелетия дикости и варварства поистине историческое завоевание. Наоборот, смысл жизни, цель развития индивида видятся в том, чтобы овладеть культурой, стать личностью, достичь вершин духовности.

Видятся! Если только смотреть назад и верить тому, что люди говорят открыто или по инерции. Если же анализировать новые процессы и нарастающие тенденции, то придется обратиться к последнему, выделяемому М. Вебером типу социального действия – целерациональному. Его возникновение он связывал с промышленной революцией и распространением буржуазных рыночных отношений, но использовал скорее методологически и лишь в конце своей знаменитой работы на эту тему /предпоследний абзац/ решился на мировоззренческую оценку. «В настоящее время стремление к наживе, лишенное своего религиозно-эстетического содержания, принимает там, где оно достигает своей наивысшей свободы, а именно в США, характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной. Никому не ведомо, кто в будущем поселится в этой прежней обители аскезы; возникнут ли к концу этой грандиозной эволюции совершенно новые пророческие идеи, возродятся ли с небывалой мощью прежние представления и идеалы, **или**, если не произойдет ни того, ни другого, не наступит ли век механического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость. Тогда-то применительно к «последним людям» этой культурной эволюции обретут истину следующие слова: «Бездушные профессионалы, бессердечные сластолюбцы – и эти ничтожества полагают, что они достигли ни для кого ранее не доступной ступени

человеческого развития»¹. М. Вебер обсуждал эти идеи как предположения, но вот сейчас, к началу XXI века можно определенно сказать, что победило «или»: целерациональное действие из аспекта поведения личности превратилось в ее основу и привело к возникновению другого (типа) человека – *Актора*.

Понятие актора – (актера, действующателя, дельца) стало использоваться в социологии в первой четверти XX века. В контексте определенного теоретического направления. Теперь им, по-видимому, можно характеризовать особый исторический тип человека рыночно-технологической эпохи, постепенно заменяющего собой личность. Актор-носитель рациональности как последовательного стремления к сознательно и заранее поставленной цели. Он «разумный эгоист», для кого чувства, общение, переживание теряют собственную ценность. Душа у него то, что может помешать и чаще всего мешает достижению результата. Его жизнедеятельность постепенно редуцируется просто к деятельности, желание счастья вытесняется тягой к комфорту. Активность актора индуцируется не столько его непосредственными потребностями, сколько навязанными ему в социальных отношениях и воспринимаемыми умом. Предельно сокращая фазу образно-эстетического восприятия мира, он сразу опирается на концепты или даже просто метит его знаками. Поэтому он чужд поэзии, живописи, сохраняющихся в обществе больше как наследие. Он не способен к любви и практикует секс как обездушенную любовь. Актор – «человек без сердца». Если о том же сказать этически – без ценностей. Он знает только цену. Всему.

Личность трансформируется в актора в процессе научно-технической революции, нарастания быстроты и сложности социальных действий, их опосредования вещами, точнее, их всеобщим эквивалентом – деньгами. По мере того как личность становится актором (категория духовности при этом вырождается в менталитет как мышление, очищенное от ценностей), а культура как регулятор социальных отношений заменяется технологией и социотехникой, в общественно-историческом плане она заменяется цивилизацией. «Человеческая душа, – писал Н. Бердяев, не может выдержать той скорости, которой от нее требует современная цивилизация. Это требование имеет тенденцию превращать человека в машину... Техническая цивилизация по существу своему

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. С. 207.

имперсоналистична. Она не хочет знать личности. Она требует активности человека, но не хочет, чтоб он был личностью»¹. Актор – продукт отчуждения (К. Маркс), анонии (Э. Дюркгейм). Продукт превращения закрытых (заповедями религии, нормами морали, канонами эстетики, то есть культурой), «теплых и душевных» обществ в открытые – свободные и холодные, «цивилизованные». Если культура рождает личностей, носителей духовности, предполагая способность к альтруизму и служению другим, (в случае религии служению всего общества чему-то трансцендентному), то цивилизация культивирует эмпирических индивидуалистов. Они озабочены своей свободой и «самореализацией», в которую входят, прежде всего, богатство, успех, здоровье. «Зачем живем? для Высокого» – думал Н. Гоголь. Увы, это не так. В наше время совсем не так. Главное, чтобы было больше вещей, продуктов, чтобы с комфортом перемещаться от стола к унитазам. Проникнутые иронией и презрением к чему-либо возвышенному, эго-техно-центристы все, кроме «пользы», кроме «эффективности», считают лишним, «традиционализмом и идеологией». Кто не вписался в эту модель: переживает, любит, доверяет, общается, а не «коммуницирует», тот вытесняется на обочину социума, в маргиналы. Объявляется «лузером».

Принято считать, что философы, мыслящие люди озабочены угрозой стихийной гибели культуры и личности, потерей гуманистического и духовного измерения мира. Ориентация на «иметь» вместо «быть» ведет, как убедительно показал Э. Фромм, к деградации человека. Представляется очевидным, что ей надо противостоять. Однако подобная очевидность обманчива. В современном обществе активизируются силы, сознательно стремящиеся к «поднятию» актора из сферы рыночного хозяйства и возведению его в норму вообще. Именно он – «успешный человек». Противиться этому процессу пытаются силы, организационно когда-то шедшие под флагом социал-демократии, сейчас, впрочем, почти рассеянные. Их главный лозунг: «Рыночной должна быть экономика, но не общество». Культура в таком случае как бы исключается из парадигмы целерациональной деятельности, выражая потребность людей в бескорыстном общении. Однако они не делают погоды. Впереди в технологизации и либерализации жизни Америка, страна, где, как говорят сами американцы, надо не жить, а «функционировать». Концептуальное обоснование замены личности актором разрабатывалось

¹ Бердяев Н. Человек и машина. // Вопросы философии. 1989, № 2, с. 149.

здесь же, в рамках бихевиоризма, философского прагматизма, карнегианства, дианетики и т. п. В Европе первым известным автором, кто провозгласил необходимость покончить с «классической гуманитарной культурой», а в сущности просто с культурой, был «оптимистический технократ» Ж. Фурастье. Покончить с самого начала, в образовании, которое должно переориентироваться на подготовку человека технологического типа. Чистого функционера. Хотя такой человек духовно бедный, именно он, обладая иммунитетом к «мифологическим идеям», способен адаптироваться к все более набирающему скорость прогрессу. С большей осторожностью, видя драматическую сложность взаимодействия культуры и инструментального разума, обсуждал судьбу личности в постиндустриальном обществе А. Турен. Его «действитель» не столько включен в систему, сколько как субъект общественного движения противостоит ей¹.

В России дискредитация культуры и личности набирала силу по мере дискредитации социалистической идеологии и строившегося под ее флагом «нового общества», хотя в виду неразвитой социальной базы неолиберализма она довольно долго велась в основном через бессознательную подмену понятий, «переставления» их знаков. Вот образец такого подхода: «Диктатура рынка» не оставляет для «архаического человека» шансов на выживание. Человек архаический вдавливается в узкие ниши маргинального существования, заменяясь человеком динамическим... динамическая доминанта спускается на молекулярный уровень, пронизывает ментальность каждого члена общества»². О чем речь? Под архаическим имеется в виду нерыночный, нелиберальный человек. Вся добуржуазная история, все великие творцы культуры и искусства от Греков и Возрождения до конца XX века, если в стране не было свободного рынка, как, например, в Советском Союзе – архаики, носители эсхатологического сознания. Потому что личности, а современен и достоин жизни только «динамический человек», то есть актер. Культура в этом контексте не упоминается вообще или приравнивается... к варварству, после которого сразу начинается цивилизация. Россия вступила в нее, когда отказалась от социалистических утопий

¹ См. Touraine A. Return of the Actor: A Social theory in postindustrial society. Minneapolis, 1999.

² Яковенко И. Г. Свежий взгляд на историю. // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 112-113.

и любых других ожиданий «должного». Иногда варварство смягчается до средневековья. Только «качественные характеристики жизни, утвердившиеся после 1991 года, не оставляют места средневековому восприятию мира»¹. (Спасибо и на этом; в предыдущих работах автор, объявляющий себя либералом и сторонником диктатуры, если она рыночная, конечно, квалифицировал как варварство всю российскую историю!). Таким образом, культура, отождествляемая с варварским и средневековым мировоззрением, остается в прошлом или оценивается как то, что надо преодолеть. На смену ей идет цивилизация, где личность уступает место актору, а духовность и ценностное отношение к миру заменяется социально-гуманитарными технологиями. Это и есть «конец истории», о котором более резонансно напишет Ф. Фукуяма. Конец осевого времени человечества. Начало его, (а может быть уже и не его) новой судьбы.

2. Постчеловек

Люди, считающие себя личностями, а таких, в отличие от дикарей и варваров, ставших все-таки редкостью, еще много, склонны рассматривать появление актора как завершение человека. Традиционным историческим человеком потеря культуры и души воспринимается как собственная смерть. Это действительно смерть, но конкретно-исторического типа человека, по-видимому, высшей его формы, за сохранение которой надо всеми силами бороться, однако трезво глядя в лицо реальности. При широком понимании гуманизма, то есть признании человека ведущей силой истории и высшей ценностью бытия, актор как и личность находится в его русле. Он сохраняет важнейшие сущностные черты человека – субъектность, самоидентичность, активность, самостоятельность, свободу выбора. Он не мертвый, он только «неживой», малочувственный и механичный, к тому же не все время: его то и дело тревожат пережитки личностного состояния, потребность в любви, дружбе и счастье, о чем свидетельствует распространение наркомании и узаконенных психостимуляторов (не все выдерживают голое = успешное функционирование и мертвую жизнь). Так что не он в действительности «кончает историю», не им пресекается традиция человека и гуманизма

¹ Яковенко И. Г. Эсхатологическая компонента российской ментальности. // Общественные науки и современность. 2000. № 3, С.95.

на Земле. Да, буржуазный, прежде всего американский образ жизни – это воплощенная банальность и поверхностность, в нем фактически нет высоких интересов, произведения искусства рассматриваются как возможность вложения капитала, ценности заменяются ценами и технологией, но в остальном его носители, как бы представители традиционной, преимущественно европейской, особенно классической культуры их ни уничижали, все еще люди. Применительно к ним, к актору, можно сказать, что слухи о смерти человека, о «последнем человеке» сильно преувеличены. Тем более, что сами акторы по отношению к людям-личностям, как мы видели, довольно снисходительны: они считают их только варварами, архаиками и традиционалистами.

Подлинный кризис гуманизма возникает со вступлением общества в социотехническую стадию развития, когда оно перестает быть собственно (исключительно) человеческим и преобразуется в человеко-машинное. Человеко-машинным его можно считать с момента, когда техника начинает заменять не только физическую, но и умственную силу человека. Массово это происходит в компьютерно-информационном обществе, вернее уже не обществе, а Системе, Техносе, Сети, где человек действует и живет по логике технологии. В большинстве теорий управления признается, что теперь конкурентоспособны те предприятия, которые развиваются по законам социотехнических систем, **сплавляющих человека и технику в одно целое**. И человек в них является «фактором». Не случайно, с середины XX века в социологии это слово стало постепенно вытеснять и понятие личности, и понятие актора. Основное отличие человеческого фактора от личности и актора в том, что он теряет самоидентичность, фрагментируется, «размывается» по системе-сети. Он децентрирован. Инициатива и окончательное решение вопросов в его взаимодействии с внешней средой, друг с другом переходят к технике. Ввиду контринтуитивности и контррациональности сверхсложных нелинейных человеко-машинных систем, он передоверяет, вынужден отказываться от своего приоритета в них. Он не справляется, срывается, устает, нервничает, не успевает. Это их самое слабое звено. 70 % аварий в авиации происходит по вине людей, притом наиболее способных и тренированных представителей человеческого рода. Все больше ситуаций, в которых надо ставить «защиту от дурака». Но дураками в них, перед лицом сверхсложности, становятся все люди. Фактически это «защита от человека», потому что он «везде виноват».

Если в начале своего развития науки о взаимодействии человека с техникой были озабочены приспособлением техники к человеку (суть эргономики), то в эпоху пост(транс)модерна вектор внимания поворачивается в противоположном направлении вплоть до стремления прибегнуть к услугам геной инженерии и «начинке чипами». Современная инженерная психология «рассматривает человека, работающего в сложной автоматической или полуавтоматической системе как звено этой системы: с сенсорным «входом», мозгом как «устройством для переработки информации» и моторным «выходом»¹. В положении интерфейса, в интерактивных системах человек и компьютер обуславливают друг друга буквально; в системах искусственного интеллекта роль человека в том, чтоб быть поставщиком эмпирического материала, в который он сам и попадает. Он «ресурс», его надо «активизировать» до превращения в капитал, но особенно «контролировать по надежности». Если актер не переживает любви, то человек-фактор теряет интерес и к сексу, имитируя его порнографией, ручным или виртуально-техническим аутизмом. «Другой» ему не нужен (компьютерные кафе, где посетители собираются вместе, но общаются с машинами). В сфере производства в нем ценится нервно-психическая устойчивость, обуславливаемая в основном радикальным обеднением аффективной сферы и эмоциональной тупостью. Личность с ее душевными переживаниями, человеческому фактору, как звену СЧМ (системы человек-машина) решительно противопоказана. Направленная вовне активность актора тоже не находит применения. Техника формирует запрос на другой тип человека. Это... (но о нем ниже).

По мере того как состоящее из личностей общество превращается в состоящую из акторов цивилизацию, а цивилизация в состоящий из факторов технос, взаимодействие оператора и конкретной машины становится всеобщей формой бытия человека. Его цели предстают как отражение внутренних законов оптимизации и эффективного

¹ Пископель А. А. Научная концепция, структура, генезис. М., 1999. С. 343. «Факторы» заменяют людей и понятийно. См. начало этого процесса: Человеческий фактор. В 6-ти томах под ред. Сольвенди Г. М., М., 1991-1992; Моргунов Е. Б. Человеческие факторы в компьютерных системах. М., 1995. Крутс Р., Влейнмих И. Интерфейс «человек-компьютер». М., 1990. Это были своего рода предпосылки, предшествование трансгуманизма, развернувшегося в начале XXI века и входящего в полную силу сейчас, на глазах всех, кто хочет видеть, который мы далее рассмотрим специально.

функционирования социотехноса. Целерациональное поведение актора заменяется *бесцельной рациональностью*, которая в таком сочетании есть абсурд. Все его поступки сверяются по критериям рассудка и разума, но разума, который чужд ему как субъекту жизни. Это пост(не)человеческая рациональность. И(р/но)рациональность.

Философско-романтическое, а по сути, превратное восприятие происходящих процессов отражается в их оценке как наступлении эпохи господства разума. Понятие ноосферы предвосхитило понятие информационного общества и в контексте предвосхищения, отталкиваясь от тупиков индустриализма – идеализировало. Ноосфера представлялась, а многим, как не удивительно перед лицом всего происходящего, представляется до сих пор, в виде общества, построенного на прозрачных связях, послушным воле человека, где осуществляются его самые заветные ценности и цели. В сущности это сциентизированный (в духе времени) аналог извечных мечтаний об идеально устроенной жизни, оснований для которых не больше, чем для веры в рай или коммунизм. Даже меньше. Никакие действительные тенденции эту счастливую надежду не подтверждают. Представления В. И. Вернадского о ноосфере были ценностными, соединявшие знание с мечтами. Это сфера «благого разума», который включит в себя живое и где все будет устроено к лучшему. Ноосфера – высшая форма человеческого существования, своего рода «рай по-научному».

Для того времени эти взгляды можно понять, оправдать, была заря науки как производительной силы, всеобщей веры в ее тождество со счастьем («даст горы хлеба и бездну могущества» – К. Циолковский), но их упорное повторение сейчас – нет. Это выражение поверхностности мысли, что тоже подтверждает несбыточность мечтаний о ноосфере как «благом разуме». Все оказалось гораздо сложнее и драматичнее. «Горы хлеба» превратились в безудержное потребление, перебросившееся на самого человека, на коммерческую эксплуатацию его даже не физических и духовных сил, как в «традиционной истории», а пороков и страстей. «Бездна могущества» непрерывно грозит своим создателям самоуничтожением, они не знают, как ею распорядиться. Пропаганда под флагом ноосферы дальнейшей, еще большей технизации бытия это, как минимум, проявление расцвета «глупости по-научному». Поневоле вспоминается принц Гамлет, который тщетно вопрошал свою мать, предавшую память отца:

«Где у вас глаза?

Как вы спустились с этих горных пастбищ к таким кормам?
На что у вас глаза?»¹.

Неужели не видно, что реально ноосфера сейчас функционирует как техносфера, искусственная среда, экспансия которой ведет к экологической катастрофе, отрицанию условий продолжения бытия человека в качестве естественного социально-исторического существа, действительно превращая его в «уходящую натуру». Продолжать в условиях экологического кризиса талдычить про какую-то идеальную ноосферу не менее пустое занятие, чем мечтать о коммунизме. В действительности и по тенденциям ноосфера предстает как тотальность стихийного развития техники с вкраплением в него человеческого фактора (вместо человека).

На что у вас глаза?

Человек распадается как личность. Характерное для нее напряженное единство тела и духа деградирует сначала до «рацио», а потом до «негацио». Более того, он начинает распадаться как специфическая целостность, уникальный представитель живого. Захваченное техносом сознание индивида отрывается от времени и места жизни его тела. Остро встает вопрос об идентичности человека вообще. В виртуальной реальности, когда в воображении и функциональных отправлениях он может мчаться с заснеженных гор и обнимать первую красавицу мира, а телесно быть импотентом и разлагаться на диване, информационное и материальное бытие рассогласовываются по всем параметрам. Новая искусственная среда «сканирует», принимает только информационный аспект человека, ввергая его как целостное существо в состояние кризиса. По своей сути, а особенно в тенденции она является постчеловеческой, нечеловеческой, античеловеческой. Постчеловеческая среда и соответствующая ей рациональность рожают постчеловека, предметно и идеологически реализуемая в настоящее время в движении трансгуманизма*.

Понятие постчеловека вливается в ряд уже достаточно широко распространенных «пост»: постмодернизм, постистория, постхристианство, постискусство и т. д. Думается, что в основе всех этих «пост» лежит базисная ситуация перерождения человека, возникновения вместо него чего-то нового, иного, сначала функционально, по свойствам, а потом и субстратно, «по материалу». Недовольные собой люди

¹ Шекспир У. «Гамлет» 111 акт, сцена 4. (перевод Б. Пастернака) М. 1997.

всегда были не прочь помечтать о новом человеке, о переходе в какое-то более высокое качество. Они хотели стать более могущественными, физически сильными в сказках и мифах; сбросив с себя ветхого Адама возвыситься до бестелесного духа в различных религиозных учениях; ждала нового человека эпоха Просвещения; на практике пытался воспитать его марксизм-ленинизм; «я учу о сверхчеловеке» – провозглашал Ницше. И вот очередная ирония истории. Мечты о новом человеке сбываются, но как всегда превратно: он предстает в виде постчеловека. Встречают его тоже странно: в большинстве случаев «никак», не замечают и не понимают, что происходит; другие, кто сознает ситуацию, говорят и пишут об антропологической катастрофе, но вопрос о причинах и что, кто на самом деле ее несет, обсуждается недопустимо мало. Главное же, сначала незаметно, «в масках халатах», а теперь все более явно активизируются творцы и апологеты этой катастрофы. Среди людей у человека появились опасные враги.

3. Смотрите, кто пришел...

Что труднее всего на свете? – спрашивал Гёте. И отвечал: видеть своими глазами то, что лежит перед ними. Осмелимся дополнить: и поддерживать не любые, а жизне-человеко-сохраняющие тенденции времени. Значит, иным, хотя бы и научным, но отрицающим наше бытие течениям, надо сопротивляться.

В современной российской философии наиболее влиятельны два течения: большое, рыхлое, в виде традиционной метафизики и гуманизма, исходящее из реалий макромира, человека как личности и субъекта, мыслящего, находясь в сознании. Старая троица эпохи модерна, ее обсуждают, заботятся о развитии, толкуют даже о совершенствовании. И культивируемая на переднем крае познания как пост-транс-модернизм, *идеология изживания человеком самого себя*, объявившая об его конце во всех ипостасях, отражающая движение к новой, несоизмеримой с природой Genus Homo, когнитивной онтологии. Живые (= смертные) люди с одной стороны, «самоубийцы», техно(бес)смертники, с другой. В чистом варианте они сосуществуют в виде изредка пересекающихся параллельных прямых. Реальные процессы идут посередине: личность размывается, однако о прямом самоуничтожении человека говорить рано, киборги и искусственный интеллект перспектива, если

близкая, то не абсолютная. Ей предшествует, будет предшествовать человек, который еще мыслит, действует, хотя все больше без рефлексии над тем, для чего, куда и к каким последствиям ведет то, что он делает. Он пока в уме, правда, уже «не в своем». Без сознания и понимания.

В обществах, дальше продвинувшихся по пути техницистской деградации человека и формирования «культуры смерти», данная тенденция выразилась в росте интереса к феномену зомби. Зомби – существо, которое подобно человеку, но все делает механически, не испытывая чувств, без души, без «внутреннего», как бы подчиняясь приказам извне. Как восставший из могилы и оживший мертвец, или «немёртвый» = undead, или мёртвый, но не погребенный (в славянском фольклоре – вурдалак). Выйдя из языческой религии вуду, зомбизм инфицировал передовой отряд человечества. Теме зомби уделяют возрастающее внимание кино, литература, возникла мифология зомби, ее интенсивно эксплуатируют масс-медиа и поп-культура. В философии сознания пример зомби обычно приводился в доказательство тупика, в который попадает теоретик, сводящий сознание к физиологической работе мозга или к информации. Постепенно стрелка барометра стала склоняться в пользу зомби. Пошли толки о том, что для эволюции сознание, с его сомнениями, неоднозначностью выводов, субъективными оценками и эмоциями, больше не нужно. Оно не эффективно. Человек (?) вполне может жить без него. По рациональной организации и логической непогрешимости философские зомби превосходят людей. Зомби начали писать книги о том, что быть зомби совсем не трагедия, скорее, хорошо. Теперь становится понятно, почему людям нет места в будущем. Вектор движения человеческой цивилизации к постчеловеку перестает ее авангард не только пугать, но и беспокоить. Он в нем рекламируется (сайт телеканала Россия-1 называется zombu.ru!). Вот-вот разразится поведенческая мода: быть зомби – это круто**. Вурдалаки идут!

Определяя индекс зомбизации того или иного общества, целесообразно различать, по крайней мере, два вида зомби. Слабых (лучше сказать: легкие?) и сильных (лучше сказать: тяжелые?). Это уместная аналогия с различием слабого и сильного искусственного интеллектов. Слабый (легкий, частичный) зомби – **мыслящий зомби**. Он мыслит и действует, но отвечает только на вопрос «как», не интересуясь, почему, зачем это делает, к чему ведет его мышление, если его продолжить, хотя бы дальше хода e-2 – e-4. Он мыслит без осознания последствий, как бы не в собственном = человеческом уме. Это

ситуация и представление о роли человека, которые предвидел и пропагандировал Г. П. Щедровицкий: антропный материал... сознание – помойка... выдавливать из себя человека... и т. д. В свое время Р. Оппенгеймер на предупреждения об опасности атомной бомбы для человечества, ответил: главное, чтобы была хорошая физика. Сейчас почти вся наука вышла за пределы жизненного мира людей и стала постчеловеческой, а значит опасной, в сущности, если брать ее «саму-в-себе», дем(е)онической, однако большинство ее творцов не желают признавать необходимость установления границ для своей деятельности. Регулирования ее. Главное, производить новации. И внедрять их, не думая, (кто-то, стараясь не думать) о сколько-нибудь отдаленных результатах. Мыслить без смысла. Наиболее распространенные места обитания ин(новационных)теллектуальных зомби – «силиконовые долины», технопарки, компьютерные лаборатории и другие (теперь все больше и университеты) инкубаторы достижений постчеловеческого прогресса. Уже есть выдвинутые этой средой зомби-министры. Вместо модернистской троицы: «личность – субъект – сознание» мир все больше населяет постмодернистский тип человека-деграданта, *Homo intellectus*: «актор – слабый зомби – мышление».

Утрачивая сознание, слабые зомби остаются, однако, в сфере логоса. У многих, вне рамок профессиональной деятельности, сохраняется способность не только мыслить, но и осознать. В отличие от них сильные зомби ориентированы на исчисление, матезис. Это представители когнитивно-информационного знания, обитающие все больше в виртуальной реальности. Их мышление полу – или полностью формализовано, они обходятся без обращения к смыслу вообще, что предвидел и описывал Ж. Деррида в своих концепциях грамматиологии. Если слабые зомби не желают думать о последствиях своей деятельности, то сильные теряют способность думать (в человеческом смысле) вообще. Это **(за)программированные зомби**. Они сортируют, комбинируют и обрабатывают информацию. От «традиционного» мышления у них, если остаются, то мыслекоммуникации. Это *Homo digitalis* эпохи трансмодерна, которая, в отличие от постмодернизма, не «после», не изживает, а *переступает через человека*. Человек превращается в человеческий фактор, агента сетей. Место модернистской троицы: «личность-субъект-сознание» и постмодернистской: «актор-слабый зомби-мышление» занимает трансмодернистская, *Homo computus*: «агент – сильный зомби – исчисление». Возникает, распространяется феномен

действующей без сознания и функционирующей без мыс(ш)ления зомбократии. Утрата смыслов, субъектности (легкие зомби) перерастает в утрату самости, своего Я (тяжелые зомби). По мере нарастания скорости в гонке постчеловеческих технологий, зомбиальная ориентация становится все более влиятельной и агрессивной. Это ближайшая переходная ступень к киборгам и искусственному интеллекту. К инобытию. Называемому, для самообмана, «бессмертием».

Закат сознания является внутренним содержанием, своего рода антропологической реализацией «Заката Европы» О. Шпенглера, «Конца истории» Ф. Фукуямы, «Заката Запада» П. Бьюкенена. Это и есть возникновение «Последнего человека», постчеловека, превращение культуры в цивилизацию, а цивилизации в Технос, который они предвидели и которым пугали. Но боятся всегда будущего. Когда явление происходит на самом деле, его не замечают. Или замечают единицы – «несчастное сознание». Мы становимся свидетелями как последние люди, агенты и зомби выходят на main stream теоретической деятельности и с самоубийственным азартом стада ослепших от гламурного блеска и ненасытного обжорства слонов, превращают человека в пережиток прошлого. Они топчут мировоззрение гуманизма, выражавшее время существования людей в сознании, личностей, заменяя его гуманологией, персонологией, скриптологией, другими, все более постчеловеческими вариантами трансформации человека. Перед перспективами осуществления этих новаторских идей, опасения провидцев заката современной цивилизации выглядят наружными симптомами известной роковой болезни (Духа). Мы свидетели, кто способен и решается видеть, **Заката-конца Человечес(тва)кого.**

4. Человек не умер, но...

Итак, если мыслить в парадигме эволюционизма и прогресса, человек оказывается превзойденным, становится этапом развития некоего вселенского Разума, другими словами, его «историческим видом». *Становится Традицией.* Это надо признать как реальность, но не отождествлять ее с чем-то не имеющим право на дальнейшее существование, с «пережитком прошлого». Что такое, в конце концов, традиция?

В трактовке традиций широко распространено убеждение: все на свете когда-то возникло, бывает новым, а потом стареет, уходит

в прошлое; все, ставшее традицией, когда-то было новацией. Традиции – это «выпавшие в осадок» результаты перемен, спрессованные временем продукты развития. Новое предшествует старому и потому субстанцией культуры, ее фундаментом следует считать не традицию, а новацию. Новации первичны, они причины возникновения культурных феноменов, традиции вторичны, они следствие их пребывания во времени. Конечно, можно возразить, что «новое – это хорошо забытое старое» или «ничто не ново под луной», но подобные метафоры и крылатые выражения не способны опровергнуть логику вышеприведенного варианта трактовки соотношения традиции и новаций. Это логика универсального эволюционизма и безоговорочной веры в прогресс, в то, что новое лучше старого по определению. Она подкрепляется деятельностью по созданию «новых традиций». Проведя какое-то мероприятие, акцию часто призывают сделать их постоянными, повторяющимися – традиционными. Думается, что хотя результаты такого рода социальной активности принято называть традициями, они представляют собой нечто условно традиционное и скорее паратрадиции. За воспроизведением внешней структуры данного явления, в них теряется его суть, которая состоит в том, что традиция есть выражение первичности существующего, наличия у него «природы» и собственной идентичности в сравнении с фактом возникновения новаций.

Несколько более глубокая, но все же близкая к поверхностной трактовке традиций как устаревших новаций «концепция передачи» (передавание, перенос, пре-дание), когда предполагается сохранение предмета или явления при его переходе в другое состояние. Это некая связь между «тем» и «этим», между прошлым, настоящим и будущим. Связь как наследование (унаследование, наследие). Как движение по ранее избранному направлению, некая непрерывно летящая стрела, но не просто во времени, а что-то несущая *сквозь* время. В этом смысле не всякую связь можно считать традицией, хотя бы она воспроизводилась, сохранялась и повторялась как закон. Ведь говорят и о законах возникновения нового, связях изменения и преобразования, когда наследие отвергается. В таком случае может традиционными нужно считать связи функционирования, циклизм и движение по кругу? Тоже вряд ли, ибо тогда понятие традиции будет излишним, потому что здесь нет перехода к другому, нечего и некого «передавать».

Философская суть понятия традиции – это не изменение само по себе, но и не сохранение как таковое, это *не* сохранение *или* изменение,

а нечто *постоянное внутри перемен, константное в развитии, абсолютное в относительном, вечное во временном*. Традиции включены в поток времени, но по своей бытийной сущности есть то, что не развивается. Они *развертываются и трансформируются* в соответствии с переменной обстоятельств. Традиция – это не прошлое, она выражает не то, что «позади нас», а то, что непрерывно существует в мире среди нас самих. Любое явление противоречиво, пронизано борьбой тенденций к устойчивости и изменчивости, а развитие в целом есть результат этой борьбы. Жизнь организма есть противоречивое единство генотипа и фенотипа. Жизнь общества есть противоречивое единство традиций и новаторства. Жизнь человека как целостного телесно-духовного существа есть ... но об этом позже.

В традициях выражает себя устойчивое в бытии, вечное во временном, «природа» предмета. Его историческая определенность. Традиция – культурная форма выражения вечности бытия вообще и определенного отрезка времени бытия любого предмета или явления как сущего. И как о существовании мы говорим раньше, чем об изменении (прежде чем меняться, надо быть), так традиции предшествуют новациям. Они наличествуют *ipso facto – изначально*.

В предметах, явлениях, опыте жизни и феноменах духа абсолютно и постоянно, константно и вечно то, что делает их тем, что они есть. Абсолют и вечность не какая-то отдельная внебытийная трансцендентальная сфера. Они присутствуют везде, в любом предмете. Это свойства, которые делают каждый предмет совершенным в своем роде и без которых он не существует, трансформируясь в инобытие. Если сжать теннисный мяч, он сплющится, потеряет свою форму. Но мяч есть и может восстановиться. Если его сжать очень сильно, он лопнет и превратится в нечто другое, кусок крашеной резины. Изменение превысило меру сохранения и «традиции мяча» больше не стало. Если в реке помыть машину, на воде образуется грязная пленка, однако через несколько сот метров река очистится. А если из этой машины в нее попадет несколько тонн бензина, она как природный объект, погибнет, превратиться в иное, – в пруд, лужу, болото, но для реки это – ничто. Гибель.

Любое явление имеет меру сохранения собственных свойств – *меру идентичности*, в пределах которой оно остается самим собой. Это область, задаваемая родовыми качествами явления, его иммунитетом к изменениям, что фиксируется в понятии традиции. Оно принадлежит и как бы продолжает смысловой ряд – субстанция, качество,

абсолют, универсалии, относясь к системе понятий, выражающих существование предмета, его наличие. И когда в словарях пишут, что кроме «передачи» под традицией имеется в виду и то, *что* передается, никогда не расшифровывая это «что» или заменяя его перечислением чего-угодно (табу, обычаи, нравы, ритуалы и т. д.), то исходя из общефилософского видения проблемы, можно сказать, что под «что» имеется в виду факт передачи бытия. (Ближайшим аналогом традиции в русском языке является слово «обычай» – обывтйй, быт, бытие). Не становление, не исчезновение, не проект, не творчество, а именно бытие. *Традиция передает эстафету существования.* И возможно, что ее более точным теоретическим переводом на русский язык было бы не «передача» как таковая (слишком похоже на чистую коммуникацию) и не просто «наследие» (несет в себе черты статики), а *преемственность*. Преемственность предполагает, что передача «дошла» (перенята, преемственна, пере-*есть*-венна), эстафета принята, и явление продолжает существовать в новых условиях.

Итак, в предельно широком плане *традицией можно назвать область сохранения меняющихся характеристик любого предмета.* Традиция – это проявление универсалий бытия, иммунная система общества, его фундамент и субстанция. Она является социокультурной формой сохранения сущности чего угодно: идентичности, тождественности, самости и самобытности явлений. Будучи проявлением абсолютного, вечного (положенного богом или природой) и существующие до всяких перемен, традиции тождественны так называемым универсалиям (константам, элементам) культуры. И присутствуют в каждой ее форме. В религии – это догматы, предание, заповеди. В психологии – архетип, тайна, бессознательное. В философии – архе, первичное, абсолют, истина. В точных науках – аксиомы. В искусстве – собственно традиции в узком смысле данного слова. У родового человека ... но об этом позже.

В конечном счете, константы существуют потому, что люди, в какой бы части света не жили, психофизически устроены одинаково и имеют одни и те же биологические потребности, сталкиваются с общими проблемами в борьбе за жизнь. Они рождаются и умирают, поэтому у всех народов есть обычаи и ритуалы, связанные с рождением и смертью. Поскольку они живут совместно, у них есть общение – труд, танцы, игры и т. п. Эти константы есть у каждого народа, независимо от его судьбы и истории. Они действительно универсальны.

И они же традиционны. А различие между универсалиями и традициями в том, что если первые обозначают абстрактное признание существования общего у всех народов, то вторые – традиции – то, что общее может выступать в своеобразной форме. Во всех человеческих культурах умерших хоронят – это универсалия, но в одних с плачем, в других – со сдержанной улыбкой: такова традиция. То есть для определенного типа культуры традиционно то, что делает ее особенной и гибель традиции означает гибель *этой* культуры, ее замену другой. Традиции – историческая форма бытия констант, их путешествие во времени, но без растворения в нем – на то они и константы. В любом случае, пока есть та или иная культура, есть определяющая ее традиция. Это положение верно и наоборот: пока есть определенная традиция, есть выражающая ее культура. Как та или иная, как тип культуры и «вообще» – как таковая.

Итак, мы «прошли» по области значения традиции от самого широкого и расплывчатого, от простого выражения принадлежности к прошлому, когда явление, более не рождаясь, наличествует в силу инерции, до глубинного, выражающего самость и, несмотря на непрерывные «удары ничто», тождественность себе любого предмета или явления. Традиция – это настоящее, присутствующее как в прошлом, так и будущем, но это действительность, а не потенция, это вечное в потоке времени. И если считать мир несотворенным и неуничтожимым, существовавшим всегда, то есть бытием, то он в целом – «традиционен». Как и Бог. **Мир (Бог) – это Традиция!** Они ни откуда «не выводятся», не порождаются и были до всякого проектирования нового. У вечности нет ни прошлого, ни будущего, это бесконечное настоящее. *Традиция первична, а новации, ничто есть лишь принцип смены, пре-вращения ее конкретных форм.* И наоборот, если фундаментально небытие – пустота, вакуум, время, то мир есть становление, непрерывное творение-смерть («смерте-творение»). В первом случае он довлеет себе – идеология субстанциализма и традиционализма, во втором случае он возник из «ничто» и устремлен туда же – идеология креационизма и прогрессизма.

Какая из этих идеологий может служить нашему выживанию, если под «нашим» иметь в виду существующего человека, *Homo sapiens*, а не человекообразных роботов или чистую технику? Который теперь должен как-то обосновывать свое право на дальнейшую жизнь в качестве «устаревшей модели». Развивать идеологию выживания, начинать

думать как ему быть, сосуществуя в мире с параллельно развертывающимися формами *Иного*.

* * *

У каждого человека много разных свойств. Наряду с историческими, на каком-то этапе возникающими, а потом исчезающими, есть неотъемлемые, без которых мы не имеем права говорить о его существовании. Как у индивида, так и у родового человека. Первые, на языке традиционной метафизики – акциденции, вторые – атрибуты. Одной из главных забот философской антропологии должно быть их различение по этим параметрам: что в человеке можно отдать случаю, времени и обстоятельствам, а что отстаивать как его природу, сущность, идентичность. Самое его жизнь, бытие в мире. Наличие атрибутов как неотделимых от существования и сохранения человека свойств выражается в понятии его природы. «Под человеческой природой, – пишет П. С. Гуревич, – чаще всего в философской антропологии понимается совокупность стойких, неизменных черт, общих задатков и свойств, выражающих особенности *человека* как живого существа и присущих человеку разумному во все *времена* независимо от биологической эволюции и исторического процесса. Раскрыть эти признаки – значит выразить человеческую природу»¹.

Для сохранения природы человека в ходе своего исторического развития необходимо поддерживать традицию, био и социо-культурные константы себя как сущего – так, как поддерживаются иммунная система организма и определенные параметры среды его обитания. С точки зрения бесконечности и вечности бытия в нем никто никуда не исчезает. Это в принципе. И столь же принципиален вывод, что любая форма имеет конец, погибает. «Нелогичная» реальность отдельного существования всегда находится между этими принципиальными крайностями. Утратив религиозную веру в вечное бытие и догадавшись о своей смертности, человечество попало в положение индивида и должно научиться жить в контексте сознания, что теперь мы смертны как родовое существо. Жить, несмотря на превращение, если мыслить в контексте эволюционизма, в «низшую форму» – вопреки «прогрессу к смерти». Человек есть «нечто», живущее в действительном времени. Сей-час. Ч(т)ело-век. Живая традиция – не прошлое, не его

¹Гуревич П. С. Философская интерпретация человека. СПб., 2013. С. 328

«пережиток», а настоящее. Все это вписывает проблематику сохранения традиции как хранителя ценностей жизни в борьбу человека за выживание вообще.

Указания на историческую временность человечества не должны смущать и демобилизовывать нас в борьбе за свое продолжение. Рассуждая чисто логически, надо признать конечность не только человека и человеческого рода, а также и мира, Вселенной, ее схлопывание или рассеивание. Подобным образом можно рассуждать относительно любой отдельно взятой вещи, о любом нечто. Стремление «остановить время», сохранить молодость и здоровье – абсурдная цель, а посещение тренажерных залов и косметических салонов вопиюще бессмысленное занятие, но благодаря неприятию этой фатальной временной логики мы живем. Де-факто человек исповедует мировоззрение сопротивления. *Спротивления времени*. Оно реализуется в его природе: желании жить, продолжаться, влечься к другому как представителю великого целого, размножаться, чувствовать, переживать. Все остальные его цели производны от этой. Ибо *быть, т. е. сохранять себя* является первой и последней, исходной, фундаментальной, основной, главной и определяющей целью любой, выделившейся из хаоса системы. Тем более живой, в том числе человека как целостного телесно-духовного существа.

В философско-мировоззренческом плане задача сохранения природы человека как его традиции предполагает ориентацию на феноменологический реализм, утверждающий «явленность Бытия», его фактичность (М. Хайдеггер) и вторичность рефлексии над ним, ориентацию на положение, что существование предшествует сущности. Установка феноменологического реализма и экзистенциализма должна быть принята как принцип гуманистического философствования, отличающий его от всех других форм. Некорректна, хотя ее поднимали, ломали над ней голову, начиная с Канта, многие выдающиеся философы, сама проблема: «как возможно бытие». Она некорректна, ибо бытие обладает атрибутом действительности по своей сути. Оно первично, это «дар», «таковость», «данность», оно ниоткуда не выводимо и не обязано оправдываться перед своей рефлексией, о чем, защищая материализм, в свое время писал К. Маркс, а в XX веке М. Хайдеггер, считая скандалом не отсутствие ответа на подобный вопрос, а саму его постановку. *Primum vivere deinde filosofare* (сначала жить, потом философствовать) – таков девиз подлинно философского отношения к жизни. Если вперед бытия можно поставить Мысль или даже

Ничто и из него выводить все, то этот акт сразу превращает саму ее/его в бытие. Только Иного. Или предполагает Творца, который, само собой, все равно обладает бытием. Предвечный – другое имя Бога. Различные возможности, вплоть до наиболее абстрактных, являются возможностями именно бытия. Ставляющий проблему обоснования бытия философ сам обладает модусом существования и допускает существование обсуждаемой им проблемы, подтверждая таким образом, что ее решение заключается в отказе от решения. Это случай, когда ответ состоит в раскрытии несостоятельности вопроса.

После появления формы *Homo vitae sapientie* и тем самым прогрессивного отрицания всех предшествующих форм живых существ как «низших», многие из них продолжают сосуществовать с нами миллионы лет. Они – ко-эволюционируют друг с другом и человеком. Подобно этому, «вопреки прогрессу», могут существовать, длиться разные формы разума, в разном качестве, на разном субстрате. Мы, следовательно, имеем основание вести речь об их со-развитии, взаимодействии. Более того, в отличие от истребляемых нами бессловесных животных, человек обладает преимуществом в возможности сознательного отстаивания ниши своего обитания. Делать это можно тем успешнее, чем раньше мы отдадим отчет в своем изменившемся положении. «Ничто» приближается само, стихийно, а традицию человеческого бытия надо культивировать. В этой цели может быть найден новый смысл, новая «идея для существования» человека как личности и частично как актора, позволяющая задержать его перерождение в бессубъектного агента-фактора. Или разделиться на тех, кто готов раствориться в технологии, служа пищей (смазкой на стыках) в системе машин (трансгуманисты), и тех, кто хотел бы сохранить традицию, т. е. свою антропологическую природу (гуманизм).

Одной из самых ключевых мировоззренческих идей, бастионом надежды в борьбе за сохранение «идентичности и традиции» человека, фундируя и коэволюцию, и феноменологический реализм, является идея вечного возвращения. В сравнении с прогрессом, она более глубоко укоренена в культуре, авторитетнее, доказательнее его. Перед лицом бесконечности идея вечного возвращения «крепче», обоснованнее прогрессизма, «логичнее» идеи восхождения к цели, которой нет, из-за чего ее приходится обозначать точкой, называя, например, «омегой», этой последней буквой греческого алфавита. (Тейяр-де-Шарден). Математический смысл точки – обозначение конца, «ничто». Ее

принятие в качестве цели есть неосмысленная маскировка бессмысленности непрерывного становления, отсутствия в нем какого-либо нечто. Напротив, логика вечного возвращения – всегда «наполненная», т. е. бытийная, завершенная, а значит более совершенная, хотя она вступает в конфликт с некоторыми областями современной науки, их ориентацией на универсальный эволюционизм и абстрактность. В свое время этот конфликт между бытием и опирающейся на эволюционизм наукой заметил Ницше. «Под воздействием науки сотрясается почва понятий, отнимая у человека фундамент, на котором покоятся его уверенность и спокойствие, а также вера в устойчивое и вечное. Должна ли господствовать жизнь над познанием, над наукой или познание над жизнью? – обострял он вопрос и предлагал подход, который перед фактом все более устрашающих достижений науки становится прямой потребностью нашей эпохи – «Наука нуждается в высшем надзоре и контроле; рядом с наукой должно возникнуть учение о гигиене жизни, а одно из положений этого учения гласило бы так: неисторическое и надисторическое должны считаться естественными противоядиями против заглушения жизни историческим, против исторической болезни»¹.

Если человек стоит на позиции универсального эволюционизма и практикует преимущественно рефлексивно-логическое отношение к миру, он, как не парадоксально, теряет смысл жизни, потому что жизнь – фундамент смысла. Охватившая мир истерия инновационизма продуцирует чувство временности и неукорененности человека, отсюда нарастание у него ощущения бессмысленности бытия. За потерей смысла жизни обычно стоит потеря чувства жизни, которое теперь называют депрессией и суть которой в истощении, вплоть до утраты, непосредственного, не экранированного информацией и теориями отношения к миру. Когда человеку становится все «все равно». Высшим выражением чувственного восприятия мира является состояние любви, так как любовь – цветения бытия, его экстремальная точка. Низшим – падение в равно-душие, «объективность» = смерть. Чисто теоретическое обретение смысла жизни невозможно вообще. Его надо не столько «искать», или «задавать», или «проектировать», о чем без конца спорят в литературе, – сколько воспринимать себя частью живого, включенным в вечное бытие. В диалоге Алеша и Ивана Карамазовых у Ф. М. Достоевского

¹ Ницше Ф. Соч. В 2-х томах. Т. 1. М., 1990. С. 373 – 374.

хорошо показан фундаментальный характер природного чувства жизни в сравнении с ее смыслом.

«Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить.

– Жизнь полюбить больше, чем смысл ее?

– Непременно так, полюбить жизнь прежде логики, как ты говоришь, непременно, чтобы прежде логики, и только тогда я и смысл пойму».

Опора на природу, любовь и волю к жизни должны лежать в основе современного гуманизма, а, в конечном счете, любого человеческого поведения и, разумеется, философствования.

И когда мы говорим о необходимости сохранения традиции, то имеем в виду проявление этой любви и воли. Воли к сохранению атрибутов человека в потоке перемен. Следовательно, нашей высшей мировоззренческой ориентацией должен быть не универсальный эволюционизм, а коэволюция, не прогресс, а вечное возвращение, или, говоря точнее, «возвращение к вечному». Проявление «вечности» в отдельной вещи или существе – их идентичность. Их традиция. Назначение философии в таком случае состоит в том, чтобы вместо обслуживания науки и техники, превращения в их «оператора по клинингу» быть защитницей бытия вещей как жизненного мира человека. Привычный смысл экологии как заботы о природе, должен быть расширен до заботы о предметном макромире. Это будет «глубинная», т. е. подлинно философская экология. Свою роль она лучше всего может выполнить в качестве perennial philosophy – вечной философии, т. е. поддерживающей устойчивость в потоке перемен. Для этого ей нужно сделать актуальный исторический поворот: *вместо философии прогресса, переросшего в настоящее время в трансгресс, стать философией сопротивления трансгрессу.* Его логике «снятия человека». Другими словами, стать философией Традиции.

Философия традиции, которая необходима сейчас для обоснования «права» человека на существование в прогрессистско-техницистском мире, не означает, что она предполагает существование чего бы то ни было вне времени вообще. Не впускает в себя ничего нового и никогда не меняется. Нет, она допускает изменения, но те, что ее укрепляют, и противится тем, которые ее подрывают. Философия традиции – историческая форма идентичности, выдерживающая напряжение существования и перемен. И до тех пор, пока она это напряжение выдерживает, она существует. По-настоящему не противоречат энтропии развития одни самоубийцы, досрочно осуществляющие конечный

результат. У-держание своей природы в форме идентичности – в этом Мудрость продолжения нашего бытия. Общефилософским онтологическим направлением, адекватным философии традиции является, подчеркнем еще раз, феноменологический реализм, исходная позиция которого не требует оправдания. Он противодействует засилью инструментализма и функционализма в современном технологизированном мире, превращающим субъектов сначала в акторов, а потом агентов, отводя им роль элементов, существующих «ради организации» и потому теряющих психологическую базу для чувства самоценности, а следовательно и смысл существования. Нам важна, для нас существенна *наша реализация* возможных миров.

Когда признают, что традиция не пепел, который надо хранить, а огонь, который надо нести, или повторяют хайдеггеровскую мысль, что бытие требует возврата к истокам, редко додумывают эти положения до конца. Для своего исполнения они требуют «консервативной революции», изменения характера цивилизационной активности, ее направления и целей, признания, что человечество прошло фазу подъема на вершину и теперь свою энергию должно прилагать к тому, чтобы тормозить, а не рваться вперед, в «бессмертное никуда». Это наиболее ответственный этап бытия. Альпинисты чаще гибнут на спусках, чем на подъеме. Прогресс приобрел силу инерции, поэтому управлять теперь, значит, прежде всего, регулировать творческую деятельность, особенно в части внедрения ее новых результатов в практику. «Если вы думаете, – писал М. Мамардашвили, – что можно естественным образом продолжать традицию, как если бы она была просто самой жизнью, – то это заблуждение. Можно подумать, что традиция – как твое дыхание: ты дышишь и живешь, чему-то следуешь, и тем самым она продолжается. Между тем человеческий опыт кричит о том, что нет этого, что ткань, которая ткется над бездной, иная»¹. Хотя в целом М. Мамардашвили был интеллектократом, следовательно, чуждым эколого-гуманистической проблематике его пафос, что человек есть усилие и быть человеком не объективное естественное состояние, представляется весьма ценным. Оно сугубо ценностное. Человек – это непрерывное напряжение, своего рода воля к существованию. К бытию. Не к «белокурой бестии», не к «новому» или «пост-транс-сверхчеловеку», а к сохранению идентичности существующего. Для этого теперь

¹ Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 193.

нужны усилия. Борьба. Как борьба за сохранение природы и культуры, всего, что является нашим домом. Домом бытия***. Держит этот дом, служит его фундаментом, в живой природе – геном, в культуре – традиция. *Традиции – это геном человеческой цивилизации вообще и ее конкретных культурных форм, в частности.* Телесно-духовный человек – генно-традиционный человек.

Примечания

* Проблема возникновения постчеловеческой реальности впервые рассматривалась и понятие постчеловека в контексте универсума мы вводили в конце 80-х годов XX века. См.: «Человек в постчеловеческом мире: проблема выживания» // Природа, 1989. № 5.

** В отсталых странах до мазохизма дело не дошло. Но вал переводов/пересказов политкорректной литературы о зомби приближается к нашей границе, культуртрегерская волна пересекла ее. На данный момент наиболее полное представление о «зомбистике» дано, пожалуй, в: Голынов-Вольфсон Д. Век живых мертвецов: XX столетие глазами зомби. // Неприкосновенный запас. 2008. № 6 (062); Волков Д. Б. Бостонский зомби. Д. Деннет и его теория сознания. М., 2011. Не пытаюсь предвосхищать предстоящее восприятие этих высших достижений прогресса российской философией in toto (обычно некритическое и восторженное), мы опираемся на ее собственный, сегодняшний уровень.

*** Может быть, этот Дом становится музеем? Пора по-новому взглянуть на роль музеев как хранителей бытия. Они – ядро традиции, точки ее опоры, наиболее строгое воплощение образ(цов)а прошлого времени. Вместе с религией, церквями, классическим искусством. Но в эпоху трансмодерна, экспансии конструктивизма и новационизма с их лозунгом, «все, что существует, уже устарело», пора хранить настоящее. Музеев должно быть как можно больше. Наряду с государственными, местные, самодельные, разного уровня, посвященные разным сторонам повседневности, вплоть до непосредственного включения в нее. Как в экологии, кроме заповедников есть заказники, парки, зоны с ограниченным режимом деятельности и т. п. Это якоря настоящего в прошлом и будущем, формы, от тяжелых и жестких до сигнальных и обозначающих, под(у)держания реальности в человеческом масштабе.

ГЛАВА II

ЖИЗНЬ ПОД ЗНАКОМ «ПОСТ»:

НА ТОНУЩЕМ КОРАБЛЕ ГУМАНИЗМА

1. Эта коварная реальность

Кроме членов сатанинских сект, открыто провозглашающих приверженность злу, остальные люди, как известно, служат добру. Добру! Что они ни делают: изобретают оружие или/и уничтожают себе подобных, открывают новые химические элементы и/или добывают уран, клонируют живые органы или/и создают искусственный интеллект – всегда ради мира и прогресса, во имя торжества свободы и справедливости, на благо себе и будущим поколениям. Удивлять должно бы только одно: *откуда и почему на Земле так много Зла*. Но удивляются этому непропорционально мало.

Библия подсказывает, что благими намерениями вымощена дорога в ад, однако ее подсказка трактуется обычно морализаторски, без понимания, что зло имеет объективную природу и в конечном счете обусловлено взаимодействием бытия и небытия, жизни и смерти, рождения и гибели. Философы, от которых можно было бы ожидать выявления злого семени благих начинаний, такой задачи почти не ставят. Не принято. Они в основном «познают», то есть дублируют науку, хотя теперь намного больше потребность *распознавать, выявлять превращенные плоды* этой науки. Последствия ее технической реализации. На первый план выходит проблема ценностной и экологической рефлексии над нашей (а может быть уже и «не нашей») деятельностью, ее реальными и предполагаемыми результатами.

Хотя люди никогда не были особо дальновидны, на что издревле сетовали мудрецы, близорукость современного человека, прежде всего ученых и изобретателей – поражает. Если сегодня открывается возможность получения какого-то видимого эффекта, они готовы разрабатывать и внедрять что угодно, в большинстве своем не задумываясь о последствиях завтра. О компенсационной отдаче. О вопросе за счет чего/кого, а значит неизбежном зле, в лучшем случае пользе в одном

и вреде в другом. Не задумываются о пропорциях такого соотношения. Но причина, что наши действия все чаще достигают целей по принципу «шел в комнату, попал в другую» или с точностью до наоборот, все-таки не в прогрессирующей глупости Homo sapiens. По крайней мере, не только. Она в усложнении производственных и социальных отношений, образа жизни людей, в том, что *создаваемая техникой искусственная реальность саморазвивается* и стала нелинейной, контринтуитивной и контррациональной, что из субъекта деятельности человек превращается в ее элемент.

Тем осторожнее, «экологичнее» должны быть его действия, трезвее реакция на безудержные множющиеся проекты, изобретения, идеи и утопии. С ростом практических возможностей реализации чего угодно, ответственность при выборе целей должна быть на порядок выше, а предвидение опосредованных следствий намного важнее накопления непосредственного знания – информации. Умение понять и определить, что является действительно полезным для человека, а что таковым «прикидывается» и дальше обернется превышающим сиюминутную выгоду ущербом, иногда непоправимым, можно считать, пожалуй, основной задачей экологического мышления и критерием мудрости в «новационную эпоху». Смысл этой мудрости – *наше спасение от самих себя*.

Всеобщая и все более фальшивая благонамеренность ведет к тому, что зло как бы не имеет носителей и тем более идеологов. Не ясно даже, с кем бороться, защищая добро. Его просто «защищают». Выступают за сохранение природы, жизни, беспокоятся о нарастании угроз человеку, его телу и духу. Основания для этого видят либо довольно абстрактные – загрязнение среды, технизация, сциентизм, либо сугубо конкретные, против которых и мобилизуется общество: против распространения ядерного оружия, СПИДа, наркотиков, за то, чтобы выделялись заповедные территории, разрабатывались программы гуманитарной помощи, применялись новые чудодейственные лекарства и т. д. В 99 % случаев это «битье по хвостам», не касающееся причин проблемы, а если и находят виновников, то всегда исполнителей. Между тем *любые опасные процессы и авантурные, близорукие решения имеют идейных вдохновителей*, «певцов» и пропагандистов. Есть они и у тех, кто уничтожает природу, подрывает корни жизни, дегуманизирует социальные отношения.

Часто это делается неосознанно, без понимания действительного значения выдвигаемых проектов. Творцы новационных теорий, как

правило, их фанатики и не способны видеть обратную сторону своей активности. А многие причудливо сочетают заботу о каком-либо явлении с взглядами, которые ведут к его отрицанию. Один и тот же автор может исповедовать экологические убеждения и одновременно хлопотать об «экологическом производстве», т. е. замене естественной среды искусственной, вплоть до создания БТМ – бесприродного технического мира; беспокоиться о сохранении биосферы и тут же восхвалять универсальный космизм, который не совместим с органической жизнью; или, указывая на признаки антропологического «снятия» и дегуманизации человека, предлагают быстрее совершенствовать виртуальные технологии, которые, в сущности, данный процесс провозируют. Нельзя также сбрасывать со счета тех, кто хорошо понимая опасность собственного творчества, *маскирует ее ссылками на объективную необходимость прогресса*, от которого «не уйдешь» (так обычно говорят о смерти) и... обещаниями будущих благ.

Сложилась странная ситуация: повседневная жизнь человека раздирается противоречиями, пронизана психологической напряженностью и тревогой, в обществе идет ожесточенная борьба интересов, нарастают апокалипсические ожидания, а в области мировоззрения и универсальных идей царит равнодушный плюрализм: «толерантность». Нет желания знать, кто и что на самом деле выражает, у природы и жизни одни защитники. Существует как бы своеобразный сговор идеологов: выдумывай и дай выдумать другим. Остальное не важно. Это беспринципное мирное сосуществование противонаправленных или откровенно мусорных, запутывающих суть дела подходов, коварно и ведет к предательству человека. Оно не позволяет осмысленно противостоять враждебным тенденциям развития или хотя бы вовремя приспособливаться к ним. Под пение сирен о прогрессе, о все новых и новых успехах технологии или, напротив, отвергая их, но «вообще», в духе фобии, мы теряем представление о том, куда нас тащит и какие взгляды чему служат. Короче говоря, сейчас *нужна открытая борьба различных мировоззренческих стратегий*, когда вещи называются своими именами.

Если в дотехническую эпоху мечты людей об избавлении от труда, скатертях самобранках и живой воде свидетельствовали о свободном полете их духа, имели очевидно положительное значение и можно было только желать их скорейшего осуществления, то проблема XX века, по замечанию Н. Бердяева, в том, что мечты и утопии стали слишком осуществимы. По мере приближения к воплощению, в них обнаруживаются

дотоле скрытые противоречия – «зло». Отсюда возникает жизненная потребность анализа, как в контексте новых технологий меняются содержание и сама роль мировоззрения, особенно утопий. Одно дело понятие ноосферы, когда его предлагал В. И. Вернадский: с неизбежностью оно было довольно туманным и представлялось разрешением всех земных трудностей; другое дело ноосфера, как она выступает сейчас: в виде техносферы, разрастающейся искусственной среды, которая подавляет естественную и эволюционирует с не меньшей жестокостью, чем природа. То, что издавала казалось спасением, вблизи становится опасностью. Повседневная реальность и проза жизни более милосердны, чем возвышенные грезы, стоит им опуститься на землю. Так проявляет себя в области духа «ирония истории», когда зло выступает в виде добра. Ф. М. Достоевский называл это «законом искажения великодушных идей».

2. Отказ от гуманитарной парадигмы

Эволюционирующее человечество можно уподобить флотилии плотов, лодок и кораблей разной величины и устройства, плывущих в (ни)куда-то под разными флагами. Передовой корабль этой флотилии, громадный, сложный, многопалубный, больше трехсот лет он плывет под флагом гуманизма. На флаге золотыми буквами написано: Человек. «Все во имя человека, всё для блага человека!» – это лозунг не только коммунизма, который (не)долго строили, но, по сути, всей нововременной цивилизации, эпохи, наступившей после Средневековья, в котором жили «ради Бога». Сначала идеал всестороннего и гармоничного развития личности, потом богатство, комфорт и свобода как отказ от служения чему-либо Высшему, стали последней высшей целью пассажиров этого корабля. С возникновением общества потребления, казалось, что люди, конечно, не все, но на верхних палубах определённно, попали в Гуманистический Рай.

И вот в конце XX – начале XXI века – перелом, разрыв с этой великой эпохой. Рай возникает, но какой-то другой. Все громче слышны голоса о кризисе гуманизма, его конце и катастрофе. Впервые не шепотом, а вслух об этом, как известно, сказали структуралисты, объявив, что «человек» изобретение недавнее и он/о скоро исчезнет как рисунок на песке морского берега (М. Фуко). Наследник структурализма,

пост-структурализм довел идею заката гуманизма до логического конца, провозгласив «смерть человека» вообще. Но это все-таки были косвенные, абстрактно-теоретические, как бы посторонние сигналы. Их почти не воспринимали: «постмодернизм». Они плохо доходили до представителей остальной, более чем двух тысячелетней исторической метафизики, тем более не затрагивали собственно гуманистическое мировоззрение и обыкновенных, не теоретизирующих людей. Которые продолжа(ли)ют считать гуманизм смысловой вершиной в развитии человеческого духа, выдвигая лишь, с учетом времени, задачу его совершенствования в духе идей так называемого нового (реального) гуманизма (И. Фролов).

Настоящий отказ от гуманизма происходит только сейчас, со становлением информационного общества, практической эксплуатацией микро и мегамиров и распространением высоких = постчеловеческих технологий, в контексте принятия постмодернизма в качестве нормы философствования. По мере того как корабль гуманизма входил в эти техногенные воды и перед ним открывались невиданные перспективы воздействия наряду с природой на самого человека, он стал терять своих пассажиров. Более того, его начали покидать члены команды. Ряды гуманистов редуют, молодое поколение теоретиков *in toto* отказывается от земли и моря, записываясь в очередь на виртуальные и космические путешествия. Остающиеся на корабле твердые приверженцы гуманизма попадают в стан консерваторов и традиционалистов, а скоро, вот-вот и реакционеров, они посылают сигналы *sos*, но им никто не спешит на помощь. Философско-теоретическое сообщество, оглушаемое известиями о последних новейших достижениях технауки, возможностях «улучшения» человека, а может, ради его блага, и уничтожения, дабы заменить чем-то другим, более совершенным – их не слышит.

С увеличением числа ситуаций, в которых человек перестает быть субъектом, превращаясь в фактор технологии и агента сетей, опирающаяся на традиционную метафизику «гуманитарная парадигма» начала размываться. Пошли толки о «симметричной антропологии» как равенстве вещей и людей (Бруно Латур), о «конце человеческой исключительности» (Ж. М. Шеффер) и т. п. В умах наиболее легко-мыслящи(енны)х и «безрефлексивных» теоретиков она уже рухнула. Притом речь идет не о гуманизме как мировоззрении, возникшем в эпоху Возрождения, когда человек занял место Бога в качестве высшей ценности бытия.

И не о критике гуманизма с религиозных или экзистенциалистских позиций. Вернее, не только об этом. Наряду с отказом человеку в статусе субъекта, цели и смысла развития общества (собственно гуманистическое мировоззрение), речь пошла об его замене как сущего. Чем-то другим. *Об отказе от человека*, каким он был до сих пор. Которого, т. е. нас, ныне существующих на Земле людей больше нельзя считать ни вершиной эволюции, ни целью своей собственной деятельности. Он/мы, скорее, материал для изменений и дальнейшего продвижения к какой-то высшей форме бытия. Человек может = будет = должен сознательно и целенаправленно улучшаться, радикально повысив свои физические силы и умственные возможности, ликвидировав болезни, старение и смерть. И, в конце концов, достигнет бессмертия. Ради этой великой цели надо перестать бояться «перестать человеком», наоборот, преодолев его, превратиться в некое «более совершенное существо».

Эта критическая по отношению к гуманизму, а, в сущности, антигуманистическая идеология Human enhancement («расширения», улучшения человека) к началу XXI века нашла, как известно, свое позитивное выражение в феномене трансгуманизма. Нет необходимости пересказывать все его обещания, прельщения и соблазны, особенно тем же бессмертием. Конечным идеалом трансгуманизма являются теории не просто улучшения существующего человека, добавления ему рук, ног или других органов, а его изначального («пере)конструирования», создания фактически постчеловека, вплоть до *disigner baby* – ребёнка, который бы изготавливался согласно техническому проекту, что отражает реально идущие технологические работы по биофизической трансформации млекопитающего вида *Homo sapiens* как такового. Да много, много, непрерывно множущихся вариантов того, что будет после человека, хотя у них есть и названия: *нелюди*, *людены*, *трансхьюманы* и т. п., которые вовсе не обязательно будут естественными и живыми. Он могут/будут функционировать на иной субстратной основе, например, кремнии, быть автотрофными, сначала как киборги, а потом вообще с искусственным телом и математическим интеллектом.

Переход к ним неизбежен, потому что параметры человека начали ограничивать возможности дальнейшего развития цивилизации. Гуманизм, то есть ценностный антропоцентризм становится тормозом этого процесса. Прогресс техники посылает заказ на то, чтобы не технику подгонять под человека, а человека под ее всё нарастающие возможности. Он требует «переступить через человека», традиционного *Homo*

sapiens, толкая к созданию нового мыслящего сущ(вещ)ества или нейро-коммуникационного комплекса и т. п. нечто. Технократы изощряются в вариантах преодоления ограниченности человека и трансгуманизм – прямой вызов ему, его идентичности, как(ую)ого мы знаем, какими в темпах природы развивались тысячи лет или какими нас, Адама и Еву, сотворил Бог (старый «биокон»), сказав: «Это хорошо».

Таким образом, собственно говоря, мы имеем дело с кризисом и отказом не гуманизма, а антропологизма и речь идет о замене людей тем, что обычно называли роботами. Пресловутый трансгуманизм – это трансантропологизм, транс-гомо-низм, а если учитывать обе тенденции: отказ от гуманизма как ценности и как антропологизма, да и ради благозвучия, то это *трансгоманизм*. Отказ от человека как Genus Homo, Homo vitae sapiens, просто sapiens в пользу e-Homo, Гомутера, Кибернавта и т. п. Совсем смелые, наиболее последовательные и без(д)умные говорят уже о трансвитализме (!), т. е. преодолении жизни на Земле и ликвидации традиционных, исторически возникших на ней живых существ как наилучшем способе решения всех наших, прежде всего, экологических(!?) проблем. Нет человека – нет проблем, это все-таки мало. Не будет живого – тогда и наступит настоящая жизнь¹.

Под давлением подобных проектов преодоления человека и всего живого, начали колебаться ключевые фигуры, стоящие на капитанском мостике человеческого корабля, наследники знамени «реального гуманизма», как он мыслился в XX веке. «Для тех, кто связывает будущее с проектами технологической модификации человека, – пишет главный редактор журнала „Человек“, член-корреспондент РАН Б. Г. Юдин, – традиционный гуманизм оказывается слишком узкой платформой: свою позицию они характеризуют как *трансгуманизм*. И пока трудно судить, является ли трансгуманизм развитием, современной фазой гуманизма, либо же с позиций трансгуманизма, привычный нам гуманизм должен быть вообще отброшен как нечто архаичное»².

Когда произносились эти слова феномен трансгуманизма в самом деле было трудно квалифицировать. Сейчас, наблюдая агрессивное

¹ См., например: Кишинец В. М. Nano Sapiens, или Молчание небес. М., 2005.

² Конструирование человека. Сборник трудов Всероссийской научной конференции. 13-15 июня 2007 г. Томск, 2007. С. 4. Судя по циклу посвященных де(ре)конструкции человека конференций и публикаций, Томск, эти «сибирские Афины», стали у нас столицей философского антигуманизма. В таком случае это уже какая-то техно-тоталитарная Спарта.

развертывание данного направления деятельности и мысли, ничего трудного в его оценке не остается. Трансг(у)анизм есть прямое отрицание человека и его идеологического выражения – гуманистического мировоззрения, о чём недвусмысленно заявляют его адепты и говорит само название направления: транс = после, сквозь, через. Как новая, приходящая на смену гуманизму идеология, он благословляет превращение человека в фактор технического прогресса, его, в конечном счете, поглощение им. Ну, приставите вы себе третью руку, любой второй член или чип в мозг, однако поскольку «прогресс не остановишь», то адепты следующей технологической волны сочтут это недостаточным. Они предложат поставить другие, более мощные: руку-член-чип, дабы вновь усовершенствовать то, что казалось хорошо на предыдущей стадии техноэволюции. И т. д., по пути самоде(ре)конструкции.

По дороге в ад (*The Road to Hell*), как пел об этом знаменитый рок-музыкант Крис Ри (*Chris Rea*). Сопровождая эту дорогу искажением и клеветой на пройденный путь. «Ни одно преступление не совершалось без примеси каких-то гуманистических ценностей, идеалов. И чем крупнее преступление, чем больше его масштаб (и война, естественно, является таким преступлением), тем больше и значимее этот гуманистический посыл, который содержится внутри тех, кто совершает это преступление, или тех, кто развязывает войну. Любые гуманистические обобщения, любые гуманистические декларации, лозунги, транспаранты всегда склеиваются с помощью крови»¹. А спасет мир и принесет всем счастье, по мнению такого рода перерожденцев во врагов человека, отказ от гуманизма как идеологии возвышения людей, да просто их сохранения, в пользу трансгуманизма как идеологии того, что будет после них. И лучше них/нас.

В академических текстах не принято давать жесткие оценки, но иногда, по-видимому, надо. Это, конечно, бред, но он симптоматичен как показатель того, что уже стало возможным городить про людей и их духовные ценности. По всему чувствуется, что, пусть смягченные, но похожие взгляды на гуманизм будут распространяться все шире и его вместе с человеком «сдадут» в самое ближайшее время. *Сдадут человека*. Ибо: 1) под трансгуманизмом имеется в виду не преодоление гуманизма как доктрины эпохи Возрождения, поставившей на место Бога человека, а преодоление самого человека как Ното

¹ Ашкерев А. Трансгуманизм спасет мир // www.russia.ru/video/diskurs_13487

sapiens. Трансгуманизм, говоря точнее, есть трансгоманизм, или, говоря благозвучнее, трангоманизм; 2) продолжая мыслить в парадигме универсального эволюционизма, которая стоит на вооружении современной науки и обслуживающей ее философии, этого нельзя не сделать. «Снятие» живого человека искусственным конструктом, киборгом и т. п. является логическим следствием, неизбежным этапом дальнейшего технологического прогресса, если смотреть на него как на однонаправленный к какой-то цели процесс. Человек вовсе не ко(ве)нец непрерывного эволюционного развития. Им может быть и что-то другое. (Или же надо мыслить бытие без ве(ко)нца).

Отказ от гуманитарной парадигмы есть проявление той самой антропологической катастрофы, которая ещё недавно мыслилась как нечто чудовищное, ею пугали, а теперь приходит «по-тихому» и всё большим числом людей, в том числе инерционно считающих себя гуманистами, приветствуется. В общефилософском плане она коррелирует, точнее, является частью идеологии постмодернизма, трансформирующегося в трансмодернизм. Пост(транс)модернизм в целом суть отражение происходящей на глазах всех, кто хочет видеть, замены естественной, макро, вещно-предметной и живой среды нашего бытия искусственной, информационно-виртуально-коммуникационной, мега (космо) и микро (нано) технологической реальностью. Трансгоманизм – идеология самоотрицания жизненного мира человека и самого его. Как фазис и продолжение постмодернизма, который сначала решительно отвергали, а потом, на передовых рубежах без(д)умия, почти безоговорочно приняли, он в настоящее время находится *в процессе* такого при(н)ятия.

Открытые, «без самообмана» выразители трансгоманизма – это люди, чьё сознание похищено силами Иного, оно больше не воспроизводит их жизненную реальность, а стало орудием саморазвития техники. В философии, это чаще всего представители технаучки, понимающие первую как обобщённый пересказ достижений и перспектив последней. Сциентисты, технократы, футурологи, космисты, начиная с «русского», их сознание озабочено вопросами «как нам обустроить Вселенную». А поскольку во Вселенной жизни не найдено, они likвидируют ее и на Земле, заполняя своей естественный дом теоретически и предметно изобретаемыми артефактами по образу и подобию безжизненного космоса. Люди рассудка, не доросшие до разума. По отношению к кораблю гуманизма они пираты, берущие его на абордаж. Если в быту эти людоделы могут быть вполне симпатичными,

обычно молодыми людьми, то в рассуждениях о судьбе людей (и себя), а нередко и в профессиональных занятиях, они становятся людоедами (самоедами). Врагами всего живого.

Они приветствуют трансгуманизм, эту, по известным словам Ф. Фукуямы, самую опасную идею XX века, все более бездумно, да еще как, с телячьим восторгом. Не довольствуясь клеветой на гуманизм, А. Ашкеров, например, пытается лишить его смысла не только сейчас, но и в прошлом. «Трансгуманизм спасет мир» – вот лозунг предлагаемого им нового универсального мировоззрения¹. Как обычно бывает при поверхно-презентистском мышлении, корни нового явления ищутся и, естественно, находят у фараонов, в первобытном обществе, *ab ovo*, или раньше: «Трансгуманизм – это то, что отличало человечество всегда... человек – это конгломерат живого и мертвого, все более сложный, растущий вместе с агрегированием в себя мертвого, впитыванием в себя мертвого, а не только с отделением от него². Как видим, под киб-орг-изацию, под внедрение в человека программирующих его поведение чипов и замену некими монструозными биотехническими конструктами подводится общефилософская историческая база. И вместо «высокого человеческого соприкосновения», на что надеялся И.Т. Фролов, на переднем крае новационного развития находится самоценная, ставшая идолом для поклонения Техника. Она превращает людей в свою службу не только на практике, но и в теории. Теоретики, будто бы философы, на самом деле рефлекс этой техники. Трансгуманизм – их/ее идеология, в которой гуманизм, соответственно, дискредитируется: «Гуманизм превращает человека в арену экспериментов (!? – В. К.)... помещает человека в сеть абстракций и человек, как муха пойманная пауком, запутывается в этой сети»³. Сказать тут нечего. Все так перевернуто, что поневоле застываешь в изумлении (по comment) и, глядя на подобные выверты, в отчаянии, что оказывается, никакой истины не существует. Главное – состояние человека и если он переродился, «сдвинулся», то любые факты бессильны. Сознание этих новаторов и ученых рабов Большого Брата переформатировано уже на бессознательном уровне и никакая логика, призывы к самосохранению для них

¹ См.: Ашкеров А. Трансгуманизм спасет мир // www.russia.ru/video/diskurs_13487

² Там же.

³ Там же.

не указ. Ими овладела воля к небытию, к превращению в питательный бульон для «Матрицы» и они будут писать все что угодно, вплоть до явного абсурда, лишь бы оправдать (само)убийство существующего вида *Homo sapiens*.

Есть, однако, и глубокомысленные авторы, кто, желая следовать по пути прогресса, не хотят «сдавать человека», совсем отказываться от гуманитарной парадигмы. А хотят, учитывая новые веяния, её усовершенствовать, предлагая сделать это через «сдвиг» в классических метафизических представлениях о мире и гуманизме. Притом, критически относясь к постмодернистской деконструкции тысячелетней культуры человечества, ликвидации в нём субъекта, автора, логоса, замене общения коммуникацией. Как типичных носителей идеи такого сдвига, пожалуй, наиболее известных в российской философии, можно назвать М. Н. Эпштейна и Г. Л. Тульчинского. В их работах удивительным образом сочетаются безоговорочное принятие техницизма, любых его, в том числе самых антигуманных тенденций, с попытками предложить решения, ввести понятия, которые как бы позволили сохранить человека. Они хотят быть техницистами и гуманистами сразу, в одном флаконе. В результате, к сожалению, мы имеем именно «как бы», маскировку негативного тренда нашей цивилизации, сглаживание скрытого фальшивым блеском и патологическим богатством трагизма современного положения человечества, его убаюкивание перед фактом происходящей антропологической катастрофы, в обыденном сознании предстающей как «конец света».

... И, как следствие двойственности такого подхода, глубокие, прикрытые паутиной слов, внутренние противоречия. Особенно, чувствуется, между типом, настрое/ни/м собственной личности и проповедуемыми концепциями. «Куда мы несёмся в XXI веке, смятенные и подавленные, утратив уверенность всех прежних идейных направлений, но подхваченные небывалым техническим вихрем? Мне кажется, мы движемся на тот свет. Как вслед за Старым Светом был открыт и обжит Новый, так теперь мы переселяемся с Этого света на Тот свет, только не замечаем этого»¹ – так драматично оценивает М. Эпштейн складывающуюся ситуацию. И тут же развивает идеи отказа от предметной реальности, предлагая заменить её потенциализмом, высшее

¹ Эпштейн М. Из книги «технофантазмы» // Из Америки. Все эссе. Екатеринбург, 2005. С. 621.

состояние которого – Ничто, а происходящее фактическое осуществление – виртуализация нашего бытия. Отказывается от гуманизма, заменяя его гуманологией, суть которой в том, что живой человек уравнивается с бестелесным разумом.

Чутко следящий за техническими достижениями, он предвкушает время, когда «то, что традиционно понимается под субъектом, растворится в информационных потоках, в электронных сетях. Самоуправляемые компьютерные программы, как тютчевские „демоны глухие“, будут вести беседу между собой... Грамматология, помноженная на мощь электронных и нано технологий, представляет человека как исчезающий субъект в грядущем мире машин письма»¹. Потом, как бы одумавшись, выдвигает против грамматологии, лишаящей человека эмпирической субъектности, скрипторику, в которой субъектность «возвращается». Возвращается, но так, чтобы лучше не возвращалась: «на уровне сверхэмпирического субъекта», то есть без индивидуального, живого человека. Вот перспектива, которую мы дальше обсудим подробнее, если сущее приравнять к должному, лишая человека минимальной возможности влияния на происходящее, не говоря о выборе и «свободе» (кавычки потому, что технонаучная философия от идеалов свободы человека категорически отрекалась; и бедные, беспамятные прогрессивные либералы, вспоминать о ней – удел реакционеров).

В конце концов, эти метания то «за», то «против» человека кончатся предложением ему исчезнуть, умереть, правда «творчески», послужив основой для некоего нового небелкового интеллекта. «Лучшее, на что может надеяться человек как биологическая форма разума, – это на свою внутреннюю технизацию, которая дополнит технизацию и роботизацию всего социума. Биологически несовершенные органы все более будут заменяться искусственными, нестареющими...»². Вот и вся тайна гуманологии и т. п. конструктивно-проективного «сдвига гуманитарной парадигмы». Сдвинуться или уже «сдвинулись» – все в тот же трансгоманизм. В Инобытие. Для собственно человека как специфической формы Сущего – в Никуда.

¹Эпштейн М. Homo scriptor: Введение в скрипторику как антропологию и персоналогию письма. // Электронный ресурс: Культура письменной речи. www.grammar.ru/RUS

²См.:Эпштейн М. Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию. // Философские науки. 2009. № 2.С. 92.

Г. Л. Тульчинский заботится о перспективах гуманитарной культуры, энергетике творчества, хвалит телесную, «хаптическую» эпистемологию и одновременно заменяет антропологию персонологией, в которой эмпирический телесный человек исчезает, вместо него будет некий концепт из «свободной духовности». Но о таких концептах (применительно к человеку «персона(жа)х»!), как раз и шла речь в будто бы отвергаемом им постмодернизме. В конце концов, он приходит к обоснованию «несущественности антропоморфности, человеческого. Можно считать, что современная культура расчеловечивает – и слава Богу! Причём в буквальном смысле. Это расчеловечивание открывает важность постчеловечности, позволяет за тремя соснами увидеть лес и путь в нём»¹. Лес технопарков вместо парков и путь к «гуманитарной парадигме без человека». Другими словами, человек в ней не предполагается не только как центр и носитель смысла своего развития (гуманизм), а исчезает и как элемент, «человеческий фактор» технического прогресса. Особенно поражает это: «И слава Богу».

3. Проективный сдвиг

Как видим, «проективный сдвиг», аналогичный по последствиям, как у М. Н. Эпштейна. В «никуда», в про-пасть самоуничтожения. Казалось бы, в философии или, по крайней мере, в философской антропологии все подобные прямые и косвенные призывы к отказу от людей и их самих от жизни, лозунги «расчеловечивания человека» должны были вызвать скандал, исторгнуть крики негодования, обвинения в антропофагии и отступничестве. Отрицающих человека авторов, отлучили от гуманизма, а кто сам отказался от него, предали анафеме. Хотя бы внутренней, цеховой. Шутка ли: геноцид отдельных наций и народов преследуется, а тут призывы и планы ликвидации самого человечества! Но ничего не произошло. Никаких споров, дискуссий, напротив, вполне благожелательные, даже почтительные комментарии. Трансгуманизм становится модой не только у техногенных зомби, но в самой философии. На корабль напали пираты, в команде бунт, а на капитанском мостике анестезированное спокойствие. Какие-то ученые слова, все в том же любимом, принципиально нефилософском духе: еще нет,

¹ Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология. С.-Петербург, 2002. С. 638.

не начали, пираты пока не режут, предполагать, что начнут слишком сильное утверждение, это пессимизм и т. п. пошлости. Человека сдают без боя, его никто не защищает. Безболезненный переход «в свое другое». При подобном поведении мы не будем знать, когда нас не будет.

Справедливости ради надо отметить, что небольшое движение против самообмана и непосредственно «трансгуманистического движения», в философской антропологии все-таки обозначилось. Но авторов, решившихся противодействовать ему, можно перечесть по пальцам. Одним из первых среди стоящих на капитанском мостике ее авторитетов тревогу (наконец-то!) забил П. С. Гуревич, посвятив этой проблеме несколько статей¹. «Не показывая пальцем», в них он фактически показал, что гуманология и персонология как идеология «новых гуманоидов» – это тоже трансгуманизм, только в своеобразной упаковке. Однако последователей у него среди VIP-представителей философской антропологии не видно. По-видимому, можно констатировать, что толки о «радикальном преображении человека», «бессмертии» или о «творческом исчезновении» и сдвиге гуманитарной парадигмы скрывают суть дела от многих самих ее носителей. Разница только в том, что в отличие от узких специалистов как непосредственных идейных выразителей становления постчеловеческого мира, модификаторы гуманизма обременены общей культурой и философской традицией. Не могут «просто так», в виде прямого отражения технического прогресса отказаться от человека, сведя его к материалу для манипуляций, что делают ограниченные профессионалы, думающие за пределами своих занятий не дальше ближайшего хода мысли. Глубокомысленные философы делают это сложно, с «рефлексией», выстраивая самоценные, высокие и утонченные теоретические конструкции. В отличие от открытых трубадуров трансгуманной антропологической катастрофы, они разрабатывают её «поэтику», «поэтику устранения» как особую философию собственной, представителей человеческого рода и вида, бессознательной смерти. Чтобы мы не знали, когда нас не будет. Философия вырождения, специалисты по эвтаназии...

И прогрессивные, творческие, новационные мыслители, находящиеся на main street современной информационной цивилизации. Носители

¹ См., например: Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека. // Вопросы философии. 2009. № 3; Технологии свихнувшегося разума // Человек и его будущее. Новые технологии и возможности человека. М., 2012.

её мировоззрения. За ними «настоящее будущее», сила и потентность, потому что они выражают тенденции её превращения в «Матрицу». Это не их произвол, они добросовестно подтверждают знаменитый тезис Маркса: бытие определяет сознание. Даже когда оно становится необытием. И что в таком качестве человек перестает быть субъектом. Личностью. А потом и собственно человеком.

Но не все. Даже в предвидениях О. Хаксли и Д. Оруэлла, во всё более правдоподобных голливудских футуристических фильмах, всегда были, есть герои или группы отсталых от движения в про-пасть небытия людей, желающих сохранить себя «как есть», быть телесными, чувствующими, мужчинами и женщинами, любить жизнь, природу и друг друга. Или какие-то анклавные земной, не виртуальной жизни, «антропоморфные миры». В некоторых случаях допускается параллельное существование разных онтологически возможных миров. Их жители скрываются, уходят в подполье, в леса и пещеры или ведётся открытая «борьба миров» за своё существование. Традиционный человек, находясь среди зомби, в информационно-коммуникационном, виртуальном окружении, тоже нуждается в идеологии и философии. В гуманитарной парадигме, которая бы учитывала новые реалии, однако не «снимала» его, превращая в питательный бульон для постчеловеческой реальности, а считала самоцелью и вела по пути выживания.

Такая философия должна быть ориентирована не вообще, слепо против прогресса, но как говорил А. Печчеи, против слепого прогресса. Видя, и открыто признавая его противоречивый, в главных тенденциях теперь трагический для Ното *vitae sapiens* характер. Ища в нём тенденции, держась которых можно было бы продлиться. В современных условиях она может быть только *археоавангардной*, т. е. консервативной и одновременно опирающейся на возможности сохранения человека во взаимодействии с этими новыми постчеловеческими мирами. Притом *динамически* консервативной, или другими словами, речь должна идти о таком развитии, когда развивающаяся система сохраняла бы свою устойчивость, т. е. себя. Это и есть «устойчивое развитие», которое, провозгласив, извращают до противоположности, утверждая, что надо стремиться к максимально быстрому, «новационному» развитию или «прогрессивному динамизму». А идеал трансгуманизма – когда всё существует для того, чтобы скорее исчезнуть, замениться чем-то новым. И опять транс, опять новым – в дурную бесконечность. Иногда, правда, ее «останавливают», превращая в некие

«бесконечные информационные поля» или «разумные ландшафты», где прогресс ус-пока(о)ивается¹. (А говорили: «не остановишь»). Как видим, останавливают, лишь бы не на человеке и его феноменологическом мире. К тому же, если всё информация и разум (бессмертные?), то это – Бог, если всё поля и ландшафты, то это – Материя. Вечное возвращение. Только по-научному: потеряв человека.

Итак, констатация исторически свершающихся фактов (очевидных, ничего личного): нано-микро и мега-космо миры, искусственное и виртуальное захватывают Землю, заставляя их творцов и представителей, особенно технологистов, работать над собственной смертью и про(ис)поведовать ее. Парадигмальным становится мировоззрение «пост» и «транс», переступающее через людей, оставляя их за бортом бытия. Исчезнуть – такова, по сути деятельности, глобальная цель современного человечества. Ее носители, (само)убийцы человека демонстрируют возрастающую агрессивность.

Что делать?

Хотя бы каждому на своем месте, а гуманитарным философам – в философии.

Да Бог им, технократам и потребителям, этой про(транс)грессирующей цивилизации, её идеологии и философии, Судья. Они ее жертвы, не ведают, что творят. Но не все. Есть и те, кто пытается бороться. Что всё сущее конечно – да, но и всё – проявление бесконечной вечности. Ответственные (и) думающие люди должны выступать за у(под)держание своей формы сущего, спасая хотя бы честь и достоинство человека как Мыслящего на Земле Существа. Чтобы можно сказать: Разум на ней возможен, долгое время был, и в принципе, как природа в «Красной книге» – сохраняется. Однако теперь настало время *экологии человеческого Разума*. Окончательно этот подход можно резюмировать напоминанием притчи о двух, попавших в горшок с молоком лягушках: одна сложила лапки и утонула, другая, оптимистка, билась и получила масло. Она выпрыгнула. Человечество попало в положение отдельного индивида, который знает о своей смертности и несмотря на это, противостоит ей. «По бытию» (не редуцируя его к одной из своих сублимированных форм – знанию), мы, кто продолжает чувствовать

¹ См., например: Чеклецов В. В. Топологическая версия постчеловеческой персонологии: к разумным ландшафтам. // Философские науки. – 2010 – № 6.

себя живым, должны быть консерваторами («биоконами»), жить и смеяться как дети, посетители аптек, тренажерных залов и косметических салонов. Вопреки перспективе.

4. Нужна философия сопротивления

На трудном пути человечества к расцвету и самоотрицанию (падение всегда начинается с вершины) с большей или меньшей определенностью можно усмотреть 5 этапов, 5 «де»: демифологизация, детеизация, деантропоморфизация, десубъективизация и, наконец, деантропологизация. Их не следует уподоблять отработанным, а потом сгоревшим в плотных слоях прогресса ступеням ракеты – все они есть и сейчас, тем не менее, в этой последовательности выражается вектор сублимации чувственно-непосредственного отношения человека к миру в опосредованно-информационное, вытеснение материального виртуальным, бытия сознанием. Дойдя до пункта, с которого явственно виден обрыв пути развития традиционного человека, важно в этом признаться самим себе и искать спасительные направления приложения усилий к самосохранению. «Возвратиться к истокам», призывал М. Хайдеггер, первым, как никто, почувствовавший близость конца человеческой истории. Этот призыв много и с удовольствием повторяют, но главный, вытекающий отсюда вывод делать опасаются: согласившись с его правотой, надо соглашаться с необходимостью **великого консервативного поворота** всей идеологии и философии при условии, что она ещё хочет оставаться собственно человеческой.

Прямое возвращение к истокам, к «океану», из которого мы все вышли, задача очевидно утопическая, но определённое движение по боковым и обводным путям вполне возможно. Пусть вопреки течению. Особенно к этапам, близким современности, не исчерпавшим себя и при соответствующей поддержке, их потенциала хватит надолго. Тот, кто помнит своё детство и сохраняет душевную молодость, живёт дольше и здоровее. Хотя вопреки времени. Консервативный поворот нельзя произвести путем смены «де» на «ре», *необходима ревизия всей истории человеческой мысли*, с целью выявления в ней установок, заделов и воззрений, на которые можно опереться, исходя из принципиально новой, ставшей в конце II тысячелетия проблемы: *Выживание*. По многим параметрам нужна радикальная переоценка значения вклада в культуру тех или

иных её творцов. Некоторые «ре» полнее осуществимы в одном отношении, другие в другом, что касается антропологизма и онтологического статуса человека, этот рубеж нельзя отдавать ни в коем случае.

Наряду с Гёте и Хайдеггером как очевидными носителями феноменолого-антропологической картины мира, в фундамент консервативного философствования надо включить, по-видимому, ницшеанство и русскую философскую традицию. Ницше сознательно ставил цель преодолеть ограниченность доминирующего в западной культуре рационализма. Его обращение к досократической философии как эпохе нерасчлененности мысли и бытия, теоретического и поэтического языка, критика истощающей роли чистого интеллекта в жизни человека («Познавший себя – собственный палач», «трусы всегда умны») дали импульс всем, кто поддерживает права живого знания и цельность человеческого духа. Другими словами, даже специалист-интеллектуал, насколько он человек, нуждается в том, чтобы жить в мире как своем Доме, его ребенок представлялся бы ему не «мешком молекул», а существом, которое он любит и которым любит. Для этого надо защищать голубое небо жизни и культуры от его вытеснения черным космосом техники и цивилизации.

Русскую философию проблема сохранения целостности человеческого духа буквально мучила. В. Соловьев говорил о рационалистах, что они целуются с мертвыми скелетами, Свидригайлов у Ф. М. Достоевского уподобляет вечность, как она трактуется наукой, закоптелой бане с пауками по углам, П. Флоренский отмечает, что естествознание утратило масштаб, которым определяются прочие наши масштабы – самого человека. А. Ф. Лосев предпринял (раньше М. Хайдеггера) впечатляющую попытку реабилитации фундамента духовности и антропологизма – мифа, доказывая, что «все вещи нашего обыденного опыта – мифичны, и от того, что обычно называют мифом, они отличаются, может быть только несколько меньшей яркостью и меньшим интересом»¹. Мифологична, по его мнению, и человеческая личность. Сама теоретическая наука в мировоззренческой ипостаси – миф. Продолжая эту традицию русской философии по защите человекоразмерного мира и как бы отвечая на крайности его сведения к знакам и информации, в современной литературе начали культивироваться

¹ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. // Философия. Мифология. Культура. М., 1971. С. 78.

воззрения, в которых мифом объявляется всё, в том числе – так получается, – и «знаки». Получается, что даже «пустые знаки» = биты – миф. Не мифа – нет¹.

Известно, однако, кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает. На основании того, что самое абстрактное и искусственное изобретение связано с людьми, говорить о его мифологичности или антропоморфности похоже на то, как считать, что поскольку люди произошли от обезьян, то они навсегда остались обезьянами или что если при создании техники используется материал природы, то она является частью природы. В чём тогда содержание антропогенеза и экологического кризиса? Всё новое имеет причину в старом, но через какое-то время оно отпадает от старого и превращается в иное, часто противоположное, враждебное его породившему. Разделяя мотивы А. Ф. Лосева насчет трактовки вещей как мифа, с ней можно согласиться не дальше чем в плане признания их антропоморфности, т. е. неизбежно образного восприятия, считать же мифом научные теории и математические модели, по-видимому, ошибочно. Они изобретены человеком, но не мифологичны и не антропоморфны. Как наука больше не отождествляется с культурой, хотя вышла из нее. Небо и лес, дом и самолёт антропоморфны, а электрон, атом, квазары и галактики не антропоморфны: потому что это уже не образы, а концепты реальности. Концепты выходят за пределы её восприятия целостным человеком. Нагружая их образностью, ибо без неё человек плохо мыслит, мы получаем виртуальные по своей природе симулякры. Реальность постнеклассического знания – реальность симулякров как форм вещей без прототипов. Наука, особенно в стадии «техно», не только не миф и всё менее антропоморфна, она всё менее субъектна и антропологична.

Думается, что избежать потери антропологической идентичности и возвратиться к истокам и также другим, подпитывающим жизненные силы человечества ручьям и рекам бытия идя тем же самым метафизическим путем, но вспять, вряд ли возможно. «После Освенцима», чем для метафизики стал постмодернизм, это не получится. Если получится, то совсем немного, не в главном. Через позитивизм и постмодернизм метафизика окончательно трансформировалась в технологическую мышледеятельность. Начав с разоблачения мифов и недоверия к нашим чувствам, она завершается отрицанием предметной природы

¹ См.: Косарев А. Философия мифа М., 2000.

и телесного человека. Квалифицировав вторичные качества как ложные, нас обманывающие, метафизика, приближаясь к методологизму, отказывается и от первичных качеств – материя умирает, её место занимают, выдвигаясь по логике телескопического стержня, «вещи сознания», структуры, язык, текст, информация. Мета-физика превращается в мета-информатику. И теперь, собственно философскую, удерживающую человека в бытии картину мира даёт феноменология. Но не гуссерлевская: не трансцендентальная, не априорная, не аксиоматическая. А реалистическая, апостериорная, эмпирическая. *Антропологическая!* Когда в качестве масштаба и границ существования вещей как феноменов берется их *соразмерность* человеку, его телесно-духовному континууму. Когда вещи, данные людям, «вещи для нас» – это феномены, благодаря которым бесконечно возможный мир является *Домом*. Феноменальный мир – *наша реализация* возможного. Проникая в постчеловеческие слои бытия, мы должны иметь место, куда, сняв оковы деятельности, можно прийти, чтобы жить. Дом надо укреплять, ремонтировать, отстаивая от посягательств его разрушителей как извне, так и от внутренних жучков-точильщиков, практических и идейных. Становясь *учением о Доме*, философия совпадает с экологией при её сущностной мировоззренческой трактовке. Феноменология и фундаментальная экология, составляя содержание консервативного философствования, выражают одну и ту же направленность на сохранение бытия с человеческим лицом. Это смысловое ядро идеологии выживания, актуальное для всех, кто озабочен судьбами людей на Земле и способен видеть дальше e-2 – e-4.

Реализм с человеческим лицом есть, говоря категориально, феноменологический реализм. Или реалистическая феноменология. В русле консервативного философствования он/она предполагает приоритетность жизненного мира в сравнении с миром науки. Контекст познания рассматривается как часть контекста бытия целостного человека. Только такой тип взаимодействия миров дает нам надежду на выживание. Научные шовинисты считают мир, где, например, с горки катится ребенок (обыденную картину мира – ОКМ) переходным звеном к формированию научной картины мира (НКМ), которая есть или будет истинной, существующей «на самом деле», в то время как жизненный мир есть иллюзия, следствие «фолк-психологии», которую надо преодолеть. Но знают ли они, куда катятся сами и на чём хотят остановиться? На «теле весом 70 кг», «мешочке молекул», «кручении пространства»

или «формуле», «цифрограмме»? Притом, что формул и цифрограмм может быть много. Что из их знания для нас следует и какая из даваемых разными науками картин мира наиболее научная, наиболее истинная? Ответа нет или он абсурдный, ведущий к самоотрицанию того, кто спрашивает. Плюрализм может быть только предварительной теоретической установкой. При действии всегда надо что-то выбирать, а значит, отдавать приоритет, соотнося его со временем и ситуацией.

Рассуждая в русле консервативной философской парадигмы, мы должны признать, что существовавшая несколько тысяч лет птолемеевская модель Вселенной в обстоятельствах жизни охотников, земледельцев и скотоводов была вполне истинной. Она сменилась моделью Коперника с развитием промышленности, путешествий и мореплавания. В свою очередь в микро и мега-реальностях модель Коперника «неверна» – теряет свое значение. Так же как модель Птолемея, что дружно признают современные физики. Само представление о размерах солнца и где оно кончается достаточно условно. Если объект освещён прямыми солнечными лучами, то его можно считать «находящимся на солнце». Загорая, мы, будучи на Земле, достигаем Солнца. Какие-то микробы и чья-то кожа при этом, сгорают, другие живут, не выходя на границы, где солнце начинается. Вопрос в степени удаленности от его геометрического центра, в температурной стойкости объекта. Эти соображения о феноменологической природе параметров той или иной формы бытия нужно учитывать, решая задачу нашего выживания.

В бесконечной Вселенной и при постулировании множества возможных миров выбор «истинного» определяется ценностно. Для людей «лучшим из миров» является тот, где они способны жить, поддерживая свою идентичность, то есть феноменологический. «Внутреннее обустройство» жизненного мира также обуславливается природой человека. Когда Эйнштейна спросили, всё ли можно описать методами науки, то он ответил, что можно, но не имеет смысла. «Это было бы изображением неадекватными средствами, как если бы изложить какую-либо симфонию Бетховена в виде кривой, выражающей давление воздуха»¹. Феноменологический реализм как философия бытия с человеческим лицом считает приоритетным звуковое восприятие сочинений Л. Бетховена, хотя признает возможность их кодирования в виде графика,

¹ Борн М. Воспоминания об Эйнштейне. // Вопросы философии. 1968. № 8. С. 128.

набора цифр, перевода в цвета и т. д. Границей манипуляции формами реальности является сохранение тождественности человека как целостного телесно-духовного существа.

Будучи философией Бытия, защищая его, консервативная философия не рассматривает развитие метафизики как «историю нескольких плохих идей», которые надо отбросить. Всё имеет основания в характере обстоятельств. Стремясь к преодолению транс-агрессии трансгуманизма, а если шире – инонизма, она не уходит от проблем современности, новых и новейших способов деятельности. Напротив, консервативная философия хочет и идет им навстречу, чтобы опираться на них. В таком качестве её можно определить как явление *археоавангарда*. Из достижений технауки берутся идеи, дающие теоретическое основание на существование человека и его мира: бифуркации, плюрализма, мультикультурализма, гипертекста, нелинейности процессов, множественности или даже бесконечности миров и уровней реальности, вечного возвращения и т. д. Обосновывается «право» на *антропоцентристское воплощение Возможностей Абсолюта*. Другие идеи и виды деятельности, бросающие вызов идентичности людского рода, требуют жить по *логике сопротивления*. Отвечая на вызов идеологов и творцов «конца света» (зря, что ли, его начали отмечать), консервативная философия выживания должна исходить не из универсального эволюционизма, прогрессизма и трансгрессии, возгоняющих наше сущее в нечто иное или к какой-то абстрактной точке, а из установки на коэволюцию его разных субстратных форм. Это есть концепт полионтизма. Концепт полионтизма – это *Единство во множестве*, предполагающее синергичное существование миров «неслиянно и нераздельно», как в Троице, однако, не ограничиваемое базисным тринитарным минимумом бинарного мышления. С точки зрения генезиса ему соответствует не потенциалистский креационизм в виде возникновения из ничто, а принцип феноменологической манифестации бесконечно-вечного. *В консервативно-полионтической редакции Книги Бытия сказано: «В Начале было Всё. И Всё было у Бога, и Всем был Бог».*

И будет. Если люди захотят сопротивляться. Девиз философии сопротивления: на Бога надейся, а сам не плошай!

ГЛАВА III

ЖИЗНЬ ПОД ЗНАКОМ «ТРАНС»: СУМЕРКИ ПОЛОВ*

1. Источник жизни и высшая ценность духа

Жизнь как пламя. Ей все время нужен новый материал. Способность размножаться, воспроизводить себе подобные существа взамен сгоревших при обмене веществ. Она является основным признаком отличия живого от неживого. Примитивные организмы могут производить идентичное потомство простым делением (бинарное, множественное, фрагментацией, спорами, почкованием – клонированием), у высших обязательно взаимодействие разных по наследственным и морфофизиологическим характеристикам особей. У них образуется пол, благодаря чему генетические изменения из обусловленных случайными мутациями, превращаются в постоянный механизм отбора полезных свойств, «встроенный» в эволюцию биоты. Возникновение полового деления и есть граница между низшей и высшей формами жизни на Земле. Это была подлинно сексуальная революция. В рамках развития и совершенствования живого она по своему значению сравнима с появлением органических существ вообще.

Половая стратегия жизни предполагает, что субстратное разделение особей сопровождается обратной тягой к единству, влечением к образованию нового целого и тем самым восстановлению онтологической тождественности вида. Поляризованность субстрата компенсируется энергией соединения. Кроме наследственных биологических выгод возникновение полов увеличивает эффективность взаимодействия с внешней средой. Оно целесообразно поведенчески, когда к особи предъявляются противонаправленные требования: быть спокойной, например, при рождении и воспитании потомства или быть агрессивной, продолжая защищать свою территорию; охотиться ради собственного выживания или кормить детенышей; быть ориентированной вовне или вовнутрь. Одновременное действие по разным векторам или всех по одному дисфункционально, сужает возможности видového прогресса. Деление, возникновение двоицы (полов) решает эту задачу, дает более адекватную структуру ответа на вызов сталкивающихся

друг с другом сил и обстоятельств. Разделение функций «по полам» первый шаг к сложности, одновременно овладения ею и получению эмерджентного выигрыша. На этот путь тем или иным образом встали все высшие существа. Диалектика пола является выражением общего нарастания сложности развития живого. В мифах и философии древних она обычно распространялась на мироздание в целом. Соединение и разделение, любовь и вражда рассматриваются как силы, пронизывающие любое сущее. Космос живой, имеет края и полюсы, а значит «пол», в силу чего он намаг/н/ичен, напряжен и представляется как Активная Мировая Душа, Абсолютный Дух, БОГ.

Возникновение человеческого духа настолько связано с полом, что наряду с объяснением этого события божественным Актом или совместным трудом, в некоторых теориях его предлагают считать результатом противоречия между влечением и социальностью. Табуирование инстинктов, особенно такого фундаментального как половой, рождает воображение, а потом мысли. Во всяком случае, признано, что первобытная культура, протокультура пронизана сексуальностью, вращается вокруг гениталий. Половые отношения лежат в основе матриархата. Мать – материя, основа; женщина – генщина, родящая, наследующая, когда вся жизнь (пока не знали отцов и не начали указывать: вот-ец, вотец, вотчина, отчина), организовывалась вокруг рождения и воспитания потомства. Хотя значение физической силы и агрессивности на охоте, в удовлетворении инстинктов и борьбе с враждебными племенами было выше, чем когда-либо (мужчина, мускина, мускул, му/ыща, сила, энергия), структура социальных отношений определялась родством и кровью, по материнской линии. Лишь с появлением возможности производить больше, чем сразу съедали, то есть накопления, а потом собственности и классов (да простят мне этот «марксизм» представители новой идеологической конъюнктуры) возникают семья и патриархат. Семья (семя) по своей сути всегда патриархальна и полноценно, а не вырожденно существует до тех пор, пока и насколько патриархальна, эти институты рождались и исчезают вместе. Возникновение семьи было первым поражением почти еще природной сексуальности от культуры. Отныне семья – «ячейка общества». Сексуальность перестает быть непосредственной и спонтанной, она не просто структурируется, а целенаправленно, потребностями новых социально-экономических форм жизни регулируется. Регламентирующее вторжение культуры в свободу секса порождает лицемерие (желания, которые

трудно скрыть, например, запрещаемые в своем племени, т. е. инцестуальные, приходится закрывать набедренными повязками, превратившимися потом в одежду) и... любовь, предпосылки к ней. А также стыд, совесть, понятие вины, греха, прочие моральные формы сознания. Если в происхождении сознания в целом из напряжения между желаниями и запретами можно сомневаться, то в отношении морали и любви это кажется бесспорным.

Становление индивида как личности шло рука об руку с процессом его выделения из рода, а потом и общины. Между родом и личностью образуется разрыв, который в ходе истории расширяется. Его можно считать выражением драмы взаимодействия природы и культуры. Их противоречие разрешалось прежде всего через изменение места половых отношений в обществе, способов реализации «основного инстинкта». На стороне рода – телесность, потребности продолжения природно-биологического существования человека, радость, которую он получает от их удовлетворения, на стороне личности – сознание, хотя вначале еще «родовое», связанное с овладением внешней природой, ее использованием ради облегчения жизни, удовлетворения от достигаемых целей. Воздвигаемые перед непосредственной чувственностью препятствия, ее «преследование» вплоть до подавления, вели к усложнению и сублимации переживаний, их возгонке в более тонкое состояние. Но как бы это соотношение родового и индивидуального ни менялось, закон сохранения человека в качестве особого биологического вида ставил ему границы: поддерживать взаимное влечение полов, служа тем самым источником продолжения жизни.

Считается, что связывать с половым влечением различные виды любви: привязанность, дружбу, симпатию, милосердие, любовь к Богу (как делал З. Фрейд), – значит вульгаризовать проблему. Вряд ли, однако, будет убедительнее эту связь совершенно разрывать. Да, стороны здесь полярны. От: «никакой любви нет» (в лучшем случае она «ловушка для воспроизводства вида», в которую, подразумевается, умный человек не попадет, до: «любовь – божественная (космическая) сила», к которой секс не имеет отношения. Подобная полярность факт, но она континуальна. Исключая, ее стороны предполагают друг друга. Это не две разные субстанции, хотя бы и в единстве, а одна, хотя в разных состояниях. Родовая идентичность человека обусловлена сохранением континуальности как таковой. Потеряв способность к любви, он не возвратится в животное и даже в варвара, а утратив

интерес к сексу, он не станет ангелом и даже святым. Это будет трансформация в какое-то иное качество, которая сейчас практически начинается. Пока же надо напомнить о высочайшей ценности любви, до сих пор признававшейся человечеством. Как впрочем и секса, ибо мы договорились, различая корни и вершину дерева, их не разделять, не распиливать (чтобы не наломать дров).

О ценности любви пора именно напоминать. Вряд ли в техническую, поставившую под вопрос все природное, эпоху и после возникновения гендерной идеологии, о ней можно сказать что-либо лучше, чем прежде. Мифы и великие философские учения Древнего Востока, Камасутра и притчи царя Соломона воспевают любовь как главное в жизни человека. Ею пропитана почва, на которой выросла и европейская культура. “*Omniū procedit ex amore*” (Все происходит от любви) – утверждали римляне. Или христианство: «Бог есть любовь», Евангелие (Благая весть) – это весть о любви Бога к людям. Соответственно, основной заповедью их жизни должна быть любовь к Богу и своему ближнему. Люби и делай что хочешь, формулирует суть христианской морали Августин Блаженный. Как смысл бытия, как синоним счастья любовь рассматривалась в эпоху Возрождения и в Новое время. Не только духовная, на что делало упор христианство, но и телесная. «Доставшиеся нам несколько глотков волшебного напитка любви, – говорил Гете, искупают все тяготы жизни». Пол, страсть, любовь – это солнце, вокруг которого вращается человеческая жизнь, они во взлетах творческого вдохновения и страданиях, святости и неврозах – в литературе, живописи, остальных формах искусства. “*All you need is love*” (Все, в чем Вы нуждаетесь – это любовь) дает совет нашим современникам, пожалуй, последний выдающийся представитель гуманизма Э. Фромм. Признание абсолютной ценности любви можно найти не только в высокой, но и массовой, молодежной культуре, хотя все больше в какой-то печальной, пугающей тональности.

Послушай, что я скажу,
Тебе не стоит жить.
Послушай, что я скажу,
Ты разучился любить.
Голубую сетку вен порви скорей.
Послушай, что я скажу,
Себя убей!

Эти и подобные настроения стали распространяться после, как считается, великого торжества пола, происшедшего во 2-ой половине XX века в передовых странах Запада, когда в результате распространения сексуальности «вширь и вглубь», перед людьми открылись невиданные, небывалые возможности удовлетворения всех чувственных влечений и духовных желаний.

2. Парасексуальная революция: пейзаж после битвы

Существо событий, которые принято называть сексуальной революцией, состоит в том, что эротико-физиологическое удовольствие, всегда являвшееся средством, «приманкой» для продолжения рода, отрывается от своей основы и приобретает самостоятельное значение. Становится самоцелью. Репродуктивная функция взаимодействия полов вытесняется рекреационно-гедонистической. Тем самым пол, сексуальность в их природно-биологическом смысле отменяются. Органы размножения наличествуют, но «недействительны», вернее, действительны, но очень редко. Как аномия, когда, например, «просчитались». С точки зрения задачи продолжения рода образуется как бы тело без пола. А вообще, без «как бы». По определению Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) «сексуальность – это способность рождения, продолжения рода». Оно совпадает с тысячелетними представлениями человечества о половой любви как причине жизни. На поддержание её такого предназначения были направлены и социальные регуляторы. Иные формы использования сексуальной энергии – внебрачные или внесемейные связи, проституция, порнография, нарциссизм, онанизм, гомосексуализм и т. п. рассматривались как отклонения от природы вещей и патология. Они осуждались обычаем, моралью и религией, преследовались юридически. Вплоть до предания смерти.

Отныне подобному отношению положен конец. Все эти аномии и патологии возводятся в норму. Не за них осуждают и преследуют, а преследуют и осуждают того, кто против них. Открытые либеральные общества провозглашают терпимость к любым способам сексуального удовлетворения, если они осуществляются по соглашению сторон и не причиняют вреда другим индивидуумам. Сексуальность

больше не связывается с продолжением рода. Обычное интимное взаимодействие мужчины и женщины, даже если они вне семьи и с предохранением от нежелательных последствий, называется теперь «традиционным сексом». *Иметь пол, действовать в соответствии с представлениями о ролевых функциях того или иного пола («быть мужчиной», «вести себя как женщина»), тем более, жить семьей – это традиция.* То есть секс стал тем, что когда-то возникнув, не подкрепляется потребностями настоящего времени и существует по инерции. Что касается главной функции половых отношений – рождения детей, да еще в семье – эти, на фоне общего уровня сексуальной жизни чрезвычайно редкие акты, приобретают статус даже не традиции, а пережитков прошлого, на смену которым разрабатываются более прогрессивные, биотехногенные способы воспроизводства человека. Точнее, уже постчеловека. Которые, собственно говоря, и задают, «заказывают» тенденции разложения естественных форм продолжения жизни.

В связи с утратой полом своей сущностной природной роли, происшедшую сексуальную революцию правильнее называть контрсексуальной. Во второй половине XX века началась и длится до сих пор, все больше набирая силу *Сексуальная контрреволюция.* Оценивая же ее не с биологических или морально-религиозных позиций, а по социальному содержанию и в то же время, отдавая отчет в эволюционном значении возведения в норму побочных рекреационно-гедонистических форм эксплуатации сексуальной энергии, данный феномен может быть целесообразнее характеризовать мягче, реалистичнее – как парасексуализм. *Сексуальная (контр)революция – это парасексуальная революция.*

В более конкретном рассмотрении содержания новой сексуальности мы позволим себе опереться на итоговую статью одного из видных ее идеологов и апологетов¹. Она замечательна как идейное начало сексуальной революции в плане ее переноса на российскую почву, а также образец обстоятельного и в то же время чисто эмпирического подхода к социально-антропологическим процессам. В ней представлен своего рода идеальный тип либерального сознания, озабоченного свободой индивидуума и совершенно не принимающего и не понимающего связи

¹ См.: Кон И. С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века. // Вопросы философии. 2000. № 8.

его судьбы с судьбой рода, перспективами человечества как целого. А те, кто эту связь видят, о ней задумываются и, не дай бог, не согласны с необходимостью «полной сексуальной реализации личности» предстают как традиционалисты, фундаменталисты и консерваторы. Противники всего нового и прогрессивного. Помеха цивилизации, «противящиеся воле истории».

Итак, что мы имеем в активе: «Нормализация гомосексуальности – первый случай индивидуально-групповых ценностей, не укладывающихся в прокрустово ложе полового диморфизма, гендерной биполярности и репродуктивной модели сексуальности. Постепенно такого же признания добиваются и другие сексуальные меньшинства (транссексуалы, трансвеститы, садомазохисты и др.¹ Существенный сдвиг в сексуальных установках конца XX в. – нормализация аутоэротизма и мастурбации. Мастурбационная тревожность и чувство вины по этому поводу, отравлявшая жизнь бесчисленным поколениям мужчин и женщин, постепенно отходят в прошлое... Исключительно важной формой сексуального удовлетворения становится виртуальный секс, особенно для людей, которым по тем или иным причинам трудно реализовать свои эротические желания лицом к лицу... Меняются функции коммерческого секса (проституции). Чтобы понять это, нужно изучать и типологизировать не только и не столько сексработниц и учреждения сексуального обслуживания, сколько их клиентов». Остаются, правда, некоторые недоразумения с педофилами, так как они «вызывают сильную эмоциональную реакцию со стороны общества, которую консервативные силы часто используют для разжигания истерии в средствах информации. В спорах на эти темы зачастую непонятно идет ли речь о защите детей от сексуальных посягательств со стороны взрослых или их собственной пробуждающейся сексуальности»².

Несмотря на подчеркнута объективистский стиль, текст явно напрашивается на восклицательные знаки – негодования (у традиционалистов и консерваторов) или ликования (у прогрессоров и либералов), которые читатель, в зависимости от убеждений, может поставить сам.

«Консервативные силы», отвергая плюралистический секс, обычно апеллируют к нравственности и Богу. Но для техногенного человека

¹ Там же, С. 35.

² Там же, С. 36.

с его преимущественно сциентистско-атеистическим сознанием, это слова, к которым он относится безразлично или с пустым почтением. Ему нужны теоретические аргументы. Консерватизм не должен быть «тупым», опирающимся единственно на догмы практического разума. Теперь табу нуждаются в обосновании, по крайней мере, в знании последствий их разрушения. В знании итогов торжества «прав человека» как индивида для судьбы его рода, нашего дальнейшего бытия в мире. Какова объективная роль и на-значение «прав человека» для истории человечества. То есть в «метафизике», в философско-культурологической интерпретации. Сопротивление «смерти полов» должно развертываться в идеологию.

Почему надо осуждать проституцию, искренне недоумевают духовные рыночники: обыкновенная коммерческая сделка взрослых самостоятельных людей, для которой по гигиеническим соображениям надо бы предоставлять особые помещения, да и налоги собирать. Но в том-то и дело, что необыкновенная. Уже В. В. Розанов пытался объяснить таким людям «на их языке» (без морали), что на продажную любовь «нужно смотреть как на выделку «фальшивой монеты», подрывающей «кредит государства». Ибо она, все эти «лупанары» и переполняющие улицы ночью шляющиеся проститутки – «подрывают кредит семьи», «опровергают семью», делают «ненужным (осязательно и прямо) брак». Ну, а уж «брак» и «семья» не менее важны для нации, чем фиск и казна»¹. Поэтому бессмысленно одновременно ратовать за укрепление семьи, повышение рождаемости, воспевать высокие чувства и поощрять, пропагандировать «коммерческий секс». Плюрализмом здесь может обманываться тот, кто смотрит на мир не выше уровня расположения органов для осуществления этой коммерции.

Аналогично с остальными пунктами сексуального прейскуранта. Второй ход мысли заставляет признать, что любовь в пределах одного пола есть несомненное проявление кризиса человеческого рода, его распада, ибо если потреблять означает разделять и истреблять, то продолжение бытия любого феномена предполагает необходимость сохранения его единства и целостности. Взаимодействие и любовь, которые ничего не порождают, с точки зрения судьбы родового человека являются паразитическими. Третий ход мысли показывает, что мастурбация и виртуальный секс, контакты по смартфону

¹Розанов В. В. Опавшие листья.// Уединенное. 1990. С.342.

вместо непосредственного общения, замыкая индивида в его собственной скорлупе, служат разложению остальных живых связей между людьми, в том числе даже внутри одного пола. Дело идет к тому, что никто никому будет не нужен – к аутосексуализму, который есть абсурд по определению. Считать все эти технические приспособления способом преодоления одиночества то же самое как верить, что принесенная алкоголику утренняя бутылка водки решает проблему его выздоровления. И т. д. и т. п.

Не надо быть большим философом для понимания, что вместе с технологизацией интимных отношений идут процессы потери людьми собственной идентичности, в конечном счете, этапы их самоотрицания. Гибельные для человеческой формы бытия, лишаящие ее перспективы. Достаточно быть просто самостоятельным, не зашоренно мыслящим человеком. Хотя это, как видно по реакции на происходящее разложение сексуальности, самое сложное. Начинаешь сомневаться в сапиентности человека вообще. Что за “sapiens”, если его носитель не хочет замечать очевидного, от имени учености топит все в неопределенных бессмысленных рассуждениях о «свободе» и как пятилетний ребенок лжет себе на каждом шагу. Хотя бы лгал другим, но это было бы слишком ответственно и по-взрослому.

Все неприятности традиционалистов и консерваторов проистекают от того, что они видят дальше своего носа и мыслят масштабами человечества, «в принципе», в то время как либералы и прогрессисты счастливо избавились от того и другого. Категорический императив Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать правилом всеобщего законодательства» часто отождествляют с так называемым золотым правилом морали: «Поступай так, как ты хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе». Между тем они различны до противоположности. Категорический императив предполагает оценку собственного поведения не в свете выгоды и эквивалентного обмена, а в свете судьбы целого, к которому ты принадлежишь. Это тотализм. Его логика: я отвечаю за всех. Такова логика традиционализма. В сексуальном плане она запрещает все, что не ведет и не служит, тем более вредит сохранению идентичности человека, его бытия. Когда же говорят: да, я живу так, что если все остальные последуют за мной, то людской род прекратится, но я знаю, что они этого не сделают», то аборт, онанизм, гомосексуализм и т. п. могут практиковаться без всякого чувства вины. Это утилитаризм, ориентация

на индивидуальную самореализацию. Его логика: «каждый отвечает за себя». Такова логика либерализма.

Парасексуализм паразитирует на сексуальности традиционалистов или не всегда последователен (позволяет себе консервативные отступления, вплоть до требования для себя самими не сделанных детей; какой цинизм и наглость!). Традиционалисты и консерваторы также могут быть непоследовательными, особенно в мыслях, но они хотя бы понимают значение своего поведения и чувствуют ответственность за него. Вопреки пропагандистской схеме они, а не защитники «свобод» воплощают общечеловеческие ценности. Очевидно, что с точки зрения перспектив человечества, парасексуализм не может претендовать на норму. Он всегда должен оставаться нарушением. Да и с точки зрения собственной судьбы: паразит, погубивший хозяина, погибает вслед за ним.

Критикуя эмпирическую сексологию за эгоизм и беззаботность в отношении антропосоциальных последствий сексуальной революции, мы должны признать, что И. С. Кон, наряду с безусловным одобрением ее достижений проявлял и некоторую обеспокоенность. На ясном небе парасексуализма есть два облака: 1) Огорчает как всегда Россия, где «идея систематического сексуального просвещения молодежи заблокирована совместными усилиями коммунистов, церковников и коррумпированных СМИ при активной финансовой поддержке американских фундаменталистов из так называемого движения Pro Life»¹. И почему-то: 2) «Снятие и ослабление многих культурных запретов делает сексуальную жизнь более будничной и прозаической, подверженной манипулированию со стороны масс-медиа. Массовой сексуальной проблемой в конце XX в. стали скука и отсутствие сексуального желания — люди имеют все социальные и физиологические предпосылки для занятия сексом, но их просто не тянет к нему»².

В самом деле, почему? Тем более, что в подтверждение последнего, рокового для всех предыдущих рассуждений вывода, дается ссылка на результаты конкретных социологических исследований: по национальному опросу 1992 г. в Финляндии не испытывали сексуального желания до 20 % мужчин и до 55 % женщин. В Петербурге в 1996 г.

¹ Кон И. С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века. // Вопросы философии. 2000. №8. С. 41.

² Там же, С. 37.

отсутствие или редкость сексуального удовольствия признали 5 % мужчин и 36 % женщин (опять эта российская отсталость!). С тех пор (не)много воды утекло. Новых опросов мы не знаем, а может быть, их не афишируют, но по отдельным сообщениям ясно, что дело пошло дальше и в том же направлении разрушения потребности людей друг в друге, подготовке почвы для замены рождения биотехническим производством. Семьи уничтожаются посредством ювенальной юстиции, исходя из принципа «идеальной семьи»: если семья «не благополучна», проблемная и не может создать ребенку всех необходимых условий для комфорта, который определяется «извне», его надо из нее забирать. Т. е. семья должна быть разрушена. Никакие ценности родственных чувств, привязанности, часто сложной и противоречивой, любви, которая, как известно, существует «не по хорошему мил, а по милу хорошему», не учитываются. По такой же логике можно действовать, где и когда угодно. Если ученик не отличник, вообще – проблемный, его надо лишать права на школьное образование; если фирма не показывает наивысших результатов, ее надо банкротить; если человек не ведет себя согласно государственным стандартам, его надо изымать из общества, сажать, например, в тюрьму; а если не идеально его здоровье, он плохо о нем заботится, курит и не покупает лекарства, то лучше убивать. И.т. д.

Больше того. Хотя наш автор работал на передовых рубежах сексологии, он упустил, просмотрел, что уже в то время среди нового поколения его коллег и интеллектуально-культурной элиты мира начала распространяться идея отказа от секса вообще. «Если Ницше говорил, что Бог умер, то, наконец, можно сказать, что умер дедушка Фрейд. Сексуальные муки, так свойственные XX веку заканчиваются. Мы вступаем в постсексуальное время. Если раньше было: ресторан, дискотека, секс, то теперь: секс, дискотека, ресторан. Из фирменного блюда секс превращается в прелюдию. Когда говорят слово „наслаждение“, это уже не так непосредственно связано с сексом. Нас ждут новые танцы и моды, соответствующие этой ментальности. А секс из доминирующего фактора, который определял наши сны и желания, станет просто одной из многих потребностей организма»¹.

Это не собственное открытие пиар-модного писателя. В постмодернистской литературе после объявления о конце всего, в том числе себя,

¹Ерофеев Вик. Фрейд и валюта. // Ex libris НГ. 2000. № 37.

стали говорить о «нулевом уровне сексуальности», «сексе без секретиции и тела» и все громче звучит «реквием по сексуальности», что частично объяснимо пресыщенностью определенного слоя лиц, их суетным желанием эпатировать публику. С другой стороны, именно к такому результату ведет практика парасексуализма. Вслед за смертью традиционного секса умирает и лишенный природного смысла интерес к другому человеку. В любых ситуациях. Двигаются рядом как размагнитившиеся куски железа. Это называется «бесконтактная цивилизация». Самым главным препятствием для любви является отсутствие препятствий, говорили когда-то французы. Свобода реализации всех половых желаний ведет к измельчению и опошлению чувств, к их инфляции. Дело дошло до «fast love» (быстрой любви) как «fast food» (быстрого питания), установки бракоразводных автоматов (в течение 10 мин) и «медицинского секса». Пропагандируются особые позы для лечения простатита, почек, желудка и других внутренних органов. С целью укрепления иммунитета рекомендуется выделять «дни мастурбации» (больше его нечем укрепить; Куда смотрит Тот, кто «есть Любовь»: хотя бы их громом убило). Подавляемые культом эгоизма, оттесняемые на задний план денежно-карьерными целями, окруженные все более искусственным бытом, половые отношения теряют привлекательность, перестают быть ценностью. Психика притупляется и «организм не требует». Наступает своего рода сексуальная энтропия, запрос на компенсацию которой принимают незаконные и узаконенные биопсихостимуляторы.

Любовь как духовное состояние в подобной среде становится анахронизмом. Вспоминать о ней почти неприлично. Ее обесценивание было критериальным признаком победы постмодернизма, точнее, посткультуры. «Постмодернизм, – писал один из его первых переносчиков на российскую почву, – это ирония искушенного человека, который понимает, что секс важнее сублимации»¹. Как видим, автор удачно избежал парадокса лжеца, не произнеся отрицаемого слова. Сейчас, лишив всякого содержания, его беспощадно треплет масскультура, а в элитарных слоях оно жестко табуировано. Как сами любовные переживания. «Заниматься любовью» иногда все-таки нужно, полезно, но влюбиться – значит попасть в «эмоциональное рабство», что уже глупо.

Сначала любовь превратилась в «очищенный от предрассудков» секс, а теперь секс превращается в очищенную от предрассудков пара, транс,

¹Парамонов Б. Конец стиля. М-СПб. 1997. С. 19.

поли, а фактически *контр*сексуальность. И если привлекает, то в патологической форме гомосексуальности, педофилии, инцеста и т. д. Это все, если воспользоваться оценкой этих процессов Ж. Бодрияром, проявление аутосексуализма, когда влечение направлено не на партнера, а на себя. Общее духовное опустошение, эмоциональное выгорание, эгоизм и десоциализация как результат либерально-буржуазно-технологического вектора развития цивилизации – вот причина их распространения и популярности, даже моды на них. Это «предмостье», предшествование, «гости из будущего», когда любви и естественного секса просто не будет. Зомби ведь не любят, тем более роботообразные и «бесмертные» (роботы). А они на марше, их жаждут, к этому состоянию стремятся. Отсюда такое отношение к любви, еще недавно высшей ценности духа и сексу как ее основе: патология возводится в норму, считается прогрессивной и объявляется «правом человека», почти основным, а кто его не практикует, сопротивляется, тех подвергают отстракизму, объявляя носителями «фобий» и реакционерами. Ситуация в традиционной культуре – невероятная, непрогнозируемая, немислимая. Если в начале XX века кризис любви усматривали в ее сведении к сексуальности и эротизму, то особенность начала XXI века в том, что сводить становится больше не к чему, кроме как к разложению. Нечего сублимировать – таков итог парасексуальной революции, среди тех, кто ею захвачен, на территориях, по которым она прокатилась.

3. Ге(й)ндеризм как социальное конструирование одномерного человека

Эрозия фундамента жизни, ведущая к возникновению мира без любви и страстей, без святых и героев, мира озабоченных автоматов или самодовольных потребителей-гедонистов, не результат чьей-то злой воли, а следствие нарастания абиотических тенденций в развитии цивилизации, подавления природы культурой и техникой. Природы внешней, что выражается в экологическом кризисе, и внутренней, человеческой телесности, что ведет к кризису антропологическому. Сначала культурой как совокупностью норм и целей, которая форм/ир/овала естество, организуя и сублимируя его, а потом культурой как технологией, которая его деформ/ир/ует,

загоняет «в подполье», превращая в материал для искусственного. Отказавшись от слова «любовь», постмодернистский дискурс избегает и слова природа, используя эвфемизмы и отрицательные определения. Например, “unmade” (готовое, не сделанное). Наконец, очередь «лишения имен» дошла до пола. В литературе по социальной проблематике его вытесняет «гендер». В последней переписи населения наглядно обнаружилось отставание практики от теории: все еще спрашивали пол, вместо того, чтобы интересоваться сексуальными ориентациями. Говоря более кратко, гендером или, более точно, ге(й)ндером, а может и педофилией (американская психиатрическая ассоциация признала ее одной из сексуальных ориентаций, т. е. нормой). Извольте ждать теперь следующей переписи. Зато с надеждой, что узаконят, например, и инфантофилию.

Исчезновение понятия «пол» не просто замена термина. Возникло новое понятие, сначала не очень понятное, потому что, претендуя на теоретический статус, оно скорее выражало «настроение», духовную потребность части человеческого сообщества, прежде всего женской, избавиться от социальных последствий принадлежности к своему полу. А он с трудом отпускает. Отсюда противоречивость, двусмысленность, многосмысленность гендера. Спротивляются факты, история, методология. Как радикальный выход в феминизме было провозглашено право на «женскую науку», на гендерный подход ко всему. Тогда открывается возможность писать что хочется, что помогает изживать комплексы. Это разрешается идеологией постмодернизма, перекалифицирующей теоретическую деятельность в литературу, то есть придающей ей статус самовыражения. Думается, что рассмотрение гендера в контексте кризиса сексуальности, не отрицая психологической обусловленности подобного мировоззрения, позволяет более глубоко понять его объективный смысл**.

В гендере связанные с полом особенности поведения и сознания людей перестают объясняться их анатомо-физиологическими характеристиками. Они считаются социально-культурными. Получается, что можно быть женщиной по полу, но мужчиной по гендеру и наоборот. Гендер как бы сканирует ценностные аспекты полов: «мужское» и «женское», структурируя социум через отнесенность его членов к идеальному типу того или иного пола, а не по эмпирической телесности. Движущей силой гендерного структурирования стало движение женщин за равные права с мужчинами, а когда они были достигнуты, за равенство

фактического положения, «одинаковость» с ними во всех сферах жизни. Его (ее) до сих пор нет, что объясняется сохранением господствующих в обществе «стереотипов». Стереотип – универсальное слово, *causa sui* (причина самого себя), своеобразная порождающая субстанция, определяющая социальные роли и смысл гендера. «Мужская цивилизация», тысячи лет патриархата, семья – самые упорные стереотипы человеческой истории, не позволившие женщинам проявить себя в том же качестве, что и мужчинам. До сих пор главные сферы деятельности: управление, финансы, высокие технологии, фундаментальная наука заняты преимущественно мужчинами. Они политики, банкиры, изобретатели, летчики, хакеры и т. д. Откуда возобладали и почему продолжают господствовать эти стереотипы, остается загадкой.

Традиционный, «догендерный» ответ на нее состоит в том, что характер любой деятельности связан со средствами и материалом, применительно к людям с заложенными в них наклонностями и способностями, с «генами» – возможностями, которые культура эксплуатирует, развивает и оформляет. Отсюда следует, что будучи разными по анатомической конституции мужчина и женщина занимают разное положение в силу особенностей своей природы, физической силы, типа реакции, темперамента и интеллекта. Особенно наглядно это проявляется, например, в спорте. Оно будет сохраняться, пока эти особенности существуют, пока есть половой диморфизм. Культурные стереотипы не случайны, они коренятся в биосоциальной сущности человека. Но в таком случае бороться за всеобщее равенство «когда мужчины и женщины примерно в одном количестве будут выполнять одинаковую работу и занимать равные должности» – значит вступить в противоречие с естественными различиями людей, с их неравенством. Это трудно, как корчевать дерево. Его легче пилить, особенно если ближе к вершине.

Гендерная идеология опирается на утверждение, что никакой природы у человека нет. Тело и его органы не имеют функционального значения. Его сущность чисто социальна, исторична и, в конечном счете, может конструироваться. При этом нередко апеллируют к марксистскому тезису о человеке как «ансамбле отношений». В советской философии подобная трактовка человеческой сущности длилась целую эпоху, обслуживая задачу «создания нового человека», путем целенаправленного воспитания. «У нас в Советском Союзе люди не рождаются. Они делаются», – говорил Т. Д. Лысенко. Опираясь

на представление о возможности преобразования природы не только мертвой, но и живой, так как никакой неизменной наследственности у растительных и животных видов нет, лысенкоизм считал, что в соответствии с потребностями общества можно перевоспитывать («переконструировать») и людей. Преодоление этого социологического редуционизма потребовало огромных усилий, обращения за помощью к естествознанию, биологии и генетике. Наконец, положение, что человек существо биосоциальное стало общепризнанным, после чего все начали удивляться, как можно было поддаться идеологическому наваждению отрицания очевидного. Но оказывается, если очень хочется, то можно. В гендерных «исследованиях» его воспроизводят с большим энтузиазмом^{***}. В нашей стране уроки и память о перипетиях становления советской философской антропологии являются, по-видимому, одной из причин их нынешнего «отставания». До сих пор полностью не усвоены эти политкорректные глупости, как хотелось бы феминисткам и интеллигентным людям с вторично-либеральным сознанием. Принять лозунг «Женщиной не рождаются. Женщиной становятся» (Симона де Бовуар) значило вновь возвратиться к тому, от чего только что освободились. Распространению гендерного подхода препятствует все еще не разрушенная довольно высокая методологическая культура классического философствования, не позволяющая принимать за действительное объяснение социальных процессов ссылку на роли и стереотипы. Да и просто здравый смысл, не позволяющий считать, что если у мужчин и женщин есть разные органы, одни рожают, другие нет и женщины поднимают на 20 кг меньше мужчин или мужчины видят в шахматах и других мыслительных ситуациях на два хода дальше, то это кем-то сконструированный стереотип.

Но «желание – отец мысли». В настоящее время обе трактовки половой структуры общества: «естественная» и «гендерная» существуют параллельно. Первая представляет отношения, связанные с продолжением жизни людей, она опирается на здравый смысл и пока еще преваляющую практику, *является традиционной*, вторая является выражением тенденции постмодернизма и парасексуализма, с переходом в трансмодернизм/транссексуализм и которые стимулируются нарастанием искусственности человеческого бытия. Ее нельзя объяснить внешним навязыванием, считая неким «теоретическим гербалайфом». Различие социальных ролей мужчин и женщин длится эпохи, равно всей археологической и писаной истории, но именно в XX веке

оно стало казаться, прежде всего, женщинам, ненормальным – изначальной абсолютной ошибкой. Потому что в техногенном мире создание существ резко обесценилось в сравнении с созданием вещей и веществ. Значение рождения, воспитания, обеспечения быта этих многочисленных в каждой семье работников, воинов, детей и стариков, да и все, что связано с природой, телесностью, душой человека умалется, предстает чем-то второстепенным. Жизнь трансформируется в жизнедеятельность, а потом просто в деятельность. Овнешняется. Функционализируется. Технологизируется. Раньше в центре сознания был Дом, общее бытие семьи, откуда уходили на время, чтобы его защищать или в него что-то принести, добыть. Теперь дом нужен для подготовки к работе и отдыха. Это «тыл» человека, его быт, оставка для ремонта. А многие обходятся без тыла, не укореняясь нигде. Городские кочевники, номады, карьерно-психологические бомжи. Их родина и семья – чековая книжка, бумажная или виртуальная.

Оглянувшись с новых, так резко изменившихся позиций, женщины оскорблены «малозначительностью» ролей, которые сыграли в истории. Отсюда попытки ее пересмотра, переписывания, вплоть до «политкорректной» фальсификации Библии. Богослужебные книги переписываются на потребу сексуальным меньшинствам и феминист(к)ам. «Священницам». С другой стороны, продолжая исполнять прежние роли, они не могут самореализоваться в современных условиях. Семей больших нет, необходимость в труде по воспитанию детей и дому резко сократилась. Складывается амбивалентная ситуация: пол хочется сохранить женский, даже, компенсируя прежнее, видящееся в новом свете как вопиющая несправедливость, положение, возвысить его, а роли исполнять ценностно-мужские. По полу считаться женщиной, по гендеру стать мужчиной, «не хуже его», «почти как» – руководителем, футболистом, математиком, капиталистом. Язык теряет слова женского рода, образующие его суффиксы и частицы выходят из употребления: работница становится работником, продавцом, учителем, студентка студентом, феминистки хотят, чтобы их называли феминистами. Или наоборот: чтобы мужчины говорили на «женском языке» и сидели в туалетах наподобие женщин, не оскорбляя их невозможностью симитировать позу: «писать стоя». Даже неустранимые природные различия полов воспринимаются болезненно, как результат социально-культурной дискриминации, «сексизма», чуть ли не заговора. «Окружающая социальная реальность конструирует гендерное неравенство во всех,

казалось бы мелочах жизни. Э. Гофман провел исследование фотографий, он рассматривал физические размеры запечатленных на них мужчин и женщин, отражения их позиций в ситуации, окружающую обстановку. И на всех фотографиях почти каждая пара демонстрирует разницу в росте именно в пользу мужчин. Женщин всегда изображают в более низких позициях, либо стоящих сзади мужчин. В социальных отношениях между полами биологический диморфизм уже предусматривает возможность изображения привычного превосходства мужчин над женщинами в статусе с помощью многозначительной разницы в комплекции и росте...»¹.

Рост и многозначительные детали комплекции, помимо языка могут компенсироваться однополой одеждой – «unisex», общими туалетами и душевыми, лозунгами и рекламой, которые формировали бы «sex-сознание наоборот», но это не решает задачу гендерной унификации на всю глубину. Свою часть пути должны пройти мужчины. С неохотой, со скрипом, но они тоже расстанутся с половой акцентуацией. Конечно, не столько «из вежливости» или под влиянием патологических массмедиа, сколько потому, что как когда-то женские, так теперь мужские качества для успешного функционирования общественного производства перестают иметь принципиальное значение. Субъектность человека умалается вплоть до его «смерти» – вопрос, обсуждаемый в постмодернизме как основной. Человек превращается в человеческий фактор. Различия людей в силе и росте перед лицом башенного крана, в ширине шага перед автомобилем, расчет на 2 хода дальше в сравнении с компьютером теряют значение. Техника – вот великий уравниватель всех природно-биологических неравенств. Если традиционная культура подчеркивала, закрепляла и использовала половой диморфизм, то становясь технологией, она его размывает, обесценивает. Что и прово(ду)цирует «теории» социальной природы и сконструированности полов как этап перехода к сконструированности человека как такового. К конструктивисткой парадигме сущего вообще: ничего не было; все сконструировано. Кем? Богом! А кто сконструировал Его? Молчание. Ибо если Он всегда был, то это уже не конструкт.

¹Чернова И. И. Гендерные отношения в социальной стратификации современного общества: состояние, перспективы развития. Н. Новгород, 2001. С.113. По авторской установке книга «не феминистская», этот абсурдистский пассаж связан с ее эклектичностью.

Движение человечества по пути стандартизации требует выравнивания, «обрезания лишнего» прежде всего у его мужской части. У женщин еще есть надэмпирическая цель для усилий – догнать, наконец-то, мужчину, воспроизвести функционально, стать его симулякром. Перед мужчиной ее нет: зачем бежать, если ни зачем не угнаться. Эта тупиковая для человека как родового существа ситуация проникает в его подсознание. Нет целей, нет и мотивации, которая составляет половину способностей. Антропологический кризис, «разброд и шатания» по закону полового отбора переживают прежде всего мужчины, по крайней мере те, кто не поменял «гендер», не стал ге(й)ндером или не переселился в иной, виртуальный мир. На смену интересу к высоким целям и метафизическим утопиям пришла идеология приспособления к высоким саморазвивающимся технологиям. Человеческому фактору в них половое измерение мешает, как мешают национальные, возрастные, семейные, да и другие техногенно не нормализованные личностные особенности.

Ослабление телесно-духовных различий между полами, дошедшее до конструирования социальной парасексуальности является фундаментальным признаком становления «одномерного человека». Об этой угрозе впервые заговорил идеолог сексуальной революции и кумир молодежи 60-х годов XX века Г. Маркузе. Он и его последователи полагали, что одномерное общество сексуальной революцией может быть «взорвано», разомкнуто. Ирония истории привела к обратному результату. Без изменения структуры социальных отношений и при глобальной технологизации всего и вся одномерность проникает в последние интимные пласты человеческого бытия. В мозг и даже «органы». В характер их функционирования с все учащающимися попытками субстратного изменения в зависимости от социально сконструированной патологии сознания. Если перестают иметь значение столь первостепенные и наглядно выражаемые телесные, поведенческие и духовные различия по полу, то какие свойства личности еще значимы? Все становятся одинаковыми и взаимозаменяемыми как гвозди в ящике.

Отрыв сознания от телесности, а затем и утрата сексуальной идентичности – это настоящее торжество One-Dimensional Man. Агония личности. Его завершением будет появление «человека без свойств», функциональная модель которого проигрывается в Сети, где от личности остается «разговор», чье авторство с трудом обнаруживается в стилистике получаемых и отправляемых текстов. Захотев узнать

о субъекте разговора что-то больше, надо прилагать специальные усилия, выходящие за рамки виртуальной реальности. Отпадает не только пол, но и ценностно сконструированный гендер. «Борьба за штаны» заканчивается тем, что неизвестно на кого их одевать. От так удручающего феминисток проявлявшегося в течение всей истории человечества господства мужчин (по числу гениев и идиотов, святых и преступников, самозабвенных любовников и бесчувственных чурбанов – у них больше амплитуда колебаний) остается лишь характерный для программистов и хакеров более высокий IQ. По другим телесно-духовным параметрам, по жизненным возможностям и социальным способностям они заметно уступают обычным людям. В предметном мире до такого лишения человека его свойств дело пока не дошло, «традиция продолжения жизни» пока сохраняется. Но из-за нежелания смотреть правде в глаза может дойти быстрее, чем заложено в самих объективных процессах. Или медленнее, если мы будем давать им адекватную оценку, борясь за сохранение этой традиции.

4. Биотехническое конструирование трансчеловека

В «старых» традиционных обществах история сексуальности состояла в изменении отношений между полами, форм их разделенности и соединения. Разные культуры по-разному определяли, когда, как и с кем нужно вступать в сексуальные связи, но само зачатие и рождение потомства оставалось естественным. Искусственное вмешательство в основном выражалось в том, чтобы «принять роды». В техническом мире появилась возможность влиять на субстрат сексуальности, ее анатомию. «Тело не судьба» – вот девиз, свидетельствующий о принципиально новом уровне достигнутой людьми свободы. Если не судьба тело, то не судьба и пол. Адам может стать Евой, Ева превратиться в Адама. С божественным творением творят что угодно. Смена пола есть как бы предметная реализация гендерных теорий, их технологическое обеспечение. Об этом можно сказать и наоборот: биотехнические возможности смены пола стимулируют гендерную транссексуальную идеологию. Вкупе с более ранней практикой предотвращения зачатия, а если оно не удалось, уничтожения ребенка, «внешним» осеменением, доразвиванием недоношенного плода, выращиванием его *in vitro* (в пробирке), пренатальным определением пола и т. п. – все

это означает, что человек взял, наконец, половые органы в свои руки. Он больше не намерен мириться с их естественным функционированием. Размножение должно быть полностью подвластно голове, сознанию и регулироваться: от технологии первой любви (сексуальное воспитание) до технологий получения конечного результата.

И все-таки это не полная технологизация жизненного цикла рождения человека. Действительная перспектива преодоления его анатомо-физиологической природы открывается при отказе от сексуальности как таковой. При переходе на другой способ продолжения себя. Достижения биотехнологии привели к тому, что размножение может осуществляться бесполо, путем клонирования. Этот способ типичен для низших форм жизни, прежде всего растений – вегетативно, побегами, черенками, когда наследственные свойства не распределяются по потомкам, в неизменном виде передаются их следующему поколению. Биотехнологи овладевают таким механизмом применительно к животным, в том числе млекопитающим, к которым принадлежит человек. Эксперименты по выращиванию отдельных органов, «стволовых клеток» ведутся открыто, в отношении целостного человека полуоткрыто, учитывая, что в большинстве стран приняты приостанавливающие их законы. Общественное мнение расколото на сторонников и противников бесполового размножения, но уровень понимания и обсуждения этих проблем ниже всякой критики. (Еще недавно были противники клонирования любых живых существ, потом они сдались и противились клонированию млекопитающих, сейчас они сдались и (не) защищают последний бастион – человека).

Гениальным провозвестником нового направления развития человечества был Н. Федоров. Он сознательно и без маскировки объявил природу «нашим общим врагом». Пропагандисты его идей обычно делают акцент на том, что у него отвергается смерть. Он всех воскрешает. Однако жизнь и смерть две стороны одной медали и обе укоренены в сексуальности. Половое размножение, признавал Н. Федоров, это гигантская сила, на которой стоит вся природа: возможно это и есть «сердцевина ее». Половой раскол, половое соперничество, смена поколений служили самым действенным средством развития человеческого рода. Но «должно наступить время, когда сознание и действие заменят рождение»¹. На место стыда и похоти к другому полу

¹ Федоров Н. Ф. Соч., М., 1982. С. 396.

придет деятельность по «воскрешению отцов» – воссозданию умерших. Поскольку все живущие в конце концов умрут, а новые не рождаются, то возникает странный мир: ожившие мертвые, которые будут существовать вечно. Рай?

По-видимому, во избежание того, чтобы воссозданные существа не мучились половыми проблемами, Н. Федоров нигде не пишет о воскрешении женщин. Субъективно, это конечно «сексизм» в его предельном выражении. Но если посмотреть на подобные гипотезы с высоты нынешнего состояния техники, то видно, что дело не в «отцах», религиозном воскресении или плохом отношении к женщинам. Новые существа вообще не будут живыми, хотя будут разумными. Предполагается, что они перейдут на автотрофное питание, то есть на потребление неорганической энергии – солнца, химических реакций, электричества. Следовательно, у них нет системы пищеварения, не нужен рот, живот. А поскольку они не рожают, у них нет и органов размножения. Напрягать воображение, каким тогда будет облик человека не стоит. Его не будет вовсе. Это ликвидация тела и функциональная трактовка жизни, а фактически разума на новой, не биологической субстратной основе: «кремний против водно-углеродного шовинизма». В эпоху, когда компьютерные роботы с AI стали реальностью и стремительно совершенствуются, можно смело утверждать, что Великий Технократ предвосхитил их возникновение. Он первый, по крайней мере в русской культуре, «проектировщик» и идеолог Постчеловека как искусственного субъекта. И отныне, со вступлением человечества в техно-информационную стадию развития, судьба пола и любви зависит от возможностей взаимодействия живых естественных людей и биосферы как среды их обитания, с искусственным разумом и ноосферой как средой его функционирования¹.

Доводов в пользу замены сексуальности клонированием, если не хотеть замены самого Genus Homo чем-то другим, фактически нет. Разумеется, кроме «необходимости дальнейшего развития биотехнологии». На вопрос, обязательно ли человеку развивать то, что его «снимает», ответа не дается. Уверяют², что это принесет некие блага,

¹ Подробнее об этом см.: Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород, 1994; Культура и технология: борьба миров. М., 2001.

² Конюхов Б. В. Долли - случайность или закономерность. // Человек. 1998. № 3. С. 18.

позволит, например, «сохранить наследственность выдающихся людей» (идеал евгеники) или «поможет бесплодным парам». Потом, правда, признается, что из-за изменения среды бытования клон все равно не будет воспроизведением «родителя». Взятый от гения он вполне может вырасти наркоманом или бандитом. То есть возникнет новое существо, только полученное на биотехническом предприятии. Так что страхи по поводу тиражирования стандартных индивидов (единственная проблема, которую обычно видят в клонировании журналисты и обыватели) преувеличены, хотя генетическое разнообразие человечества действительно сужается. Его, однако, можно искусственно культивировать с помощью той же биотехнологии. И... теряются всякие представления об идентичности человека. Это манипулирование без границ. Что касается «помощи семьям», то клон нельзя считать чьим-то ребенком, который по определению есть следствие (р-ребенок) половых отношений. Это скорее однойцевый близнец одного из супругов, совершенно чужой другому. Да и зачем клонированным существам – в следующем поколении – создавать семьи и быть супругами? Гибельность этих проектов по реализации утопии О. Хаксли «Прекрасный новый мир» очевидна, никакой прямой потребностью подобного воспроизводства человеческого рода они не вызваны, население Земли растет вполне естественным путем, но прогресс.... А мы его заложники и жертвы.

Умеренные техницисты готовы признать, что наука не должна быть неприкасаемым идолом, которому надо приносить любые жертвы. С людьми следует поступать осторожнее, так как «методически или технически клонирование взрослых млекопитающих разработано еще недостаточно, чтобы можно было уже сейчас ставить вопрос о клонировании человека. Для этого необходимо расширить круг исследований...»¹. Как видим, в необходимости (закономерности!) работ по бесполому размножению людей сомнений нет, предполагается основательность подготовки. Признается наличие внеученных препятствий, с которым следует считаться: «этические проблемы», «нет соответствующей правовой базы», «возражают религии». В заключение осторожные сторонники клонирования обычно высказывают умиротворяющие всех, даже противников утешения и обещания: давайте успокоимся,

¹ Конюхов Б. В. Долли - случайность или закономерность. // Человек. 1998. № 3. С. 18.

мораторий соблюдается, эксперименты не затрагивают целостного человека, а «если начнем», то нескоро, с учетом нравственных соображений, не массово и т. п.

Поражает, с какой легкостью люди, считающие себя способными к ответственному мышлению, политики, интеллектуалы, так называемая элита соглашаются с аргументами в духе «еще не», «только попробуем» или перекалывают проблему клонирования на плечи приверженцев религии и специалистов по этике. Как будто она не касается каждого. Как будто надо иметь семь пядей во лбу для понимания, что в любом деле важен принцип, роковая черта, начало. Когда их преступают, и «процесс пошел», все остальное дело времени, о чем мы уже вели речь при оценке последствий введения в норму парасексуализма. Относительно клонирования это нагляднее и к категорическому императиву Канта можно не прибегать. Достаточно вспомнить, что вора судят не за кражу, а за воровство. Не за ее факт — укравший может тут же возместить ущерб, а за подрыв основ социальности. Его наказывают за то, что он нарушил принцип: не укради. С точки зрения сохранения антропологической идентичности людей в случае с клонированием спорить собственно не о чем: бесполое размножение означает отмену самого принципа жизни, разрушение ее фундамента, «лишение кредита» специфического для человека способа его существования, после чего с неизбежностью обрушиваются любые отношения близости и наступает буквальная атомизация общества. Утрата источника взаимного влечения не только к другому полу, но и к своему, к любому живому, означает подрыв эмоциональной сферы личности, на чем держится ее нравственная и эстетическая жизнь, не говоря о любви, что в свою очередь приведет к выхолащиванию творческих начал мышления. Это вызов сущности человека, его природе и идентичности. Его уничтожение. Даже как undead и зомби. Тоже, что стрелять по ногам, их верхней части и собираться идти жить дальше. Не выйдет. Работы по клонированию должно быть запрещены как ядерное, химическое и биологическое оружие. Как смертельная угроза людям, притом не отдельным индивидам, хотя в массе, а всему их роду на Земле. А для поддержания способности людей к продолжению рода естественным путем, надо сохранять любовь. *Нужна экология пола.*

И все-таки кастрация и клонирование как угроза жизни людей не последнее достижение науки на пути отрицания их телесной природы.

Это только биороботизация, субстратно закрепляющая распространение функционально одномерных людей, опредмечивание положения, когда парасексуальная практика теряет связь с собственной исходной базой. Паразит теперь может жить без хозяина. Но, естественно, недолго. На смену социогендерным конструктам отказа от сексуальности и биотехническому конструированию способов бесполового размножения, разрабатываются способы отказа от размножения человека вообще. Другими словами, от биологического человека как такового. От жизни как носителя разума и переходу к переступающим через жизнь формам его функционирования. К разуму без жизни и смерти, на полностью искусственной, «изобретенной» основе в виде систем с искусственным интеллектом.

И здесь мы вступаем в эпоху трансмодерна и сферу трансгуманизма, полностью погружаясь в «бытие под знаком транс». Общая причина «легкости», с какой люди отправляют в небытие свою культуру, социум, пол, самую жизнь – *детерминация будущим*. Именно «оттуда» идет заказ на снятие-демонтаж-деконструкцию-деструкцию нашей, собственно человеческой реальности. Остается посмотреть как, в каких вариантах и направлениях, идеологических облачениях и формах самообмана это происходит «практически на практике».

Примечания

* В своей основе материал этой главы уже публиковался. См.: Бытие или Ничто. СПб., 2010. Однако за прошедшие небольшие годы сумерки полов сгустились почти до черной ночи. Идеино – до обоснования устарелости, ненужности полов, социально – до разложения и прямой борьбы с ними, культурно – до возведения «в цивилизованных обществах» этой патологии в норму, а норм – в патологию. Оставляя ранее проведенное рассмотрение «мягкого генезиса» данной, начавшейся в конце XX века перверсии, мы вписываем ее в контекст достигнутых к настоящему времени жестких результатов.

** Существование «гендерной науки», особой женской физики, биологии, истории и прочей «женологии», награды за «достижения» в них подрывает репутацию науки как таковой, как некоего, имеющего объективный смысл знания. Получается, что она тоже вид «языковой игры» (в духе Виттгенштейна) и «социальный конструкт», не более значимый,

чем фантазии и «все годится» (в духе Фейерабенда). Форма проявления самоотрицания истины.

*** И не только в исследованиях. Буквальной иллюстрацией превращения пола в гендер является феномен трансвестизма. Самый известный случай (пока) – победа на фестивале песни Евровидение-2014 Томаса Нойвирта, выступавшего под именем Кончиты Вурст. Физиологически он мужчина с ярко выраженным вторичным половым признаком (бородой) и с «вурст» (по-немецки, колбаса) – слово, в просторечии намекающее на первичный половой признак мужчины, который, судя по эвфемизму, у него наличествует. Но по гендеру это женщина, поскольку он(а) хочет считать себя ею. Возникает новый, постчеловеческий тип человека – Оно. Кентавр-химера внутри самой телесности человека как пред-шествие биотехноконструктов, пропагандируемых трансгуманизмом. Начальная форма «усовершенствования людей».

ГЛАВА IV

АНТРОПОЛОГИЯ ЖИВОЙ СМЕРТИ: ИСКУШЕНИЕ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕМ

1. Кентавры, русалки, циклопы...

У каждого человека много разных свойств. Наряду с историческими, на каком-то этапе возникающими, а потом исчезающими, есть неотъемлемые, без которых мы не имеем права говорить об его существовании. Как у индивида, так и у родового человека. Первые, на языке традиционной метафизики – акциденции, вторые – атрибуты*. Одной из главных забот философской антропологии должно быть их различение по этим параметрам: что в человеке можно отдать случаю, времени и обстоятельствам, а что отстаивать как его природу, сущность, идентичность. Самое его жизнь, бытие в мире. Прямо или косвенно, с данной проблемой связано все, что думали о человеке. Сейчас она обострилась, поскольку возможности воздействия на мир, его изменения и манипуляции им становятся почти безграничными, вплоть до манипуляции самим манипулятором. Человечество попало в западню свободы.

С ростом знания число желающих воспользоваться безграничными возможностями увеличивается. При этом воздействие на человека обычно рассматривается как открывающее перспективу его изменения «к лучшему», «усовершенствования», сначала духовного, а потом, когда речь пошла и о телесности, «у-усовершенствования». При их конвергенции и слиянии, в итоге возникнет новый идеальный человек. «Венец природы» станет «венцом искусственного», неким Сверхчеловеком, всеведущим и всемогущим, практически, Богом. Каким он будет, если (когда) мы прельстимся этим искушением, и пост(транс)человек=сверхчеловек действительно возникнет? Как нам к нему относиться, а главное, как он будет относиться к нам? Или быть может никакого венца в виде Сверхчеловека не будет и процесс «улучшения» уйдет в пост(транс)человеческую=бесчеловеческую бесконечность?

Потребность в совершенствовании, по-видимому, атрибутивное свойство людского рода. Но она исторична. В мифические времена

все могло быть всем. В том числе человек. Ему добавляли/отнимали глаз, рук, ног, он мог стать зверем, птицей, состарившись, прыгнуть в кипящую воду и омолодиться. Все эти кентавры, русалки, циклопы... С переходом к вере в Единого Бога человек стал представляться существом неизменным, созданным по образу и подобию своего творца, а изменение выражалось в стремлении ему уподобиться, приблизиться к идеалу. Как растворение в Божестве, преимущественно в восточной культуре, или приобщение к Нему, «причастие» с сохранением личности, в западной. Вплоть до телесного бессмертия, но на «том свете», не здесь. Единственный путь и задача здесь — духовное, нравственное совершенствование. Как *самосовершенствование*. Как духовная практика. Через очищение души, молитву, преодоление греховных помыслов, праведную, в соответствии с божественными заповедями, жизнь. Тело на «этом свете» совершенствовалось путем подчинения духу, служило ему, тело могли подвергать испытаниям, наказывать, но структурно и по составу оно остается неизменным. Милосердная казнь, в отличие от злой, проводилась с заботой о судьбе грешника в будущей жизни: «без пролития крови», сжигали или вешали. Всякое вмешательство в образ Бога, его «исправление», даже бритье бороды считается грехом. Вокруг этого кипели великие страсти. Некоторые религиозные течения не сдают бороду даже сейчас, считая этот вторичный половой признак атрибутом, а не акциденцией человека.

С успехами естествознания, появлением теорий эволюции Вселенной и особенно живого на Земле, вопрос о завершенности человеческой природы ступшевуается. Общепризнанным становится представление, что все меняется. На первый план выступают проблемы механизма перемен, их причин, особенностей различных форм. Эволюция — детерминированный процесс, она не имеет какой-либо высшей цели или идеала. Поневоле возникает мысль: если все меняется, если человек исторически возник и сам все более активно вмешивается в природные процессы, обрабатывая землю, превращая леса в поля, реки в моря, приручая и выводя новые породы животных, то почему бы то же самое не делать применительно к своей собственной «породе/природе»? И, конечно, делать это ради своего блага. Идея духовного возвышения, существующая почти или ровно столько, сколько существует человек как сознательное существо, начинает дополняться идеей его телесного улучшения.

Сначала поверхностного. В греческой Спарте, как известно, хилых, по мнению старейшин, детей сбрасывали в глубокую пропасть. В идеальном государстве Платона для получения подходящего потомства Правители устраивают праздники, на которых при образовании пар бросали жребий, но подстраивали так, чтобы «лучшие мужчины соединялись с лучшими женщинами». Как это достигается, держали в секрете, чтобы не нарушать спокойствие народа. У других язычников досрочно избавлялись от больных и стариков, уменьшая, таким образом, груз неполноценных форм жизни. Однако позже, в темные монотеистические времена так называемого Средневековья, практиковать, даже думать о подобном сознательном вмешательстве в воспроизводство рода, как и в индивидуальное тело, хотя бы и сугубо внешним под(от)бором, стало невозможно. Недопустимо. Соображения при создании семей, рождении детей и отношении к старикам были совсем иные. Все отдавалось «в руки Бога». Также не предполагалось, не мыслилось, несмотря на активизацию Разума, какое-то коренное изменение природы человека в Новое время. Хотя во вмешательстве в индивидуальное тело были достигнуты значительные успехи, они ограничивались медицинскими задачами по его исцелению, приведению в «нормальное», полно-ценное, т. е. данное Богом/природой состояние. В целом можно сказать, что с точки зрения телесного у-совершенствования и древние времена, и две тысячи лет нашей цивилизации прошли «даром». Люди до сих пор ограничива(ли)ют свои задачи совершенствованием.

Даже у фантастов, живущие в будущем существа, если они странные, необычные, то на других планетах, а земляне сохраняют свой облик. В знаменитой «Машине времени» (1905 г.) Г. Уэллса «элои» – это изнеженные, измельчавшие, с умом пятилетнего ребенка представители высших классов сохраняют вид человека, а работающие в подземных туннелях «морлоки» – своего рода пролетарии, тела и лица которых грубые, но тоже традиционные. В другом его романе «Люди как Боги» (1923 г.) изображены люди, сохранившие свой телесный облик, хотя представляющие уже некую высшую расу, сознательно переделывающие весь окружающий животный и растительный мир, приспособлявая его к своим потребностям. В отношении себя: «Утопиане рассказывали об евгенических начинаниях, о новых, уже верных, приемах при подборе родителей, об успехах науки о наследственности. И сравнивая ясную, сильную красоту лиц и тел всех утопиан с небрежной

комбинацией черт лица и непропорциональным строением тела его земных товарищей, мистер Барнстейпл понял, что обогнав людей Земли всего на каких-нибудь три тысячи лет, они стали уже новой, отличной от нашей породой людей»¹.

Как видим, к началу XX века евгенические идеи Ф. Гальтона становятся популярными. Но что это за селекция, что за усовершенствование? Весьма мягкие, «акциденции», не затрагивающие строение человека. Изменяется «порода», но не природа. Посредством «комбинации родителей» без вмешательства во внутренние процессы наследственности. Это линия, связанная с представлением, что телесность и духовные свойства людей, индивидов, зависят, прежде всего, от внешнего окружения. Как представители того или иного вида они обладают определенными качествами, но внутри себя – одинаковые, то есть как бы бескачественные. *Tabula rasa*, чистая доска, на которой можно писать нужные «тексты», задавая соответствующее поведение. Это линия Дж. Локка, в последствии, в той или иной форме она воспроизводится в бихевиоризме, лысенкоизме и феминизме. Все определяется социальной средой: «подбором», «воспитанием», «воздействием окружения», «укоренившимися стереотипами», которые и надо менять для получения желаемых качеств. Собственно говоря, это вершина представлений о возможностях человечества влиять на самого себя, достигнутая им, пока оно жило в макромире.

В середине XX века в истории человечества произошла Великая Революция (Переворот, Разрыв, Трансформация), которую теперь, оглядываясь назад, следует назвать постчеловеческой. Ее можно сравнить с неолитической, а может быть и самим возникновением человека (если он исчезнет). Суть происшедшего разрыва с предшествующими веками в том, что в своей деятельности люди вышли за пределы предметной реальности, ее измерений, адекватных их органам чувств и бинарному смысловому мышлению. Разделив до тех пор неделимые частицы вещества, атомы, они проникли в микро и мега-миры, стали действовать в средах, где нет жизни. Сами там жить не могут, но «орудуют», приводя энергии мега и микрокосма на Землю, внедряя это новое бытие в свой быт. Окружающий мир перестал быть равным их дому. Сам дом становится все искусственнее, техническим,

¹ Уэллс Г. Люди как Боги. Цит. по: Жизнь и техника будущего. Москва-Ленинград, 1928. С. 429-430.

отчужденным от чувственной природы человека, вместо стен экраны, вместо жизненных, предметных событий так называемые медиафакты и информация. «Константная», естественная реальность вытесняется, замещается созданной, виртуальной, обретающей собственные законы развития.

Наконец, хотя по времени параллельно, они проникли в механизм самой жизни, способов ее воспроизводства и распространения. Они вторглись в ее святая святых – наследственность. Генетика, возникнув в начале XX века, несмотря на сопротивление классической био(зоо)логии, особенно отчаянному, как известно, в Советском Союзе неуклонно развивалась и пришла к прочтению генома человека, что открыло возможность воздействия на его индивидуальное и родовое состояние, после и вследствие чего начал создаваться инструментарий такого воздействия, геновая инженерия и в целом биотехнология, разрабатываться методы изменения жизни, вмешательства в ее формы. Ящик Пандоры, приоткрытый, когда делались попытки евгенического воздействия на наследственность, потом, под влиянием опасных социальных тенденций, временно закрытый, с прочтением генома и развитием инфо-нано-биотехнологий, был открыт полностью. Проекты вмешательства в природу человека обсуждаются как желанная цель – любые, хотя обычно с дежурной оговоркой «о предосторожности». Евгеника теперь представляется их детством, а прежние социальные опасения отбрасываются один за другим как «предрассудки». Кто, например, не ценит эффективности геномодифицированных продуктов, держится за натуральные, боится за свое здоровье, смеет их критиковать, тот, по мнению их создателей и распространителей, реакционер, мракобес, живет в Средневековье. Призывы к совершенству превратились в призывы к усовершенствованию. Все громче и громче провозглашается мировоззрение, утверждающее, что сущий человек это не исключение из других форм бытия, и не уникальное явление на Земле, к тому же он плох, «не завершен», «неудача эволюции», его можно и надо улучшать. Деконструировать, реконструировать, конструировать. Вот последние донесения с фронтов прогресса: «С развитием конвергирующих (NBIC) технологий понятие Human Enhancement – улучшения природы человека технологическими средствами обретает в последнее время статус чуть ли не общепризнанного проекта. Об этом говорит недавно прошедшая международная конференция Общества Философии Техники

(SPT 2009): «Конвергирующие технологии, изменяющие общества»¹. Улучшать вплоть до замены постчеловеком, трансхьюманами, люде-нами и т. п. Уверяют, что в «расчеловечивании человека» нет ничего плохого, да, собственно говоря, в полной его замене чем-то другим, более удачным – тоже. На вопрос, в чем и насколько более он должен быть удачным, обычный ответ: отставьте свою философию, не мешайте прогрессу! Вышедший с такого рода предложениями из-за научных кулис на мировоззренческую авансцену трансгуманизм играет на ней все активнее, изощреннее и безумнее, ставя спектакли невиданного и еще недавно немыслимого содержания. *Транс* (через, сквозь, после) гуманизм. И не сквозь гуманизм как мировоззрение, а как мы вскользь уже отмечали, через гоманизм как жизнь родового человека. После Genus Homo. *Пост(транс)человек*. В его создании участвуют, ему аплодирует все больше «расчеловечивающихся» зрителей. В то время как залы гуманизма и антропологии пустеют...

Есть веские основания считать, что в русскоязычной литературе философская антропология достигла пика своего развития в работах И. Т. Фролова. В них же она начала внутренне разрушаться. Оценивая его деятельность в целом, для тех, кто помнит, или решается знать марксизм, работу Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» можно предложить парафраз: «И. Т. Фролов и конец классической философской антропологии». Общепризнана его роль в мировоззренческом преодолении наследия лысенкоизма и пропаганде генетики в Советском Союзе. Парадокс истории в том, что результаты этой борьбы оказались противоположны ее целям. И шла она в преврат(щен)ной форме. Пафос лысенкоизма вместе с соответствующей трактовкой марксизма состоял в раскрытии возможностей преобразования природы и человека, что коррелировало с задачами перевоспитания существующей и формирования новой социалистической личности. Для этого в своей сущности человек должен представляться существом социальным, лишенным каких-то неизменных наследственных признаков, какой-то «природы», на которой настаивала генетика. Сторонники генетики представляли, таким образом, защитниками природного, консерваторами, а «социологизаторы» – новаторами и прогрессистами, его «улучшателями», опасными экспериментаторами

¹Чеклцов В. В. Топологическая версия постчеловеческой персонологии: к разумным ландшафтам. // Философские науки. 2010. №6. С. 36.

и манипуляторами. Но это улучшение предполагалось в рамках «совершенствования», изменения духовных свойств личности, а телесно – ее акциденций. Евгеника ими от(по)рицалась, с ней они боролись. Генетика же, первоначально подчеркивая значение биологического в человеке, его родовую устойчивость, довольно быстро стала делать акцент на возможностях целенаправленного изменения этой природы, сначала по медицинским соображениям, а потом как «позитивная», на стадии биотехнологий, выступать с предложениями ее усовершенствования. Вплоть до изменения атрибутивных качеств человека, самой его идентичности. Подобные тенденции, такая направленность воздействия на людей уже выходят за пределы традиционных религий и идеалов гуманизма, пусть «нового», «реального», который предлагал и разрабатывал И. Т. Фролов, считая, что «человек будущего – это целостная всесторонне развитая личность, воплощающая идеал его духовного и физического совершенства»¹. В рамках традиционной, классической философской антропологии остаются и его известные, итоговые представления о перспективах человечества: «Приоритет человека и новый (реальный) гуманизм – так, я думаю, можно обозначить духовную парадигму, идеологию и политику XXI века»².

Увы, во все это теперь вряд ли кто верит. В последние годы было явственно видно, как он пытался защитить человека от тех достижений генетики, которые пропагандировал и защищал раньше, когда они еще не были превращены в технологии. Начал говорить не столько о возможностях, сколько об их опасности, призывал к сдержанности, уповая на мораль, на изменение этоса науки. Решался на повторение антисциентистского призыва «перестать размахивать флагом Галилея». Он не предполагал, что «век человека» так стремительно и агрессивно трансформируется в «век постчеловека». Настолько, что среди людей возникнут движения, прямо направленные на свое изменение вплоть до превращения в нечто иное – нелюдей. Развитие науки, особенно наглядно генетики, подтвердило трагическую диалектику истории поистине коварным образом, не исключая теоретическую, а во многом и жизненную судьбу самого автора книги «Генетика и диалектика».

¹ Фролов И. Т. Перспективы человека М., 1983. С. 263.

² К 50-летию журнала «Вопросы философии». Интервью с И.Т. Фроловым. // ак. Фролов. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 2001. С. 62.

2. Големы, Франкенштейн... Эпштейн и другие адепты постчеловека

В какое время мы живем! Практическое вытеснение человека из своего жизненного мира, его превращение из субъекта деятельности в фактор и агента подошло к порогу его ликвидации как уникальной формы жизни. Отказа от самого себя. Самоуничтожения. Этот процесс приобрел теоретически артикулированное выражение, своих носителей и адептов. Среди людей. Хотя, разумеется, непосредственно думать об отказе от себя и призывать к этому решаются не все, пока меньшинство. Его массовизация требует выработки специфической идеологии, соответствующего ложного сознания. Кроме ссылок на необходимость, неизбежность, обусловленность объективными законами развития, уповают на некое Благо, которое будет достигаться, или, что своей смертью человек послужит чему-то по отношению к нему высшему, конкретнее говоря, Высшему Разуму, что с точки зрения интересов дальнейшего прогресса тоже благо. Нельзя призывать людей к худшему! Это должно быть непременно лучшее в сравнении с бывшим и существующим, хотя бы таким бывшим или существующим являются сами люди.

Не прямые призывы к уничтожению людского рода, чему в истории человеческой мысли не было прецедента и не его сохранение и совершенствование, к чему люди всегда стремились, а именно его улучшение, усовершенствование. Ибо «Мы – биологическая протоплазма технической цивилизации, мы – носители прото-интеллекта, мы прото-машины, именуемые „организмами“. Мы – робкие дебютанты на сцене технотрансформационной цивилизации»¹. Здесь «мы» даже не нечто пусть низшее, но самостоятельное в цепи развития, а просто «материал» для чего-то другого. Это, конечно, крайний мазохизм. В основном все-таки превалируют признания самости человека, но заканчивающиеся утверждением его исторической исчерпанности. И дальше он тоже не исчезнет, будет жить, только в новой форме. Хотя бы это был пост(транс)человек – тогда *дальнейшее = бесконечное улучшение и усовершенствование*. Создание тех же Големов, (роботов

¹ Эпштейн М. Н. *Debut de siècle*, или От посто к прото-, Манифест нового века. // Знамя. 2001, № 5. С. 184.

с заложенной в них программой) и Франкенштейнов (обозначение силы, ставшей олицетворением зла и ускользающей от контроля своего создателя), которых когда-то так боялись. Они (прошлые «мы»), будут, во-первых, несомненно, добрые. Во-вторых, очень красивые. В третьих, разумеется, непременно умные. То есть речь идет о них же, о роботах, монстрах и чудовищах, но со знаком +! Три плюса: + + +. А в минусе – «старый» естественно-исторический человек. Которого теперь принято всячески хулить. Таков тренд развития человечества и на этой основе цель, выдвигаемая его «онаученным отрядом»: техногенная, техноморфная, технофутурологическая. Идея усовершенствования стала исходной формой ложного сознания = соблазна = искушения = совращения, оправдывающего манипуляции атрибутивными свойствами = сущностью = идентичностью = «природой» человека, т. е. самим его существованием, возможности для которых открылись в связи с последними достижениями технауки.

На наше обвинение прогрессистского сознания, что в борьбе с человеком оно не называет вещи своими именами, могут возразить, указав на постструктурализм, идеологию постмодернизма. Там вполне определенно, без экивоков, «честно» рассуждают о смерти человека. «Смерть человека» почти его лозунг, брэнд. Несколько раньше его выдвигал структурализм. Желая быть науками, утверждал К-Л. Стросс, гуманитарные дисциплины должны не культивировать человека, а растворить его, что человек должен исчезнуть как рисунок на прибрежном морском песке (М. Фуко) и др. Но это все-таки были теоретические построения. Подобно тому, как отказ Канта от природы, ее признание вещью-в-себе, не означал отрицания ее существования как таковой и был гносеологическим, так структурализм, растворяя человека в структурах, не отвергал возможность его наличного бытия. Постмодернизм, растворяя автора, субъекта, человека в языке, тексте, письме тоже не отвергает возможность его наличного бытия. Хотя, конечно, здесь не просто гносеология и методология, это мировоззрение, однако оно как бы абстрагируется от онтологии, оставляя автора, субъекта, человека в стороне, живым. Просто оно им(и) не занимается. «Кроме языка, текста, письма ничего нет» – это для «дискурса», «практического», но все-таки мышления. В виртуально-компьютерном мире, человек действительно умер: стал «кинестической амебой», как его определял французский постмодернизм. А вне его, возможно, что «пусть живет». Столько, сколько будет

существовать сам реальный мир. Проблемы совершенства или усовершенствования остающегося сущего (в нем) человека постмодернизм не волнуют.

Исторически первым, значимым проектом принципиального улучшения человека в русской, а может быть и мировой культуре надо, по-видимому, признать, как уже отмечалось выше, учение Н. Федорова, в дальнейшем взгляды В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, упоминавшуюся идею отказа от полов, которая, в сущности, только часть проектов усовершенствования человека. Они достаточно хорошо известны и если воскрешение (из) мертвых до сих пор представляется утопией, хотя все более реалистической, то автотрофное питание в начале XX века стало питаться весьма близкими тенденциями выхода технауки в космос. Их авторы искренне верили, что будет «автотрофный человек», хотя не надо сильно напрягать воображение, чтобы впасть в замешательство по поводу облика и состояния такого человека. Для питания путем «ассимиляции солнечных лучей» и использования «земной электро-химической энергии» не надо ни рта, ни живота (живот, по старому – жизнь), ни других органов тела и вообще – «тела». Человек без тела – человек? Даже отрезанная «голова профессора Доуэлла» слишком телесна для питания лучами. И если до постчеловеческой революции о подобном «вещественном существе» было оправданно думать гадательно, то сейчас, когда автотрофно питающиеся роботы с силиконовым интеллектом вокруг нас, рассуждать об автотрофной белковой жизни, значит заниматься сознательно-бессознательной дезориентацией, запутыванием всей этой проблемы. Вместо того, чтобы (о)беспокоиться, как человеку жить вместе со своим созданием в виде входящего в мир нового технического (автотрофного) разума, мучительно размышляя и драматически обсуждая вопрос их сосуществования, коэволюции, пропагандируют однообразную ложь и под видом серьезного рассмотрения антропологических проблем годами с серьезным видом предаются лицемерию. А самые отчаянные адепты автогеноцида через «автотрофизацию» уже не лицемерят и дилемму: живой человек или автотрофный робот открыто решают в пользу второго.

Наряду с идеями общей автотрофности, разрозненным, многообразным, вариативным потоком идут предложения по усовершенствованию тех или иных органов человека, его наделению дополнительными возможностями. В XX веке пожалуй, самым большим оптимистом в этом

плане был М. Маклюэн, который предвидел, что Новые технологии приведут к «денатурализации жизни» через ампутацию органов человека и передаче их функций техническим средствам¹. Будут люди с гибкими пластичными(ковы)ми руками, металлокерамическим скелетом и ногами, инфракрасным зрением, ультразвуковым слухом, орган(ом)ами продолжения рода необычного размера и его/их расположению в другом месте тела, например, под мышкой, вживлению одного, двух, многих чипов под кожу, в вены или прямо в мозг, кентавры, созданные на геном уровне или с помощью операций и т. д., и т. п. Не говоря о том, что можно проводить зачатие в пробирке, заказывать или менять пол, пересаживать, заменять искусственными внутренние органы; заказывать рост, цвет глаз, вообще тип тела, мужчины могут рожать, следящие за модой женщины отращивать усы, «люди-оно», трансвеститы выступают на эстраде, ходят по улицам и т. д., и т. п. Не говоря о том, что их сознание можно, переписав на диски, «архивировать», или отправить путешествовать по Сети, в результате чего они обретут способность усваивать несравненно, нежели сейчас, большие объемы информации и перемещаться в пространстве со скоростью света. И т. д., и т. п., читайте, слушайте, скачивайте восторженные сообщения о новациях, инновациях, гаджетах, вообще достижениях форсайт технологий в лабораториях, экспериментальных центрах и технопарках. С божественным/природным творением вооруженные технонаукой люди готовятся творить и творят что угодно. Сами с собой. Изменяться, совершенствоваться = усовершенствоваться эти искусственные биотехногенные создания будут, естественно, со скоростью смены технологических поколений. Как сейчас компьютеры. Перспективы человека (?), от котор(ого)ых захватывает дух.

Но по-разному. У одних от радости и восхищения открывшимися перед людьми практически безграничными возможностями манипуляции миром и собой, у других от ужаса перед непониманием очевидности результата данного, несущего смерть историческому человеку процесса, от страха и жалости к нынешнему «ветхому Адаму». К первому отряду относятся узко специализированные технократы, талантливые и одновременно безответственные творцы и носители научных достижений, по роду своей профессиональной активности ставшие почти (не)жителями искусственного мира. При этом они старательно

¹ См.: Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2003.

избегают все более острого, выдвигающегося самой жизнью извечного философского вопроса: куда идем? Страшатыся выводов, что же будет с человеком.

...И не страшатыся выводов, что будет с человеком. Например, некий будто бы философ с восторгом рас(пере)сказывает об успехах и, правда, еще остающихся трудностях по конструированию гибридов живого и неживого, которые науке надо преодолеть. «Чтобы инициировать гибридизацию как стратегию, сначала необходимо концептуально и инструментально низвергнуть плоть с ее пьедестала индивидуального организма, уникальной живой формы на уровень биомассы – сырья для экспериментов и производства новой породы, притом не умертвляя ее, а радикально трансформируя... В низвержении плоти до ресурса и техники ее обработки просматривается стратегия индустриальной капитализации живого»¹. Можно «Получить любой вариант преобразования живого организма. Только не путем видового скрещивания, а путем перепрограммирования клеток... В частности, Проект Гал-Бен-Анри in potentia 2012, когда художник преобразует клетки крайней плоти обрезанного полового члена в нейронные клетки мозга...»².

Куда там, традиционным злодеям старой научной фантастики типа упомянутых големов или инженера Гарина, до достижений нынешней, сорвавшейся с цепи человека, науки. Как страстно ее творцы стремятся к (само)уничтожению людей. Кажется, это их последняя страсть. Как будто мыслят не люди, а «мозги в банке». Предпочитают толковать о жизни в компьютере, превращении в гибриды или голограмму, «бессмертии» или счастливой смерти и т. п. Эвтаназаторы. Слепые вожди слепых. И никто за эти призывы к «геноциду по-научному», в отличие от того, как если бы они призывали «просто к геноциду», их не преследует. Даже не критикуют. И мы не будем. Цитируемого автора надо даже поблагодарить: за последовательность. Это кристально чистый пример вырождения мышления: из способности целостного духа оно превратилось в чистую функцию одностороннего технического образования и таких же профессиональных занятий, которое не может преодолеть

¹ Галкин Д. В. Искусственная жизнь как низвержение плоти: стратегии гибридизации // Вестник Томского государственного университета. – 2013.- № 370, С. 29.

² Там же, С. 33.

никакая последующая причастность к философии. Без каких-либо сомнений он показал направление, конечный результат, куда ведут идеи трансгуманизма и *mein streem* неуправляемого прогресса. *Смотрите, люди: нашу/вашу планету захватывают ликвидаторы человечества, его враги и (само)убийцы.*

Ко второму роду, еще не ставших зомби и действительно думающих о своей судьбе, относятся разного рода живые представители человеческого рода, консерваторы, гуманисты, «классики», с превалированием чувственного и художественного восприятия мира, апологеты сохранения окружающей природы и собственной идентичности. Трагическую сшибку этих позиций остро чувствующие художники, поэты, особенно романтического склада, предвидели еще в начале промышленной революции, радикально изменившей судьбу человечества. Пожалуй, ярче всего, удивительно рано, когда и паровозов не было, «два видения грядущего мира» представлены у Е. А. Баратынского (1800–1844 г.г.). В стихотворении «Последняя смерть» он рисует земной рай, в котором будут жить люди:

«Сначала мир явил мне дивный сад: // Везде искусств, обилия приметы; // Везде дворцы, театры, водометы; // Везде народ и хитрый свой закон // Стихии все признать заставил он». Но...

«Прошли века. Ясней очам моим видение другое стало: // Желания земные позабыв, // Чуждаяся их грубого влечения, // Душевных снов, высоких снов призыв // Им заменил другие побужденья, // И в полное владение свое // Фантазия взяла их бытие, // И умственной природе уступила // Телесная природа между них: // Их в эмпирей и в хаос уносила // Живая мысль на крыльях своих; // Но по земле с трудом они ступали, // И браки их бесплодны пребывали»¹.

Как видим, оба эти видения двухвековой давности осуществляются на наших глазах: везде дворцы, театры, водометы и ... виртуальная и предметная, но целиком искусственная реальность иного мира. Она захватывает наше бытие, оставляя на Земле, «в off line» обездушенные тела («немертвые» – называют сами себя продвинутые европейцы), все больше теряющие чувственность, способность к живой любви и продолжению рода, не желающих этого или бесплодных, когда желают. Притом, первый отряд (оптимистов усовершенствованной жизни в раю или ее замены более «прогрессивными» формами)

¹ Баратынский Е. А. Последняя смерть. Стихотворения. М., ...

непрерывно пополняется новыми сторонниками. Эти «сторонники» опираются на вполне конкретные планы и решения государственных органов, в том числе России о дальнейшей технизации жизни. «Наноэлектроника будет интегрироваться с биообъектами (люди?! – В. К.), обеспечивать непрерывный контроль за поддержанием их жизнедеятельности, улучшением качества жизни, и таким образом сокращать социальные расходы государства...(sic! – В. К.). Широкое распространение получают встроенные беспроводные наноэлектронные устройства, обеспечивающие постоянный контакт человека с окружающей его интеллектуальной средой, *получат распространение средства прямого беспроводного контакта мозга человека с окружающими его предметами, транспортными средствами и другими людьми* (курсив мой. – В. К.)»¹.

Для тех, кто способен видеть, куда идет дело, комментарии излишни, а тем, кто утратил данную способность уже ничем нельзя помочь. В том числе потому, что ряды «видящих» (сторонников традиционной жизни на Земле) редеют. Они пытаются сопротивляться подобным планам (вернее уже не планам, а отраслевым приказам о порядке внедрения), объяснять «оптимистам», что все это будет значить для человека, для всех живых существ, пишут целые книги, как мы здесь, призывая взглянуть на тенденцию в перспективе, но их призывы почти не воспринимаются. Да и они/мы сами смущены, потому что консерваторы, традиционалисты, быть которыми становится неловко. В глухой оброне и оправдываются.

Основным аргументом в пользу искушения человека бегством от самого себя «в виртуал, гибриды и иное» является апелляция к объективному ходу событий, к «прогрессу». Прямо по Гегелю: если «все действительное разумно», значит, делается вывод, «это хорошо». Сущее не рассматривается в своей противоречивой или хотя бы амбивалентной ипостаси и, отбрасывая всякие представления о должном, его автоматически отождествляют с добром. В подобном качестве, разум человека по мере расхождения со своей природой, становится носителем самоотрицания. Начинает работать против человека. Ad absurdum.

¹ Приказ № 311 Министерства промышленности и энергетики Российской Федерации от 7 августа 2007 г «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 г». // [http:// docs.cntd.ru /document/902063681](http://docs.cntd.ru/document/902063681)

Появляются дезертиры жизни, мыслящие, но «не в своем уме», которых все больше. Жить без чувств, без детей и любви, механичным и полумертвым вот-вот будет модно. Феномен «ложного сознания» обуславливается теперь не столько классовым положением людей, как объяснял К. Маркс, сколько их общим положением в мире, который становится постчеловеческим. И казалось бы, очевидная трагичность происходящего отказа от собственной природы, разрушение атрибутов идентичности, что составляет реальное содержание «антропологической катастрофы», «апокалипсиса», «конца света», о чем не случайно, но мимоходом, обывательски, тоже говорят, предстает теперь процессом движения к высшему благу. Смерть выдается за некую «Новую жизнь». Или «Нового человека».

Но вот, наконец, настоящий, «жесткий трансгуманизм», провозглашающий, что никакого человека больше не будет, он уже не нужен. Вместо него будут людени или нелюди, то есть некие принципиально новые формы разума, соответствующие искусственной среде, ноотехносфере. Вырастая из разговоров об усовершенствовании человека, фактом своего появления трансгуманизм их полностью дезавуирует, раскрывая всю предыдущую фальшь. Его последовательные адепты больше не хотят оставаться людьми, хотя бы и усовершенствованными, не связывают себя никакими телесными человекообразными ограничениями. «Трансгуманисты хотят „не остаться людьми“, а наоборот – перестать ими быть, став более совершенными существами, т. е. трансхьюманами, или же нелюдьми. Трансгуманисты считают, что мы живём в эпоху переходного этапа от обычного человека к постчеловеку...»¹. Расчеловечивание таким образом завершается окончательным успехом, после чего собственно человеческий разум, если и останется, то как один из видов разума, далеко не самый сильный и не высший в сравнении с искусственным интеллектом. Человек «уйдет в машину», это будет его «творческая смерть» (М. Эпштейн) как некая новая форма существования. Не человека, а разума. Умирая, люди обессмертят себя не в своем, а созданном ими разуме. Подобную, называемую «позитивной» смерть, можно считать также и жизнью (кому как нравится). «Смерть позитивная – уже не смерть, – соблазняет еще живых людей российский „аналитический антрополог“ В. Подорога, – это

¹ Энциклопедическая справка. Интернет-ресурс // <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/70/90>.

просто практика исчезновения в том, что есть твое существование в широком смысле и в силу этого – бессмертие, которое обретает характер повседневного чувства»¹. Полный набор благопожеланий. Правда, это будут нелюди, но все равно позитив – «к лучшему». Готфрид Лейбниц бы порадовался: несмотря ни на что, действительно, «все к лучшему в этом лучшем из миров», благодаря чему, мы не будем знать, когда нас не будет.

С учетом появления, наряду с мышлением человека, его (предполагается, превосходящего) машинного аналога, антропология преобразуется в гуманологию как «науку о трансформациях человеческого в процессе создания искусственных форм жизни и разума», помещающую человека в единый ряд не только внеразумных форм жизни, но и внебиологических форм разума. Теперь он элемент более общей линии прогресса разума, «один из»: в ряду животных, гуманоидов, киберорганизмов, роботов. Отсюда следует, что антропология – частный случай гуманологической (правильнее надо бы говорить, *номологической*, или *ноологической*, если это вид разума) парадигмы. Представление о человеке как образе Бога (религиозное сознание), самоценном существе (гуманизм), что он «всегда цель и никогда средство» (Кант), а также накопленное в ней знание о человеке, когда она была самостоятельной дисциплиной, отправляется в архив исторических заблуждений. Так происходит перверсия базовых ценностей нашего мира, теоретическое обоснование самоотрицания *Homo sapiens* и его замены некими высшими сущ-вещ-вами с техногенным мышлением, когда «созданные человеческим интеллектом механизмы и компьютерные системы выйдут на передний край эволюции разума и поведут за собой все более отстающих (а иногда и упирающихся) человек»². (Упирающихся (!), типа нас-человеков, в данном тексте. – В. К.). Так формируется, со всеми ее типичными приемами превратного сознания, ветвится, противореча себе или сливаясь в одно целое, обволакивая, нас идеология великой в своей антигуманистической чудовищности Постчеловеческой Революции. *Мировоззрение смерти живого Человечества*.

¹ Подорога В. Эпоха Согрус-а? Вопросы и наброски к беседе с Ж. Л. Нанси. // Нанси Ж. Л. Согрус. М., 1999. С. 216.

² Эпштейн М. Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию. // Философские науки. 2009. № 2. С. 91.

3. Или мы останемся, какие есть, или нас не будет

Итак, вместо человека его ушедший в машину разум. Будет ли он еще человеческим, если да, то как долго? Для не «перезагруженных» желанием обмануть себя и других, очевидно, что нет, что вслед за смертью телесного человека умрет и его разум и тут не надо сложных доказательств. Оторванный от какой-либо почвы, бродящий в сетях «архивированный квант», капля в океане информации – причем тут человек? Онтологически это виртуальный узел, агент коммуникации, пересечение функциональных отношений. А вот можно ли его тогда считать, будет ли он вообще – разумом? То есть обладать, пусть постчеловеческой, нечеловеческой, но субъектностью, т. е. выделенностью и рефлексией как атрибутивным свойством, отличающим сознание, мысль от предлежащего им остального объективного мира?

Логика дальнейшего развития, универсализации покинувшего человека разума и превращения в Сверхразум, ведет его к растворению в творимой им инореальности, к слиянию с ней. Это будут просто законы существования нового мира. Их идеальная «сущность». Не случайно, в постчеловеческой персоно/гуманологии пошли разговоры о возможности топологической версии разума, т. е. без конкретного носителя, когда разумным будет все окружающее пространство. Сначала речь шла о «социальном», а потом вообще – о «пространстве», «ландшафте», а может (гадают) это будет «космическое облако», «мыслящая материя», «галактические информационные поля»¹. И т. п. что-то вроде распластанного по поверхности планеты мыслящего Океана в романе Ст. Лема «Солярис». И прогресс, к временной бесконечности которого апеллировали, объясняя, почему человек обязательно должен исчезнуть, вдруг кончается. Вечностью информации. Закончим и мы (чтобы не впасть в футурологические фантазии) рассмотрение наиболее распространенных идей усовершенствования человека (*Human Enhancement*). Выводом, что все они им жертвуют, его предают, бросая под колеса однонаправленного прогрессистского эволюционизма. Что это рефлекс, а не рефлексия происходящих событий. Целые социальные философско-научные направления

¹ См., например: Алюшин А. Л., Князева Е. Н. Телесный подход в когнитивной науке. Воображаемые миры. // Философские науки. 2009. № 2.

заняты тем, как теоретически более удачно обмануть себя и общество насчет сути и смысла начавшегося практического отрицания человека, его замены чем-то Иным. В так называемом «обществе знания» культивируется «незнание», точнее, *непонимание*. Тупая, праздная ученость, бессмысленная знательность, хаотизация сознания. *Идеология, а не философия, искушают, соблазняют и за(о)путываются, вместо того, чтобы пытаться думать и говорить правду, заботясь о его Благге.*

Должна ли к ней/ним присоединяться философская антропология и вообще, какой она может быть в этих условиях? Представляется, что значительное число ее представителей пойдет, да фактически уже идет по пути перерождения, превращаясь в гуманологов, персонологов и других трансгуманистов. Они видят свою теоретическую роль в пересказе последних технологических достижений: кто знает больше, если из первых рук, кто слышал больше, если и когда из вторых. И не больше. Это научно-редукционистско-эволюционистская линия обрыва антропологии. Ее «закрытия». В любой разновидности. Она органична постчеловеческим тенденциям современного мира, которые автоматически отражает. К счастью, в мире, конечно, есть, остаются и другие силы, интересы, тенденции и течения. Прежде всего – выживания человека, его сопротивления трансгрессу в иное. Эволюция жизни привела к человеку, но это не привело к вымиранию всего, что до него было. Даже если (поверим, на момент, трансгуманистам) биоэволюция с неизбежностью должна перерасти в техноэволюцию, это не значит, что жизнь, в том числе в ее высшей, разумной форме – прекратится. Хотя за ее сохранение, коэволюцию с постжизненными формами надо бороться. Философская антропология будет служить человеку, если останется собственно философской, то есть учением о мире с точки зрения бытия самого человека. Его самооценности. Или философско-религиозной, то есть учением о мире с точки зрения божественного происхождения людей. Их вечности в Боге. Что касается философско-научной антропологии, то в качестве антропологии она тоже возможна, однако при условии, что будет опираться на научные направления, в которых рациональность не отождествляется с редукционизмом, детерминизмом и когнитивизмом.

Спиноза говорил, что каждое сущее хочет быть тем, что оно есть по своей природе: камень хочет оставаться камнем, лев быть львом. Мы можем добавить, что человек, чье сознание не похищено силами

постчеловеческого мира, хочет оставаться человеком. Мировоззренчески эта установка выражается в консерватизме, при котором развитие понимается как изменение с сохранением динамического равновесия или, другими словами, как устойчивое. Устойчивое развитие, под давлением ин(на)новационной истерии, в которую впало потребительское общество, начали толковать превратным образом: как непрерывное и все ускоряющееся. Но если понятиям придавать ответственный смысл, то устойчивость «по определению» связана с сохранением, т. е. консерватизмом. Консерватизм и устойчивость означают, что развиваясь, любая система, вещь, сингулярность удерживаются в бытии, в отличие от идеологии новационизма, когда все существует для того, чтобы скорее исчезнуть, заменившись чем-то другим, новым, потом еще более новым. И. т. д. в дурную бесконечность. Без образа и образца.

Консервативное философствование опирается на полионтическое представление о сущем, признание множественности возможных миров и принципиальной значимости *нашей реализации* одного из них. Это своеобразная ценностная трактовка антропного принципа и птолемеевского геоцентризма, которая является точкой отсчета при оценке все остальных форм бытия. Человек на Земле – высшая форма существования, потому что мы ее представляем, от имени ее мыслим и теоретизируем. Это не центр, а *акме* бытия. Лейбниц прав: мы живем в лучшем из миров; и не прав: в нем не все к лучшему. В множественной Вселенной нет какого-то объективно привилегированного центра, универсально конечной, абсолютной цели развития. Отсюда логически вытекают отказ от идеи у-совершенствования человека и ориентация на его совершенствование. “We have no serious alternative then to be perfect” (У нас нет серьезной альтернативы тому, чтобы быть совершенными); в более вольном и точном переводе: «У нас нет другого выхода, как быть совершенными» – такую надпись я видел на майке молодого человека в московском метро. (В метро – важнее, нежели знать в какой книге, и каким знаменитым «скриптором» она была написана). Ее можно считать девизом консервативного акмеологического философствования.

Под акмеологией в таком случае понимается не просто «состояние личности, характеризующееся зрелостью ее развития и достижением высоких показателей в деятельности», а установка на раскрытие и изживание всех присущих той или иной сингулярности уникальных для нее

свойств. Из психологии индивида это понятие переносится на человека как родовое существо и – шире, на мир в целом. Включается в парадигму выживания человеческого рода в техногенной реальности. В утверждении ее, чтобы снять у читателя впечатление об авторе как зарвавшемся философском провинциале из России, сошлемся на признанный мировой авторитет. «Любой род как таковой совершенен. Человеческий род совершенен, и он противится какому бы то ни было его усовершенствованию. Он плох, но он совершенен; взятый в его уникальности, он бесподобен. Конечно, здесь возникает определенная проблема: настаивая на совершенстве родов, мы рискуем впасть в креационизм, согласно которому все имеет место по милости Божьей, все неизменно и т. д.! Опасность возвращения к мифологическому восприятию вещей действительно существует, однако ориентация на исторический и ментальный эволюционизм не менее опасна...

Необходимо сохранять уникальный голос каждой детали, каждого фрагмента, каждого рода и освобождать их тем самым от гнета конечного предназначения!»¹.

Ближайшим к консерватизму и акмеологии феноменом, поддерживающим философскую антропологию, может стать эстетическое сознание. Особенно если брать его не в привычно узком смысле слова, как учение о прекрасном, а онтологически. Особенность эстетической онтологии в том, что в отличие от прогрессистского рационализма, она обосновывает право людей на будущее «беспольное» бытие в тотально технизированном мире. Беспольное – по праву существования любых форм и сингулярностей как таковых. Концепт эстетизм меняет установку на явления, предлагая их оценивать не с позиции эффективности, а с позиции «таковости», «дара», подобно бытию в целом. Мы лишний раз убеждаемся в пророческой пронизательности Ницше: «Мир и человек имеют единственное объяснение, единственный смысл как эстетический феномен». Подчеркивание самоценности любой формы бытия, эстетизация жизнедеятельности людей оставляет им, перед угрозой исполнения ее машинами, нишу для существования. *«Кот не перестает ловить мышей, даже после изобретения мышеловки»*. Если он хочет жить и правильно воспитывается.

* * *

¹Бодрийяр Жан. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург. 2006. С. 100.

Мы согласны с неким Римским Папой, который на искушение предложением «улучшить» христианский символ веры ответил: *«Или мы останемся, какие есть, или нас не будет»*. Суть(ш)носно говоря, это credo выживания всего человечества. Его спасения ... от бессмертия.

Примечания

* Кант, как известно, таким же образом рассуждал о свойствах всех вещей, различая аналитические (необходимые) и синтетические (эмпирические) суждения. Камень может быть только твердым, иначе его нет – аналитическое суждение, но может быть серым, белым, грязным и т. д. – синтетические свойства. Гром не может не гре(о)меть, а молния не сверкать (разумеется в макромире и нашем восприятии). В других размерностях будет другое деление.

ГЛАВА V

АНТРОПОЛОГИЯ МЕРТВОЙ СМЕРТИ: ПРЕЛЬЩЕНИЕ БЕССМЕРТИЕМ

1. Подданные королевы утопий*

Из всех желаний людей самым фундаментальным является бессмертие. Не умирать, жить вечно – это не просто утопия. Это «королева утопий». Помимо эмоционального заряда, оно несет в себе почти все другие желания. Хотя бессмертным человек как будто не был, *идея бессмертия родилась вместе с ним, с его культурой и сознанием смертности*. Кто не боится смерти, тот не мечтает о бессмертии. И напротив, в самых древних мифах о будущем так или иначе присутствуют надежды на продолжение жизни. При всех прочих удовольствиях, главное достоинство рая – статус вечности. Без этого свойства райская жизнь теряет смысл, чем бы другим она ни привлекала, куда бы ее ни помещали – на Небо, на Землю, на планеты или звезды. В дохристианских мировоззрениях Востока люди также преодолевали смерть, хотя их желания «не дотягивали» до сохранения личности, прежде всего потому, что слабо выраженная внутри общинных отношений, она не представляла специфической ценности. Превращение человека, например, в свинью означало появление другого качества, возникновение существа нового типа. Тем не менее, некая субъективная линия полученной от создателя частицы жизни не прерывалась и, в контексте циклического возвращения, всегда можно было надеяться на возврат в прежнее положение.

На практике, однако, переходить в вечность люди не торопились. Зримая, эмпирическая смерть, так или иначе вызывала страх. Отрицавшие возможность загробной жизни материалисты, атеисты, скептики, циники и прочие вольнодумцы строили аргументацию преимущественно на этой повседневной почве, утверждая, что упование на бесконечную жизнь мешает достойно провести отпущенное людям конечное время. Бессмертие – это сфера веры, религии, чуда, трансценденции. В своих знаменитых «Опытах» М. Монтень писал:

«Признаемся чистосердечно, что бессмертие обещают нам только Бог и религия: ни природа, ни наш разум не говорят нам об этом». Самый тяжелый, казалось смертельный, удар по бессмертию нанесло возникновение науки Нового времени, в основном материалистической и эволюционистской, отвергавшей его исходя из своей сути. Если она его и признавала, то формально, относя к области неопознанного, насчет которого приходится допускать любую неопределенность. Позитивизм, как известно, признавал такого рода вопросы бессмысленными, характерными для той ступени развития человеческого духа, которую наука как раз преодолевает. Не совместима она и с религиозной верой в целом, бог естествоиспытателей был богом «из вежливости». Физика создавала Вселенные из пылевидных туманностей, биология в лице дарвинизма производила человека из обезьяны, физиология, неразрывно привязывая душу к телу, лишала ее субстанциальности, то есть превращала в психику. Даже фантастов той эпохи, воображавших невероятные достижения, бессмертие особо не интересовало. Вывод, что занимавшаяся открытием и описанием природы *классическая наука и идеология бессмертия отрицают друг друга*, представляется почти неопровержимым. История взаимоотношений смертного человека с бессмертием не знала более неприязненного, отдаленного и холодного периода.

Но так было до тех пор, пока наука не начала перерастать в технологию. *С этого времени грезы о бессмертии культивирует разум.* «Общее дело» Н. Федорова являло собой некий симбиоз подходов: идейное обоснование воскрешения из мертвых оставалось религиозным, саму же задачу решает не бог, а человек. Для поздних представителей русского космизма, в котором «бессмертие по-научному» заявило о себе наиболее ярко, упования на Бога постепенно вообще сходят на нет. *Мечты о вечной жизни приобретают технико-атемистическое измерение.* При этом природа, как естественно-биологическая форма бытия, другими словами, как земная жизнь оценивается все более критически, вплоть до признания «нашим общим врагом». Прежде всего, потому, что несет в себе смерть. *Воскрешение из мертвых – это акт восстания разума и техники против природы и жизни* под формальным прикрытием (при фактическом устранении) Бога. По мере становления техногенной цивилизации, возможность бессмертия перестает обуславливаться не только религией и чудом, но и природой, естествознанием. Она связывается

с возникновением «второй природы», с создаваемой техническим путем искусственной реальностью.

Несмотря на то, что адептов достижения естественным человеком бесконечной длительности существования еще немало (не помогают никакие напоминания, что с появлением эукариотов развитие любого биологического вида предполагает смену индивидов, механизмом которой является смерть, вследствие чего она вплетена в самую сущность жизни), это идейное русло идеологии бессмертия – иммортологии – пересыхает, становится боковым. Оно не радикально. Все равно не ясно, в каком облике и возрасте «застынет» подобное существо, как будут функционировать или меняться его органы, возникает множество других проблем, связанных с белково-клеточной, углеродной формой бытия и не поддающихся научно-рациональной трактовке. *Если сойти с почвы религии и чуда, то для действительного бессмертия собственно живое не перспективно.* Это, скорее, заботы медицины и геронтологии.

Передовая, прогрессивная иммортология опирается на принципиальный отказ от «водно-углеродного шовинизма» в понимании жизни, она отказывается от субстратного и переходит к «другому», функциональному ее определению. По сути, на борьбу с жизнью. К превращению развития в самоорганизацию, жизнедеятельности просто в деятельность, к отождествлению, а фактически *подмене жизни разумом*. Притом уже «постбиологическим». То есть к отказу от жизни. Иммортология – враг биологии. Летать можно размахивая крыльями, как делают птицы, но можно и отталкиваясь от потока горячего газа, что происходит с ракетой. Это разные, отрицающие друг друга сущности. Птица – представитель природы и жизни, ракета – космоса и техники. Расчет цели можно сделать «в голове», прилагая непосредственно телесные усилия, но это может сделать и компьютер. Материал и приемы вычисления разные, а результат будет одинаковым или лучше. Голова – это жизнь, обретшая свойства разума, компьютер – это разум, обретающий свойства жизни. По функциям совпадение, а по субстратному бытию – замена одного другим.

Применительно к человеку общее отрицание биологического бытия выражающееся в идее его неорганического (автотрофного) питания, из которой вытекает, что и сам он перестает быть существом органическим. *Перестает существовать.* Начинает «веществовать». Не случайно переход в автотрофное состояние всегда соотносится

не с земной природой – этой колыбелью биоты, а с космосом, где, насколько известно, традиционная жизнь отсутствует. Космисты населяют космос, говоря, что там «везде жизнь», но понимают ее именно функционально, отождествляя с бестелесным разумом. Да, она есть или распространится на все планеты, но это будет «особенное животное. В него не проникают ни газы, ни жидкости, ни другие вещества. Из него также они не могут и удалиться... Оно живет только солнечными лучами, не изменяется в массе, но продолжает мыслить и жить как смертное или бессмертное существо... Такое сформированное существо уже может обитать в пустыне, в эфире, даже без тяжести, лишь бы была лучистая энергия»¹.

Универсальный космизм – предельно дерзкий, наиболее принципиальный вызов природе и жизни. Он отменяет их бытие. *Это самый фундаментальный идейный враг экологии.*

Если в начале XX века чаемое «особенное животное» было некоей гипотезой, то сейчас оно наличествует практически, (гипотеза оказалась гениальной). Системы искусственного интеллекта, роботы 5–6 поколений вполне отвечают или вот-вот будут отвечать описанным характеристикам. Они автотрофны и *в этом качестве – бессмертны*. И как другое условие бессмертия – бесполое. «Интеллект, – надеялся К.Э. Циолковский, – со временем найдет способность искусственного оплодотворения и из жизни людей исчезнут позорящие их половые акты»². Мечта, для живых людей казалась бы страшная, но она на глазах всех, кто еще смотрит и читает, что пишется об этом хотя бы здесь, тоже воплощается в действительность. «Передовые этносы» современной цивилизации активно вымирают. /От/меняется и вся культура, содержание эмоциональной и духовной сферы, ценности и моральные нормы поведения людей. Общество, социальные отношения вытесняются Техносом, информационными коммуникациями. Так пролагает себе дорогу «Новый человек». *Но человек ли это?*

Пока, видимо, да, поскольку тенденции и ликвидации биологической жизни не победили. Как техника не до конца вытеснила природу. Но логика и линия борьбы здесь единая: «второй природе»,

¹ Циолковский К.Э. Растение будущего. Животное космоса. Самозарождение. Калуга, 1929. с.22.

² Там же, с.21.

искусственной реальности как продукту и заменителю естественного соответствует «вторая жизнь», разум, искусственный интеллект как продукт и заменитель органического, его отрицание. Живому, смертному и чувствующему человеку, разум которого служит жизни, противостоит абиотический, бессмертный, саморазвивающийся интеллект. Жизнь приобретает статус его предпосылки и вместо субстанции становится одной из его примитивных форм. Соответственно, человек из субъекта развития превращается в компонент человеко-машинной цивилизации. Возникает феномен технологического, компьютерного человека («гомутер»= гомо+компьютер), переходного к роботам существа – именно *Постчеловека*.

Именно этот процесс абиотизации бытия продуцирует надежды на «бессмертие по-научному», наиболее эффективно маскирующее процесс вытеснения живых людей техникой. Попутно «решается» и экологическая проблема: автотрофному, бессмертному, бесполому существу земная природа, биота с необходимыми для него параметрами воды, воздуха, уровня солнечной радиации не нужна – ни внешняя, ни внутренняя. Искусственный интеллект действительно космичен и может функционировать на любой основе. Бессмертное не нуждается в заботе о поддержании биотического и сохранении природы вообще как условия его развития. *Экология имеет смысл и право на жизнь, если и пока существует смерть.*

В процессе замены разумной жизни бессмертным абиотическим разумом снимается также вопрос об индивидуальности существования. Ведь главная причина осознания себя чем-то отдельным, личностью является факт возникновения и исчезновения, рождения и смерти. С его устранением исчезают временные границы, вычлняющие элемент внутри целого, чем и объясняется мода на трансперсональную, то есть безличную психологию и совокупный интеллект. Бывший субъект, становясь частицей мыслящего океана, уже только перевоплощается, двигаясь внутри виртуальных информационно-коммуникационных сетей, прообразом чего можно считать систему “Internet”. И если человечество (не говоря о технистах) примет это абиотическое перерождение нашей среды обитания за норму, не находя морального мужества для его критической и ответственной за свою судьбу оценки, то надо прямо сказать: в таком случае мы обречены без надежды на спасение. Самое страшное в развитии современной

цивилизации – ее успехи. Все они технические. Остальное деградирует: природа, человек, культура, и наша мысль.

Останавливая время, бессмертие уничтожает и пространство. Это состояние, когда нет противоречий, ибо небытие сливается в нем с бытием. Быть без-смерти – значит быть бес(з)-конца. Внутренне не расчлененное, бесконечное бытие не развивается, поскольку равное себе всегда совершенно. Не случайно, первоначальные представления о вечности локализируются в виде рая или ада, где царят чистое добро или чистое зло и они, в отличие от брэнной жизни, друг с другом не пересекаются. В стремлении к бессмертию выражается тенденция абсолютного господства разума над природой, ее эволюцией. *Состояние бессмертия – апофеоз искусственного, ноотехносферы.*

Разумеется, исторически менялось отношение к смерти/бессмертию не только «вообще», но и к ним же – «по-научному». Подобно тому как на заре технологической эры отождествление разума с благом было почти неизбежным, так и достигнутая с помощью науки вечная жизнь казалась тогда высшим счастьем, которое могут иметь люди. Когда русских космистов с опаской, но упрекают в антиэкологизме и антигуманизме, то хотя по сути их теорий это верно, учитывая исторический контекст (а вне истории никто не действует) это несправедливо. Вера в технику была практически всеобщей, мыслитель, придерживавшийся критических представлений об ее роли, выпадал из рационального контекста и тем более не мог быть «передовым». Иной оценки заслуживают нынешние сторонники *Nomo immortalis*, а фактически *Posthomo* в ситуации, когда противоречия технического прогресса вполне обнажились: она должна быть более дифференцированной и реалистичной.

По отношению к живущим людям – к нам и сейчас – среди них, если не брать во внимание разных шарлатанов, обещающих вечную жизнь «здесь и сейчас», то есть говорить всерьез, можно выделить *3 типа бессмертников*: «прельщенные», «равнодушные», «агрессивные».

Первые совершенно искренне хотят облагодетельствовать человечество. Они не задумываются, что если их идеи воплотятся, *это будет сущностно другое существо*, или «вещество-техщество» – без души, без наших надежд, страхов, радостей и смыслов. У него будет иное отношение к своему Я, да и что такое обесчувствовленное Я? Квант-порция информации? Оно и мыслить будет совершенно по другому, или

субъектного сознания не будет вообще. Это полная потеря идентичности существующего человека. Но любые, самые бесспорные доводы не могут достичь сознания этих благородных спасителей человечества. Для них они, как и то, что люди умирают – «казуистика», а железным фактом являются их проекты вечной жизни¹. Поколебать эти взгляды никому не удастся, их можно только «капсулировать», вырабатывая соответствующее отношение: понимание причин, нередко заключенных в обстоятельствах социальной и личной жизни.

Другая часть имморталистов осознает, что личного бессмертия быть не может. Неявно подразумевается, что оно, собственно говоря, не будет и человеческим**. Поэтому вместо «жизни» они ведут речь о «бытии», вследствие чего различие между жизнью и разумом снимаются даже терминологически. Ведь разум, искусственный интеллект тоже реальны и в каком-то смысле бытийны. Не употребляются и понятия смерть-бессмертие. Обсуждается функционирование информации, в качестве ее носителя берут не мозг, а «машину Тьюринга» и т. п. Это *аналоговое моделирование проблем сохранения и передачи некой субъективности*, вернее, специфичности. О том, как оно соотносится с жизнью и повлияет на человека предпочитают не высказываться. Вопрос о бессмертии продуцируется здесь прежде всего научно-исследовательским интересом и, как в свое время заметил Э. Райс, «пахнет высшей математикой». Мироззренческий нейтралитет – суть технизма вообще, хотя объективно эта деятельность вовсе не нейтральна, что довольно быстро обнаруживается у технокраатов, склонных к философии.

Они уже намерены «переступить через человека» и пропагандируют идеи его самоуничтожения. *Философия бессмертия превращается в апологию смерти, но не сегодняшних индивидов, а человека как родового существа*. Отрицание жизни прикрывается заботой об ее продлении. Мироззренческие похороны человека обычно сопровождаются музыкой на тему его «открытости», необходимости преодоления пределов видовой биологической программы, ставшей помехой развитию техники и главным тормозом прогресса. «Если углубляющиеся вмешательства в естественные процессы способны вызвать

¹ См. например: Вишев И. В. Проблемы иммортологии. Челябинск. ч. I, 1993; Ч. II (в соавторстве) 1994; ч. III (научный редактор) 1996; Вишев И. В. От апологии смерти человека к его практическому бессмертию. //Вестник Южно-уральского университета. 2002.

цивилизацию из-под гнета биологических законов, уже в обозримом будущем ограничивающих ее существование, то жертва качественной определенностью ее нынешнего носителя – чрезвычайно высокая, но не запредельная плата за фактическое бессмертие»¹.

Здесь все довольно ясно, кроме, пожалуй, одного: *чьего бессмертия они жаждут*, желая умертвить «нынешнего носителя цивилизации», то есть человека? В пользу кого отвергается жизнь? Учитывая, что подобные идеи сопровождаются ими развенчиванием экологии и гуманизма, при одновременном воспевании компьютерно-информационной техники, становится понятно, что мы имеем дело с первыми идеологиями чисто машинной постчеловеческой цивилизации. «Роботы среди нас». В мировоззренческом плане в конце XX века случилось событие, начались процессы, может быть не менее значимые и драматичные, чем все бывшие до сих пор угрозы и вызовы человеку: «пятая колонна» машинообразных, до сих пор маскировавшаяся под человека, вышла на улицу и открыто подняла свои знамена. Хотя внешне это все еще люди, часто вполне симпатичные, их сознание похищено другим миром, а телесность, как у компьютерных наркоманов, лишь подставка, «держатель» информации. Вызов брошен. Противоречие между природой и техникой, естественной и искусственной реальностью персонифицируется, перерастая в борьбу естественного и искусственного разума. Духа и интеллекта. Человека «традиционного», живого – и «нового», техногенного. Все мы находимся в поле притяжения их разнонаправленных сил.

2. Катастрофа-2045:

в-падение в бессмертие и техницизм

Идеи изживания человека «по-научному» разрабатываются во всех передовых странах мира и чем эти страны быстрее и дальше продвинулись по пути прогресса, тем подобные идеи полнее воплощаются в (не) жизнь. В России они наиболее концентрированы и организационно оформлены в так называемой доктрине или движении «Бессмертие-2045».

¹ Назаретян А. П. Беспределен ли человек? // Общественные науки и современность. 1992, № 5. С.182. Монографическое развитие этих идей: Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М. 2004.

Чтобы их не пересказывать, быть может, невольно искажая, в качестве иллюстрации того что нами говорилось о бессмертии выше и еще скажем ниже, этот сгусток, экстракт, квинтэссенцию антигуманизма и технократизма лучше привести в «авторском исполнении». В его собственной искус(ствен)ной оболочке поверхностной демагогии, алогизма и недомыслия:

Манифест стратегического общественного движения «Россия 2045»

«Человечество превратилось в общество потребления и находится на грани тотальной утраты смысловых ориентиров развития. Интересы большинства людей сводятся в основном к подержанию собственного комфортного существования.

Современная цивилизация с ее космическими станциями, атомными подводными лодками, айфонами и сегвеями не способна избавить человека от ограничений физических возможностей тела, болезней и смерти.

Нас не устраивают сегодняшние достижения научно-технического прогресса. Наука, работающая на удовлетворение потребительских нужд общества, не сможет обеспечить технологический прорыв.

Мы считаем, что мир нуждается в иной идеологической парадигме. В ее рамках необходимо сформулировать сверхзадачу, способную указать новый вектор развития для всего человечества и обеспечить проведение научно-технической революции.

Новая идеология должна утвердить в качестве одного из приоритетов необходимость использовать прорывные технологии для совершенствования самого человека, а не только его среды обитания.

Мы считаем, что можно и нужно ликвидировать старение и даже смерть, преодолеть фундаментальные пределы физических и психических возможностей, заданные ограничениями биологического тела.

Учеными разных стран мира уже разрабатываются отдельные технологии, способные обеспечить создание прототипа искусственного тела человека в течение ближайшего десятилетия. Страна, которая первой заявит о намерении объединить эти технологии и создать работающий кибернетический организм,

станет лидером самого главного мирового технологического проекта современности. Этой страной должна быть Россия.

Мы считаем, что у нашей страны по-прежнему есть необходимый научно-технический потенциал, позволяющий реализовать столь амбициозную задачу. Такой проект сделает Россию мировым идеологическим лидером, а также возродит лидерство нашей страны в самых разных областях науки и техники.

Реализация этого технологического проекта неминуемо приведет к взрывному развитию инноваций и глобальным цивилизационным переменам, изменит уклад человеческой жизни.

По нашему мнению, не позднее 2045 года искусственное тело не только значительно превзойдет по своим функциональным возможностям существующее, но и достигнет совершенства формы и сможет выглядеть не хуже человеческого. Люди самостоятельно будут принимать решение о продолжении жизни и развития в новом теле после того, как все ресурсы биологического тела будут исчерпаны.

Новый человек получит огромный спектр возможностей, сможет легко переносить экстремальные внешние условия: высокие температуры, давление, радиацию, отсутствие кислорода и так далее. С помощью нейроинтерфейса человек будет способен дистанционно управлять несколькими телами различных форм и размеров.

Мы предлагаем реализовать не просто механистический проект по созданию искусственного тела, а целую систему взглядов, ценностей и технологий, которые помогут человеку развиваться интеллектуально, нравственно, физически, психически и духовно.

Мы предлагаем присоединиться к стратегическому общественному движению «Россия 2045» всем пассионариям: ученым, политикам, медийщикам, философам, футурологам, бизнесменам. Всем, кто разделяет наше видение будущего и готов совершить следующий эволюционный скачок»¹.

Мы не питаем иллюзий, что авторов и сторонников «движения в бессмертие» можно в чем-то переубедить, показав, что это будет катастрофа человека и бессмертие чего-то другого, не говоря о том, что сама идея бессмертия равноценна идее бессмысленного (не)существования.

¹Режим доступа: www.2045.ru/manifest

Но в тоже время не следует, не допустимо, нельзя молча, без оценки вос-принимать вульгарную ложь этих утопий. Самое страшное, однако, не в том, что они ложь, а в том, что это не утопии, а дистопии, которые осуществимы. Они ведут к результатам, противоположным тому, что обещают и чем соблазняют. Это не просто ложь, а **Великая Ложь нашего времени**. Совсем печально, что по мере роста технических возможностей ре-конструкции человека, требующих своей реализации, она увлечет за собой большинство и станет нормой. То есть «Истиной». «Реальностью». Смертельной истиной человека в (не)его бессмертной реальности. А надежду дает то, что есть другая возможность – говорить о ней как о лжи, есть люди, которые смотрят дальше своего носа и хотят оставаться людьми. Есть, кто способен понимать абсурдность выхода из антропологического кризиса путем уничтожения человека через замену другой формой бытия. Например, Льюис Мамфорд, один из выдающихся философов техники, которого вряд ли кто осмелится упрекнуть в непонимании значения новых технологий: «Вечная жизнь, – писал он, – где нет ни зачатия, ни роста, ни созревания, ни распада – существование столь же застывшее, бесплодное, лишенное любви, бесцельное и неизменное, как у царской мумии, – есть не что иное, как смерть, только в иной форме»¹.

Если концептуализировать оценку идеологии вечной жизни, данную Л. Мамфордом, экзистенциально и общефилософски, то в действительности, это будет наша «мертвая смерть». Или, как предвидел Ницше, возникнут «мертвые от бессмертия». *«Бессмертие-2045» – манифест мертвой смерти*. Которая служит, является способом ликвидации человека как родового существа. Она есть тот самый реальный механизм, посредством которого и происходит «конец света». Одно дело абстрактно пугать концом света, другое, видеть как он осуществляется на самом деле. Решиться на это гораздо труднее, нужно мужество и честность в отношении, как к реальности, так и к собственной судьбе. Способность взглянуть сфинксу в глаза, вместо перебирания волос на кончике его хвоста и ухода в обзорность, в рассказы про то, кто «за», кто «против» бессмертия, причем с одинаковым или «никаким» отношением к ним, а также прочего ученого праздномыслия. У-видеть, как культивируется, все шире захватывая сознание людей,

¹ Мамфорд Л. Миф машины. Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс. 1991. С. 97.

«мертвая смерть», конкретизацией которой является доктрина Бессмерти(е)-2045. И по(до)казывать, что сохранению человека на Земле служит «живая смерть», проект Бога, а не дьявола, сменяющая индивидов ради продолжения рода, придавая тем самым их существованию бытийный смысл.

Итак, к началу XXI века человечество «догадалось» о своей смертности. В целом, как рода. И множество людей, особенно в сфере науки стали мечтать о бессмертии: не в Боге и на небесах, как было веками, а техническом, на Земле. Посредством новаций-инноваций. Путем перехода на «кремниевую основу», в «виртуальные реальности», «жить в интернете», «стать гомутером», «голограммой». И лицемерных рассуждений в духе: смерть это бессмертная жизнь; живые будут жить без страха смерти; мертвые=неживые=техногенные, но с чувством жизни. Небольшое размышление, если оно честное и сколько-нибудь глубокое, показывает, что это – иллюзии или, сказать жестче, своеобразное «мышление не в своем уме». Став «бессмертным», человек перестанет быть самим собой. Потеряет идентичность живого. Бессмертие будет, но «Иного». Аватаров, роботов, матрицы ...

Хорошо бы эти новационные, простирающиеся вплоть до создания био или кремниевых имитаторов человека планы и тенденции, теоретически опровергнув, остановить, отвергнуть практически. Но, увы, процесс создания аналога человека, его «самозамены» симулякром, сначала «по частям», отдельных органов (почти все в той или иной степени воспроизводятся), а в последнее время и как целого, набирает обороты. То и дело объявляют о новых версиях человекоподобных роботов (последняя модель показана в Америке под именем “Frank” – циничный намек на когда-то пугавшего всех Франкенштейна), роботов, способных пройти знаменитый тест Тьюринга. Проверку на «людей». Туда же, как видим, устремилась и Россия, предлагая считать целью всего общества, его «национальной идеей» создание аналога человека. И не только предлагается, под «Бессмертие – 2045» собирают деньги, созываются научные конференции, идут работы в лабораториях, ведется пропаганда преимуществ будущего «трансчьюмана». Ни причитаний, ни воплей, ни плача или голошения как раньше или хотя бы утерли слезу, как сейчас, по умертвляемому=заменяемому человеку. Восторг и безмыслие. Ряды энтузиастов постчеловеческого бессмертия быстро растут, поток сообщений о достижениях в симуляции функций человека превращается в девятый вал.

В попытках при-остановить процесс этого самоотрицания полезно иметь в виду, что при более широком распространении, замена чело-веком самого себя, происходящая под флагом бессмертия, скорее всего, будет (должна) происходить под каким-нибудь промежуточным прикрытием, новым именем, которое сейчас усиленно ищут. Как обмануть себя – теперь главная забота идеологов техницизма. Разрешить противоречие: они – еще живые люди, поэтому, фактически призывая к смерти, должны обещать вечную жизнь. «Самый обыкновенный род лжи тот, – отмечал Ницше, – когда обманывают самих себя: обман других есть относительно уже исключительный случай»¹. Поскольку подобный самообман является условием их дальнейшей активности, любопытно, как его пытаются осуществить через манипуляцию языком. «Имя ожидаемого результата эволюции очень и очень важно. Пост-человечность ассоциируется с *бесчеловечностью, постчеловек – с нелюдью*. Названия «киборг» или «биоробот» также не являются подходящими, поскольку изначально соответствующие устройства предназначаются для того, чтобы выполнять волю человека, а их выход из подчинения рассматривается как катастрофа. Между тем, название «*техночеловек*» как синоним и обозначение новой стадии эволюции «*человека технологизирующегося*» не только лучше характеризует существующую направленность эволюции, но и больше подходит для создания положительного ценностно-эмоционального контекста, столь необходимого для формирования мировоззренческой программы технобиоразвития»². Мировоззрение нужно для программы технобиоразвития, а не человека! Сможет ли исполнить эту роль «техночеловек» и можно ли его вписать в гуманизм?

Имя, конечно, важно. Но еще более важна для технобиоразвития цель, обозначение перспективы. Этой целью как «последним другим», приманкой, за которой можно пойти куда угодно, и является идея «преодоления обезьяны» вплоть до состояния его/её бессмертия. *Прельщение* стало главным способом (само)зомбирования людей в русле идеологии бессмертия как ложного сознания техногенного общества. Вечно жить! Если мы эту идею признаем самой при(у)влекательной

¹ Ницше Ф. Ангихрист. Собрание сочинений в 5-ти томах. СПб., 2011. Т. 5. С. 319.

² Алексеева И. Ю., Аршинов В. И., Чеклецов В. В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека. // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 19.

целью человечества, тогда трансгуманизм, с его обещанием бесконечного продолжения конечного человеческого индивида, достигаемого в процессе универсальной эволюции, можно (по)считать высшим проявлением гуманизма, его наиболее полным, завершенным выражением. Вот оно, абсолютное благо. Достигнуто! Притом, что и волки сыты, и овцы целы. Трансгуманизм — это гуманизм?

Как видим, человека и идеологию гуманизма можно сдать, не отвергая его прямо, «не пороча» и не отправляя в состояние «пост», как это делается экстремистами трансгуманизма, или делалось всеми его адептами на начальной стадии, когда была поставлена задача скорейшей замены человека «трансхьюманами» и «постлюдьми». Теперь, по мере институционализации, эти идеи пропагандируются осторожнее. Прельщать надо основную массу людей. Поэтому они п(р)одаются и будут подаваться в маске гуманизма. Скорее всего «современного», обособывающегося необходимостью «улучшения» человека для его же лучшего будущего. Хотя с предупреждениями, указанием на опасности, оговорками и добрыми пожеланиями, что де-факто происходит в настоящее время в рядах философствующих, но, как уже отмечалось, «колеблющихся», «сомневающих» классических гуманистов. «Пока что, по крайней мере, человек еще не столь безнадежен, не успел стать марионеткой технического прогресса и, вообще говоря, сегодня нет сколько-нибудь убедительных свидетельств предопределенности именно такого вектора развития человека»¹ — пишет «главный», «официальный» на данное время философский антрополог России. (Заведующий Отделом комплексного изучения человека Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Человек»).

Итак, *пока что еще нет.*

Представляется, однако, что культивирование философии «еще не(т)», «пока что», «не успели», «да и нет не говорите» не служит сохранению ни гуманизма, ни человечества. Этот подход не позволяет противостоять идее, что «Человек должен быть свободным от ограничений биологической природы, смерти, гравитации» (Дм. Ицков), т. е. превращению в виртуальный кокон. При действительно ответственном подходе к собственной судьбе, всем кто чувствует себя человеком и хочет оставаться им, пора (по)смотреть правде в глаза: под флагом стихийного, неограниченного и ничем нерегулируемого развития технологий

¹ Юдин Б. Г. Что там, после человека? // Философские науки. 2013. № 8. С. 29.

человечество готовит некий, сначала себе равный, но потом, поскольку «прогресс не остановишь», по все большему числу параметров превосходящий себя артефакт. Который, поскольку технологии меняются непрерывно и этот артефакт с искусственным интеллектом можно просто переписывать на новые носители, будет бессмертным. Больше того, на создании «кибернетического человека» (КБЧ), предполагаемого доктриной «Бессмертие-2045» его энтузиасты задерживаться не намерены. О чем говорят уже сейчас, «еще не» достигнув намеченной цели. «Вместе с тем, возможен и более „запредельный“ вариант пост-постчеловека как живого универсального разумного существа (ЖУРС), при котором антропоморфность – лишь один из вариантов... Переход от сценария постчеловека как КБЧ к новому сценарию постчеловека как ЖУРС, позволяет поставить и решить проблему бессмертия на новом парадигмальном и технологическом уровне»¹.

Подобные радужные перспективы обсуждаются не в фантастических романах, а в текущих научных и философских текстах, постах, блогах, журналах. Они здесь и сейчас. По мере распространения трансгуманизма «вширь» и отказа от первоначального радикализма, его сторонники начинают верить, что дальнейшее развитие технологий «до ЖУРС-а» нужно опять-таки ради блага людей, т. е. гуманизма, который будет осуществляться через бессмертие даже «после них»!? И озабочены, как видим, подходящим «наз(ы)ванием» процесса осчастливливания постчеловечества на «новом парадигмальном и технологическом уровне»: КБЧ и ЖУРС в одном флаконе. Как при таких намерениях можно утешаться, что человек «еще не успел стать марионеткой технического прогресса»? Когда успеет, совсем будет поздно что-либо сделать, поздно даже разговаривать.

Во все это, конечно, было бы глупо верить. Нельзя верить. Это обман и (само)обман, с которым сколько-нибудь серьезно мыслящим людям надо бороться. Однако одновременно им надо решиться на самое трудное: набраться мужества и признать, что наряду с человеческой формой, существование разума возможно не только на живой основе. Он может не иметь образа человека. Безобразный разум на наших глазах появляется на Земле. Он будет не человеческим, *это нечто Иное*. И пора ставить, обсуждать действительно актуальный вопрос: как жить людям,

¹ Кричевский С. В. Космическое будущее человека и человечества: проблемы и перспективы. // Философские науки 2013. № 9. С. 40.

когда они будут «не одни». Как добиться положения, чтобы можно было сказать: роботу – роботово, человеку – человеческое.

3. *Mors creator vitae est****

Воспроизводя эту мудрость, я не собираюсь проповедовать некрофилию. Не буду присоединяться и к растущему числу «смертознатцев», танатологов и смертософов. Также не намерен призывать к вступлению в существующие почти в каждом большом городе клубы идейных сторонников самоубийства****.

Всплеск интереса к смерти как ценности самой по себе, к «мертвой смерти» и движение к техническому бессмертию противоположны лишь по видимости. *В обоих случаях в них отражается экологический кризис* как процесс неуклонной деградации биотической оболочки нашей планеты, подавляемой ноотехносферой, которую в таком качестве можно считать сферой смерти (некротехносферой). В технократическом сознании космос и техника представляются даже более живыми. «Техника может рождаться, развиваться, стареть, а может быть грудой железа; то есть она бывает «живая» и «мертвая» и разграничить ее состояния однозначно вряд ли удастся... Где-то в солнечной системе летит заблудившийся автоматический спутник, у него пропала связь, но все системы жизнеобеспечения исправно работают: на свету он раскрывает фотоэлементы, в тени он прячет их от метеоритов, включает и выключает двигатели, чтобы скорректировать уже никуда не ведущую траекторию и т. д. А на Земле каждое утро в одно и то же время встает человек, идет по одной траектории, если яркое солнце, он надевает темные очки, если идет дождь – раскрывает зонтик, за день человек выполнит еще много однотипных функций и так из года в год. И неизвестно у кого из них надолше хватит ресурсов и, самое главное, – кто из них живой, а кто мертвый»¹.

В самом деле, множество людей, встав с кровати и целый день бегая как озабоченные автоматы, сами перестают понимать живые они или мертвые. Абиотический синдром проявляется в дефиците жизни, угнетении инстинктов и желания жить, в депрессии, в распространении

¹ Щуров В. А. Новый технократизм. Феномен техники в контексте духовного производства. Нижний Новгород, 1995. С.21.

вместо реального эротического общения фантазийного онанизма, обесценивании родительских функций и т. д. Недавние идеологи сексуальной революции исполняют теперь «реквием по сексуальности». В духовном плане абиотический синдром выражается в потере смысла жизни... и в рассмотренных выше сознательных или бессознательных, откровенных, лицемерных, равнодушных или агрессивных теориях вечного бытия. *Чем безжизненнее, функциональнее, техничнее жизнь, тем больше всевозможных проектов преодоления смерти.*

Разумеется, что для смысложизненного, т. е. подлинно философского мышления идея бессмертия не может быть сколько-нибудь состоятельной. В экзистенциализме вопрос о смерти был, как известно, в центре внимания, притом, что бессмертие обычно имело характер отрицательной перспективы. Оно не только не прельщает, а пугает, угнетает. Не будем, из-за очевидности, обращаться к его классикам, они жили во время, когда практическая возможность достижения бессмертия была «теоретической» и не производила на сознание людей столь сильного впечатления, как сейчас, напомним взгляд на эту проблему более близкого нам автора, М. К. Мамардашвили. В небольшом эссе «Вена на заре XX века» он обращается к метафоре Евг. Трубецкого из его книги «Смысл жизни»: «Ад – это вечная несмерть». Мучение в том, что «ты повторяешь одно и то же, бежишь не добегаешь... – вечный бег в аду, наказание тягомотины... Как в вязком кошмарном сне: разыгрывается все время одна и та же история, и так без конца, т. е. нет смерти, которая бросила бы след завершенного смысла на происходящее»¹.

Для тех, кто не подвержен утопическому прельщению и не спешит превратиться в роботообразное, хочет остаться человеком, отношение к естественной смерти может только одно: позитивно-трагическое. Каждый должен бороться за то, чтобы ее отсрочить, однако в пределах и способами жизни. Дальше надо признавать право следующих поколений занять место тех, кто был. *Признать необходимость обновления мира.* Это экологично, гуманно и нравственно. Мужественно и честно. Справедливо. «Живая смерть» – закон природы, выражение диалектики развития. Суть отрицания индивидов, – подчеркивал Гегель, – в противостоянии отрицанию рода. «Умер отец его – и как будто не умирал, ибо оставил по себе подобное себе» – трактует

¹ Мамардашвили М. К. Вена на заре XX века. // Независимая газета. 20 октября 1991.

Библия. В детях – в идущих от корня ус(ын)ах (сыновьях) и отсаживаемых в другую семью до-черенках (дочерях) выражается бессмертие живого человека. Жизнь есть то, что претерпевая смерть в себе, через нее сохраняется. Всякая другая форма продолжения жизни ликвидирует ее саму. Будет, соответственно, появление чего-то другого. Зд(о)равомыслящему, т. е. от имени и в интересах жизни, человеку это представляется очевидным.

Но как быть с искусственной реальностью?

Она существует как бы за пределами смерти. Берег бессмертия. Однако нам, живым людям, по отношению к ней надо поступать со своих позиций, быть последовательными. Естественное вытесняется искусственным, техника имитирует жизнь? Так надо имитировать как можно глубже, до конца. Полный кругооборот природы предполагает гибель, переход в инобытие всех ее форм, их преобразование в качественно иное состояние. Соответственно, искусственное воспроизведение цикла жизни должно включать воспроизведение ее смерти. Разрушение, уничтожение вплетены в жизнь как самый фундаментальный фазис ее обновления. Значит, *нужна искусственная смерть*. Надо разворачивать деятельность по ликвидации результатов деятельности. Если центральную для экологии идею безотходного производства понять в ее полноте и законченности, то она предполагает ликвидацию всего произведенного и его превращение в сырье для другого производства. Замкнутый технологический цикл должен распространяться на сферу искусственного в целом, постепенно перерастая в кругооборот. А бороться за это надо под лозунгом: *смерть искусственному*. Подобно естественному, оно тоже должно преобразовываться в инобытие, уничтожаться – умирать. Тогда вторичное сырье превратится в первичное, а природа будет служить для подпитки этого «естественного» кругооборота искусственного.

Стихийно такого рода факты порождаются самой практикой. Наиболее наглядно – в военной области. Там разворачиваются целые новые производства по уничтожению средств и продуктов производства. Разоружением, конверсией заняты миллионы людей, в них вкладываются миллиардные капиталы. Деятельность по разоружению становится постоянным занятием и забот по уничтожению ядерного, химического, биологического оружия, не говоря об «обыкновенном», хватит на долгие годы. К тому времени устареют, потребуют смены те новейшие виды оружия, особенно космического, которые сейчас

параллельно разрабатываются. В атомной промышленности, которую в плане опасности можно относить к военному ведомству, ликвидация радиоактивных отходов и сооружений становится задачей № 1 (№ 2 – их создание). «Ликвидатор» будет, по-видимому, почетнейшей профессией XXI века.

Те же тенденции в гражданской сфере: в Нью-Йорке взрывают, пускают под бульдозер вполне пригодные для жизни дома в 10–12 этажей, чтобы на их месте построить небоскребы. Это считается рациональным, потому что небоскребы более комфортабельны, занимают меньше места, а кроме того открываются дополнительные возможности для деятельности архитекторов, строителей, появляются рабочие места для сотен тысяч трудящихся. Реконструкция в российских городах улиц, особенно «хрущевок» относится к тому же роду активности. Известно, что современные технологии устаревают через 3–7 лет. С аналогичной скоростью целесообразно оборачивать и основанные на них производства, строя новые предприятия. В принципе можно сносить целые города, агломерации. И возводить другие, но на прежнем месте. Главное – использовать искусственное как сырье – оно не должно оставаться в отходах, и создавать новое на использованных территориях – они не должны оставаться загрязненными. Мир стал абсурдным. *Абсурд надо погашать абсурдом.*

Также и в сфере идеального. Способность отторгать, забывать информацию, сохранять хотя бы островки непознанного, непосредственность и наивность, спонтанность и невежество становится условием здорового развития человека. Тайна – корень индивидуальности. Множество видов информации, книг, картин, фильмов заслуживают уничтожения как повторяющиеся или прямо опасные в своем количестве. Нужно сохранять, отправляя в архив, только их представительские экземпляры. Важно вовремя *подвергать умиртвлению, «самостиранию» различные теоретические системы и концепции.* Контркультурное движение, неомистизм, традиционализм и прочий «постпостмодернизм» не зря возникли в самих перенасыщенных искусственным странах – во Франции, в Европе. Но истребление культуры, борьба с образованием и рациональностью, наукой и техникой не должны быть варварскими – здесь нужно понимание. Чтобы творчество разрушения не превратилось в разрушение творчества, прежде всего живого.

Искусственное, как и природа, должно непрерывно пре-вращаться, для чего и нужна имитация жизни в полном объеме, включая смерть.

Это циклизм, но существующий не в идеях, а на деле. Благодаря этому перед человечеством открывается огромное поле деятельности по переделке сделанного. Потом новая переделка. В принципе до бесконечности, однако, это процесс внутреннего, а не дурного развития. Таким образом, люди решают самую трудную проблему супериндустриальной постмодернистской цивилизации — *занять себя, ослабить удушьяющую хватку технокультуры, накопленных средств, знаний и богатства*, которую они набрасывают на жизнь, чувственность, любовь и естественное мышление. Материальное и информационное производства приобретают собственную цель, автономное дыхание, а деятельность — новые каналы реализации, которые примут в себя ее напор, что особенно значимо в случаях, когда она непосредственно угрожает жизни. Давно существует искусство для искусства, появляется наука для науки, пора культивировать деятельность ради деятельности. Новации ради новаций, без их воплощения в действительность. *Без инноваций*. Культивировать Игру, которая позволила бы человеку встать рядом с ней. Над ней.

Вопросы бытия не решаются одними запретами. Не решаются они и попустительством. Знание где подтянуть, а где ослабить, когда «собрать или разбрасывать камни» — это важнейшая методологическая предпосылка коэволюции Человеческого и Иного как стратегии жизни в обстановке абиотической экспансии искусственного. Однако те или иные способы выживания могут быть реализованы, если кроме знания и понимания узким кругом озабоченных специалистов и экологов они будут поддерживаться основной массой людей. Они должны быть воплощены в определенные организационные формы. Нужно общество, которое бы их «принимало», соответствующее образование и воспитание населения. В том числе и в плане понимания необходимости обновления жизни как условия ее продолжения. Нужна диффамация, разоблачение, ограничение идеи технобессмертия как порождения неглубоких, поверхностных, «подростковых» умов. *Нужна экология смерти*.

Бессмертие как предельная обобщающая ценность в иерархии благ, которые проистекают из «усовершенствования людей» является главным прельщением и прикрытием трагизма их начавшегося технического перерождения. Но даже если отвлечься от факта, что жизнь существует через смерть, а вид через смену индивидов (*More creator vitae est*), согласившись с возможностью бессмертия, мы сразу сталкиваемся

с тем, что это будет сущностно другое существо, или «вещество-техщество». *Другой природы*. Без души, без наших надежд, страхов, радостей и смыслов, у него будет иное отношение к своему Я, да и что такое Я, которое существует вне времени? Оно и мыслить будет совершенно по-другому, или субъектного сознания не будет вообще. Это полная потеря идентичности Homo *vitae* sapiens и его превращение в роботообразное, у которого ничего человеческого не останется. Если это «жизнь в Сетях», то для нее не нужно ни размножение, ни пища, ни воздух. Эмоции, «привычки жизни» ему не нужны, потребностей, чувств и влечений у него нет. Говорят, что он будет их «помнить». Но зачем, где мотивы их иметь и сколько будут помнить, даже если захотят? Тогда зачем маскироваться под человека, к тому же ограниченного по способностям к мышлению и вычислению, или по количеству рук, ног, а может быть колес. Это «оно» будет стремительно (у)совершенствоваться вслед за сменами технологий, поколение за поколением уходя в техно-нано-виртуально-космическую даль. В дурную цепь перемен, не зная на чем остановиться. Все разговоры, идеи и проекты бессмертия при намерении сохранить этого, данного «нас-человека» – пустая благо(зло)намеренная демагогия, предназначенная для самообмана и обмана насчет положения, в котором мы в настоящее время находимся и куда идем. Миф бессмертия – самый великий и страшный миф нашего времени. Потому что, поставленный на практико-техническую почву, он, в отличие от жизнеутверждающих мифов старых веков, превратился в смертоносный. *Смертельный!*

«Нет, будущее оставляет мало надежд для тех, кто ожидает, что новые механические рабы создадут для нас мир, в котором мы будем освобождены мыслить, – писал на заре Великой Информационной Революции ее великий основатель и творец будущих роботов Норберт Винер. – Помочь они нам могут, но при условии, что наши честь и разум будут удовлетворять требованиям самой высокой морали». ¹ Как видим, осуществляется, и даже больше, намного, невообразимо больше того, что он предвидел в плане техники, и совершенно наивной утопией предстают его надежды на «нашу честь и разум», которых, если идти в русле main stream прогрессивной идеологии, люди почти лишились. И радуются этому, мечтая лишиться окончательно. Отстаивают «честь и разум» те, кто вне прогрессистского инновационно-технического движения,

¹ Винер Норберт. «Творец и робот». М., 1966. С. 80.

все еще остающаяся в здравом уме некоторая часть ученых и людей культуры, обыватели отсталых стран, гуманисты, маргиналы и консерваторы. Надолго ли их хватит перед фактом скорости, с какой на лик человечества напоздаст, покрывая его, смертельная маска бессмертия?

О «бессмертии по-научному» было простительно мечтать, пока не появились реальные роботы с искусственным интеллектом. Теперь видно, что это будет состояние, при котором «бессмертный человек» становится низшей, исходной ступенью в иерархии саморазвития технических форм разума. Для живого человека это смерть в маске бессмертия. «Смерть по-научному». И не Души будут бессмертными или переселяться в «новые тела», а некие примитивные, минимальные в сравнении с/на электронно-кремниевых носителях квантами информации, «складки», «концепты» и «персонажи» Сети. Ничтожные капли в Океане виртуального мира. Об угрозе подобного развития событий, об амбивалентности прогресса, о возможностях или невозможности другого пути развития и вообще, какого-либо выбора, человечеству, хотя бы его думающей части, интеллигенции, казалось бы, и надо теоретизировать, спорить, заботиться. По крайней мере, в философии. Но, увы...

Не прогресс, а гомеостазис, оптимизация по критериям продолжения своего бытия как особой системы – вот непосредственная задача современного человечества, попавшего в пограничную ситуацию параллельного возникновения иносущего. Регулирование его развертывания: *“Manage/Controlled the development” (управляемое развитие)*. Только тогда оно будет служить устойчивости, т. е. сохранению того, что развивается. Этот лозунг должен прийти на смену лозунгам самоценного про(транс)гресса, патологического комфорта и сверхпотребления. Не лучше было бы людям, если бы исполнялось все, что они пожелают, – говорил Гераклит, рассуждая, что есть благо человека. Непрерывные перемены, реформы ради реформ, стихийный инновационизм, наращивающий во всех сферах искусственное и техническое, суть выражение «воли к смерти». Или безволия, непонимания ситуации, в которой находится человечество. Чтобы сохраниться надо – для начала – понимать. Это относится к сфере мировоззрения и задачам философии. Дальнейшее условие – проявление воли к жизни в действии. И тогда: да здравствует (хай, живе!) Традиция Человека, если и насколько у него хватит Благоразумия. Это абсолютное условие продолжения существования на Земле существ рода

Человек. Хотя, конечно, не единственное. Сохранят ли они способность к общению, язык, который, наряду с трудом (или данным Богом как Слово) сделал их людьми – вот следующий вопрос. Тоже фундаментальный, и тоже роковой.

Примечания

* Наиболее обстоятельный обзор представлений и разных точек зрения о смерти и бессмертии в современной литературе дан, по нашему мнению, в статье: Фрумкин К. Г. Бессмертие: странная тема русской культуры. // Новый мир. 2012 № 4. Опираясь на него, нам данный раздел можно бы сильно сократить. Больше ссылаться. Но дело в том, что «мастера обзоров», даже таких объективных и полных, как упоминаемый, уклоняются от определенности собственных взглядов на проблему. Это не может быть действительной целью теоретика. Нужна позиция.

** Как на типичный пример данного подхода можно указать на работы Б. М. Полосухина «Феномен вечного бытия». М., 1993; Тьюрингова модель сознания. М., 2004.

*** *Mors creator vitae est* (Смерть созидатель жизни – лат.). Это канонический пример диалектического мышления древности, к сожалению, уже недоступного представителям господствующей сейчас философии поверхностного позитивизма (философии науки).

**** Известное мне подобное объединение в Нижнем Новгороде, именуемое себя «Акт», стремится «к осуществлению Главного Творческого Акта своей жизни и жизни человечества – уничтожению человеческой цивилизации. Главный принцип, выбранный активистом – беспринципность. Цель оправдывает любые средства, ибо мир беспринципен в своей самозащите». // Из присланной на мой адрес (анонимно, без обратного адреса) программной листовки клуба.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В КОНЦЕ БЫЛА ЦИФРА...

ГЛАВА I

Язык людей: от крика к тишине

1. Высокий полет и (при)знаки падения

XX век в сфере знания – время конца мира субстратов, вещей, сущностей и перехода к миру отношений, функций и системо-структур. В собственно философии время вытеснения онтологии субстанциализма гносеологическим трансцендентализмом и априоризмом. Все явления и вещи превратились в узлы пересечения отношений. Качественно несоизмеримые виды бытия, включая оппозицию материи и духа, стали отличаться друг от друга не более чем по уровню организации. Стали соразмерными и, следовательно, соизмеримыми и, следовательно, количественно выразимыми, а в исследовательской перспективе – транс(дисциплинарными) и когнитивными. В теоретическом мышлении произошел антисубстанциалистский структурный поворот, который правомерно считать предтечей информационной революции.

Однако живой, чувственный мир не сразу или не до конца улавливает(л)ся абстрактными структурами. Тогда на помощь познанию пришло обращение к языку. Это естественная структура, изначально используемая человеком для овладения реальностью. Именно он(а) формирует картину мира. Еще чувственную, но уже организованную мыслью. Мир не только вы-является, но и конструируется. «Конструируется». Соответственно, в познании язык, занимая место природы, становится главным объектом и одновременно инструментом

исследования. Две противоположные по направленности знаковые фигуры философии XX века – Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера объединяет пафос языка. «Границы моего языка определяют границы моего мира» – объявил логик и позитивист Л. Витгенштейн, предлагая рассматривать любую философию как аналитику языка¹. Эта фраза стала крылатой. «Человек – есть человек, – утверждал онтолог и экзистенциалист М. Хайдеггер, – поскольку он отдан в распоряжение языка и используется им (языком) для того, чтобы говорить на нем»². Это означает, что не столько мы владеем языком, сколько язык владеет нами и действует через нас. Лингвистика стала лидером в философии, вообще в представлениях о человеке и его мире. На доказательстве универсальности языка, когда вещи, да и сам человек рассматриваются как «пересечение языковых практик», передовые гуманитарии XX века истерли все свои языки. Великие языки. Тезис, что мир – это отношения и язык, язык – «наше все», приобрел статус непреложной истины.

Структурно-лингвистический поворот похоронил метафизику, хотя, разумеется, ее пережитки, их носители в философии и филологии, шире, в культуре – остались. Продолжая коснеть в своем субстанциализме, реализме, антропологизме, историзме и прочих «квалиа», они, выговаривая себе право на параллельное существование, тем не менее, не осмеливались оспаривать первичную роль языка в жизни и познании, критиковать его глобальную экспансию.

Но... ничто не вечно под солнцем. Угроза языку пришла неожиданная, с противоположной стороны. После вступления мира в эпоху постмодерна, философским выражением которой стал *постструктурализм*. Постструктурализм, не означая реванша вещиности и отказа от структур, «снял» их, преодолев синхроническую ограниченность, введя в отношения время (синергетика), а в отношении метафизики, наоборот, еще более углубил борьбу с ней, доведя антисубстанциализм до логического конца – изгнания из самого мышления: удалили субъекта. Первоначальная форма постструктурализма – деконструкция. Сначала направленная на метафизику бытия (анти-тео-онто-этно-фоно-фаллоцентризм = анти-бог-природа-культура-эмпирия-телесность), она

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. – М., 1994.

² Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 2011 С. 162.

завершается анти-лого(с)центризмом, т. е. лишением статуса бытия человеческого сознания. Смерть автора, субъекта, в конце концов, человека, как носителей логоса для постмодернистской идеологии медицинский факт. Но язык до сих пор остается в стороне. Человек (субъект) умер, а его язык будто бы живой, логос (сознание) дискредитируется, а будто бы не имеет к языку отношения. Распространение текстуализма не оценивается как начало подрыва языка. Ж. Деррида выдвинул постструктуралистскую программу моделирования мира посредством «письма», объявив его «архе», первичным по отношению к слову и речи. Ее пересказывают и восхваляют, не соотнося с тем, что *она направлена на окончательное преодоление языка*. До сих пор не осознано, что это его смертельный враг. Как и человека. Идея постлингвизма пробивается с трудом, слишком долго языковая картина мира, анализ языка были олицетворением прогресса, символом последнего слова в гуманитаристике. Для подавляющего большинства ее философствующих и филологических представителей так и остается.

Но крот истории копает, двигаясь из глубин бытия вверх, к «концу», в область, на свою погибель, чистого, больше не обусловленного никаким чувственным субстратом разума. И добрался до (кто бы мог подумать!) языка, как парадигмы нашего познания. Посягая на величи(ну) е, подгрызая теоретическую репутацию языковой парадигмы, он стал подрывать ее жизненную силу. Пошли странные разговоры о «признаках увядания традиционной сигнальной системы» и «конце библейского проекта». В искусстве художественной задачей концептуализма стал «выход из плена языка». Священную корову начали профанировать, как часто бывает, изнутри – ее предатели, филологи, к которым присоединяются дилетанты извне (новации быстрее всего воспринимают люди поверхностного ума). В качестве последнего слова о языке появились сомнительные выкладки типа: «чем ниже умственное развитие человека, тем его картина ближе к языковой; и наоборот, чем выше умственное развитие человека, тем его картина мира дальше отстоит от языковой» (? – В. К.)¹.

Вброшена идея некоего «антиязыка» (?? – В. К.), о содержании такового, правда, кроме того, что «это совокупность классов антислов,

¹ Блох М. Я. Язык и мир. // Вестник Российского философского общества. 2011. № 4. С. 115–116.

номинарующих референты, которые нельзя поименовать с помощью естественного языка»¹. ничего вразумительного ее пропагандисты сказать не могут, даже словами. Пишущий данные строки автор тоже внес лепту в подрыв влияния языковой философии, объявив, без развернутых доказательств, что «произошла структурно-лингвистическая катастрофа: смерть языка и индивида (???) – В. К.»². Да отдают ли отчет они, эти люди (из басни И. А. Крылова) на что и какие эпохальные завоевания человеческой мысли посягают? Вот, однако, в подкрепление им, аргумент, который не спишешь на эпатаж мелкокаллиберных теоретиков: в филологии структурную лингвистику почти вытеснила лингвистика когнитивная. А «когнитивность», если к этому слову относиться всерьез, означает формализуемость, математизацию, информатизацию. Вряд ли при таком подходе язык-слово будет чувствовать себя уютно. «Когнитивная лингвистика» – не оксюморон ли это!? Вопросы, на которые, не претендуя на собственно лингвистический анализ, мы будем пытаться отвечать, рассматривая *отношения языка с человеком*.

2. Язык т(ч)еловека: речь-рукопись/мо

Язык, я-зык, зычить, я-звык, я-звук, звучать. Горло, говорить, орить, орать. До того как язык стал Словом, которое было «в Начале», а потом любой коммуникацией, которая стала «Всем», «в начале был Звук». К-рик, рык, ры(е)чание. *Голос*: вой, стон, рев и т. п.

Он превратился в человеческий, когда принял форму несущей смысл речи, из-вещавшей о состоянии мира или того, кто прежде ревел, выл, стонал и кричал. Форму со-обще-ния. Возник Человек, мыслящее животное. И язык – в базовом смысле этого слова, как звучание, артикулированное смыслом. Тождество и различие из звуков, комплексы звуков, фонема. Как от(вы)ражение разделения окружающей реальности и своих переживаний на вещи и отношение к ним. С криком и из крика, подавляя, оттесняя его «вниз», остаточное превращая в интонацию

¹ Нилогов А. С. Философия – это сплошной ressentiment. // Кто сегодня делает философию в России. – М., 2007, с. 175.

² Кутырев В. А. Крик о небытии // Вопросы философии. 2007. № 2, С. 74.

и между(о)метия, из голоса возникло Слово. Организованная связь фонем. Вы-сказы-вания. Речь. *Человек говорящий.*

Человек и кто говорит – сотни тысяч лет было одно и то же. Верно и наоборот: кто говорит, тот и человек. Определение сущности человека по труду или сознанию есть теоретизация. Феноменологически, «для глаза» люди отличались от прочих существ по внешнему облику, а для слуха по владению словом. При встречах с дикарями первым определителем их человеческого статуса была речь как звучащее слово. Да что с дикарями: «Слово, – определяет В. И. Даль, – способность человека выражать гласно мысли и чувства свои». Тысячи лет слово было живым. Слова, крики, пение-говорение: (что вижу, то и пою) – это форма бытия, переживание мира, непосредственное отношение к нему. Язык = голос, речь. Логос = смысл, слово. *Человек мыслящий.*

Первоначальный логос не сводился к логике, мышлению или «установлению коммуникации с другими людьми», как стали трактовать позднее. Он был «телесным». В языке-речи-логосе человек проявляется как целостное, не только рациональное, но чувствующее, желающее существо, с душой и волей. Кроме очевидной этничности, слова имеют пол, они мужского или женского рода, возраст, молодые или старые, передают настроение, красивые или вульгарные, злые или добрые. Словом-проклятием лишали жизни, убивали человека буквально.

К живому логосу можно отнести все способы непосредственного сообщения людей о мире и своем положении в нем. Прежде всего состояние тела, позу и поведение. По статусу они похожи на крик, общий людям со всеми животными. Собственно человеческое, отличное от животных поведение и поза выражаются в жестикеуляции. Жест – намеренное движение тела, оно, как и слово, артикулировано смыслом. Язык жестов не голос, но им «говорят», он не звуковой, а «видовой», отсюда его пространственная ограниченность в передаче своего состояния другому, тем не менее, это орган чувств и мысли, присущий только человеку. Животные не делают «жестов», также как не говорят. Жесты – тоже логос. Они тоже продукт культуры, имеют пол, национальность, возраст. Ими можно унижить, оскорбить. В обоих случаях главный признак языка и как живого слова, и как жеста – непосредственная связь с телесностью, их включенность в бытие человека «здесь и теперь». В греческих евангелиях Логосом именуется вопло(ть)щенный Бог. *Христологос.*

Существование языка как звучания, (из)уст-ного слова и телесного жеста, рассуждая формально-логически, длилось до появления письма. Письмо – руко-пись, «ручное слово» означает, что смысл научились выражать не только позой, в звуке, но и графически. В дополнение к звуку. В реальной истории они существ(овали)уют вместе и сейчас. Письмо – одежда речи. После ночного первобытного сна цивилизованные люди од(н)еваются. С другой стороны, все что написано, долго читалось вслух. При обучении грамоте, ребенка буквально до последнего времени с трудом отучали от шептания. Писать в молчании, читать «про себя» – это высший уровень овладения грамотой. Буквы также проговаривались как слово, «полностью»: аз, буки, веди, глаголь, добро... Став абстрактными знаками, они продолжают нести отпечаток звучания: «Звуки на «а» широки и просторны, звуки на «и» высоки и проворны, звуки на «у» как пустая труба» (© Д. Бурлюк). Язык отождествляется с речью, «пароле», жестами, или в целом, телесная речь рассматривается как его суть до тех пор, пока он считался «непосредственным посредником» между человеком и миром.

Кроме проговаривания, буквы при обучении письму долго сопровождались рисунками наиболее распространенных предметов, названия которых начинаются с данной буквы. Иллюстрировались слоги, слова, фразы. Детское чтение, наряду с буквами, «по определению», предполагает картинный ряд. Для облегчения восприятия смысла взрослыми, с некоторых пор возникли комиксы, своего рода феномен неоархаической деградации языка. Это говорит о родстве «звукового письма» с идеографией, рисунками и иероглифами, второй могучей ветвью в развитии языка. В лингвистической философии их часто против(со)поставляют, для чего есть веские культурно-исторические основания. Но именно культурно-исторические, инструментальные, а не сущностные, не субстанциальные. Их природа все-таки едина. Это подтверждается тем, что иероглифическое письмо постепенно трансформировалось от рисунков к знакам. Если, например, китайские иероглифы сохраняют сходство с обозначаемым предметом, то в заимствовавшей их японской письменности, они приближаются к абстрактным буквам. Идеографика противостоит «языку рта», но в едином континууме телесной речи. Все это «ручной труд/язык».

Однако, хотя слово-голос, руко/письмо и графика обуславливают друг друга, в их целостности всегда был зазор, трещина. Которая,

в ходе развития хозяйства, требовавшего усиления роли письма, стала расширяться через отчуждение языка от человека. Потому что написанное способно жить собственной жизнью. Слово тоже, «вылетит, не поймашь», но создатель письма уже намеренно отправляет его в будущее. И эти словесные «консервы» хранятся неопределенно долго. Сразу или через некоторое время ими может воспользоваться сам автор, другие их потребители, иногда в течение и после многих веков. (По)явление письменности имело рубежное значение для превращения человеческих отношений из непосредственных в вещные, формирования из общин общества, победы культуры над природой и становления единой истории человечества. В настоящее время трещина между звуковым и письменным языком расплзается до разлома, пропасти, на одной стороне которой остается человек, а на другой – язык. Первый теряет вербальное слово, все больше ограничивающееся сферой быта, второй обретает самостоятельное бытие, самоубийственно трансформируясь в нечто иное.

Эта разверзающаяся пропасть результат возрастания сложности и экономической эффективности социально-исторического развития. Существование языка «т(ч)еловека» в виде звуковой и жестовой речи, а также нарисованных знаков является атрибутом традиционных обществ. Длилось оно, если всю человеческую историю принять за сутки, 23 часа (условный образ, не статистика). Многие короли Средневековой Европы едва умели поставить подпись под указом, а около половины человечества и в настоящее время, в свой последний час, не умеет писать. Кульбиты, которые проделывал Ж. Деррида, чтобы обосновать первичность письма перед речью и рукопись-мом являются ярким примером, что факты для теоретика, при его сильном желании, особенно с благословения соответствующей (постмодернистской) идеологии, не играют никакой роли. (Подлинный смысл концепции «письма до письма» мы покажем далее, это одна из главных, фундаментальных основ лингвистической контрреволюции; или «контрлингвистической революции»). Однако развитие процесс нелинейный, состоит из многих накладывающихся друг на друга, перев(л)ивающихся потоков. *Бесписьменное время продолжается до сих пор, и в тоже время оно осталось в истории – преодолено.* Verba volant, scripta manent (Слова улетают, написанное остается (лат.)). Решающим фактором здесь стало появление книгопечатания как индустриальной формы письма.

3. Язык без человека: печать-текст

Печатный станок изобретен в XV веке, но в сущностном смысле печатная книга феномен Нового времени. Как фабричное производство и массовый продукт вместо натурального хозяйства и кустарного труда. В отличие от рукописи, которая согрета дыханием и пахнет создателем, в печатной книге он отражается условно, мысленно, «указывается». Ничего чувственного их не соединяет. Книга не рождается и размножается, а множится и распространяется. «Тиражируется». Если руко/письмо – это язык, потерявший фоноцентричность, переставший быть голосом, то печать – это письмо, переставшее быть эмпириоцентричным, потерявшее связь с телесностью автора. Благодаря печати возникает особый, не существовавший ранее в мире способ материализации духа, неорганическая форма его бытия. Не в вещах, как было прежде, а на самостоятельной основе. Возникает новый физический носитель духа, притом, что автор, его живой прототип, в нем умирает. Но все-таки «как бы умирает». Не вообще, а как конкретный эмпирический индивид, и пока «клинически». Потому что в принципе, в какой-то момент он может ожить, озвучить печатное слово, удостоверить его автографом: «сам писал». Для полной, смысловой смерти и «бесчеловеческого» функционирования языка надо (было) дойти до расширенного понимания книги, которое, в дальнейшем привело ее (обычное коварство диалектического развития) к самоотрицанию.

Естественно полагать, что идея несводимости языка к контактному общению индивидов, к «автору», возникала в результате расширения связей между народами и росту знаний. В философии впервые она была высказана Декартом, особенно отчетливо Лейбницем. Потому что язык, превратившийся в письмо, потом в распространяющуюся по всему миру печать, преодолевает пространство и время, приобретая всепроникающий характер. Глобализуется. Это внешне, экстенсивно. Но и внутренне, в сознании людей он начинает представлять не только как способ жизни, орудие мышления и общения, а как некое состояние реальности или, по крайней мере, свойство бытия. Сущностное. Первичен разным образом воплощающий мысль язык, остальное – видимость. Данный процесс, нарастая, развертывался в течение всего Нового времени, его пик влияния приходится на его

конец и наступление «Новейшего», назвавшего потом себя эпохой пост-модерна. Это состояние, когда в теоретической трактовке мира язык стал всем, а гора книг достигла высоты Эвереста.

Достигла и... вдруг, будто в результате землетрясения, по историческим меркам внезапно (так и сейчас, в нашем тексте), она начинает рассыпаться, язык, «наше все» – терять значение. Особенно в современной научной практике. Эта потеря по-настоящему не оценена, хотя библиотеки на глазах пустеют, место письменных столов и книжных полок в квартирах занимает разного рода аппаратура. Хотя бесписьменных людей на Земле миллиарды, а пишут и читают миллионы, книга, рукопись/мо, а вслед за ними и дописьменный вербальный язык, в качестве способа общения утрачивают перспективу. *До(бес)письменное время, руко-пись/мо и книга, существуя до сих пор, в то же время остаются в истории – преодолены.* Перестали быть «прогрессивными», уходят в традицию. Вместо них, на их основе, оторвавшись от человека как родового существа, теряя связь с ним, возникает некая самооценная «система знаков». Как реальность. *Реальность текста.* Перерождаясь, язык становится текстом. Языковый, структурно-лингвистический поворот облекается в форму текстуального. С одной стороны, язык продолжается, а с другой, он(а) его «снимает».

Текст тоже язык, но как сухое молоко или винный порошок в сравнении с вином и молоком, он нечто особое, о-без-жизненное, со всеми вытекающими отсюда потерями и преимуществами для распространения. Возгонка языка в текст, омертвляя его, одновременно делает универсальным. Если эмпирически мыслимый язык, пусть всеобщий, невольно заставляет нас вспомнить о человеке, то текст избавлен от последнего на всех уровнях. У текста как бы один автор и потому нет конкретных авторов. Он тоже книга, но разросшаяся до Библи(и)отеки, описывающей весь мир. *Вместо мира*, в котором больше нет необходимости. Текст не «вещь» и не отражение чего-либо. Он бессубстратен, включая наиболее абстрактную форму субстратности – пространство. Это реальность как чистая среда чистых отношений. Вселенная текста просторна и однородна. Кругом знаки, знаки, знаки. Вещи? Это «неудачное наименование знака». Человек, личность? Это «самоинтерпретирующийся текст». *«There is nothing outside of the text»* (вне текста ничего нет) – вот альфа и омега текстологии.

Разумеется, представления о тексте менялись. Вначале он был действительно приравненная к реальности «абстрактная книга»,

многомерный язык-структура. Некий гуманитарный аналог будущей информационной картины мира – «гуманитарный информатизм». Подобно информации, которая до изобретения компьютеров и интернета рассматривалась как «информация о» (чём-то), текст первоначально тоже представал как высшее выражение структурно-лингвистического подхода. Без времени и динамики. И пока он был в качестве «большой книги», «всемирной библиотеки», устойчиво организованной системы знаков, хотя бы и без означающего, говорить о «текстуалистском повороте» как принципиально новом этапе в развитии человеческой ментальности вряд ли оправдано. Это событие надо связывать с возникновением *пост*структурализма, в контексте которого представления о тексте стали напоминать нечто иное, в сравнении не только со звуко-графическим, но и печатным способом существования языка. Появляются понятия «мягкого текста», гипертекста, интертекста. Текстология становится переходной формой опять к «письму», хотя не рукописному и не индустриальному, а другому. Постиндустриальному. Какому, если определеннее? Иноформационному. Какому, если конкретизировать?

(Приближаясь к ответу на этот вопрос, постструктуралистскую текстологию лучше (будем) называть текстуализмом).

Возникновение собственно текстуализма, его отличие от предшествующего метафизического философствования, а потом и структурализма отчетливо зафиксировал Р. Рорти в удачно озаглавленном очерке «Идеализм девятнадцатого и текстуализм двадцатого веков». «В прошлом столетии были философы, доказывающие, что существуют лишь идеи. В нашем столетии есть авторы, пишущие так, как если бы существовали лишь тексты. В число этих авторов, которых я буду называть текстуалистами, входят, например, представители так называемой «Иельской школы», группирующиеся вокруг Гарольда Блума, Джеффри Гартмана, Джона Миллера и Поля де Мана, мыслители французского «постструктурализма» такие как Жак Деррида и Мишель Фуко, историки, подобные Полю Рабинову... Центром тяжести интеллектуального течения, к которому относятся эти авторы, является не философия, а литературный критицизм»¹.

¹ Rorty R. Nineteenth-Century Idealism and Twentieth-Century Textualism // Rorty R. Consequence of Pragmatism. (Essays: 1972–1980). – Minneapolis. 1991. С. 139.

Мировоззренческая особенность текстуализма в том, что в тексте не различается бытие и небытие. Только смысл. Что живой конь, что фантазийный Пегас – неважно. Пегас не существует, но смысл данное понятие имеет. В принципиально значимой для постмодернистского подхода к миру работе Ж. Делеза «Логика смысла» осуществлено снятие определяющей для философии проблемы истины. Она заменяется проблемой места в отношениях, которым задается смысл. Притом, в отличие от структурализма, место не является постоянным. Это «место без места», благодаря чему самые отдаленные, не имеющие ни генетического, ни материального родства элементы связаны, хотя не физически, а динамической согласованностью поведения. Текстуалистский мир детерриториализован. Его смыслы образуются из отсылок знака к знаку. Он в «постоянном становлении». Текстуалистский мир номадичен. Без границ и глубины, функционируя как замкнутая на себя целостность. Главное одно: чтобы знаки были взаимно коррелятивны, всегда находились в состоянии “hang together” (висели вместе) – откликались, отвечали друг другу. *Коммуницировали!*

Несмотря на то, что знаки кроме себя ничего не означают, внутри текста кипит «жизнь», циркулируют имеющиеся и вырабатываются новые знания. Для рассмотрения этого бессистемного, мерцающе-мелькающего мира нужна какая-то другая философия, с неметафизическим категориальным аппаратом, вообще, какое-то особое «алогоцентричное» сознание, или, может тогда не сознание вовсе. Которое разрабатывалось в постструктуралистской философии, почему текстуализм можно считать ее другим именем. Если говорить культурологически, это категория постмодерна, где, как известно, центризм, без которого нет системы (его метафора – дерево), отрицается. Текст – развернутая «ризом» (Ж. Делез), «лабиринт» (У. Эко), «игра складок» (Ж. Деррида). В нем преодолены все «центризмы», в том числе человек, происходит отказ от любой иерархии и устойчивой организации. Если на первых порах, в борьбе структурализма с метафизикой, растворялся автор и оставался читатель, то в постструктурализме деконструируется и читатель: «текст сам читает себя». А главное, отрицается последнее представительство человека – лого(с!)центризм. Отрицается, в сущности, Слово, мысль, сознание как выражение любого сущего: природы, Бога и их философской рефлексии в виде эйдосов, монад, вещей в себе, прафеноменов и т. п. Текстуалистская, а сущности, коммуникационная (ее предвидение, гуманитарная форма!) борьба с логоцентризмом – это

борьба со словоцентризмом. Через его предварительное перерождение в текст. *Борьба с языком*.

Р. Барт полагал, что наряду с ризомой, метафорой текста можно считать сеть. Сеть в его время представляли в виде чего-то рыбацкого, паутиного или нечто из области транспорта. Довольно далеко от теоретического мышления. Сейчас, когда большинство людей «коммуницирует в интернете», не правильнее ли считать наоборот, что текст, вместе с ризомой, лабиринтом, складкой и т. п. были метафорами. А *реальностью становилась/является Сеть*. По-английски – net, по-старорусски – ловушка. Куда мы все рано или поздно п(р)опадаем. Текстуализм для судьбы языка – это «болезнь к смерти». Он был ее спекулятивным (как подобает философскому уровню мысли) предвидением, кустарно-гуманитарным предчувствием (прообразом) нового пост-человеческого, когнитивно-сетевого, пост-языково/смыслового мира. Его вос-произведения в cognitive science, где происходит трагическая

4. Смерть языка (и) человека:

письмо-исчисление

Любые атаки на язык надо признать дилетантскими, если они не считаются с уже случившимся его превращением в текст и «не знают» про более ранние примеры такого рода. Выдающийся советский лингвист Н. Я. Марр еще в первой половине прошлого века, в самый разгар структурно-лингвистической революции высказал идею, что «Язык (звуковой) стал ныне уже сдавать свои функции новейшим изобретениям, побеждающим безоговорочно пространство, а мышление... имеет смести и заменить полностью язык. *Будущий язык – мышление, растущее в свободной от природной материи технике*. Перед ним не устоять никакому языку, даже звуковому, связанному с нормами природы»¹.

После коммуникационного поворота 70–80 годов XX столетия получили известность, представавшие вызовом одиночки призывы испаноязычного теоретика и практика визуальной культуры Э. Л. Мартинеса, к созданию некоего внесловесного языка: «За тысячелетия цивилизации мы привыкли к этому языку, он дал нам logos и сделал из нас людей. Но новые возможности, которые открывает перед нами техника, делают

¹ Сталин И. В. К некоторым вопросам языкознания. – М., 1950. Т. 16, с. 127.

словесный язык либо недостаточным, либо бесполезным»¹. Параллельно, проблему «мышления без слов» как новую судьбу человечества в контексте методологии мыследеятельности осмыслял Г. П. Щедровицкий². К настоящему времени, в эпоху постмодерна проблема преодоления=уничтожения языка, в принципе, решена. И не в плане критики, догадок или отрицательно, а фундаментально, комплексно и позитивно. Не просто толки о каком-то «антиязыке». *Языку найдена замена*. Заслуга гуманитарно-теоретического осознания этого события принадлежит, прежде всего, Ж. Деррида(е). В рамках своего, органично вытекающего из текстологии учения о грамматологии, он заменил его «письмом», связав смерть языка со смертью человека и рассматривая обе смерти как результат объективного исторического процесса. «Все то, что уже в течение, по крайней мере, двадцати столетий собиралось и наконец, собралось воедино под именем языка (langage), ныне начинает менять свое пристанище и получает имя письма... Письмо переполняет язык и выходит за его рамки»³ (!).

Письмо, письменный знак, черта, линия, (грамма – калька с греч., scriptum – лат. или écrire – фр.). По Ж. Деррида(е) оно возникло раньше «слова», тем более текста. «Отказавшись от понимания письма в узком смысле слова – как линейной, фонетической записи, – можно сказать, что всякое общество, способное вырабатывать или, иначе говоря, стусевывать собственные имена и играть классификационными различиями, уже владеет письмом как таковым... Отказ признать письмом знаки, не являющиеся буквами, – это один и тот же жест. Мы видели его как у Руссо, так и у Соссюра»⁴. Мы видим, что в противоположность «жестам» Руссо (символ метафизики) и Соссюра (символ структурализма) у Деррида(ы) (символ постструктурализма) письмо не есть запись звуков, слов или что-то производное от мышления. Оно не воплощение слова-логоса, не обусловлено им; оно не фонетическое,

¹ Мартинес 1986 – *Мартинес Э.Л.* Внесловесный язык. Средства массовой коммуникации и общество. // Культуры. Диалог народов мира. UNESCO. – 1986. № 2, С. 13.

² Щедровицкий Г. П. На досках. Публичные лекции Г. П. Щедровицкого. – М., 2004.

³ Деррида Ж. О грамматологии. Перевод с франц. Н. Автономовой. – М.: ad Marginem. 2000, 119-120.

⁴ Деррида 2000 – *Деррида Ж.* О грамматологии. Перевод с франц. Н. Автономовой. – М.: ad Marginem. 2000, С. 252.

даже *не буквенное*. Уже и не текст. И называется теперь археписьмом (перво-письмом/граммой, прото/пра(о)-граммой, изначальным письмом) – статус, аналогичный древнегреческому «архе». А речь, язык, иероглифы, ручная за-пись/мо звуковых слов, печать, текст – его *разно-видности*, видимые проявления, своего рода вторичные качества. Проявления новой субстанции бытия, материи Нового мира, дверь в который открывается (с) письмом. Которое позволит нам в новом прекрасном безъязык(ов)ом мире, в тишине и молчании, избавиться, наконец, от тяжести своего телесного бытия, от самих себя. «Достоинства устной речи оказались недостаточны для того, чтобы отказаться от искушения – использовать изобретение письма для осуществления лелеемой многими мечты – освободиться от природы, от материальности, от существования, переживаемого как принуждение»¹.

Осуществляя эту заветную мечту, философия «снятия» = конца предметной Вселенной (и) человечества, превращения их в феномен и иллюзию, подводит под нее базу, более глубокую, нежели простая замена языка письмом. В ней разрабатывается онтология письма. Которое (теперь) – первопричина всего. Было: огонь, вода, атомы, кварки, знаки, а теперь – письмо. *Мир-письмо*. То, что письмо заменяет огонь и воду, атомы и кварки – понятно. Они – элементы метафизической картины реальности, категории присутствия. Но со знаками Ж. Деррида(е) пришлось (и нам, для понимания сути дела) придется повозиться, ибо это отказ от языка и текста, философских завоеваний XX века, это отказ не только от бытия, но и его Книги. Новый постлингвистический и даже посттекстуалистский поворот? *Да!* Ибо поглощая присутствие, «лингво-текстуалисты» не ликвидировали его последнее прибежище – знак. Знак – это знак чего-то. Он предполагает означаемое и может нести смысл. Тем самым в нем сохраняется бытие, по крайней мере, интенционально. Современный этап прогресса посылает запрос на нечто новое, до сих пор на Земле небывалое: на отсутствие, в том числе смысла – на письмо и учение о нем – на грамматику. В ней происходит последний, роковой разрыв со всем «человеческим, слишком человеческим». *Разрыв с естественным, субъектным, собственно человеческим (телесным, мозговым) мышлением*. Грамматологический поворот! Если лингвосомиотический, текстуалистский поворот был поворотом от природы, от предметной

¹ Ажеж Клод. Человек говорящий. – М., 2003, 183.

реальности, то грамматологический – и от «зеркала природы», сознания. *Закат Сознания*.

В мире письма, в отличие от языка и текста, знаки умирают. От них остаются «постзнаки». Содержанием смерти является превращение знаков в состояние, когда они становятся «пустыми», т. е. ничего не означают, не составляют семиосферы. Теперь это (не)знаки, **знаки**, антизнаки (введенное в постмодернизме перечеркивание слов есть графическое выражение негативной семантики; отрицание смысла слов, но такое, которое указывает на их генетическую связь с отрицаемым позитивом: труп не человек, но не камень или дерево, а человек). Пустые знаки – элементы ничто, но именно благодаря тому, что перестали быть «носителями мысли, покорной голосу бытия» (М. Хайдеггер), они становятся материалом письма, его «алфавитом». Выражением этого немыслимого в существовавшем до сих пор человеческом языке безбуквенного (не)алфавита являются: 1) *trace* и 2) *differance*. Если по-русски, то: 1) след, черта, рисунок на кальке; 2) примерно, поскольку это авторское изобретение Ж. Деррида(ы) – различие (различание) промежутков, отсрочка, пробел. (Различие и различание различаются как качественная, феноменологическая и количественная, когнитивная характеристика реальности; для памятующих, или решающихся знать марксизм, как потребительная и меновая стоимости товара). След-черта и различание-пробел в разных комбинациях и есть искомая азбука письма. Они ничем не обусловлены, нельзя указать того, что за ними стоит. Они *causa sui*, субстанция, только без субстрата, поскольку относятся к области отсутствия, небытия. В позитивной форме данные (не)знаки (черточки и пробелы) определяются как граммы, составляя в совокупности алфавит грамматологии. Отныне сначала языковое, а потом и любое мышление рассматривается как род писания: *thinking as a kind of writing*.

В учении о грамматологии Ж. Деррида создал, вернее, осознал или, быть может, гуманитарно с(т)имулировал реально складывавшийся в *computer science* специфически информационный механизм и способ коммуникации: *алфавит без букв – для мышления без слов*. Алфавит чисел. Его графическим выражением являются, повторяясь в разных комбинациях, цифры 1, 0 а математическое название – бит. В технической практике это цифровой процесс обработки данных, посредством которого воспроизводится и передаётся, «коммуницирует» информация, однако уже не через слово и не непосредственно

человеком, а машиной. Так возник *компьютерный текстуализм, исчисление*, существующее чаще всего в двоичной системе мира цифровой связи, создаваемого компьютерными технологиями. *Исчисление и когнитивистика, представленные в гуманитарном сознании как «письмо», пришли на смену языку, слову и знаку – лингвистике, а также всему смысловому человеческому мышлению, научному познанию, логике и эпистемологии, которые до сих пор выражались на естественном языке.* Не говоря (не пища?) уже о преодолении (природной эволюции и социальной истории) бытия дотехногенной = «допотопной» эры.

С распространением исчисления наступает великое, драматическое для вещей и тел *Событие*: утрата ими имен, полученных в процессе преобразования предметного мира или «данных Богом» и замена их сначала «никами», паролями, потом цифрами. Потеря имени – потеря идентичности. Себя. «Слова суть слышимые числа нашего бытия» – пророчествовал Велимир Хлебников. Это артикуляция, членение уже без человеческого голоса и рисунков ничто=хаоса на граммы/элементы/биты. Автомат/изм/ – вот обнаженное тело письма. Грамматология есть гуманитарная форма «записи» процессов автоматизированного, потом полностью автоматического про-*граммирования*. Постязык дигитальной онтологии. Автоматическая машинопись (письмо, если на гуманитарном языке) = программирование (если в технике). Выражение «языки программирования» – оксюморон. На самом деле это (не)языки, *языки*, антиязыки. К человеческому языку они, как и вся математика, имеют определенное отношение, но функциональное, такое же, как самолет к птице, или робот к живому человеку. «Конец языка и начало письма», «конец книги и начало компьютера», «конец логоса и начало матезиса», «конец дискурса и начало программирования», «конец слова и начало цифры», «конец чтения и начало исчисления»... и много, много остальных концов нашего предметно-телесного, традиционного мира и начал нового, (за)родившегося в старом, а теперь его «снимающим», у-ничто-жающим трансмодернистском мир-письме иног. **Про(сти)щай, язык!** Тебя стали третировать в то время, когда надо спасать. Прогрессивно бездумная философия опять попадает пальцем в небо. В повестке дня сознающего мышления должны быть не диверсии, не критика, не затеваемая ею борьба с языком, а разработка способов его защиты. Не только национальных видов, а вообще – человеческого. *Нужна (бы, очень) экология языка.*

Нужна бы, она тем более важна, что язык уничтожается не сам по себе. В контексте дискредитации языка и его замены программированием происходит дискредитация и замена человека *in toto*, что опять-таки наиболее ярко продемонстрировано в работах Деррида, если их, конечно, сумеет правильно «читать», интерпретировать. Понимание концепта «Деррида» – особая, специфическая для философии задача, зато по достижении этой цели открывается действительное место пост(транс)модернистской эпохи в истории человечества. Ее известный бренд «смерти человека» наполняется поистине грозным и трагическим смыслом.

ГЛАВА II

(ПРО)ЧТЕНИЕ ДЕРРИДА:

ИДЕОЛОГ КОНЦА СВЕТА, ПОСТ-ЯЗЫКА И ИНОГО

В последнем интервью 2004 года, Жак Деррида, уже больной, оценивая горы интерпретаций своего творчества, сказал: «меня еще не начали читать». Это удивило и привело в обычное, хотя обычно скрываемое, недоумение большинство его поклонников, а исследователей постмодернизма, наверное, обидело. Думается, однако, он прав. Его уникально личный, «эзоповский» язык не случаен, он понимал, что идеи, которые им проповедовались, стоят того, чтобы их поняли немногие или долго не поняли во-все. Людей они потревожат, кого-то испугают, их автор предстанет в свете, от которого его респектабельность бы сильно пострадала*.

Понимание и оценка наследия Деррида как крупнейшего представителя постмодернизма, его знаковой фигуры остается задачей современной философии. На нее пора решиться, не считаясь с неудачными попытками. Культуртрегерское освоение Деррида: переводы, пересказы, интервью и воспоминания о встречах с ним, осуществленное, прежде всего, благодаря известной московской школе «аналитической антропологии», а также серии «минских словарей» под редакцией недавно безвременно ушедшего из жизни А. А. Грицанова (долгая ему память, большое дело сделал), пришло время доводить до принципиального осмысления. Считаясь только с тем, что, как заметил кто-то мудрый, в одном случае из ста вопросы обсуждаются, потому что они темные, а в девяносто девяти они становятся темными, потому что обсуждаются. Это было сказано до девятого вала диссертационных исследований, борьбы за рейтинги публикаций... и работ Деррида. С тех пор (дис)про(пасть)порция между светом истины и обилием = тьмой знаний на наших глазах продолжает увеличиваться**.

1. З(о)лословие о бытии

Могли ли когда-то подумать люди, что настанет время, когда они будут заниматься самоотрицанием, бороться с миром своего бытия как таковым. И вот – пришло: во второй половине XX века,

в мировоззренческом плане выразившись в философии постмодернизма. Сказать по другому, философии «постизма», «конца», деконструкции-демонтажа-руинизации среды, в которой человечество только и может жить, материального и духовного наследия, которое было наработано им в процессе тысяч лет исторического развития. «До постмодернизма». Поистине Великий Отказ! Трагический перелом в развитии человечества в виде элиминации собственного жизненного мира. Было атаковано почти все: Бог, природа, культура, вещное, идеальное, трансцендентное, т. е. любое «наличие». А также мифология, метафизика, религия, естествознание – любая «онтология». Наконец, антропология, т. е. сам человек, который приговаривается к смерти, что стало никого не шокирующим брендом постмодернистской философии. Отвергаются принципы, формы традиционного смыслового по(со)знания: логос, истина, объект, субъект, означаемое, означающее, структура, даже знаки, если они не «пустые». В общем, «Великое Анти»: тео-телос-онто-этно-фоно-фалло-лого(с)-центризм. В переводе: против бога-духа-природы-культуры-тела-пола-языка как содержания человеческого Бытия. Если обобщить все эти и другие жертвы деконструкции, то можно сказать, что в целом объектом пре(ис)следования, *Жертвой постмодернизма является Бытие*. В любой его трактовке – и реалистической, и идеалистической, как вещное, так и трансцендентное. Постмодернизм – идеология изживания «нашей реализации» возможного. Конструирование постчеловеческого бытия. *Философия Ничто*.

Такова его «правда», которую, конечно, люди не могут понять и принять в чистом виде. Частично и сами его адепты не понимали себя и друг друга. На вопрос интервьюера «Как Вы относитесь к Делезу?» Ричард Рорти отвечал: «Его я просто не понимаю. Я читал „Анти-Эдип“, его книгу о Фуко и о Ницше и ничего из этого извлечь не смог»¹. Тем более, постмодернизм не принимали представители традиционной метафизики и читатели меньшего калибра, пока механически не привыкли к его смыслам и терминам, чтобы употреблять их *как бы* понимая. Образцом такого «как бы» можно считать книгу Пола Стрелтерна «Деррида за 90 минут», из мировой серии «Философия – просто о сложном». Впечатление, что автор в постмодернизме не понял

¹Рыклин М. Беседы с философами. Деконструкция и деструкция. М., 2002, С. 153.

буквально ничего. Вот его трактовка «письма»: «Деррида поставил цель (ни больше ни меньше) уничтожить „письмо“ вообще, доказав, что оно неизбежно будет ложным. Одной рукой писатель пишет, а другая что делает в это время?»¹. Действительно, что? У комментатора – ничего-го. И это в то время, когда грамматология (учение о письме) является в философии Деррида ключевым понятием, трактуемым в виде изначального, т. е. археписьма, идущего на смену не только «устаревшей» метафизике, что очевидно, но и структуре, языку, под знаком которых прошла философия XX века. Археписьмо – это та принципиально новая (не)субстанция, которая возникает после и в результате их/ее деконструкции. Под «граммами» = письмом (не буквенным), т. е. археписьмом как чередованием следа/различия (черточки/пробела) подразумеваются «биты», за граматологией (ра)скрывается программирование в качестве нового способа (вместо логоса) моделирования мира. Пособие (!) издано по всему миру массовым тиражом и что это не наше предвзятое мнение может убедиться любой. На подобном уровне рассуждений вокруг и около Деррида, дело дошло до «смерти постмодернизма» и те, кто еще недавно его категорически отвергал, на всех перекрестках стали об(за)являть, что да, был, но умер. Хоронят «не понятого», без анатомического заключения о причинах смерти, чтобы поскорее забыть и предаться, не видя внутренней связи, какому-нибудь другому идейно-терминологическому течению, например, «когнитивному конструктивизму», одновременно умудряясь оплакивать потерю миром и философией смысла. А упорно продолжающие «ботать по Дерриде» вчерашние новаторы превращаются в отсталых консерваторов.

Постмодернистское философствование нельзя правильно оценить, если не отдавать отчет, что за ним стоит в реальности и во имя чего она «деконструируется». Если не отдавать отчет, что это превратное, идеологическое отражение наступа(и)вшей на нас информационно-коммуникационной, теперь шире – ин(на)новационной эпохи. Хотя на первом этапе постмодернизм почти отождествлялся с деконструкцией, на «руинизации» метафизики, на расчистке от нее территории духа («детерриторизации») он не остановился. Он в самом деле умер, однако, при родах. Родившийся ребенок – его продолжение, наследник. Притом самостоятельный, растущий не по дням, а по часам и настолько,

¹ Стретерн П. Деррида за 90 минут. М., 2005, С. 30.

что постепенно стал претендовать на первородство («письмо» было раньше слова), на существование *ab ovo*.

Читая М. Фуко, Ж. Делеза трудно решить, как они, борясь с бытием, описывая его своими у-слов-ными конструктами, эту новую, провозглашаемую ими философию соотносили с жизненным миром нашего времени. «Подрыв присутствия», срубили и пилят древо жизни – да, но что взамен, каков облик, топология другого, предлагаемого ими мира? «Ризома не начинается и не завершается. Она всегда в середине, между вещей, меж-бытие, *интермеццо*. Дерево – это родственная связь, а ризома – это союз и только союз. Дерево ассоциируется со словом «быть», а ризома, чтобы стать сетью, всегда предлагает конъюнкцию «и...и...и». У этой конъюнкции достаточно сил, чтобы *надломить и искоренить слово «быть»* (курсив мой. – В. К.). Куда вы направляетесь? Откуда вы идете? Куда вы хотите прийти? – все это бесполезные вопросы»¹.

Что это предвидение *computer science*, а ризома/лабиринт «нащупывающее» именование паутины/сети Интернет, общая сознательная дискредитация бытия и иронический парафраз вечного вопроса метафизики: откуда мы, кто мы, куда идем – представляется довольно очевидным, а вот в форме наивности или намеренной провокации – вопрос открытый. Тысячи (по)читателей постмодернизма, не учитывают его идеологической оболочки и «не подставляют» под постмодернистское означающее подлинного означаемого. Будто оно существует само по себе, как внезапное помутнение/просветление парижских мозгов и интерналистская филиация идей. Обусловленности идей постмодернизма духом времени, его социально-историческим генезисом бесчисленные интерпретаторы не видят. Сколько ни говорилось в свое время в марксистской философии о феномене ложного, преврат(шен)ного сознания, оно, увы, никуда не деваается. Господствует и торжествует.

Представляется, что в отличие от первых пост-структуралистов/модернистов, несколько позже восшедший на философскую трибуну Ж. Деррида, хорошо, т. е. до дна, «до реальности» представлял, чем занимается и к чему все идет. Во многом из-за этого у него виртуозно многозначный, хитроумный, «сказать и не сказать» стиль – игра смыслами, ассоциации, коннотации, уловки, маскировка. Высшим

¹ Делез и Гваттари 1996. – Делез Ж. и Гваттари Ф. Ризома. // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996, С. 30–31.

пилотажем такого подхода можно считать его небольшую книгу “*Feu la cendre*”, в простодушном переводе что-то похожее на «Угасший огонь» или «Тлеющая зола». Переводчик-публикатор, В. Лапицкий стремясь полнее учесть авторские тонкости, дает: «Золы угасшѣй прах» (в русском слове «угасшей», именно «ѣ», а не «е»)¹. Весь текст фактически посвящен одной фразе: *il y a la cendre*, переведенной как: «И вот – зола». Французское «*il y a*» примерно соответствует английскому: *there is*, немецкому: *es gibt*, русскому: это есть, имеется. Или, если брать в философской интерпретации, обсуждаемая фраза означает: «это – бытие». По сути, аналогично вот-бытию = наличию = присутствию = *Dasein* (!) = БЫТИЮ (человеческому). Данное бытийное утверждение-отождествление-связка существуют, минимум, во всех индо-европейских языках. И вот оно, провозглашает Ж. Деррида – зола! *Il y a, there is, es gibt*, это есть = нет = зола. Вместе с бытием (*Sein*), *атакованы глаголы бытия*. Отрицается способ его человеческого проявления (*Dasein*), его ядро, «родовая клетка», исходное мыслительное выражение. На отождествлении, подведении единичного под общее («жучка есть собака») стоит все наше логическое, шире, языковое, еще шире, собственно человеческое сознание. *Genus Homo* (родовой человек), ранее дискредитированный в общем плане как сущее, здесь дискредитируется и как *sapiens* (человек разумный). Подрыв, разрыв, ликвидация такой связ(к)и стоит книги. В «тротиловом эквиваленте» – это «Большой взрыв Вселенной». Для начала – Вселенной смысловой, языковой, как первые опыты человечества по самоуничтожению, предпринимаемые на адронном коллайдере и предназначенные этот взрыв модельно повторить: взорвать Вселенную экспериментально, в лаборатории. Здесь коллайдер гуманитарный, для «Большого взрыва Духа» (в игре с Вселенной в русскую рулетку физики, как видим, не одиноки).

А что такое зола? Из непрерывно меняющихся, разъясняюще-затемняющих трактовок, которые дает ей Ж. Деррида, наиболее близкой к истине кажется: «Если само место окружается огнем, его уже нет. Остается зола. И вот – зола; перевожу: золы нет, она не то, что есть. Она осталась *от* того, чего нет, чтобы напоминать в своих ломких глинах только небытие или неприсутствие»². То есть зола есть прах

¹ Деррида Ж. Золы угасшѣй прах. СПб., 2002.

² Там же, С. 28-29.

бытия, то, что осталось от, после бытия, что находится, подобно платоновскому абсолютному благу (но вместо него, как абсолютное зло!) «по ту сторону всего, что есть». Если у Канта чистое = трансцендентальное мышление, в конце концов, дополняется практическим, у неокантов Марбургской школы оно чистое и пустое, у Гуссерля чистое, но «наполненное» (интенциональное, знаковое, «информация о»), то у Деррида оно опять пустое («пустые знаки», «следы и пробелы», просто «коммуникация»). При этом если Кант сохранил бытие как вещь-в-себе, неоканты не знали, что делать с уликой, в виде оставшегося после отречения от вещи-в-себе «трупа бытия», которым их все время попрекали, Гуссерль, растворивший = умертвив онтологию в интенциональности сознания, его искусно, «под живое» забальзамировал (закодировал), то Деррида его сжег. Провозгласил Холокост (апокалипсис, мировой пожар, конец света). В сравнении с этой ак(т)цией «конец истории», означающий завершение культурно-политического, духовно-личностного развития человечества, но сохраняющий людей как дельцов, экономических акторов и агентов, их цивилизацию – детские страхи перед темной комнатой. А вот обоснование, идеология, даже будто бы объективное описание Освенцима для всего человечества – это ли не «мысли о неммыслимом», это ли не причина «писать сложно». Превратил мир в золу! Сжег как лягушачью кожу и развеял по ветру! По пространству. Ради царства «ничто» в виде отношений и коммуникации, доведя, расширив чистый разум до чистой (не)реальности. До абсолютного трансцендентализма. Деррида – настоящий, последовательный, философско-исторически завершённый трансценденталист. И, следовательно, такой же когнитивист. Основатель фундаментальной когнитологии *contra* фундаментальной онтологии Хайдеггера. (Враги!). Отсюда его заслуга перед прогрессом, *историческая роль открывателя и философского выразителя идей Самоапокалипсиса* (термин самоапокалипсис заимствован мною у О. В. Шимельфенига. – В. К.) как наступления постчеловеческой эры креативного меонизма, (про/воз/буре)вестника какого-то другого, нового мира.

Таким образом, если загадочную (проповедуя сожжение Бытия, сам он не хотел быть Джордано Бруно или снискать славу Герострата, предпочитая схему судьбы Коперника) фразу-формулу «И вот – зола» перевести в открытую форму, то будет (читаем по губам): *Бытие – это Ничто*. Его нет.

2. Чудо воскрешения

Но все-таки оно есть = нечто: зола. Сгоревшее в «бушующем пламени письменности» бытие, потухшее, тлеющее бытие, но все-таки бытие. Какое? В отличие от многих, многих нигилистов, Ж. Деррида после деконструкции выходит на позитивную стадию постмодернизма, которая, что мы уже зафиксировали, критически оценивая «90 минут» рассуждений о философии Деррида Пола Стретерна, связана с письмом, учением о письме, то есть грамматологией. Ей посвящается другая, намного более объемная книга, где письмо ставится «в один ряд и вместо» природы и культуры^{***}. Вместо всего. Первая часть книги называется «Письмо до письма» (письмо как любое различие, обозначаемое черточкой и пропуском, до письма как графической письменности), вторая часть озаглавлена «Природа, культура, письмо» (письмо завершает ряд природы и культуры в роли им равнозначной (!) или превосходящей их формы). Единица письма – грамма, пустой знак, след-различие, вернее, «различание», как бескачественное, уже только количественное различие. В информационно-компьютерной реальности греческой грамме, если по-русски «единице письма», соответствует «бит». Вернее наоборот: есть единицы информации, биты, а граммы, грамматология – их гуманитарная транскрипция, специфическое идеологически-«дерридовское», культурологическое именование того, что в теории и методологии познания осмысливается ныне как дигитализм, в «высокой» философской рефлексии предстает как трансцендентальный эмпиризм, а «в присутствии», как этап развития/окончания нашей цивилизации – трансмодернизм. Вместо вещей – сингулярности, вместо онтологии – грамма(бито)тология, вместо поэзиса (качества) и даже логоса (смысла) – матезис (количество, цифра). Даже вместо difference-различия (еще феноменологического) – difference-различание, абстрактно-дигитальное. И борьба с любым «И – вот-центризмом». За информацию и количество. Даже с языком, если он естественный, если он – дом бытия. Вместо него теперь: «Зола как дом бытия...»¹. (Какой тонкий, поистине методом «черенков и прививок» парафраз Хайдеггера, использование его/им, чтобы превратить в ничто – жество). Ничто – вот дом человеческого

¹ Там же, С. 29.

бытия, трансформирует он великого почвенника и реакционера применительно к современности. Нет у человека больше дома. А «Грамматология – зола [онтологии]: после холокоста; холокост холокоста»¹. Холокост – всеожжение, уничтожение всего, что связано с бытием. Холокост холокоста – отрицание отрицания (по Гегелю), заполнение пустоты новыми конструктами. Кто этого не сделал, тот, страшно вымолвить, реалист и метафизический философ, у которого, естественно, как у любого естественного и сущего, не ставшего хотя бы симулякром, а если личность, то агентом – все в прошлом.

Итак, *Конец Света не будет, потому что он произошел* (зря, что ли его непрерывно назначают и празднуют). В/*на плане смыслов* – факт неопровержимый, состоявшийся, закрепленный «смертью человека» как брендом прогрессистского сознания. Апокалипсис не обязательно мгновенный, в дыму и пламени. Это наступившая эпоха, когда наше бытие во всех его проявлениях (как Sein и Dasein, Природа и Человек) уничтожается, что было сделано в универсальном теоретическом крематории постмодернизма на его начальном (деконструктивистском) этапе. Деррида здесь – Первый. И самый эффект(ив)ный: нанес удар в сердце бытия. Стилетом****. Вместо исходного для любого сущего положения: «il y a» = это – есть», он сказал: «это(го) – нет» = зола. И оставил от бытия урну с прахом. Такого гениального з(о)лодеяния такого масштаба, мир не знал. Не предвидел. Столь радикального как Жак Деррида философа-нигилиста и успешного, блистательного проповедника смерти, встречающего у своих жертв восторженный прием, в истории человеческой мысли не было. И вот – какие теперь всадники Апокалипсиса. На коне огненно-желтом, золотом.

Но что дальше? Дальше, как мы уже начали читать, оно заменяется неким сгоревшим бытием-небытием в виде «письма», би(граммо)тологии computer science как учения о дигитально-виртуальной реальности. Движение от природы к культуре поднялось на ступень движения от культуры к письму, составляющим эту самую реальность. Таков следующий, второй этап постмодернизма, который, пытаясь отличить от первого, начали невразумительно именовать after-постмодернизмом или пост-постмодернизмом. Совсем суетные толкуют о каком-то неомодернизме. Отсюда же пошли спекуляции

¹ Там же, С. 118.

насчет общей устарелости эпохи постмодерна и его собственном конце. Как пожравший материал огонь, он потух. Прах и пепел. Небытие. Смерть.

...И чудо воскрешения: «бессмертно вещество, одни лишь формы тленны» (П. Ронсар), и хотя в идеалистической философии, наоборот, бессмертна форма, в любом случае возникает Новое небо и Новая земля. В теориях «младших» постмодернистов, ставших популярными после Делёза-Деррида (здесь мы можем образовать концепт «Деррилёз», а если учесть русскую, деятельно-игровую версию мышления Г. П. Щедровицкого, то «Щедрлёз»; только из-за внешней предвзятости к советско-российской философии и склонности к уничтожению ее самой, Щедровицкий не считается мировой фигурой) вновь поднимается вопрос о Бытии. Как главный, (основной!) для философии, с претензией пересмотреть его «с самого начала». В 1989 году Аллен Бадью выпускает «Манифест философии» (русский перевод в 2003 г.), общей идеей которого является возврат к бытию, при условии его трактовки как «родовой, изначальной множественности», возврат к платонизму, при условии разрушения в нем «империи Единого», обращение к смыслу, при условии его «опоры на Двоицу». На смену метафизике как «большой поэтической софистике» должен прийти «новый философ, вооруженный матемой». От поэмы – к математике, относя к поэме (лишая самости) и логос – такова суть «пост-постмодернистского» поворота в трактовке философии. «Тем самым ты отбрасываешь также поэматику присутствия и всякое хайдеггерианство в качестве возможного доступа к бытию сущего. То, что неисчислимо, то, что не счесть за одно, *что вообще не сосчитать*, не образует ситуацию и, следовательно, строго говоря, *не имеет места*» (курсив мой. – В. К.) – так недвусмысленно отмежевывая(сь) от метафизики, хвалит Аллен Бадью Ж. Ф. Лиотар при обсуждении его «Манифеста философии»¹. Хвалит за отсутствие присутствия! И еще: «Меня впечатлил твой синтез двух, порождение двух исходя из ничего, исходя из нуля. Убедительное доказательство того факта, что у теории множеств нет референта, у нее есть только пустота, необходим всего лишь нуль, чтобы получить обычные, естественные множества»².

¹ Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003, 106.

² Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003, С. 109.

Как глубоко, ясно и по существу: нет референта, есть только пустота, все из нуля (идушие в том же направлении российские прогрессоры дошли пока только до: «все – единица»; вечная отсталость, наследие традиционализма, никак не угонимся)¹ сказано о нигитологической, меон-конструктивистской сущности этой новой когнитивной (не)онтологии, (ино)онтологии. Глубоко – и бездумно, никакой заботы о том, что это значит для человека и его мира. Как будто думает и пишет не человек. Или чье сознание уже «перезагружено» силами иного. «Манифест философии» А. Бадью, столь доброжелательно вос-принятый его коллегами, в том числе патриархами французского постмодернизма, мы вправе считать идейным обоснованием пост-постдернизма (after-postmodernism-a) и начавшегося в эти годы укорененного в нем трансгуманистического движения. Конец нигилизма. Новый позитив. Только вместо громоздкого слова «пост-постмодернизм» и по смыслу, и ради благозвучия, лучше говорить о трансмодернизме. Транс – это переход: сквозь, через, за границы чего-либо. В данном случае – традиционного исторического бытия и человека. Транс(пост-пост)модернистский «возврат к бытию» фактически означает его замену (второе отрицание) бытием иного. «Манифест философии» А. Бадью, отражающий передовое состояние французской, а в сущности, всей мировой прогрессивистской философии, провозглашенный на перспективу (в XXI век), мы можем смело назвать, интерпретировать, независимо от того, что о нем думал сам автор, как **«Манифест трансмодернизма»**. Который (другого значимого пока нет) успешно реализуется.

В конце 90-х годов XX века, в русском переводе в начале XXI, дуплетом выходят книги: Ж.-Л. Нанси «Бытие единичное множественное» Минск, 2004 и А. Бадью Делез «Шум бытия» М., 2004, та и другая посвященные восстановлению и реинтерпретации бытия на началах виртуализма и множественности (можно говорить о концепте «Банси»). С этой позиции, как недостаточно «математичный» критикуется даже Ж. Делез. За то, что, хотя и считал бытие виртуальным, более того, основанием актуального, исходил из принципа Единства. Как вся прежняя метафизика. Тогда как: «Единого нет, есть лишь актуальные множества, а основание пустоет»². Из-за сохранения

¹ Шилов С. Риторическая теория числа. М., 2013.

² Бадью А. Делез. Шум бытия. М., 2004, С. 75.

Единого Ж. Делез в понимании бытия геометричен, а надо, по мнению Бадью, переходить к алгебраизму, более соответствующему принципу множественности и математической онтологии. Нужна дегеометризация. Казалось бы, геометрия – это чистая форма, континуум которой, в отличие от универсума (материи и энергии), не содержит в себе ничего кроме формы. И все-таки геометрия содержательна; гео – земля, terra, территория, чуть ли не география, пахнет натурой, физикой. Опасно. Она не до конца трансцендентальна и несет в себе остаток неформализуемости. Не когнитивна. Как если бы дом (мир) сожгли, он однородно обуглен, но его остов, структура остается. Остается план дома на чертеже или память о человеке в культуре. Геометризм – это структурализм. Еще не полная бездомность, мир безобразный, но не безаналоговый. Качественный. Только количество, даже не число, арифметика, а цифра, алгебра – зола, которая действительно безосновна и потенциальна. Только она окончательно преодолевает всякую «похожесть на вещи» – и ничем не пахнет. *Цифровое мышление*. Без означаемого (объекта) и означающего (субъекта). Без о-сознания и смысла. Оно имеет дело с возможностью, пустые знаки и функции. Пространство и число 1 (един(ое) ица) – тончайшая, но все-таки сублимация сущего, материи, только время и цифра 0 (ноль) – дискретная множественность являются настоящими «атомами» ничто, чистой логикой отношений различия, из которых можно сформ(ир)овать бытие иного. Искусственного, виртуального, постчеловеческого.

«*Бытие*, – утверждает Ж. Л. Нанси, – может быть, лишь когда это Бытие-одних-вместе-с-другими, лишь циркулируя во *вместе-с* и в качестве вместе-с этого единично-множественного сосуществования»¹. Подлинное (ино)бытие – это *со-бытие*, различение и связь единичностей, независимо от их собственной, живой, неживой, предметной или идеальной природы, их детерриториализованное (беспредметное, беспочвенное) взаимодействие. Бытие как взаимодействие концептов и сингулярностей. Не земное (и даже не на «карте»), а на экране. *Со-бытие*. Сначала информационно, а потом на объемном принтере из частиц «нанозолы» – материально. Человек, соответственно, редуцируется сначала к субъекту, потом к индивиду, который, в конце концов, тоже распадается на факторы и мультивидов

¹ Нанси Ж.Л. БЫТИЕ единичное множественное. М., 2004, С. 17.

как виртуально коммуницирующих персон(ажей). Сознание такого бессубъектного «человека» есть складка складки как «синтез различий» (когда-то был «комплекс ощущений»). Параллельно ведутся работы по воплощению этого искусственного интеллекта в виде бесконечно совершенствующегося робота, маскируемые под воспроизведение/создание существующего, *конечного, но бессмертного* (?) человека. Хотя, например, М. Эпштейн, не разделяя (само)обмана насчет нашего бессмертия (отсталый человек), описывает данный процесс более реалистично, но тоже позитивно и вдохновляюще: да, исчезнем, умрем, но это будет «творческая смерть». (Почувствуйте разницу). И пото(п)к каждодневных сообщений о новых формах технического замещения «биоиндивидов» как по функциям, так и по субстрату. Главная забота /задача функционирующих теперь в обществе знания теоретиков, бывших «критических личностей», культивируя непонимание смысла происходящих событий, поддерживать у людей, особенно у себя, комфортное сознание, чтобы обеспечить всем «радостную смерть», эвтаназию. Которая, увы, успешно решается. Эвтанизаторы!

Можно долго продолжать это, как нам представляется, великолепное описание, буквально идеологический слепок с функционирования Сети, социальных сетей, информационно-коммуникационной реальности и спекулятивное предвидение нано-робототехнологий, удивляясь его адекватности. Наглядная иллюстрация торжества тезиса: бытие определяет сознание и одно(т)актной идеологии рефлекса. Но не рефлексии, не критического анализа, не соотнесения сущего с должным, чего принято ожидать от философии. А значит, можно и не продолжать, так как, если не терять связи с жизнью и предметностью, чувствовать их и думать о смысле происходящего, то ясно, что в транс(пост)модернизме осуществляется **Переворот миров**. То, что называлось золой, «бит-ием» объявляется бытием, выдается за реальность как таковую, при том не сконструированную в последнее время и производную, которая бы рассматривалась как результат исторического развития, «второй этаж» (над) естественной, а от века и везде. Тем самым информации, коммуникации, количеству, короче говоря, цифровой, дигитально-виртуальной реальности присваивается статус константной и универсальной, старомодно говоря – субстанции.

3. Религия инонизма

Про-грамма, Матрица – вот оно, подлинное Бытие. Все, все остальное, от мертвой природы во всех ее состояниях, до жизни во всех ее видах, от человека, общества и культуры до сознания, языка, поэзиса и логоса (не говоря о душе и всех формах трансцендентного), все воспринимаемое и (с)мыслимое, если они естественные, предметные, не математизированные, не машинно-технические – феномены. В лучшем случае – недобытие. Вторичные качества, которые существуют в силу особенностей человеческого восприятия. Если в устремившейся к научности метафизике Просвещения мнимыми считались чувственные, эстетические характеристики реальности, то в рамках когнитивизма как «новой философии» трансмодернизма изживается и объявляется кажимостью любое сущее, кроме Цифры – «следа и различания», 1 и 0. *It, s from bit* (мир есть информация) – вот, заказываемая виртуализацией нашей жизни, умозрительно превосхищенная в канто-гуссерлевско-структуралистско-грамматологической линии философии и начинающая набирать силу моды в физике, модель Вселенной¹. Как транс(уни)версум. И трансверсальная философия. (Зря они там, с коллайдером экспериментируют, все(х) можно взорвать на/в компьютере; или может, для самоубийства более перспективны параллельно ведущиеся работы по созданию World Wide Grid – Мировой решетки, т. е. единой и транс(уни)версальной самоуправляемой Матрицы, когда все сущее превращается в ее ячейки и человек тогда не взрывается, а удушается). Примитивный, чудовищный анти-историзм и редукционизм. Поистине, думают, мыслят, изобретают, но «не в своем уме». И инверсия, которую, по оценке самого Деррида, не осилили комментаторы, ибо он, двигаясь по ленте Мебиуса, развешивал диалектические кружева своей уникально нелинейной мысли на разных уровнях в трех соснах, а они, захваченные ее внешним бродящим движением, блуждают по поверхности его текстов в двух^{*****}.

Итак, пост-постмодернизм – это **Трансмодернизм**, так как в нем человек переходит «через себя», в (не)бытие на экранах, в сети, в «(не)мыслях». *В инобытии*. Там теперь его ~~дом~~. Бомж, бредущий от «пост» к «транс». Через все, что нас окружает и через нас самих. Деконструкция

¹Игнатъев М. Кибернетическая картина мира. СПб.. 2010.

→ ничто → инобытие (пока в форме нашего недобытия) – таковы этапы становления на Земле господства оторвавшегося от жизни интеллекта, научной зомбократии и транс(пост)человеческой вирту(ре)альности. Трансmodernизм = трансгресс = трансверсум = трансвитализм = трансгуманизм = трансгомонизм = трансномонизм. И соответствующий этому процесс распространения трансдисциплинарных, одинаковых в своем математизме исследований, в которых виртуальное, мнимое становится реальным, а реальное, предметное – мнимым. Возникает трагическое противоречие, раз(в)зрыв психофизического континуума человека: в дальнейшем, в информационно-коммуникационном мире он как целостное, живое и физическое существо жить не (с)может. По определению. «Не влезает». А как чистый, дематериализованный носитель объема информации в сравнении с ее техническими носителями, он ничто-жен. Капля в море. Даже меньше. Его оторванная от природы и телесности мысль может существовать там только на первых порах, потом ей сказать будет нечего. Перепишут туда «память», когда он был живым, утешают (само)убийцы. Память о радостях и печалях, болезнях тела, его желаниях, страсти, страхе смерти, воле и т. п. Да зачем там, «на кремнии и бессмертным», такая она? Зачем подводной лодке ощущения кита, а самолету садиться на деревья и приманивать самку, подражая пению птиц? Глупости все это – про бессмертие, особенно техногенное. Просто будет – нечто новое, другое. Сначала параллельно, вместе с нами, а потом – вместо нас.

Трансmodernизм – это зола, которая выдается за огонь жизни. Грамма(бито)тология за онтологию. Для нас – Ничто, которое выдается за Нечто. Таков итог «Чтения Деррида». Его, может быть, самой со(при)кровенной книги: *Feu la cendre* (Золы угасшѣй прах), где мир не просто деконструируется (разбирается на части), или доводится до деструкции (разрушается до материала, который может быть разного качества), но подвергается десубстрации – сжигается. В результате чего он превращается в новую, дисперсную количественную (до «нано»?) субстанцию. Великий деконструктор, в конце концов, стал *Десубстратором*. И Конструктором субстратно иной (инфо-виртуальной), транс(пост)человеческой реальности. Это ядро всей его философской системы, хотя оно, в духе сетевого антисистемного а(анти)центризма не находится в ее видимом центре. Отламывая кончик иглы, в котором как в яйце Кощея, спрятана идея смерти жизненного мира человека, Жак Деррида скрывает это вольное или невольное

(по причине безответственно глубокого достижения им предела = дна познания и прорыва сквозь него в пустоту) (зло)деяние, парадоксами и отвлекающими ходами мысли. Как самый последовательный, изощренный, абсолютный идеолог конца света (нашего) и замены его иным, безжизненным, фатально преданный прогрессу, он знает, он понял, он (пред)видит, но не хочет предупреждать людей об его опасности. Подобного рода де-м(е)оническое философствование служит обману и самообману человека как родового существа. Если, например, самообман Гуссерля в отношении исторического смысла «строгой» трансцендентальной феноменологии простителен, так как это было гениально-спекулятивное (пред)видение информационной эры, то самообман внутри нее, когда на происходящее смотрят в упор и в упор же не видят или не хотят видеть к чему идет дело, вряд ли. «Про-чтение Деррида» как серд(ца)ечника концепта «Щедерлёз» и постмодернизма в целом – это прочтение всей современной философии = в сущности, служанки технонауки, ее «оператора по клинингу», когда вместо стремления к принципиальному осмыслению ситуации, культивируется страх «Больших теорий», от (для) чего ведется их неустанная дискредитация. Потому что думать в истине и смысле – жизненная драма, переживать которую люди избегают. Предпочитают статус «мыслящих зомби», чистых ученых и методологов науки. Хотя философы на это не имеют права. «Назад, к реальности» – испугавшись, стал кричать Славой Жижек, но кажется поздно. Манифест консервативного (устойчивого) развития, в чем я убеждаюсь на примере собственного писания на эту тему, в том числе сейчас, мало кто услышит. Враг рода человеческого побеждает.

Трансмодернистская «новая философия» для XXI века, основоположником и наиболее ярким выразителем которой справедливо считать Ж. Деррида, обеспечивающая, кроме описания инореальности, непонимание того, что происходит и при этом она *как бы* по(при)нимается, означает, что мы вступаем в «эпоху затемнения», нежелания знать, что без(д)умный инновационизм – против человека и прогресс, который «не остановишь», превращается в ре(транс)гресс, де(э)волюцию нашего бытия, которого для нас и нас в нем – нет. Пока частично, дальше – больше. Втягиваемся (почти каждый), растворяемся (хакеры), сольемся в гомутер (гомо+компьютер), а первые, вторые, третьи и т. д. чипы, ура/увы, в ближайшее время в(по)ставят себе (как «паспорт» они уже носят-ся) большинство читателей данного текста.

Потом начнется соревнование в усовершенствовании чипов вместе с усовершенствованием тел. Земным предназначением человека, его головы становится ношение мозговых вставок (микромобильного компьютера, в руках или, готовятся, насаживать на глаза, ибо вся информация, знание об окружающей действительности – в нем). «Бытие-в-очках» – катаракта прогресса. А тело будет «подстраиваться», «реконструироваться» под возможности чипо-и-нанодостижений. Будет? Началось! Предусмотрительный Билл Гейтс запатентовал «исключительные права на использование человеческого тела как локальной беспроводной сети» (патент № 6754472). Перед Homo enhancement (человеком технически усовершенствованным) открывается с(з)ияющая, намного более яркая, нежели рай или коммунизм, дурная бесконечность исчезновения в техногенном эволюционном потоке. “New brave world” образуется на наших, если они чистые, глазах. Судя по реакции человечества на возникновение когда-то всех пугавших постчеловеческих чудовищ, переходящих из фантастики в жизнь, мы не будем знать, когда нас не будет. *Теперь монстрами хотят стать*. В том числе благодаря апологии вместо бытия – бит-ия, вместо желания жизни – «желания письма», заменяющего у поколения пленников виртуальной реальности другие бытийные порывы и смыслы. «Письмо(а)» Деррида нам – об этом.

Трансмодернизм означает не просто отказ от признания человека высшей ценностью (я по каплям выдавливал из себя человека, говорил Г. П. Щедровицкий) и, более мягко, например, как «Конец человеческой исключительности» (заголовок книги Жан-Мари Шеффера, М., 2010). Он предполагает его замену другой формой разума, «преодоление» человека как Genus Homo, которое все агрессивнее пропагандируется идеологами и практиками(!) трансгуманизма. Трансгуманизм – следствие, феномен трансмодернизма. Точнее это трансгоманизм, ибо переступает не через гуманизм как мировоззрение и ценность, а через человека как сущее. Через (его) Бытие. Трансгома(о)низм, через стадию «поствитализма» (первые ласточки последнего уже выют гнезда в нашем сознании) неизбежно перерастет в трансномонизм*****. В призывы новаторов-ф(у)туроф(а)талистов, отождествляя сущее с должным, отказаться от специфически человеческого живого разума и преодолев «водно-углеродный шовинизм», отдаться на волю более мощного, машинного, сначала е-Ното, а в перспективе – «ландшафтного», безсубъектного (распластанного по поверхности Земли) или даже сверх-земного.

Трансномонизм и трансвитализм пока в намерениях, в отличие от трансгуманистов, как имеющие финансирование они не развернулись и их секции не зарегистрированы в Российском философском обществе, но это вопрос времени. О трансгомо/вита/номонистах можно сказать: (само)убийцы среди нас. Они уже «перезагружены», их сознание похищено силами Иного, их человеческий облик, хотя бывает молодым и симпатичным – видимость. Отказ от го(у)манизма и смыслового мышления (сознания) как ценностей – вторичное, «следующее следствие», автоматически вытекающее из трансмодернизма как постчеловеческой, мизантропной вершины айсберга онтологии небытия. Отрицание «нашей реализации» бытия, человекосообразного (в котором можно жить) состояния Вселенной. Под флагом беспрерывных изобретений искусственного мир людей устремился к самоснятию и, выхолащивая себя через гонку постчеловеческих технологий, заменяется дигитально-виртуальной симуляцией. Трансформируется в отрицание собственного жизненного мира. Таков философский смысл охватившего человечество исте(о)рического ин(на)новационизма. *В-пало в трансгресс-ию*: в стихийный прогресс технауки, наркотизирующего комфорта и патологических потребностей, через деградацию труда, желаний и способностей. Трагическая диалектика культуры Просвещения переросла в «культуру Смерти». Замаскированное гламурной мишурой тоталитарное *Трансвековье*. Наступ(ает)ило †.

...Читать Деррида. Символ и хитроумного (не)Одиссея в океане глубоко поверхностной прогрессистской мысли. *Понимать Дерриду...*

И вот , , — (самоцензура; суждение, которое имеет право только на закрытое существование и прочитывается индивидуально, в зависимости от понимания нашего текста. — В. К.). Замаскированный криптографической сложностью текстов злой гений западной (современной) цивилизации, божественный дьявол во плоти, оставляющий Человека без (дома) Бытия. Как «тело мысли». Материал для нее. Это мировоззрение «анти». И то в начале; в конце: *Религия инонизма. Трансианство ... Забыть Дерриду!*

* * *

Забыть Дерриду – значит пре-одоле(ва)ть философию отрицания и замены нашей реальности иной, пост(бес)человеческой, символом которой он является. «Убить» его. Как концепт. Если более точно (в гуманитарном, а не когнитивном смысле, т. е. адекватно): за(у)бы(и)ть

(на) *Дерриду*. Раз-бить это первое яйцо Кошечья трансмодернизма. Тогда второе: концепты «Деррилёз», «Щеделрёз», «Банси» тоже истекут кровью, оставив после себя полезную для понимания сути дела субстанцию, а множество других, бездумных его по-клон-ник-ов истекут крашеной под кровь водой и завянут сами. Такова историческая задача текущего времени в сфере философии, если и поскольку мы хотим в не(й)м выживать.

Две с половиной тысячи лет назад метафизика началась с недоверия к чувствам: «в мнении красное, кислое или сладкое, на самом деле только атомы и пустота» – Демокрит, а завершилась лозунгом «смерти человека», вместе с его миром – пост-транс-гоманизмом/модернизмом. Забвением бытия. Ярчайшим примером того как это теоретически происходит, «заканчивается», можно считать философствование Деррида, которое перестало быть метафорой, достижением ума, воплощаясь в действительность. Если философ-реалист, да просто любой читатель данного текста, не знает, или не верит в (по)гибель и отсутствие мира, где он сейчас живет, что сам он никто и звать его никак, ему об этом скажут, будут внушать ученые и (не)философствующая обслуга технауки. Ее «операторы по клинингу». А главное, (с)делают для этого все возможное. Сеют ветер, иллюзии, вместо того, чтобы служить жизни. Агенты смерти, «ничто» их резидент. Технотронное оруд(ж)ие злого Рока.

Великий, основной Вопрос (философии) современности: взаимодействие Человеческого и Иного, или как защититься от без(д)умного инновационизма, сохранить феноменологическую реальность = наш *Lebenswelt*, шире, *Umwelt* = состояние окружающей среды, адекватное человеческой сущности. Трудность его решения в том, что надо защищать себя от самих себя. *От Самоапокалипсиса*. Для чего нужно мыслить и действовать в парадигме козволюционного полионтизма, антропо-вита-дицеи и феноменологического реализма (археомодерна). Всеми силами отстаивать смертно-живого *Genus Homo* как *нашу реализацию* бесконечного бытия, эту великолепную уникальную форму. Другое, которое «не мы», позаботится о себе само.

Выход один: (у)держат его открытым. И... закрытым, защищая вместе с человеком его язык от без(д)умных атак авторов, либо не отдающих отчета, либо отдающих, но принципиально безответственных и тем опасных, что выступая против языка как люди, они становятся орудием смерти не только самих себя, но и человечества.

Примечания

* В свое время, обращаясь к коллегам, мы предлагали: «Было бы поучительно сделать книгу: «Читать Деррида». Разделить в ней каждую страницу на три вертикальные полосы: на первой дать оригинальный текст, на второй перевести его по – русски, а на третьей «перевод-интерпретация». Что этот гениальный, великий в истории человечества мыслитель имеет в виду, но скрывает; что он не имеет в виду, но объективно получается; что он скрыть хочет, но не может. Не рассказывать о герменевтике, а показать ее силу в действии: ... исчадие виртуального рая, враг Небу и Земли, засланец Матрицы. *Инопланетянин*». См.: *Философия иного, или небытийный смысл трансмодернизма*. // *Вопросы философии*. 2005, № 12. С. 13. Отклик не было, приходится, посильным образом, читать самим.

** Необычную до XX века в истории философии роль в случае с постмодернизмом сыграли переводчики. Помимо перевода с французского языка на русский они стали первыми и долго единственными философскими интерпретаторами этих текстов. Особенно значимым, на наш взгляд был перевод работы Ж. Деррида «О грамматологии» М., 2000 г. и вступительная статья к ней Н. Автономовой.

*** См.: Деррида Ж. *Письмо и различие*. М., 2000. Разумеется, у автора в разработке концепции не было прямой временной последовательности: сначала деконструкция, расчистка места от метафизики, а потом на нем «письмо», но смысловая логика – такая.

**** Стиллет – колющее холодное оружие с узким лезвием. Нашло распространение с начала XVI в., во времена Ренессанса... Небольшой размер позволял носить его скрытно, под одеждой или маскировать в различных предметах, из-за чего было популярно у наемных убийц и заговорщиков, а также женщин. // Большая военная энциклопедия. Zonawar.ru/index.html.

***** Взгляды Деррида, как у всякого творческого автора, менялись. Учитывая его манеру мышления, проследить их эволюцию действительно трудно. Но надо, будет справедливо отметить, что в начале своей философской карьеры он (см., например, доклад «Когито и история безумия» в 1963 году) отдавал должное бытийному истоку смысла и разума, видя причину их кризиса в его забвении, одновременно показывая, что оно обусловлено их развитием. «Кризис, где разум безумнее

безумия, поскольку он есть бессмыслица и забвение, а безумие разумнее разума, поскольку оно, в свою очередь, ближе к живому, хотя и молчаливому или еле шепчущему источнику смысла, — этот кризис всегда уже начался и никогда не прекращался. То есть, если он и классичен, то не в смысле *классической эпохи*, но в смысле вечно и по существу классического и, в то же время, исторического в несколько необычном смысле». // Деррида Ж. Письмо и различие. М. 2000. С. 97. Эти идеи явно не деконструкция, больше похожи на Хайдеггера и еще не вписываются во всемирно известный «концепт Деррида».

***** См., например: Кишинец В. Поствитализм: теория технологического бессмертия. И обсуждение с ним идеи, что если уничтожить все живое на Земле, то на ней наступит бессмертие, естественно, искусственное, которое, по определению, хорошо. К нему надо стремиться. Поскольку ново и прогрессивно. // НГ EX Libris 2012–08–30. Судя по агенту этой идеи, а особенно любопытно-радостному ее восприятию журналистами, современные люди совсем утратили способность к критическому мышлению, да и просто здравый смысл. Им, по-видимому, ничем нельзя помочь.

ГЛАВА III

КОНТРИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:

ОТ СЛОВА К ЦИФРЕ, ОТ КОММУНИКАЦИИ К КОММУТАЦИИ

В философии всегда есть и будет все, что присуще природе человека и соответствует его исторической идентичности. В XX веке основную роль продолжала играть метафизика – онтология, гносеология, матери(иде)алистические трактовки достижений естествознания, субъект-объектная схема общественного развития и т. д. Но это в общей массе, *in toto*. На передовых рубежах произошло, как известно, два крутых поворота: антропологический и структурно-лингвистический. Повороты были в прямо противоположных направлениях. Одни теоретики пошли в сторону человека, призывая всех о(т)ставшихся обратиться к нему, думать об его свободе, экзистенции, идентичности, другие, напротив, его отрицали, боролись с субъектностью, растворяли ее в объективных структурах. Для начала, такой априорной, но еще естественной, чувственной, снимающей, но как бы еще представляющей целостного человека структурой, стал язык.

Поскольку повороты были в противоположных направлениях («бытие языка обнаруживает себя не иначе, как в исчезновении субъекта» – М. Фуко), они соперничали за влияние. На первых порах, будто на равных, но потом с все большей очевидностью стал побеждать структурализм, прежде всего языковой. Заговорили об охватившей теоретическое сознание лингвистической революции. Притом, если исходно язык брался в виде живой речи, то постепенно его начали считать некой универсальной смыслообразующей сетью (для) любой межсубъектной коммуникации. На обосновании парадигмальной роли языка передовые гуманитарии истерли все свои языки. Великие языки. Не говоря о структурной лингвистике, ставшей авангардом гуманитарного познания (отцы-основатели Ф. де Соссюр, К. Леви-Стросс), собственно философские знаковые фигуры XX века (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер) ее ключевым фактором тоже считали язык. Язык – «наше все», он заменил, экранирует как природу, так и общество, когда в их понимании хотят дойти «до конца», до последнего смысла. Это священная корова любого прогрессивного мировоззрения и критиковать язык, противопоставляя ему природу, любую непосредственно

чувственную реальность, решались только отсталые консерваторы, догматики и традиционалисты. Да и то, не критиковали, а просто «не использовали». Не умели. На XXIII Всемирном философском конгрессе в Афинах в 2013 году (последнем, самом актуальном по времени), открывавший его Э. Агацци, обсуждая перспективы современной философии, подчеркнул, что ядром ее методологии является лингвистика, «в каждом философском дискурсе должен быть лингвистический момент, анализ языка».

1. Антиязык

Казалось, так будет всегда, ибо идти глубже языка, по крайней мере, в гуманитаристике – некуда. Уведет либо в натурализм-эмпиризм, либо в мистику. Однако, человечество не знает более жестокой истины, чем «ничто не вечно под солнцем». И вот, кто имеет уши, слышит, а глаза – видит, как исподволь, но неуклонно среди чутких к глубинным веяниям истории теоретиков нарастает критика языка, множатся выступления против его не только парадигмально-познавательной, но и бытийной роли. Не с позиций традиционной метафизики, а с каких-то совершенно новых, точнее, новейших представлений. В искусстве, среди концептуалистов и интеллектуалов, бывших завязяных адептов языкового конструирования мира, в целом в постмодернистской культуре зазвучали суждения, что «пора вырваться из плена языка», надо отказаться от сакра(мента)льного: «В начале было Слово» и что, по-видимому, вообще наступает «конец библейского проекта». Слышны отдельные более грубые выкрики о «структурно-лингвистической катастрофе», «смерти языка и индивида», заявления типа, что чем наше мышление больше связано с языком, тем мы глупее, а чем дальше от него, тем умнее. С каких позитивных позиций это говорится не ясно, в том числе самим критикам языка, но что на XXI век в гуманитаристике, вообще в современном познании формируется антиязыковая установка, возникло противосемантическое движение и подняла голову *лингвистическая контрреволюция*, пришла пора заметить (на Всемирном конгрессе ее не увидели, отсталость?). Затем пытаться понять, почему это происходит, что значит, куда ведет.

И вот соблазнительный случай высказаться по злободневной проблеме, избавляющий от необходимости подтверждать ссылками все

более многочисленные, но частные, концептуально еще не оформившиеся антиязыковые выпады. Возьмем непосредственно три работы трех авторов¹, наиболее заметных представителей лингвистической контрреволюции или, может быть, контрлингвистической революции, у которых борьба со Словом приняла развернутый характер. Нельзя сказать, что они полностью осознают нигилистическую роль своих подходов, тем более их последствия для человека, тем более у каждого по отдельности она просматривается с трудом, но если взять их вместе, то все становится довольно ясно. Ради этой ясности мы выделяем их из массива других текстов о языке и, проанализировав каждую работу в виде своеобразного рецензирования, соединяем в одно целое, суть которого: ниспровержение языка как важнейшее, наряду со становлением инореальности и трансгуманистической (де)конструкцией человека, направление современного вялотекущего апокалипсиса.

Перед нами книга А. С. Нилогова, в которой контрлингвистические мотивы звучат в явной форме, дерзко объявляющая о начале великой борьбы со Словом, желаний его ниспровергнуть, лишить какого-либо значения для современности. В литературе с корабля современности сбрасывали, как известно, Пушкина, теперь предлагается сбросить самую литературу, основанную на ней культуру, живую речь, родные и мировые, устные и письменные формы словесного языка, который позволяет нам мыслить и общаться друг с другом, сделал нас людьми и отличает от всего иносущего в мире. Предлагается особая «философия антиязыка». Событие. Скандал!

Разумеется, задача создать «философию антиязыка», автором не решена. Потому что в таком виде она не решаема – в силу своей отрицательной природы. По крайней мере, по двум причинам: 1) непонятно, что за явление это «анти». Из чистого отрицания следует что угодно – неязык, противоязык, пост-язык, сверх-язык, подъязык и т. п. 2) об антиязыке, если такой существует, он говорит и пишет на уничтожаемом им «языке». Это оксюморон. Тогда каким образом обсуждать проблему, чтобы ее прояснить, а не еще больше запутать? Первую преграду, можно, по-видимому, устранить, если задачу переформулировать как: «вместо-язык». После нескольких страниц догадываешься,

¹ Нилогов А. С. Философия антиязыка. СПб., 2012; Эпштейн М. Н. Homo scriptor: Введение в скрипторику как антропологию и персонологию письма. // Философские науки. 2008. № 8; Шилов С. Е. Риторическая теория числа. – М., 2013.

что предлагается философия чего-то, что должно заменить обычный естественный язык в жизни человека. Что речь идет о «философии вмести-языка». С такой позиции легче концептуализировать хаотические атаки на язык как слово, ведущиеся под флагом «антиязыка». Исходя из нее, опираясь на положение, что «антиязык» – это нечто «по ту сторону языка», может быть ослаблена, устранена и вторая трудность: рассматривая антиязык не как «всё», а как экспансию другого языка или просто неязыковую реальность, мы получаем право сравнивать и оценивать их на основе традиционного языка. Говорить и писать на нем «законно». Наконец, отличие нашего понимания антиязыка от выражаемого в книге в том, что мы делаем упор на раскрытие не столько того, какой он феномен сам по себе, сколько: что у автора за ним, за всей этой подрывной работой стоит. Невольно или вольно.

Книга сложена из двух частей: 1) Преодоление философии языка от Мартина Хайдеггера и 2) «Вечное дежавю» философии. Названия точные, так как в борьбе с языком философия Хайдеггера действительно главное препятствие, а вторая часть из ранее опубликованных текстов, что, правда, не способствует цельности представлений об обсуждаемой проблеме.

Так что же такое по А. С. Нилогову «антиязык» и почему он должен заменить традиционный, словесный, «наш» язык? Веер противоречивых предположений и утверждений. В предисловии, где обобщается содержание всей работы (кратком, на 1,5 стр.), поставлено три цели: «*Первое*, что мне хотелось сделать, это чтобы книга хотя бы в какой-то, пусть небольшой степени, помогла повысить культуру молчания в нашей стране... *Вторая* цель вытекает из первой, ибо представляет собой, с моей точки зрения, единственную и самую главную возможность сделать молчание духовной силой, способной улучшить человека и мир... *Третья цель* заключается в том, чтобы с помощью идеи безмолвия обратить внимание людей на огромные возможности, заключающиеся в медитации»¹.

Исходя из заявленного, можно подумать, что антиязык – это (в)падение в бессознательное, в переживание бытия, что вообще-то не противоречит онтологическим интенциям хайдеггерианства. Однако содержание книги фактически «не про то» и направлено не к бытию, а на отрыв от него. Это видно из предшествующей предисловию

¹ Нилогов А. С. Философия антиязыка. СПб., 2012, С. 6-7.

аннотации, дающей читателю прямо противоположную установку. «Философия антиязыка» – книга об универсальном языке, который философы всегда жаждали найти, даже не подозревая о том, что он когда-то был утерян... «Назад к именам» – таков философский призыв антиязыковой методологии, отчуждающейся от онтологии присутствия/отсутствия к вездесущностному языку, на котором можно поименовать все без исключений»¹. В аннотации к одноименной с книгой статье из второй части (опять берем аннотацию, потому что там более определенные формулировки, с восприятием самого текста большие трудности – влияние «антиязыка» на авторе сказывается), он говорит: «Антиязык – это совокупность классов антислов. Он помогает именовать такие вещи, которые невозможно называть с помощью обычного естественного человеческого языка. Антислово нельзя выразить посредством звуков. Антиязык – это подводная часть айсберга. Верхушка айсберга – все наличные человеческие языки. Примеры антислов отсутствуют, ибо невозможно произнести антислово на естественном языке... Антиязык предоставляет возможности для невербальной коммуникации, а также для телепатии и чтения мыслей»².

Как видим, смысл в рассуждениях об антиязыке есть, но что ему соответствует, каков референт представить нелегко. Может, в силу самоотрицательности данного феномена, никакого значения у него не должно и быть? Нет, референты антиязыка усиленно ищутся, на их роль предлагается молчание, сон, бессмыслица, медитация, пустота, однако что-то похожее на убедительность возникает только, когда дело приближается к обсуждению постструктуралистской тематики. «Антислово – это номинатор-означающее без означающего или с частичным означающим (например, при переходных явлениях между языком и антиязыком – название для трансцендентного числа пи). В настоящее время лексикон антиязыка насчитывает свыше сотни классов, первым среди которых стал класс футурологизмов. Класс футурологизмов всегда превышает весь наличный лексикон естественного общечеловеческого языка, поскольку такой класс невозможно объективировать по модели Дерриды в прото-письмо...»³. И наконец, чтобы стало яснее, к чему все клонится, как достичь этого вожаденного вездесущностного

¹ Там же, С. 4.

² Там же, С. 208.

³ Там же, С.147–148.

состояния антиязыка: «Путь к генерализации языка может быть проложен только через **деантропоморфизацию** (жирный курсив автора) как бытия, так и языка»¹.

Имея в виду данную установку, становится легче понять, почему главным объектом философии преодоления естественного человеческого языка и замены его чем-то другим объявляется учение о бытии М. Хайдеггера: «*О какой языковой компетентности Мартина Хайдеггера можно вести речь, если у него не было даже интуиции об антиязыке?*»². В самом деле, о какой, если основной заботой некомпетентного в языке Хайдеггера была судьба Sein и Dasein, а теперь компетенцией философии предлагается считать деантропоморфизацию бытия и наше ничто. Соответственно, идеей фикс в борьбе с традиционной филолог(софи)ией не на жизнь, а на смерть является отказ от признания наличия онтологического фундамента языка и вытекающего из него принципа «изначального опоздания». Изначальное опоздание – это принцип различения плана содержания и плана выражения, причем первый «по определению» предшествует второму. В нем фактически воспроизводится традиционная метафизическая установка на отражение мира человеком. Ему/ей противопоставляется принцип «изначального опережения» когда сначала выражение (чего?), а потом – содержание (откуда взялось и какое?). А такое, что «если принцип „изначального опоздания“ представляет собой изначальное опознание неистинности языкового высказывания, то выход из неистинности видится не в немотствовании, а в антиязыковом решении – выражении плана содержания посредством *ментальной сигнификации* на уровне внутренней речи, про себя»³. Сигнификация без языка возможна, поскольку «изначальное опережение» допускает существование выражения без выражаемого и его можно считать уже антиязыком, который теперь – первичен. Сигнификация без языка (антиязык) «футурологична», т. е. не выражает наличных предметов, она «без присутствия». В отличие от языка, она больше не «дом бытия», а само бытие, однако не «прежнее», а какое-то новое, никому, в том числе автору, неизвестное.

Итак, антиязык, это тоже язык, но универсальный, изначальный, «прото» и «архе», своего рода океан, в котором могут быть острова

¹ Там же, С.178.

² Там же, С. 54.

³ Там же, С. 92.

в виде «естественных» языков, слов и понятий, да и то в прошлом, а в будущем, когда место фундаментальной онтологии займет «фундаментальная темпорология» он станет всем. Но если антиязык – это тоже язык, зачем городить огород? Чем и как они отличаются друг от друга? Тем, что подобно тому как труп или робот уже не человек, а постчеловек, неживое, ~~человек~~, но все-таки не камень, дерево или животное, а бывший человек или будущие функции человека, его на(по)наследник, так и антиязык, это не речь, (не)язык, ~~язык~~, но не другие вещи, предметы или явления, а бывший или будущий, новый **бессловесный** язык, его на(по)следник. Смертию смерть поправ, на(в)месте языка возникает не что-то совсем другое, а его «свое Иное»...

Ну и хватит, довольно запутывающего суть дела, «сам-не-знаю-о-чем» умствования: оторвемся от текста книги (читатель успел оценить ее общий замысел и стиль), чтобы сказать прямо: в философско-спекулятивной, пре(из)вращенной форме речь в ней фактически идет о технической коммуникации, начинающей заменять непосредственное человеческое общение, о становлении на Земле *медиареальности* (the medium is the message – М. Маклюэн), об онтологии сетей, и, сказать обобщая, наступающей на нас *иной форме бытия*. Котор(ая)ое может выражаться и преимущественно будет выражаться не на естественном словесном языке (логосе), как было с появления Ното, а, соответственно, другими, более адекватными новым феноменам способами. Самый распространенный из этих способов – число, цифра (матезис), возникшие несколько тысяч лет назад и которыми действительно «можно поименовать все». Сейчас они составляют основу, «субстанцию» программирования и коммуникации людей, а также взаимодействия компьютерных систем. Насчитывается примерно 8,5 тысяч языков программирования, наиболее известные из них Алгол, Фортран, Паскаль. «Язык программирования отличается от естественных языков тем, что предназначен для передачи команд и данных от человека к компьютеру, в то время как естественные языки используются для общения людей между собой»¹. А поскольку после информационно-технологической революции люди все больше работают на компьютерах, «общаются» посредством Интернет, то естественно, что искусственные языки наступают. «От слова к цифре» – лозунг, который я каждый день вижу над кафедрой вычислительной математики, проходя через

¹ Список языков программирования // www.seobuilding.ru/wiki/

ректорский корпус своего университета. Это и есть пресловутый «вездесущностный» и универсальный язык=антиязык по А. С. Нилову, объявляемый им океаном, долженствующим затопить все. Посредством него мы должны воспринимать любую окружающую реальность. (Даже кроссворды (крестословицы) вытесняются «судоку», где вместо слов надо составлять комбинации из девяти цифр, за которыми уже не стоят какие-либо смысловые образы). Признается, правда, как мы видели, что в этом «вездесущностном антиязыке» остаются острова естественного языка, но дни их сочтены. Поднимаются волны атак на них, вот-вот готовые превратиться в девятый вал (для гуманитаристики, лингвистики, философии языка в шторм, который отправит их ко дну). Математическое, техническое, в пределе – бессловесное мышление как бы незаметно, но довольно быстро становится господствующим, нормой, своего рода парадигмальным способом отношения к миру. Это отказ от собственно гуманитарных форм человеческого бытия, который не все готовы принимать с открытыми глазами, или, кто видит, не хотят сопротивляться ему. Отсюда технологизм современного гуманитарного сознания, даже философского, его трансформация, с одной стороны, в чистое «зомбическое мышление», близорукый характер, а с другой, хаотизация, склонность к перверсии и самообману в представлении о происходящих процессах.

*Таким образом, источником и движущей силой лингвистической контрреволюции, все шире распространяющейся дискредитации языка, слова, вырождения эстетического в литературе, искусстве и всего «человеческого, слишком человеческого», превращения культуры в информацию является дигитально-технологическая революция, означающая вступление нашей цивилизации в стадию торжества Искусственного. Для доразумного живого она несет смерть как прямое вытеснение из реальности, для человечества она опосредована «влечением к смерти» – эпохой *Mortido*¹.*

В ее в основном стихийном, превратном и лишь иногда более-менее сознательном мировоззренческом выражении А. С. Нилов не одинок, он в хорошей, прогрессивной компании. Раньше, тоньше и изощреннее его это было сделано в рамках постмодернизма, особенно, как мы видели, в работах Деррида, его учении о письме (грамматологии).

¹ См.: Кутырев В. А. *Время Mortido*. СПб., 2012.

В отличие от ближайших коллег по деконструкции метафизического философствования, Деррида не остановился на ней, а предложил позитивную программу, выработав «субстанцию» для построения (конструкции) нового мира. Это была идея их замены «письмом», теория грамматиологии как отказа от звукового языка и буквенного текста. Письмо или грамматологическое мышление есть знаковые, чисто формальные, математические способы обработки реальности в форме полу-и полностью автоматизированного *мышления-коммуникации*. В нем нет предметного референта, образов и смыслов (в этом смысле оно трансцендентальное, инобытийное), от которых оно только отталкивается в начале или они «вышелушиваются» в его конце. До чего мы, люди, дожили! Вступили в «цивилизацию смерти» и стали культивировать собственное отрицание. Завертывая его в гламурную оболочку сверхпотребления и обманывая себя возможностью технического бессмертия.

Насколько оригинален вклад нашего автора в идеологию разрушения человеком своего *Lebenswelt* (жизненного мира) вплоть до отрицания собственной телесности и живых форм общения? По тексту видно, что хотя о заслугах Дерриды в этом плане он знает, идеи антиязыка рождались самостоятельно. Более того, увидев (или указали критики, в том числе говорил я), что у Дерриды они давно разработаны и более фундаментальны, он задним числом пытается включить их в свою философию, утверждая, что понятие антиязыка шире «письма-программирования». «Антиязык является неким феноменом, в отношении которого протописьмо (Деррида) аналогично письму естественного языка, а грамматология входит в состав **антилингвистики**»¹. Согласимся, что шире, «входит», ибо как всякое «анти» феномен антиязыка неопределеннее, размытее, (с)мутнее и ему можно приписать любое состояние. Согласимся, но если до конца и только критически, это будет несправедливо. Несправедливо, если упустить, что у автора намечается уровень отрицания языка, которого у Дерриды не было. Именно, когда ему противопоставляется не дигитализация и программирование как формализованная коммуникация, а нечто принципиально беззнаковое, нерасчленимое и неноминативное (намек на что можно «вывести» из Предисловия). «Если антиязыковая коммуникация обеспечивает ресурсный базис бессознательного, проявляясь не в виде паралингвистических казусов, а пронизывая всю *фундаментальную антропологию*

¹ Нилогов А. С. Философия антиязыка. СПб., 2013, С. 106.

(в отличие от фундаментальной онтологии, опирающейся на (анти) язык бытия), то измененные состояния сознания можно редуцировать в качестве **антиязыковой бессознательности**, представляющей собой антиязыковый поток вне семиотической структуры...»¹. Антиязык как «поток вне семиотической структуры». Запомним!

И опять, теперь окончательно, оторвемся от текста, в котором еще много чего есть, включая споры с другими теоретиками, тоже ратующими за уничтожение живого языка и замену слова цифрой и которые мы рассмотрим ниже: М. Эпштейном, с его «скрипторикой», который только упоминается и С. Е. Шиловым, с его «риторической теорией числа», которого он хотел бы включить в философию антиязыка, а тот, в свою очередь, обещает найти антиязыку местечко в РГЧ. Оторвемся, чтобы о чем толкует и в превратной форме предвидит А. С. Нилогов, говоря то о медитации, то о бессознательной телепатии с телепортацией, подверстывая их под антиязык, сказать проще. Без псевдофилософского тумана. И современнее. Чем все это вызвано или как перерастание общества в Технос искажает сознание гуманитарных теоретиков.

Уже наличные признаки развития современной технологии показывают, что в пределе формальное мышление-исчисление, превращаясь в безъязыково-бессловесное, будет осуществляться «от мозга к мозгу». Об этом день и ночь мечтают адепты так называемого «открытого церебрального общества» (когда будет прямая = внесемиотическая передача и чтение мыслей, которое пока в экспериментах). От мозга к мозгу, от чипа к чипу, от чипа к мозгу и наоборот – такой в идеале видится не опосредованная какой-либо внешней фиксацией передача сигналов. Над ее осуществлением полным ходом идет работа. По сути это не программирование, вообще не «язык», даже формальный, несловесный, потому что бессубъектная передача импульсов не коммуникация, а «*коммутация*». Просто замыкание контуров. Да и все. Пульсация электрических сигналов внутри неких био или кремниевых субстратов (ах, какая скорость, кричащие об онтологии коммуникаций новаторы не знают, что становятся консерваторами; их головы *материал* для прогресса). Уже сейчас достаточно много людей, которые в традиционном мире только присутствуют, а (не)живут «там», в качестве питательного бульона для интернет-матрицы. Чтобы совсем не отлипнуть от компьютера, они и питание себе придумали, получают

¹Нилогов А. С. Философия антиязыка. СПб., 2013, С. 129.

по системе 3D какие-то растворы в пробирках; если нечаянно выйдут на улицу, то в очках-насадках, чтобы по-прежнему воспринимать мир не предметов, а фантомов и прямо на сетчатку глаза; секс тоже в виртуальных объятиях – в никому и в никуда; вот вам и «желание письма» вместо желания другого (первый уровень), а далее «тело без органов», «шевелиющаяся протоплазма», – как видим, введенные постмодернизмом концепты были философским предвидением теперь действительно происходящего. Гей-движение и прочие «извращения» в сравнении с этими тенденциями – закоснелые традиционалисты. Жалкие реакционеры. Зачем при подобном образе жизни живой язык? Так формируется «язык» для поколения next+ без слов и звуков, в молчании, как информация без выведения «вовне», которая, поскольку ее никто не воспринимает, редуцируется до цепочки бегущих электрических импульсов. Вот он – подлинный антиязык, если говорить в подобных, как у А. С. Нилогова, приблизительно нащупываемых понятиях, когда мы вступим во второй, более фундаментальный этап лингвистической контрреволюции. В буквальном смысле слова «анти», т. е. на всю глубину, без коммуникации. Антикоммуникация. (Не)коммуникация. Коммуникация. Некому коммуницировать.

Таков конечный итог борьбы с живым общением: от естественных языков (речи) к письменным текстам и структурам, от них к цифровой коммуникации через «различание» (протописьмо, биты, скрипторика и риторика числа, программирование), далее к новому тождеству в виде неких киберорганизмов, Матрицы или World Wide Grid. В конечном счете, это «антиязыки» Искусственного интеллекта. Или, например, мечтают почему-то еще не сбросившие с себя человеческий облик технократы: об о(за)хватывающих Землю «галактических информационных полях»¹. распластанном по ней «ландшафтном разуме»². по(на)крывающем ее «мыслящем океане» в духе Ст. Лема. Конец Логоса, ненужного при цифровой коммуникации, потом даже Числа, ненужного при прямой коммутации. Если смысловые эпохи истории человечества характеризовать предельно широкими мазками, то это будет: язык – коммуникация – коммутация. **Ком-мутация: конец семиотической**

¹ Панов А. Д. Галактический сверхразум и программа SETI. // Земля и Вселенная. 2003. № 3.

² Чеклецов В. В. Топологическая версия постчеловеческой персонологии: к Разумным Ландштафтам. // Философские науки. 2010. № 6.

реализации возможных миров! В борьбе с Бытием Хайдеггера через Ничто и нигитологию Дерриды по ленте Мебиуса приходим в ту же точку, откуда вышли. Бытия, но **Иного**. Конец Света. Нашего. Вперед = после – Тот свет, о котором могут быть только футурологические фантазии, конкретизировать которые не решался даже Ст.Лем, а мы считаем их роковыми. Потому что постчеловеческие.

* * *

Когда летней ночью мотыльки, один за другими и целыми стаями летят на огонь, сгорая в нем, думаешь, вот глупые создания, что их туда влечет – на оче-видную смерть. Почему не видят, не чувствуют? Но совершенно также сейчас люди «летят на новое», стремясь к нему только потому, что оно «прогрессивное», дает сиюминутные выгоды и комфорт, не отдавая отчета в его опасности. Не желая, боясь оценивать ее, даже думать о ней. Иногда, правда, люди-мотыльки посетуют: что делать, «прогресс не остановишь». Структура фразы выдает суть процесса: «от смерти не уйдешь». Так хотя бы не отождествляйте его/ее с благом. И в отличие от мотыльков воспользуйтесь разумом, чтобы смотреть дальше своего носа, подчиняя научное сознание и технологические достижения задачам поддержания жизни. Особенно те, кто считает себя философами, должны им пользоваться не как рефлексом, а для рефлексии. Мыслить с одновременным пониманием, о чем и куда ведет мысль. Так им положено по профессии. Иначе мы не будем знать, когда нас не будет. Какие-нибудь мотыл(ьк)и, особенно теоретические, на которых хорошо клюют большие рыбы, скажут, это хорошо: смерть-то счастливая, эвтаназия. Но она досрочная и наркотическая, зачем ее, безвременную, считать за «хорошо»? Надо греться от огня, пользоваться им, удерживаясь от того, чтобы (по)падать в него. Благо живых людей – жизнь, которую надо защищать.

При знакомстве с работами авторов, увле(каем)ченных бурным поток(п)ом технических достижений, видно, что их сознание смывается им как ... клочек бумаги. Они не воспринимают экологических аргументов, считая их проявлением консерватизма. Остается слабо надеяться, что на этапе прямого демонтажа родовой идентичности человека их может отрезвить угроза собственному индивидуальному существованию и тогда проявится свойственная сциентистам способность к последовательности суждений. Тем более, если они «длинные» или хотя бы честные. Тогда, подняв и держа голову над водой, они увидят,

что их несет к водопаду. Что они не субъекты, а объекты, материал прогресса, а самое страшное в современной цивилизации, это ее успехи. И захотят стать борцами со своим временем. Стать Личностями. Или хотя бы сохранить достоинство Разумных существ. Да, были на Земле такие, они умерли в борьбе, а не в бессознательном состоянии, сделав для сохранения на ней жизни все, что могли.

В нашем случае надеяться на консервативно-бытийный поворот есть определенные основания. Несмотря на нашу жест(о)кую критику, которая по русской пословице, кого люблю, того и бью, или, как Ницше, на кого нападаю, того уважаю, осмелимся дать молодому автору первой книги совет: ему надо отречься от философии антиязыка, проклянуть ее как проявление слабости и предательства (по образованию он филолог), вызванного тенденцией к превращению цивилизации жизни в постцивилизацию техники, которая на первых порах его захватила, подавила и перейти на сторону философии сопротивления. По возможности показа опасности инновационизма, его, где удастся, саботажа, особенно и хотя бы в сфере образования. Конкретно, к *экологии языка и защите Слова* от перерождения в дигитальную коммуникацию или поглощения мертвой = бессмертной техногенной субстанцией. Обогатить экологию языка знанием причин его гибели. В эпоху *Mortido*. Поняв, что она собой представляет и где рождается ветер, дующий на корабле жизни в паруса «воли к смерти». Поэтому сжигать книгу на открытом огне необязательно. Лучше написать другую: «Философия живого языка».

В пользу подобной перспективы говорит то, что, несмотря на измену божественному «Слову», которое было «В Начале» и несло на себе всю человеческую историю, замену его «Цифрой», несущей нас в иной, искусственный мир, он демонстрирует уникальное чувство языка. Настоящую «любовь к врагу», которая то и дело прорывается. Хотя в целом текст ненужно сверхсложный, неудобочитаемый, многие выражения и находки в нем вызывают восхищение. Хайльдеггер (какая тонкая, злая ирония), осевое время (углубление смысла изменением всего одной буквы), сущность бытия (философское остроумие на грани хулиганства), птичий антиязык (убойная самокритика), сплю, следовательно, существую (над столь неожиданным парафразом Декарта я смеялся целый день и лег спать воодушевленный), тоталерантность (уничтожающая оценка идеологии политкорректности одним словом). И т. д., до тех пор, когда мотылек станет высоко парящим дальнзорким орлом.

Надежда живет последней.

2. Скрипторика

Справедливости ради, надо сказать (пока языком), что некоторые «трансгрессивные» авторы задумываются о результатах влияния постязыковой среды на человека. Чутко следящий за техническими достижениями российско-американский фило(соф)лог М. Эпштейн предвидит время, когда «то, что традиционно понимается под субъектом, растворится в информационных потоках, в электронных сетях. Самоуправляемые компьютерные программы, как тютчевские „демоны глухие“, будут вести беседу между собой. Нет ли прямой теоретической связи между грамматологией, исходящей из отсутствия человека в письме и футурологией самодействующих компьютерных программ? Грамматология, помноженная на мощь электронных и nano технологий, представляет человека как исчезающий субъект в грядущем мире машин письма»¹.

Где же наше спасение? В скриптизации бытия! Вот направление поступательного движения всего человечества, его перспектива. Быть – значит писать. Человек – скриптор своего бытия. Письмо-скриптору не надо путать с письмом-грамматологией, как это произошло у Деррида. Это – нечто другое, может быть совсем другое. Упрекая грамматологию в том, что она сводит на нет роль субъекта, Эпштейн, в отличие от нее, надеется сохранить субъект в процессе дальнейшего прогресса технологий «к скриптизации бытия», которая идет уже в настоящее время. В будущем скриптизация будет всеобъемлющей, такой, что можно сказать: «Пишу – следовательно, существую». Все, кто сидит за компьютерами, заняты, в сущности, скрипторикой. В ближайшее время письмо, «печатание вещей на трехмерном принтере» заменит производство. Заводы и фабрики в перспективе нескольких десятков лет превратятся в принтеры, точнее, нанопринтеры, изготавливающие любые материалы и объекты по их описаниям. Можно будет напечатать любое изделие: дом, улицу, город, а если угодно – целую планету, лишь бы был заказчик и адрес отправления. Создавать, творить – значит печатать. Все будут – (перво)печатники. «Вторые» печатники – уже напечатанные автоматы, которые будут печатать самих

¹ Эпштейн М. Homo scriptor: Введение в скрипторику как антропологию и персонологию письма. // Философские науки. 2008. № 8, С. 143.

себя. И т. д. *ad absurdum*. Самотворящийся мир. Вспучивающиеся массы «информационной материи». Но где тут субъект? – спросит какой-нибудь отсталый читатель. Не надо торопиться: «он будет вам».

Скрипторика – это антропология письма, она становится идеологией пишущего класса, а поскольку в передовых странах этим заняты почти все, то в принципе она превратится в образ жизни и идеологию всего человечества. Как пророчит выдающийся киберизобретатель Рэймонд Курцвейл, человеческое тело постепенно подвергнется материальному сокращению, так что кто останется в «теле», одновременно сможет носить в кармане полную инструкцию по собственной сборке. Носить самого себя в кармане или то, что в кармане (чип), будет считать себя носящим некий груз или защитный панцирь для выхода во враждебный биологический макрокосмос. Ведь человек не субстанция, а информационная модель, матрица, которая может быть перенесена в память компьютера или размножаться на принтерах в любом числе копий. Все это неотвратно, следовательно, хорошо. Вот перспектива, если безоговорочно следовать прогрессу технологий, сущее приравнивать к должному, лишая человека минимальной возможности влияния на происходящее, не говоря о выборе и «свободе» (кавычки потому, что передовые технонаучные «мыслители» исповедует абсолютный фатализм и от идеалов свободы отреклись категорически: «прогресс не остановишь»; вспоминать о ней неприлично – удел реакционеров).

Исходя из закона неразрывной связи организма и среды, вместо человека можно предвидеть возникновение неких искусственных тех(су)ществ, живущих в мире, где «для общения» общение больше не нужно. Не нужна, чему уже радовался автор проекта антиязыка, и коммуникация. Потому что она будет происходить без опосредования, «от мозга к мозгу», путем сканирования мыслей друг друга одним прикосновением чипа к нейронным сетям и всё, потеряв индивидуальность, сольется в некий мыслящий океан. Или превратится в элементы WWG – единой Мировой решетки (матрицы), работа над которой ведется на переднем крае технуки, в частности, в процессе совершенствования Адронного коллайдера. И/или «глухие демоны», т. е. самоуправляемые компьютерные программы будут беседовать друг с другом вообще «без мозгов». О чем, правда? Может о том, что столь восхваляемое в постмодернизме различие/различание по закону двойного отрицания в свою очередь снимается принципом тождества (единства), только уже иного, «слипшегося» в точку постчеловеческого мира.

А лучше бы, продолжают мечтать совсем последовательные «иммортологи» – *поствитального* («кибернетическое бессмертие»). И философы трансгресса, его рефлекса, но не рефлексии, предав различие, опять будут воспевать тождество, радуясь, что безлюдно-бесмысловому безжизненному миру больше ничего не нужно, даже коммуникации. Но пока это вожделенное инновационное состояние не достигнуто, обремененные проклятьем собственного антропологизма некоторые из них пытаются что-то сохранить от человека.

Не чуждый подобных пережитков и опасений вышеупомянутый автор трансформирует грамматику в скрипторику, однако не по факту, в реальности, предлагая, например, изменить положение человека в компьютерном мире, попытавшись ограничить его влияние на людей, подумать о возможностях существования разных форм бытия, онтологий, а просто реинтерпретирует ситуацию путем переназывания. Отличие скрипторики от грамматики, которая, как он признает, уничтожает субъекта вплоть до «расчеловечивания человека», в том, что ее предмет «не столько биографический, эмпирический субъект, скрипящий пером или стучащий по клавишам, сколько те формы сверхсубъективности, транссубъективности, которые возникают в процессе письма и объемяют все его суверенные территории... И если грамматика предвосхитила тенденции расчеловечивания информационных технологий, то может быть скрипторике дано будет очертить новые возможности их очеловечивания на уровне сверхэмпирического субъекта? Ради понимания этой роли пишущего, Homo Scriptor, и написана данная статья»¹. Субъект появился! Правда, совсем новый, «не традиционный». Намерения как будто благие, но упаси боже засомневаться в благе такого направления развития и в том, что это единственно возможная судьба человечества.

Какое же тут отличие в положении человека? Если оно есть, то с точки зрения его самости и идентичности, только к худшему. Надеясь возвратить уничтожаемого грамматикой субъекта, он верит в это при условии, что субъект будет «другим», существуя в качестве «транссубъекта». Деиндивидуализированного, но субъекта? Прокламируя желание «очеловечить» пишущего субъекта, М. Эпштейн сохраняет слово, форму, подменяя содержание. В утешение человеку,

¹ Эпштейн М. Homo scriptor: Введение в скрипторику как антропологию и персонологию письма. // Философские науки. 2008. № 8, С. 144.

которому, в связи с экспансией электронно-компьютерного мир-письма не остается места и он предстает исторически преходящим посредником между отмирающим языком и наступающей матрицей, постулируется более адекватный данной ситуации сверхэмпирический «транссубъект». В сущности, концепт. Бродящ/ая/ий по сетям персона-ж. Вместо традиционного субъекта *Homo sapiens* – *Homo scriptor*. Естественно, без телесного субстрата, без языка, без имени, не создает, но все время пишет. Само-программирует-ся. *В тишине*. Для человека – гробовая тишина. Он без жизни, идентичности, мультитивид (о личности речи не идет, это традиционалистская архаика) и – обладает голографическим бессмертием, которое больше не утопия. Потому что «нече(ко)му» умирать. Ни тела, ни субъектности. Можно ли в таком качестве считать его Гомо? Это скорее, ~~гомо~~, трансгомо, цель трансгуманизма, обещающего, как мы видели, создать в России такой симулякр к 2045 году. В Америке, если гонка по самоуничтожению продолжится, аналогичная замена произойдет даже раньше. Те же похороны субъекта, человека вообще, тоже «через бессмертие», только в контексте лингвистики, вернее, как не парадоксально, борьбы с ней. Опять посредством эвтаназии в обновленном путем калькирования с последних технических достижений терминологическом облачении. Поистине безмерная глубина знательности и – бессмысленного (не)понимания!

3. Риторика

Но все-таки в философско-гуманитарной литературе нет концепций, обобщающих пост(транс)современные тенденции развития нашей цивилизации до универсальной модели мира. Типа атомизма, платонизма, кантианства, структурно-лингвистической парадигмы. Постмодернизм (постструктурализм) – слишком широко и неопределенно. До сих пор нет, не было, но, кажется, недавно такая концепция появилась. Просто ее пока не увидели. Не опознали. Это «риторическая теория числа», к несчастью, недавно безвременно, не дожив до 50 лет, умершего С. Е. Шилова, в которой на обширном материале постнеклассической науки о микро и мега-мирах, со смущающей «классическое сознание» убедительностью, показано преимущество их математического описания в сравнении с естественным языком и логосом. (Далее

идет изложение этой теории в посильной мне, пленнику естественного языка, трактовке): Автор показывает преимущество не обремененного образностью и смыслом чистого = формализуемого = точного мышления – без «психики» = без воображения, визуальных картин и предметных характеристик, которые в последнее время буквально вымучиваются в физике – клей, супы, цветность, четность, темная материя и т. п. (Какая тут точность, которой обычно гордилась позитивная наука, – согласимся мы; мифы какие-то). Поэтому надо воспринимать микро-мега-миры подобно, как например, мы воспринимаем музыку и поэзию. Переживаем, меняем свое внутреннее состояние – и все. Так же можно мыслить. Сначала речь идет как будто о микро-мега-мирах, а потом оказывается – вообще! Включая нашу макрореальность. Мыслить ничего не представляя, без пространственно-фигуративного моделирования. «Коммутируя» внутри Разума как мира, или, что одно и то же, внутри Мира как разума. В себе и про себя.

Исходя из данной теории, первичным языком человеческого мышления и основанием моделирования любой реальности предлагается считать *Число*. Оно будет новым, адекватным стоящим перед современной наукой проблемам, «архе». «Риторическая теория числа осуществляет семантический проект математизации лингвистики, раскрывая априорный континуум математических суждений как первый язык, первую форму словности и изначальную систему кодирования, связывающую мышление и существование в темпоральном цикле»¹. В ней «нет иного означаемого, нежели число, а также нет иного означающего, нежели цифра»².

Под «риторикой» имеется в виду беспредметность числа, которое, ничего не означая, одновременно является бытием как таковым, вне которого больше ничего не предполагается. «Число есть истинный основной предмет физического знания»³, а процессы исчисления есть содержание функциональной активности чистого, «солиптического» т. е. основанного на самом себе Разума. Сущность этого математического (научного) тождественного себе разума есть 1 (единица), деление которой на 0 (ноль) дает все простые числа, из которых состоят как мысль, так и реальность. Вернее, это одно и то же. «Система чистого

¹ Шилов С. Е. Риторическая теория числа. – М., 2013. С. 541.

² Там же, С. 425.

³ Там же, С. 24.

разума – это формула бытия»¹. Риторическая теория числа или, по-другому, «философия электронного мышления» завершает, как полагает автор, историю мышления Нового времени и является основанием рациональности *Нового Бытия*.

Многие представители философии и научного знания, знакомясь с этими идеями, склонны считать их, мягко говоря, не совсем адекватными, выпадающими из принятых канонов мышления. То, что они «не каноничны» несомненно, но это не значит, что с ними можно не считаться. Скорее, наоборот. Их автор первый, (потому что) последовательный и глубокий, может быть, оправданно сказать, хотя так не принято о современниках (кроме актеров в обществе спектакля), был великим представителем философии computer science в России, а скорей всего в мире. Даже не computer science, хотя она становится лидером познания, а философ и теоретик Матрицы, трансформации всей нашей физической реальности в дигитальную. Более того, замены любых форм природы, материи, жизни, вообще любого сущего, включая человеческое сознание, которое «есть вычислительный процесс», Универсальным Вычислителем. Глобальным Мозгом, грубо говоря, Большим Компьютером. Это философ WWG (Мировой решетки), работы над которой вполне реальные и продуктивные, интенсивно ведутся на передовых рубежах технонауки в рамках создания Искусственного Интеллекта, в сфере нанотехнологий и т. д. Притом, мы имеем именно философию, хотя особого рода, уже «транс(постне)классическую», но философию, а не просто взятые из вторых/третьих рук «рассказы о высоких технологиях», которыми наполнены, посвященные науке и технике гуманитарные тексты.

В «философии электронного мышления» находят свое конкретное выражение те самые тенденции становления на Земле постчеловеческого бытия, о котором мы здесь много говорили, но в общекультурной форме. Как *Инобытия*. Тенденции, в преврат(шен)ной форме прорывающиеся в обывательское сознание как «конец света». Конец нашего, в широком смысле слова, «этого света» = Lebenswelt (жизненного мира). Притом, что дальнейший прогресс техники уничтожает, заменяет цифровым и виртуальным телесное человеческое бытие. Теснит его на глазах всех, кто хочет видеть. (Вот-вот, чтобы больше совсем не (за)хотели видеть внешний мир, на одном, как будто левом (пока),

¹ Там же, С. 181.

глазу будут носить специальные компьютерные очки – их производство налажено; это называется: жить в «дополнительной реальности»). Человеческое сознание, которое, начиная с Парменида (бытие есть, небытия нет) отражало и поддерживало бытие, становится на службу отрицанию естественного и даже искусственного, но предметного, «нашего» феноменологического мира. «Оно стало машиной пролиферации гипотез небытия, а достигшее критической мысли небытие отклонившегося от бытия интеллекта, само может стать действительностью человечества, знать которую будет дано немногим выжившим, если таковые найдутся»¹. Бытийно-антропологический вывод из числовой модели мира скупой, намеком, но понятен. Перспективы вдохновляющие... «для немногих выживших, если таковые найдутся». Какова еще большая, чем у автора скрипторики, ученость(!). Смертельная, и безо лжи про бессмертие. Ничего не пожалеем, лишь бы было прогрессивно. Для кого/чего? Особенно в свете патологического энтузиазма «отклонившегося от бытия интеллекта» в связи с валом последних достижений в воспроизводстве не только физических, но умственных функций человека.

Ярким примером служения небытию является сама риторическая теория числа. Как все носители новой, становящейся парадигмы мышления, она обосновывает себя *ab ovo*, демонстрируя чудовищный и агрессивный антиисторизм. Под нее начинает (пе)реинтерпретироваться история философии, ее вершинные фигуры, из которой теперь надо сделать единственно правильный вывод, что кроме числа и чистого разума не только ничего нет, но никогда не было. Само собой Пифагор, а также Платон, Аристотель, Кант, Гегель – все они предтечи, да ладно бы, предтечи – сторонники риторической теории числа. Под интеллектуализм и матезис подверстывается даже фундаментальный критик «поставы», утверждавший, что «наука не мыслит», провозгласивший свой, особый, поэтический (!) метод познания, почвенник, консерватор и наци(онали)ст М. Хайдеггер. Ориентировавший мышление на этимологию слов, противник терминов, у которого «язык – дом бытия», притом, взятый как речь, родной. Теперь его поселяют в дом из цифр, фундамент и стены которого – 1, а крыша – 0. О, единица (ноль), ты мир. А мир – ноль (единица). Его нет. Поистине, лучший способ убийства – (за)душить в объятиях. В данном случае – познавательных.

¹ Там же, С. 330.

И, кстати – 1) Само именование этой «теории числа», цифрового поглощения мира, как «риторическая» сначала вызывает недоумение. Причем тут «риторика»? Красноречие, ораторское искусство и язык математики, который, собственно не звучит, а только пишется? В чем секрет этого авторского термина. Думается в том, что слово «риторика» имеет переносный смысл, как выражение поверхностности, пустословия, неподлинности мысли. Именно это автор теории числа имеет в виду, представляя подлинный мир в виде цифр, считая им бессловесную, «постлогосную» реальность, матрицу. И рассказывать о нем он должен бы тоже языком цифр, ибо «язык – это деление единицы на ноль». Дать некое количество формул, программ – это и была бы настоящая теория числа. Но люди, увы, мыслят все еще живым словесным языком, находятся в сфере Логоса и с ними приходится общаться, представлять им другой мир на их неподлинном, пустом, поверхностном, смысловом = риторическом языке. Приходится пока давать не собственную, а «языковую теорию числа», «словесную оболочку реальности». Учитывая, что сам автор волей неволей, вынужденно тоже говорит словами, должен говорить языком этого неподлинного мира, чтобы рассказать о другом, подлинном уже нечеловеческом мире, выразить его отношение к подобным поверхностным формам мысли, он ее и называет «риторической». Язык, логос – это «вторичные» качества мира, нечто кажущееся. Риторика. Риторическая теория числа как семицветная радуга или кислый вкус, а ведь «на самом деле» это разные длины волн и химических формул... Слова, слова, а «на самом деле» есть только цифры. Природа, жизнь, изучающие их биология, химия, физика предстают как некоторая видимость, «на самом деле» есть только математика. И не всякая, не старая, классическая = человеческая, а чтобы – «прикладная», вернее, наконец-то настоящая = машинная. Она опять будет бытийная, «качественная», но только покончит со словесной логикой, сделав ее ненужной. Качество теперь есть количество. Сознание – вычислительный процесс. Человек...а «на самом деле» есть или хотя бы должен быть – Искусственный Интеллект. Его язык. Другой мир. Роботов.

2) Если воз(об)ращаться в наш мир (пока) и к современности, то увидим, что те же процессы происходят в социально-организационном плане: в частности, непрерывные, то ползучие, то открытые попытки удушения Академии наук России нельзя было объяснять только технико-экономическими причинами. Ее вина в том, что она слишком

«естественна», все еще направлена на реальность, с трудом перерождалась, там «физика» = «старая наука», в то время как нужна была «кибернетическая физика». Для этого следует оставить одни технопарки с компьютерами – тогда будет действительный инновационный прорыв. Отсюда толки о конце науки, постнауке, сокращение в школах преподавания естествознания и прочее, о сохранении же человеческого феноменологического мира, «поэзиса», гуманизма, после того как логос тоже утрачивает объяснительные возможности, ибо слишком антропологичен, вспоминать при теоретизировании становится неприлично. Технократическое сознание самоотрицательно, оно воспринимает заботу о человеке и адекватном ему мире с все большим раздражением.

Несмотря, а может быть благодаря глубине своего понимания происходящих процессов, С. Е. Шилов ослеплен ими. «Не в(с)оображает», что будет с нашим предметным миром, когда по компьютерным программам на объемных принтерах нач(нут)али «клепать вещи из чисел», а зачем, кому эти вещи будут нужны, если и «жизнь есть способ существования риторических чисел»¹, функциональные формы которой тоже будут «клепать», ему не интересно. Его сознание, как у всех рядовых технократов, констатирующе детерминистично, его самость, «ктойность», субъектность стерта в пыль небытия молохом прогресса. Техноматематическая, даже общенаучная гениальность не гарантирует длинной философичности и благомыслия. Лишь изредка, «для порядка» и (само)обмана, как невольный представительский экземпляр существующего, говорящего словами и пишущего буквами в обычной семантической логике родового человека, он заявляет, что реализация проектов на интегральной основе РТЧ-идей «позволит решить базовые проблемы цивилизации и вывести человечество на новое качество и уровень развития». Качество и уровень цивилизации будут новыми, но останется ли она человеческой, вообще цивилизацией, а не чистым, на базе «солиптического разума» техносом в виде кибернетических структур или «информационных ландшафтов», заменивших на Земле живое и человека – вот предмет обсуждения, забота для человеческой философии, котор(ый)ая, к сожалению, почти никого не заботит. И прежде всего самого автора риторической теории числа. Таков парадокс нашего движения к «концу света» – в форме эвтаназии.

¹ Там же, С. 179.

4. Язык с человеком со-против-ляются

Перспектива поглощения языка (и) человека, замена их антиязыком=письмом=исчислением была прописана Деррида(ой) более 40 лет назад. С тех пор заменяющее живое общение людей компьютерное коммуницирование перестало быть уникальным предвидением и число сторонников грамматиологии, а также разворачивающихся на ее основе новых течений, хотя и без понимания их смысла, неизмеримо выросло. Пока человечество в целом говорит и пишет на языке, старается сохранить даже его «родные» варианты и несмотря ни на что (на интернет), издаются книги, в музеях представлены образцы искусства, на передовых рубежах технауки борьба со словом и замена его цифровой коммуникацией приближается к апогею. Появились, как видим, идеологи коммутирования (уже не коммуникации, поскольку электрические импульсы связывают не разные объекты, а качественно тождественные состояния) и Матрицы. Путем лингво-комбинаторного моделирования решаются задачи исчисления смыслов, которые могли бы реализовываться на суперкомпьютерах. Информационно-сетевое общество трансформируется в состояние, «естественным» языком которого будет тот самый, искомый «новаторами любой ценой», (не)язык, язык, антиязык. Язык Artificial Intelligence (искусственного интеллекта), готовящегося перерасти в Artificial Nature (искусственную природу), в искусственное бытие, для нас – инобытие. И тогда: «Естественно возникает вопрос, а может быть весь окружающий людей мир – это гигантский многомерный экран? Каким суперкомпьютером этот экран управляется? Получается следующая картина мира: люди со всеми своими инструментами – телескопами, микроскопами, ускорителями и пр. – окружены гигантским многомерным экраном, и всеми инструментами изучают не более чем свойства этого экрана, который управляется внешним суперкомпьютером. Это и есть компьютеризм»¹. Короче говоря, теперь наш Бог Суперкомпьютер и – there is nothing outside of the bit (нет ничего кроме бита). Язык как и вся реальность, вместе с человеком – (у)биты!

Если бы люди были быками, иронизировали древнегреческие философы над верующими в мифы соплеменниками, то боги их мира были бы

¹Игнатъев М. Б. Кибернетическая картина мира. – СПб., 2010, С. 183.

похожи на быков. С тех пор познание достигло немислимых древними высот и изощренности. Но все не впрок. Также тупо, прямолинейно, не боясь иронии, современные продвинутые теоретики конструируют реальность, похожую на свои занятия, экстраполируя ее на весь мир. Притом от века, «от яйца», совершенно забыв о свободе (бифуркации), возможностях выбора, герменевтике, об аксиологии – никаких сравнений, ценностей и оценок. Если техника сказала «будет», значит надо = хорошо. И всегда только так хорошо и было. Если ее дальнейшее нерегулируемое развитие ведет к трансформации или даже уничтожению человека и его языка, тоже неплохо: да здравствуют «транسخьюманы». Кому этого мало – читайте теоретиков, обосновывающих необходимость ликвидации жизни на Земле, любой, вообще: поприветствуем «пост-витализм». Теоретизируют как не (как) субъекты, а просто «пишут», к чему и зачем не задумываясь. Вот он, узкий научный примитивизм! Хуже всякого. «Наиболее вероятный конец человечества – воинствующая глупость. Человечество погибнет от собственной глупости», – отчаявшись достучаться до людей, с горечью говорил А. А. Зиновьев¹. Но это не глупость неведения, нехватки знаний. Наоборот, мы тонем в грязевом потоке нового и информации. Антипод глупости – не знание, не все более новая информация, а мудрость. И если чего человечеству в его мире сверхпотребления чего-то не хватает, то это мудрости. Использования или не использования знаний, их правильной оценки и соотнесения с благом.

А кто против этого «прекрасного нового мира» сверхпотребления, комфорта (и) глупости, те полионтисты, циклисты, архаики, консерваторы, традиционалисты. Гуманисты. Живые люди и их язык.

Гете говорил: «Там, где кончается слово, начинается музыка». Увы, теперь после слов и логоса начинается матезис, программирование, молчание, (не)коммуникация... Сообщают-ся последние технонаучные нов(рад)ости об успешных экспериментах: «электронное образование; управление со-знанием; прямое чтение мыслей; от мозга (чипа) к чипу (мозгу); кибернетическое бессмертие и т. п.». И мы не будем знать, когда нас не будет. Не услышим. Некому сказать. Нет слов.

¹Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006. С. 521.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Sos... sos... sos...

консервативный поворот!*

Слова профессора Преображенского из повести М. Булгакова «Собачье сердце» про оправдание неурядиц в хозяйстве всеобщей разрухой: «разруха у вас в головах», стали крылатыми. Это не случайно. Они имеют универсальное значение. Что и как люди думают, если не определяет, то, несомненно, влияет на происходящее в действительности. Мысли имеют свойство осуществляться. Нельзя думать без последствий в виде награды или наказания в делах и поступках. «Умертвлять и расчеловечивать» человека, лишать его жизненного мира и языка в теории, заменять его роботообразными артефактами в проектах, ис(про)поведовать сциентизм и техницизм в философии, значит способствовать «концу света» на практике, быть слепым орудием, способом осуществления самопокалпсиса человечества. Давать идейный материал для этого. «А за кулисами прогресса интегрированное человечество интегрально и прогрессивно шествует к дезинтеграции живой материи» – как поет (пел) знаменитый французский шансонье Жак Превер¹.

О(б)суждая, дезавуируя, проклиная подобный подход и перспективы, в противовес «разрухе в головах по-научному», когда мыслят не от имени человека, не как люди, не головой, а как формализованные в формалине «мозги в банке», я почти каждый раздел книги, в котором рассматривались эти губительные для человека идеи, завершал некоторым «позитивом», показом того, что бы стоило предпринимать для предотвращения печального исхода. И тем не менее, заключая работу

¹Превер Жак. Город погиб. // Песня для Вас. Москва, 1988. С. 89.

в целом, есть смысл конкретные тематические аргументы дополнить такого же рода спаси(а)тельными соображениями общего характера.

Когда подают сигнал бедствия, значит, надеются на помощь извне. На кого надеяться человечеству? Только на себя. Или, кто верит, на Бога. В любом случае спасение приходит к тем, кто борется до конца. Даже в случае обращения к высшей силе: на Бога надейся, а сам не плошай.

Главным духовным препятствием в борьбе за сохранение адекватной человеку реальности является фатализм. Им особенно пропитана, как ни парадоксально, либерально-прогрессистская идеология: «Прогресс не остановишь», «Иного не дано», «Техника наша судьба» и опирается на линейные представления об истории Вселенной. У плюралистов! В то время как эволюция биоты показывает, что появление на Земле более поздних, по одним параметрам высших, по другим низших форм жизни не обязательно отменяет ранние. Возникшие миллионы лет назад виды живут рядом с нами, намного более молодыми. Нашли нишу своего обитания и процветают. Другие не нашли. И погибли. Современное синергетическое мировоззрение, носителями которого обычно объявляют себя прогрессисты, нелинейно и предполагает наличие точек бифуркации, когда развитие меняет вектор, может пойти в новом направлении. Значит будущее, в определенных границах – открыто. Субъективно это осознается как свобода.

Главной опасностью, исходящей от прогрессизма, стала установка: «все, что технически возможно, следует осуществлять». Это как бы само собой разумеется. Хотя даже ученые понимают, что все возможное не осуществляется. Гипотез, проектов, изобретений огромное количество, почти столько же, сколько самих ученых. Но их отбор происходит стихийно, по финансовым, конъюнктурным и другим случайным соображениям. В то время как нужно отбирать, соотнося с целями и благом человечества. Прежде всего, с фундаментальным для него благом – *Быть*. Сохраниться как высшая одухотворенная форма жизни. Если, конечно, хотеть сохраняться, а не превращаться в Иное.

В контексте философского фатализма идеологи технократии выдвигают против человека в сущности единственный, но чрезвычайно серьезный довод, о котором они иногда сами (надо отдавать должное) сожалеют: ПРОГРЕСС! Он неотвратим, его не остановишь. Так говорят о смерти, от которой все равно не уйдешь. Прогрессизм стал поистине «смертным», смертельным аргументом, как последний довод королей для их противников. Самоотрицание человека не благо, а зло,

но поскольку оно неизбежно, то его надо признать благом – такова логика абсолютного детерминизма, отказывающего человеку не только в свободе, но и в субъектности. Конечно, как бы многие философы ни воспевали свободу, (по крайней мере, раньше, сейчас уже перестали), часто тоже как абсолютную, ни выстраивали на ней целые системы, она у человека невелика. И все-таки есть, хотя бы потому, что как показывает история гибели или процветания народов, цивилизаций, развитие неоднозначно, оно ветвится, подвержено случайностям и люди иногда даже вынуждены делать выбор. Неодинакова и не предопределена мера энергии осуществления выбранного варианта. Как индивид: каждый знает о своей будущей неотвратимой смерти, но ее можно сознательно приближать, вплоть до самоубийства, либо вести такой образ жизни, который ее отдаляет. Это делает каждый человек и может делать человечество. Технофаталистическая ориентация приближает его смерть, гуманисты должны отдалять, стремясь сохранить человека как личность или, по крайней мере, как актора. Это граница его Традиции, «дальше актора», после превращения в агента и сильного зомби, его, по-видимому, уже нельзя считать человеком. (О новом Средневековье, возвращении к героическому варварству, яростной, негарантированной жизни дикаря пусть мечтают палеофантасты).

В техногенном обществе принцип свободы приходится брать на вооружение экологам, гуманистам и антиглобалистам. Они верят, что в коэволюции с искусственным человеком способен, удерживая свою биологическую нишу, сохранить идентичность. Для этого надо выбирать и реализовывать такие стратегии поведения, которые бы ее не разрушали. Значит, к стихийному развитию искусственного надо относиться аналогично как к процессам природы. Пытаться познавать и овладевать им. Технонаука стала производительной силой и социальным институтом. Значит, она должна регулироваться подобно всем остальным сферам социальных отношений. Моралью, идеологией, законами. Это задача, которую осознают консерваторы, стремясь привлечь к ней внимание остальной части человеческого общества.

Ситуация выбора затрудняется растущей агрессивностью противников человека. Принимая вызов сложности, отвергая жизнь, они прокламируют этот выбор как единственно рациональный. Но бесчеловечная рациональность для человека иррациональна. Иррационализм – вот действительная характеристика положения человеческого фактора в сверхсложных нелинейных системах. Учитывая, что

в ходе дальнейшего перерождения часть из них окончательно захочет «уйти в машину» и будет тащить за собой остальных, необходимо культивировать ценности плюралистического, разнонаправленного, разнотемпового развития. Ценности разнообразия, которое является условием выживания в быстроменяющейся среде. Несмотря на появление киборгов, личности и акторы должны заботиться об обеспечении возможностей для параллельного с ними существования. Подобно тому, как в эволюции живого после возникновения новых, поздних по времени, породившие их формы жили и живут рядом сотни тысяч лет, также может происходить и в техноэволюции, если в ней будут сохраняться разные ниши и ячейки бытия.

Перед наукой и техникой надо ставить социально-гуманитарные преграды, заслоны, фильтры, которые бы соотносили все их достижения с мерой человека. Не его приспособлять к технике, а технику к человеку, беря во внимание не сиюминутные потребности в комфорте или исполнение капризов, а долговременные интересы. Когда-то иначе не могли и думать. Сейчас такой подход надо отстаивать, идя против течения. В ситуации выживания это естественно: по течению плывет уже дохлая рыба. Мораторий в технотехнике, подобно мораторию на клонирование, должен быть не исключительным, а рутинным явлением для тех или иных направлений деятельности. Как и категорические запреты в зависимости от стадии исследований. Они могут предлагаться и обсуждаться общественностью, приниматься властными структурами регулярно, по крайней мере, не реже, чем например, присуждаются государственные или Нобелевские премии. Предусматриваемая международным законодательством ответственность за угрожающее человечеству наукотворчество должна подкрепляться социально-психологически, созданием атмосферы требовательного здравого смысла и критического восприятия стихийной экспансии технологизма. Особенно в отношении к непосредственным сферам жизни, таким как телесность самого человека, пол, любовь, ибо за сумерками любви следует закат человека. Ничего не любить и быть ничем, – говорил Л. Фейербах, – это одно и то же.

Тому, кто уже захвачен верой в свободу техники, а не человека, в неизбежность его подчинения отчужденным от него силам, полезно отразиться свое личное поведение. В отношении собственной индивидуальной судьбы люди абсолютные фундаменталисты. Реакционеры до мозга костей (кто не самоубийцы). Каждый знает, к чему все

идет, но сознательно туда не стремится. Живет вопреки тому, о чем говорит опыт и рассудок, поступая как крайне неразумное, иррациональное существо. Заботится о здоровье, стариках и детях, до последнего момента сажает деревья, строит дома и планы. Кто делает это хорошо, получает отсрочку. Потому что жизнь выше логического. Она первична и не обязана оправдываться перед своим следствием. Жизнь хочет продолжения по самой своей сути. Любовь к жизни выше поисков ее смысла и является условием его наличия. Таким же образом стоит относиться к судьбе родового человека, исходя, прежде всего из жизни и только потом – мысли. Здесь отсрочка, наше «раньше» или «позже», может равняться сотням лет.

* * *

«Подводящей» идеологией к состоянию, когда человеку наступит полный конец, является, как мы видели, движение за “*Homo enhancement*” (техническое улучшение человека), непрерывное, без какого-либо образца или идеала, или создание, конструирование нового сущего, переход к универсализму техноэволюции. С точки зрения судьбы *Homo genus/sapiens* (родового и разумного человека), началась его *дегенеративная эволюция* (де-э-/ин/волюция). Перерождение в мутантов. Рождение (само)вы-родков. Трансгоманисты пока не составляют большинства даже в передовых странах, но их идеи быстро набирают сторонников. Бытие определяет сознание. Небытие тоже определяет сознание. Распространяется сознание небытия, маскируемое иллюзиями насчет ноосферы, органотехнического усиления способностей, «пережизни», бессмертия и прочих благ, которые по(на) стигнут человека. Трансгоманисты второй волны от этого самообмана отказываются, утверждая, что подлинное назначение людей в том, чтобы превратиться в нелюдей, люденев, трансхьюманов и т. п. Как можно скорее стать материалом прогресса. Инопланетянами на собственной Земле. И сделать для этого саму Землю «поствитальной», как другие безжизненные планеты**. По мере превращения из субъектов научно-технического развития в его фактор, иными словами, становясь легкими зомби, люди перестают осознавать себя людьми и выражать собственно человеческие интересы или, тем более, будучи тяжелыми, запрограммированными зомби, транс-гоманисты/виталисты предлагают реализовать провозглашенную в пост(транс)модернизме «смерть человека» практически, веря сами и уверяя других, что они

не марионетки технопрогресса, а просто «хотят усилить трансперсональный интеллект». Это можно сделать с помощью чипов и/или стать бессмертными (в сети или/и «вообще»).

Они пришли... За нами. За всеми, кто осознает, тем более, чувствует себя человеком и хочет сохранить идентичность. Обещают оставить/загонять в резервации и «зоопарки» (почему «зоо» – почему так цинично, хотя бы «гомо»). Вряд ли этот процесс можно остановить. Но уповая на неизменную, подтверждающуюся «историей всего» многовекторность процессов, резонно и естественно предполагать разнообразие форм в эволюции разума. И, исповедуя парадигму коэволюции и полионтизма, заботиться о продлении своей, нашей, человеческой формы. *Нашей реализации возможных миров.* «Наилучший порядок вещей тот, – говорил Дидро, – при котором мне предназначено быть, и к черту лучший из миров, если меня в нем нет». Сильные зомби и киборги могут осваивать другие планеты. Адекватной им средой является безжизненный космос, а философией – космизм, трансгуманизм, популярность которых отражает зарождение мутантных форм разума на Земле. Инопланетяне не прилетят на Землю, но за(вы) родившись здесь, они могут улететь с нее. В межзвездные или виртуальные пространства, тем более, если им этого «хочется». Что это у нас не «фигура речи» свидетельствуют более 2 тыс. человек, согласившихся отправиться на Марс «без возвращения». Список пополняется. Улетят, не уничтожая живой колыбели разума. Что будет хорошо, если нам, его представителям, их поощрять, а за самосохранение бороться.

* * *

Поиск спасения человечества от движения к концу света, в которое превратился нерегулируемый прогресс, заботит его мыслящих представителей не только в непосредственно философской форме. В художественной литературе, чаще всего аллегорически, тоже делаются попытки обоснования необходимости консервативного поворота, дается новая трактовка консерватизма. Пожалуй, будет уместно (для сравнения философской и художественной трактовки проблемы) показать это на примере одного из «интеллектуальных бестселлеров»: П. Крусанов «Ворон белый. История живых существ». СПб., 2012. Позволим себе привести отрывок из этой книги.

«Мысль о том, что революция – это действие, а консерватизм бездействие, порочна, – заявил Брахман, в очередной раз появившись на волшебном экране. – Консерватизм – это неустанная сила творчества, которая направлена на то, чтобы вспомнить и сохранить то, что убила и распылила инерция. Противостояние либерального прогрессизма и нового консерватизма – это постоянная, ни на миг не прекращающаяся война между «забыть» и «вспомнить»...

Существует расхожее мнение, будто смысл онтологического статуса консерватизма можно свести к нескольким механическим действиям типа «пресекать изменения», «стричь под одну гребенку», «тащить и не пущать». При этом считается, что революции и вообще перемены как таковые происходят, когда мы что-то усиленно предпринимаем, проявляя свою активность, а если остановить деятельность и ничего не вытворять, то сущее сохранится само собой и уже никуда от нас не денется. Эта иллюзия не только ни на чем не основана, но и внутренне насквозь лжива. Потому что в действительности, чтобы сущее сохранилось, необходима целенаправленная работа, ежедневный труд, непрерывное вращение педалей, и вращение это по сути своей консервативно...

Сама идея консерватизма требует непрерывной и неутомимой творческой деятельности для того, чтобы вспомнить, как все было, чтобы обнаружить, что именно уничтожили силы забвения, силы той дробилки времени, той инерции, которая подтачивает и развоплощает сущее само собой. Таково положение вещей. В итоге, не вороша пепел избитых штампов, можно определить консерватизм как философию хранителей мира. Ведь в том, чтобы нивелировать и предавать забвению идеи и образы, нет ничего необычного, для этого достаточно кислотного дождя времени. Проблема в том, чтобы удержать те идеи и образы, которые достойны удержания. Об этом и речь: истинная формула консервативной задачи – удержать достойное. И нет ничего труднее, чем сделать это»¹.

В мире ничто никуда не исчезает. Лопух на могиле также реален, как живший до него человек. Тем не менее, смерть существует. На философском языке она называется потерей идентичности. Разложение предмета, явления, его превращение в нечто новое, для данного предмета

¹ Крусанов П. Ворон белый. История живых существ. М.: Эксмо; СПб.: Домино. 2012. С. 80-81.

означает гибель, независимо от того, превратился он в «низшее» или «высшее». Выступать за его сохранение означает удерживать происходящие в нем перемены в пределах тождественности себе, своей мере и сущности. Кризис, потеря идентичности человека, о чем сокрушаются сейчас в философской антропологии, в переводе на грубую прозу означает кризис, смерть и конец его бытия, распад на «силы» как импульсы энергии, и факторы как материал для какой-то иной целостности. Вот главные причины, по которым надо быть консерватором и традиционалистом. Борьба с традицией – борьба с человеком. Творить можно только в ее рамках. Антитрадиционалисты – враги человека, человечества и, насколько они люди, самих себя, понимают они это или нет. В абсолютном большинстве, к сожалению – нет.

О, счастлив тот, кому дана отрада -
 Надежда выбраться из непроглядной тьмы!
 Что нужно нам, того не знаем мы,
 Что ж знаем мы, того для нас не надо.

И.-В. Гете. «Фауст»

В эпоху пост(транс)модерна мы сами становимся традицией. Кто не осознает этого нового положения человека в истории, либо глупцы, несмотря на любую ученость, либо (само)убийцы, несмотря на благие намерения. Не то хорошо, что хорошо, а то, к чему все идет, говорит народная мудрость. Ее надо помнить всем.

***Controlled development (управляемое развитие)! Консерватизм!
 Борьба за Традицию!***

В чем предназначение человека? – спрашивал какой-то великий моралист. И отвечал – *Быть* им. Теперь этот ответ приобрел онтологический смысл: остаться человеком на породившей его Земле. Развитие стихийно, нелинейно, и в силу этого, к счастью, не фатальное. Чтобы выжить в его потоке, надо быть: 1) в сознании, 2) субъектом, 3) личностью. Быть *Человеком*. Не потерять сознание своей идентичности. Не превратиться в зомби. Замкнутый круг. Размыкается чудом, из Вне или такого же рода Экологическим (не)Деянием. *Пусть нашей резервацией (парком) будет вся Земля!* Консервативно жить или прогрессивно умереть – таков теперь «основной вопрос (философии) выживания». Быть живым, противиться объективно приближающейся смерти – это очень консервативно. Знает всякий, кто человек. А слабым и сильным зомби, представителям различных пост-транс-ино-бес-(человеческих, жизненных, смертных) прогрессистских

стратегий, чье сознание уже порабощено и «переформатировано» силами Иного, остающиеся люд(и)ями могли бы сказать: «давай, до свидания». **Прощайте...**

Примечания

* Save our soul (спасите наши души)... Save our sex (спасите наш пол)... Save our self (спасите самих себя) ...

** См., например: В. Кишинец На смену обезьяне. Философ Владимир Кишинец говорит гомо сапиенсу good bye! // НГ EX Libris 2012–08–30. Поправим журналистский заголовок: До свидания он говорит не гомо сапиенсу (для трансгуманистов это банально), а как до конца последовательный = без(д)умный техник, т. е. идеальный прогрессор, он выступает против всего живого на Земле. И никакого беспокойства у слушающих его редакционных обезьян подобные перспективы не вызвали. Не пришло протестов и от таких же читателей. Хотя когда-то за человеконенавистническую идеологию геноцида судили. (Потому что она была не по-научному?) Смерть (к) нам приходит «на голубиных лапках».

ПРИЛОЖЕНИЕ

МОЖНО ЛИ УПРАВЛЯТЬ ПРОГРЕССОМ?

ИНТЕРВЬЮ¹

А.Н.: *Ваша книга называется *Время Mortido*. В «переводе с Фрейда» – время влечения к смерти. Вы имеете в виду, что современное человечество устремилось в могилу, на съедение червям?*

В.К.: Это, конечно, ваше упрощение, надеюсь, провокационное. Речь в ней, в сущности, идет о том, о чем мы сейчас говорили, только развернуто и более доказательно: о тенденции к замене всего живого и естественного, техническим и искусственным. О замене предметной среды обитания человека – виртуальной, вещей – симулякрами, духовности – расчётом, культуры – технологиями и т. д. А человек по субстрату и генезису всё-таки живой, естественный. Потому он в кризисе, физическом и душевном. Окружил себя невыносимым богатством, комфортом, будто бы «для райского наслаждения» и – теряет ощущение жизни, способность к радости, чувству красоты и понимание смыслов. Становится депрессивным, механичным, «зомби». Параллельно прельщают бессмертием. Но если индивид бессмертный, то тем более неживой. Умереть можно по-разному – уйдя вниз, в могилу, превратиться в лопух, или вверх, превратившись в нечто принципиально другое, например, в «электронный лопух». Все равно это будет не наша, чужая, пост(транс)человеческая форма бытия. Таким образом, *Mortido*, в философском смысле – влечение к потере идентичности, к самоотрицанию в виде перехода в Иное.

¹ В. А. Кутырев (**В.К.**) отвечает на вопросы А. С. Нилогова (**А.Н.**) в электронном журнале «Философские исследования» 2013, № 8 после публикации своей книги «*Время Mortido*» СПб., 2012.

А.Н.: *Как Вы оцениваете общее состояние современной культуры и философии?*

В.К.: По всем признакам видно, что мы становимся пленниками технототалитаризма. Культурные, т. е. духовные регуляторы социальных отношений (добро/зло, служение, грех, долг, честь, ответственность, совесть и др.) заменяются внешними: алгоритмами и регламентами, визуальным, а «где надо» и звукозаписывающим наблюдением, технологиями учета и контроля, вплоть до чтения мыслей. Эмоции («чтение в сердцах») уже сейчас фиксируют почти во всех аэропортах. Человечество переходит к дигитализму и когнитивизму, то есть не смысловой, а формализованной форме мышления и поведения. От логоса к мате-зису, от сознания к техническому интеллекту, превращаясь в зомби и гомутеров (гомо+компьютер).

Сознание большинства представителей технонауки и рефлексивно повторяющих их идеи философов захвачено тенденциями становления чужого мира и под аккомпанемент разговоров о благах безудержного новационного прогресса, вплоть до достижения «бессмертия», мы теряем собственно человеческую сущность. Никаких условий для второго рождения философии, особенно как мудрости, нет. Какая мудрость, если глядим на процесс самоликвидации широко закрытыми глазами и ничего не видим. Кроме неслучайных, правда, воплей о конце света, который на самом деле происходит, однако не там и не так, где и как его ждут. То ли еще будет, когда начнется массовое очиповывание (биометрические паспорта как начальная форма на подходе) и телесное «улучшение» людей, т. е. прямое превращение в робообразных. Отсюда оправданность лозунга постмодернизма о смерти человека. И хотя смерть человека еще не состоялась (ура), он становится традицией (увы). Тем, что существует, но больше не поддерживается дальнейшим развитием цивилизации.

А.Н.: *Не кажется ли вам, что отечественное восприятие постмодернистской философии весьма поверхностно, а потому – крайне агрессивно?*

В.К.: Да, оно поверхностно, но не агрессивно, а бестолково. Впрочем, не только отечественное. Мировое. Вначале всех возмущал циничный отказ постмодернистов от достижений классики, ее «деконструкция», т. е. разрушение исторических философских и мировоззренческих

смыслов, подрыв тысячелетней традиции мышления, умерщвление не только Бога, но и Человека. Но как всегда, любая патология, если она порождается реальностью, возводится в норму, поэтому через некоторое время началось ползучее признание того, что еще недавно резко отвергалось. Читать и цитировать постмодернистов стало не только модно, а необходимо, как условие «продвинутости» в философии. Теперь вот пошли разговоры о «смерти постмодернизма», а почему, что взамен – молчание или просто умствующая болтовня.

Честно и с открытым забралом «против» постмодернистской философии у нас выступи(а)л, пожалуй, один И. А. Гобозов. Глас вопиющего в пустыне и неприятная, незаслуженная слава ретрограда. Хотя он прав в оценке постмодернизма как разрушительной силы в отношении человека и его культуры. Но он был не прав, считая его каким-то вздором, трепом, прихотью и злым умыслом недобросовестных авторов. Да, это преврат(щен)ная форма, идеологическое выражение, но вполне действительных процессов смены эпох: традиционализма (премодерна) и индустриализма (модерна), с одной стороны, эпохой постиндустриализма=информационизма, соответственно, пост-модерна, с другой.

Постмодернизм – это гуманитарное отражение процессов становления новой информационной цивилизации, компьютерзации и виртуализма, специфические формы ее атаки на традиционные ценности, при которых в центр жизни ставились Бог (тео), бытие (онто), народ (этно), эмпирия (фоно), телесность (фало), смысловое мышление (логос). Чтобы утвердить другие ценности и правила жизни, надо было предвзвешенно разрушить=деконструировать старые. Расчистить место. Что постмодернисты, особенно на первой стадии, и делают, хаотизируя, отвергая и пороча тысячелетиями складывавшийся предметный мир человечества. В дальнейшем, старое не просто отвергается, а заменяется иным. В моделировании мира место бытия занимает «ничто», на место тождества ставится различие, вместо вещей нас окружают симулякры, вместо систем – сеть, вместо личностей – персонажи, вместо языка – письмо, вместо логоса – матезис и т. д.

Это конструкторы (концепты) идеологии и философии виртуальной, информационно-коммуникационной реальности. Окончательно она утверждается на «руинизированном», зачищенном и утрамбованном деконструкцией месте в виде пост-постмодернизма, который я, в своих писаниях, определял и определяю как трансмодернизм. Транс – через,

сквозь, переход в принципиально новое состояние. Трансмодернизм уже не деконструкция, не отрицание, не бегство от реальности, а позитивная философия double world. К другой реальности, в которую мы, как целостные телесные существа, «не влезаем». В этом трагизм ситуации современного человека.

Таково отличие моей позиции от позиции теоретиков, безоговорочно «принявших постмодернизм» и столь же безапелляционно отказывающих ему в исторической обусловленности. Я пытаюсь «удержать противоречие», блуждая не в двух, а в трех соснах. Позиция реалистически критическая, теоретико-аксиологическая. Не пресловутая толерантность, и не посылание проклятий – и все, а теоретическая борьба: говорение «увы», показ опасностей подобного развития событий и обсуждение, что человеку делать, в сущности, в уже постчеловеческом мире. Принять такой диалектический подход тем, кто привык мыслить, выбирая «либо-либо» и закрепляя этот примитивизм через тестирование методом «тыка», да еще табуированных антимарксистской идеологией, не разрешающей употреблять даже слово «диалектика» (в современном виде – синергетика), довольно трудно. Им, вообще новому поколению сказали «фу» и способных блуждать в трех соснах, мысля о целях и ценностях, дальше своего технологического носа или наоборот, становится все меньше.

А.Н.: *М. Хайдеггер считал, что причиной нигилизма в философии является забвение вопроса о небытии. Не кажется ли вам, что ваша трактовка небытия носит не чёткий методологический характер, а паразитирует на волне всеобщего отрицания – того самого нигилизма, чья причина – забвение вопроса о ничто?*

В.К.: Какое мощное давление нигилизма и объективная сила движения к самоотрицанию! Она уже работает на бессознательном уровне и проявилась в вашей трактовке Хайдеггера, нарушающей даже банальную логику. Вы считаете, что причиной нигилизма в философии является забвение вопроса о небытии. Причиной распространенности нигилизма оказывается его забвение. Как-то не сходится. Потому что все наоборот, и по смыслу и по Хайдеггеру: «Причиной нигилизма является забвение бытия». В постепенном забвении бытия он обвиняет метафизику, начиная с Парменида. Посмотрите еще раз тексты.

(Я кусаюсь, потому что воспринимаю ваши развернутые вопросы не просто как «интервью», а как род дискуссии; спор, столкновение моего кондового фундаментализма со следя(ую)щим за последней философской модой новатором (вами).

Хотя нигилизм, или, чтобы не перепутаться с политикой, я вводил понятие «нигитологии», увы, не просто мода. Это отражение действительной тенденции человечества к отказу от собственного бытия. «Скольжение к антропологической границе», как мягко пишет, например, С. С. Хоружий. То самое стремление «к концу света», о чем параллельно с восторгами по поводу все новых способов отрицания человеком самого себя и замены всего и вся технологиями, кричит обыватель, только на философском уровне. Из Субъекта человек превратился в «человеческий фактор» – мало. Надо, чтобы людей вообще нигде не было, даже во врачевании и преподавании: тесты, e-learning, управление со-знанием и прочая автоматизация образования. Проекты «усовершенствования»: вместо двух рук – три, вместо одного члена – два, в мозг ввести чипы – кто, какая фирма больше и прочее более или менее замаскированное, особенно под медицину, инновационное хулиганство. Которое, подозреваю, вы будете защищать, а главным аргументом выдвигать тезис: прогресс не остановишь. Ну, не остановишь, как смерть, только почему ее надо считать благом и к ней торопиться?

Все эти новации норма (для) людей, чье сознание уже закатилось под влиянием наступления «инога», превратившись в чистое = пустое, формальное мышление. В качестве формального и математического, оно слабеющее, жалкое, в сравнении с машинным, формальным по своей сути. Нигилисты стали технократами. Толпа рукоплещет, узнав, что роботы все больше функций человека исполняют лучше его, млеет от появления «умных унитазов» или когда по телевизору показывают обклеенную датчиками голову с комментариями, что «ее готовят управлять компьютером», хотя почти очевидно, что все будет наоборот. И от сообщения, что еще немного (к 2030 году) «роботы обыграют людей в футбол», потом обыграют в ... вообще всё, что делается – и везде. Потому «ничто», нигилизм и кладется в основу философствования, ибо отвечает тенденциям самоуничтожения. Вытеснение онтологии нигитологией, апостериори и феноменологии (в хайдеггеровском, а не гуссерлевском смысле) априоризмом и трансцендентализмом («забвение бытия») есть их философский рефлекс (к сожалению, не рефлексия). И все-таки, одобрять это

стадное движение мышей-леммингов к океану в состоянии эвтаназии не для (бы) философов. Они должны иметь мужество разделять взгляды тех, примерно, как можно надеяться, 3–5 %, которые понимают, что происходит и пытаются что-то сделать.

Хайдеггера задушили в объятиях, сделав приставным носом к чему угодно. Постмодернисты умудрялись считать его «своим». Они, интеллектократы, информационисты, деконструктивисты, виртуалисты – его, ориентировавшегося на мифы и поэзис, фундаменталиста и консерватора, едва прикрытого реакционера, певца почвы, крови и семени, конечно, не по недомыслию приставшего к НСДАП и не вышедшего из нее лично, до роспуска в 1945 г. – сами пишите: Хайльдеггер. Они берут его в союзники. Кто сознательно (если можно приделать усы Джоконде, то почему не сделать постмодернистом национал-социалиста), кто по искреннему непониманию. И вот теперь к его авторитету, желая приватизировать, подбираются зомби, нелюди, людены и прочие трансхьюманисты. К нему, ярому «биокону». Стадной глупости людей, хотя бы и ученых, нет предела, никакая логика здесь не помогает.

А.Н.: *Наверное, вы согласитесь, что, например, философия симулякров, которую Ж. Делёз предложил в качестве альтернативы философии эйдосов Платона идет в русле современных идей. Вами она воспринимается отрицательно. В таком случае хочется узнать собственно философскую, а не обывательскую (на уровне мема «симулякр»), аргументацию вашей позиции.*

В.К.: Начнем все-таки с обывательской. В каком смысле отрицательно? Это вовсе не глупость или выдумка. Если я сижу как бы за дубовым столом (сосна, раскрашенная под дуб), который стоит вроде бы на мраморном полу (каменная крошка, прессованная под мрамор), ем будто бы мясную колбасу (наполовину соя с ароматизаторами), слушаю открывающих рот людей (будто бы поющих своими голосами), то что значит: «отрицать». Имитация и подделка стали нашим окружением и не только – внутри нас тоже. Мир вещей вытесняется миром симулякров. Отсюда право на существование в дискурсе и роль этого термина в теории. Вместо Платона – Делёз.

Как обыватель я, расхаживая по «мрамору», доволен, а когда ем колбасу, возмущаюсь, правда, если (у)знаю, что она была искусственная,

если же не скажут – то тоже доволен. Смотря какой бренд – вот что главное. Вон, японскую кухню, очень примитивную в сравнении, например, с китайской или французской как «потребляют»: вначале вообще мучаются, делая вид, что вкусно, потом привыкают к этим суши и моллюскам, как если бы мы ели собранных в лесу слизняков и муравьев. А все бренд: почтение перед высокой японской техникой переносится на низкую еду. Такой вот уровень «мемов». Что спрашивать самостоятельной мысли с людей, когда «сами», без моды они есть не могут.

Теперь теоретически. В симуляционной идеологии воплощаются на первый взгляд странные, абсурдные, (если взгляд честный, а не просто следующий моде) положения постмодернизма, что «повторение предшествует действию» и «копия первичней оригинала». Но абсурдны они только для нашего классического предметного мира. В техногенно-информационной цивилизации копии, например, документов, да чего угодно, могут быть, обычно и бывают, четче подлинника, фотография цветка/лица интереснее, красивее цветов и лиц в натуре. Любимого актера телевидения в жизни лучше не встречать. «Исторически», по генезису копии вторичны, а «логически», по факту бытия становятся первыми. Потому что они лучше, «удобнее» для пользования и любования. Происходит подмена реальности виртуальными образами. Особенно через ее экранирование.

Как бы ограничить эту, снимающую нас, живых, экспансию технологизма, не поддерживать ее абсолютизацию, прежде всего в духовной сфере. Защищаю Платона и пугает альтернатива ему, когда искусственные, отчужденные от человека симулякры становятся истинными, а «семена вещей» и сами вещи предлагают считать ложными. Виртуальность (мнимое) объявляют реальностью, а реальное считают мнимостью. Существование заменяется функционированием. Живут (будто бы) в интернете, а в предметном мире, заклеив глаза и уши, только «присутствуют». Там «со-совершают» великие подвиги и обнимают первых красавиц мира, а здесь догнивают на диване как импотенты и аутисты. Руки только для нажатия клавиш компьютера, да за(рас)стегивания ширинки брюк, хотя и тут скоро будут не нужны. Будем это делать голосом или незачем. А совсем на передовых рубежах разрабатывают, чтобы прямо мыслью. Подумал – и (стало) хорошо. Орган, который не функционирует, через некоторое время отмирает. Связь организма и среды не обойдешь (проклятый дарвинизм), какой

ми(i)р, такие будут и люди, и наоборот (совсем проклятый марксизм). Природу жалко, людей («обезьяноподобное человечество», «мясо» – стали называть традиционных людей, чтобы их/нас «понизить», дискредитировать), не способных, подобно растению без корней, существовать без нее – жалко.

А.Н.: *Видите ли вы какие-нибудь новые возможности для философии в идеологии трансгуманизма? Или ваша критика трансгуманизма однобока, а потому – непродуктивна? Какой здравый смысл вы могли бы извлечь из доктрины трансгуманизма?*

В.К.: Трансгуманизм – своего рода продолженный, завершенный и превзойденный симулякризм по отношению к человеку. Точнее говоря, это трансгоманизм, потому что переступает не через гуманизм как идеологию, ставящую в центр мироздания вместо Бога человека, а через самого человека. В книге «Время Mortido», если вы заметили, я ввожу это понятие, правда, несколько смягчив: трансгоманизм. Мое восприятие однобокое, считаете вы. Не однобокое, а категорически отрицательное, со всех боков.

С какой стати я, как человек, должен приветствовать теорию, которая объявляет, что людей надо сначала «улучшать», фаршируя искусственными органами, а лучше, говорят самые последовательные, ликвидировать вообще, заменив люденами, нелюдьми, трансхьюманами и т. п. Посадить разум на кремниевую основу, он так будет информационно мощнее, хотя на какой мощности в сравнении с искусственным интеллектом хотят остановиться, не говорят. Зачем им дополнительные объемы информации, когда наличная в голову не влезает и все больше хлам, сами не знают. И это предлагают люди! Собственно говоря, люди только внешне. Это уже своего рода «первые инопланетяне», которые среди нас, а не высадились откуда-то. Их становится все больше, постепенно они захватят Землю, что и не скрывают, предлагая, кто милосерднее, оставить человека в резервациях.

Да смотрите ли вы, наконец, хотя бы американские фильмы (Матрица, Аватар, Суррогаты), там идеи трансгуманизма проигрываются во множестве вариантов. С печальными для людей результатами. Вот, например, после того, как Совет Европы и Госдеп США, прямо по рецепту романа О. Хаксли «Новый удивительный мир» приняли решение запретить употребление слов отец и мать в официальных

речах и документах, тем самым объявляя их нецензурными, что произошло? ... Ничего. Даже Бог-отец и мать-Богородица, не бросили на них молнии. Бедный Римский Папа! (виноват, «родитель number one»). Простые отцы и матери тоже молчат, не понимая, что это символическая подготовка к реальному исчезновению таких форм жизни.

Вы, в столкновении людей с вырывающейся из под их контроля техникой, сами-то на чьей стороне? (В американских фильмах, наверное, сочувствуете еще людям, а теоретически?). «Восстание машин» произойдет не обязательно буквальное (хотя в Пентагоне уже сделали, или обещают вот-вот сделать солдата-робота-убийцу), а в форме превращения человека в машину. Почему, будучи в здравом уме, надо поддерживать подобную самоубийственную перспективу? Только потому, что это «прогрессивно», что за ней будущее. Возможно, но это будущее не мое. Не хочу, как глупый карась клевать блесну-наживку вроде мечтаний о «кремниевом бессмертии». Оно, наверное, будет, но «без нас». В усилении разговоров и работ по достижению бессмертия выражается нарастание абиотических тенденций в развитии нашей цивилизации. Только и (прежде) всего. Вплоть до проповеди идей поствитализма как логического завершения трансгуманизма.

Но, могут возразить «умеренные» технократы, обремененные острым чувством, что они люди: почему нельзя человека, хотя бы его тело, усовершенствовать, улучшить. Вы что, против, чтобы вставлять ему/в него зубы, или кардиостимуляторы или вообще делать операции, как средневековые мракобесы, которые их запрещали. Где тут грань?

Грань есть. Я не против всякого вмешательства. У меня самого несколько вставных зубов, а кость правой руки скреплена титановой штукой (свалился с полки в поезде). Но это все «ис-целение», доведение до целого, сохраняющее тело как оно дано человеку Богом или природой. Это сохранение, а не усовершенствование. 32 зуба я хочу иметь, а третий ряд, 48 штук, не надо. Тогда и челюсть надо другую, а потом голову. И пошло поехало... И от двух органов продолжения рода, несмотря на соблазнительность предложения, тоже откажусь. Сердце одно, не выдержит. Не хочу и чипов по усилению мозга. Вдруг вам поставят мощнее, вместо интервью вы тогда прочитаете все мои мысли. А я у вас. Два коммуницирующих компьютера, и жить больше незачем. Тут нет границы манипуляции, уход в дурную бесконечность перемен со скоростью смены технологических поколений. Удивительно, неужели *это* «улучшателям» непонятно. Только если уровень мышления

у них = фантазии 12-летнего ребенка. А повторяют седовласые мужи. В таком случае, мы обречены. Какие-то надежды, конечно, остаются: недавно видел умную рекламу одежды какой-то фирмы: «Изменяясь, оставаться собой». Это и есть «устойчивое развитие», развитие в пределах традиции. Без конца можно совершенствоваться духовно, к чему призывают все великие религии и светские моралисты.

Попробуйте, вы никогда не достигнете предела.

А.Н.: *Не являясь сторонником движения «Бессмертие – 2045», могли бы вы **позитивно** посмотреть на основные положения этой доктрины? Не кажется ли вам, что упущенный человечеством в 1990–2000-е годы так называемый «футурологический забег» необходимо искусственным образом нагнать и даже перегнать, оставляя в стороне всю сложность антропологической проблемы современной цивилизации?*

В.К.: Как следует из вышесказанного, никакого позитива в отношении этого проекта у людей, чье сознание еще не перформатировано постчеловеческими силами, быть не может. Если я, да, наверное, и любой человек, который обеспокоен превращением всех вещей и продуктов в подделки, симулякры, то как может не тревожить создание симулякра человека? А в этом суть доктрины-45, в конструировании тех самых монстров, химер, чудовищ, которых так боялись раньше, когда все еще было на стадии гипотез. Теперь, пожалуйста, создание Франкенштейна расписано по времени. Вовсе не обязательно, что он будет «гоняться за людьми», дабы убивать их. Эта среда нас просто задушит, вытеснит из бытия, превратив в фактор и материал. Как подделки живого на наших глазах вытесняют жизнь. Или как в «Матрице». Дальше – больше. Если нынешние трансгуманисты проповедуют устарелость человека, то их новые поколения будут проповедовать устарелость «проекта-2045» в пользу, например, проекта-2070, где не будет и его образа, потом о нем вообще забудут.

Не зря авторы проекта не особенно афишируют все свои идеи, ибо многие из них откровенно преступные. Клонирование человека, например, запрещено законодательными органами большинства стран. Пробные шары насчет его легализации запускаются, но люди еще не до конца подавлены пропагандой блага любых техногенных выдумок, чтобы отказаться от полов (процесс пока на стадии их дискредитации)

и вообще согласиться на свое самоотрицание (протез отменяет необходимость органа). Нужно время, когда новое поколение полностью потеряет здравый человеческий смысл и избавившись от всякой «философии», окончательно перестанет защищать себя. А пока проект осуществляется «ползучим образом». Обреченные на прогресс, приветствуют его, обреченные понимать, отвергают. Количество приветствующих, судя по вашей точке зрения, растет, а понимающие, даже те, кто сначала приветствовал, будут сопротивляться, скрываться, пытаться оставаться людьми.

Насчет «футурологического забега». Ужасные вещи вы говорите. Бежать, «оставив в стороне антропологическую проблему». Бежать, независимо от того, что будет с человеком, вообще без него, т. е. вы хотите бежать без себя? Это какое-то умопомрачение. Неужели непонятно, что люди в таком случае просто средство технического развития? Кто, куда и во имя чего должен бежать? Такие предложения высказываются теми, кто мыслит, нередко изошренно, но, в сущности, «не в своем уме». Это и есть превращение людей в зомби (следите за растущей популярностью данного феномена и отметьте, когда и как скоро его начнут считать благом).

Я не на вас лично нападаю. Вы – представитель прогресса, представитель большинства, новый техногенный человек. Постчеловек. А я выражаю точку зрения, которая на глазах устаревает. Природу так вообще забыли, «сдали». От экологии остались «экологическое производство» (производство!) и «зеленые меньшинства». Теперь сдают культуру и человека. Вместо общества возникает Технос. Вместо человека, сами видите что ... Уничтожение себя своими руками, забалтывая эту процедуру необходимостью прогресса. В дилемме: консервативно жить или прогрессивно умереть, я выбираю первое, вы – второе. За мной – прошлое, частично настоящее, продолжение смертной жизни. За вами – будущее, смерть как превращение в «иное», в форме самообмана бессмертием (как эвтания). «Все прогрессы реакционны, если рухнет человек», – гуманистически сильно сказал А. Вознесенский. А он рухнет. Значит, прогресс стал реакцией, если эти понятия определять через призму добра и зла. Которые друг без друга не существуют. Это диалектика. Зло – необходимая сторона бытия, только при условии, если с ним бороться, его контролировать.

А.Н.: Судя по всем вышеприведенным ответам, Вы рассуждаете в логике субстанциалистской сущности человека. По-моему, история философии всегда учила нас тому, что у человека нет никакой предзаданной сущности. Вообще: какая разница для интеллекта, какой субстрат будет у его носителя – биологический или кремниевый? Не пора ли с почестями похоронить труп Человека, а не заниматься его консервацией по максимуму используя достижения научно-технического прогресса (разрабатываемая трансгуманистами крионика)? Если история человечества закончилась, то ради чего ему жить?

В.К.: Ой-ёй! Вы, человек, что вы несёте: «похоронить труп Человека и прочее...».

Но сначала по первой, специфически философской части ваших рассуждений: о субстанциалистско-эссенциалистской сущности человека, где вы говорите, что история философии учила, будто никакой сущности у него нет, человек может быть кем-угодно, хоть консервной банкой.

Скажем так, что учила об этом не вся история философии, а скорее гегелевско-марксистская философия XVIII в., века апофеоза эволюционизма и историзма. никоим образом не хочу присоединяться к представителям позорной антимарксистской конъюнктуры, но идею развития человечества без свободной воли субъекта, тенденцию замены диалектического материализма (материалистической) диалектикой, тем более его эволюции без субстрата и субстанции считаю ошибочной, «увлечением века». В экзистенциализме же она была оспорена: «существование предшествует сущности», была, по крайней мере, не всеобщей (например, у Сартра – да, у Камю нет). Ибо она ведет к отрицанию самости и идентичности явлений, какой-либо сингулярности в бытии, отрицанию необходимости в них/ней, когда не только нельзя дважды войти в одну реку, но и ни разу не войдешь. Это уже Кратил, абсолютный релятивизм, тот самый «ничтоизм» и нигилизм как отказ от бытия и настоящего в пользу будущего. Чистая процессуальность, сплошное время как распределенное по пространству ничто – и без пространства. Всегда собираться жить и никогда не жить на самом деле.

Это особенность утопического сознания, которое было частично свойственно марксистскому мировоззрению в качестве идеологии

революции. Однако развитие не тождественно революции и даже прогрессу. Это жизнь и изменение «нечто», какой-то самости и субстанции, ее элементов, которые тоже, конечно, меняются, но всегда существуют. Ибо как же тогда существовало бы универсальное нечто, наша «Всё-ленная». Чистый=пустой процесс? Время без времени-щегося. Его также трудно представить, как и ничто. А помыслить – можно, но на мгновение, с которым больше нечего делать. Процесс завершается, не начавшись.

Дальнейшая ваша критика человека и гуманизма, призывы похоронить их, есть от(вы)ражение той самой истерии самоуничтожения, которая охватывает сейчас передовое человечество, готовя почву для замены человека сначала зомби, киборгами, а потом просто чем-то любим, хоть «консервной банкой», лишь бы искусственным. Случилось самое страшное, что может случиться: человечество охватывает воля к автогеноциду. В лице своего молодого и наиболее прогрессивного отряда, *человек больше не хочет быть человеком*. Он хочет превратиться в нечто другое. Жа-ждет роботизации. Идет мировоззренческий отказ от гуманитарной парадигмы, который и есть проявление антропологической катастрофы (М. Мамардашвили), которая ещё недавно мыслилась как нечто чудовищное, а теперь приходит «на голубиных лапках» и всё большим числом людей, в том числе инерционно считающих себя гуманистами, приветствуется. Вы туда же: «стыдно быть человеком», «похоронить труп Человека». А мне, извините, стыдно слушать эту модно-праздную болтовню, по сути, опасные эпатажные глупости. Да успеется, куда торопитесь. В общефилософском плане все это коррелирует, точнее, является частью идеологии постмодернизма, трансформирующегося в трансмодернизм. Метафизическая сущность которых (вместе) – человекофобия. Пост(транс)модернизм в целом есть отражение происходящей на глазах всех, кто хочет видеть, замены естественной, макро, вещно-предметной и живой среды нашего бытия искусственной, информационно-виртуально-коммуникационной, мега (космо) и микро (нано) технологической реальностью.

Хотя отрицать и дискредитировать человека для полной победы над ним недостаточно. Совсем смелые, наиболее последовательные и без(д)умные технократы и эвтанизаторы говорят уже о преодолении жизни на Земле и ликвидации традиционных, исторически возникших на ней любых живых существ как наилучшем способе решения все

наших(?), прежде всего, экологических(!?) проблем. Нет человека – нет проблем, это все-таки мало. Не будет живого – тогда и наступит настоящая жизнь. Бессмертная, в соответствии с последними достижениями техники, например, в форме «постчеловека». Идеал транс(ин)новационизма – когда всё существует для того, чтобы скорее исчезнуть, замениться чем-то новым. Потом опять новым. В конце – стать голограммой, без тела и объемов – Ангелы будем! И опять транс в новое. В архангелы? – в дурную бесконечность. Это, собственно говоря, и есть оптимистическая футурология. Утрата всякой мудрости.

В свете подобной последовательной перспективы, ближайшие и любые планы трансгуманистов, «усовершенствовать» человека, а потом чего-то после него, искусственное, являются типичным самообманом. Просто форма самоубийства. Некоторые, правда, это движение к ничто уже «останавливают», превращая в «бесконечные информационные поля» или «разумные ландшафты», где неизбежно непрерывный прогресс почему-то ус-пока(о)ивается. А говорили: «не останавлишь». Как видим, можно, останавливают, лишь бы не на человеке и его феноменологическом мире, а чтобы двигаться к смерти. К тому же, если всё информация и разум (бессмертные?), то это – Бог, если всё поля и ландшафты, то это – Материя. Вот вам новейшее историческое воспроизведение вечной метафизической оппозиции.

Я не надеюсь, что «ставших трансгуманистами» можно переубедить. Потому что сознание этих людей уже переформатировано силами «Иного» на бессознательном уровне и никакая логика, призывы к самосохранению им не указ. Если человеком овладела воля к небытию, он будет говорить все что угодно, вплоть до явного абсурда, лишь бы оправдать (само)убийство существующего вида *Homo sapiens*. Не случайно же то и дело ожидания конца света, его перенос на новые сроки. Потому что *он происходит*, здесь и сейчас, вполне реально. Не обязательно мгновенно, в дыму и пламени, а – *эпоха*. Я все-таки книгу назвал «Время *Mortido*» не зря, потому что новационизм, идеология инновационизма, когда все вещи считаются существующими не для того, чтобы быть, жить, работать, а скорее исчезнуть, замениться другими, более совершенными – это растянутый во времени, непрерывный апокалипсис, фактическая цель переднего края технауки. Неужели вас не беспокоит, например, уже не тенденция, а начавшееся прямое убийство людей летающими роботами (беспилотниками), прослушивание всех суших на Земле, которое практикует «Большой

демократический брат», без суда и следствия, сам определяя, кто прав или виноват, выбирая, что ему (не) нравится. Что же должно случиться в мире, чтобы так называемые мыслящие люди сбросили с себя морок технического прогресса и хотя бы задумались? Говорят, что у человечества нет идеалов. Неправда, есть: *великая цель современной цивилизации, ее передового отряда – конец света*, т. е. уничтожить свой феноменологический мир, в котором оно может жить. И заменить себя искусственными интеллектуальными системами. Трансгуманизм – результирующее, концентрированное выражение этой идеологии.

А.Н.: *Ваша удачная метафора о том, что человек умер, но ещё не похоронен, даёт последний шанс всем гуманитарным наукам погреть руки на постепенно остывающем трупе. Как вы думаете, каким образом современная гуманитаристика воспользуется этим шансом?*

В.К.: Умер, в смысле потерял, теряет способность переживать мир, живет с оскудевшими чувствами (около половины американцев регулярно прибегает к антидепрессантам), механически. Не робот, но уже роботообразный. «Слабый зомби», слабый, что еще не программируемый, с чипами будут уже «сильные зомби». Он пока мыслит, хотя «не в своем уме», без о-сознания, не ради «быть», а ради «иметь» (Э. Фромм) и для «непрерывного роста валового продукта». На Западе, идущем впереди в процессе этой комфортной эвтаназии, появился символически значимый термин: *undead*. Немертвый. Потому что считать живым такого человека уже нельзя. Похоронит его инновационная гонка постчеловеческих технологий.

Констатация факта: искусственное, виртуальное, микро и мега миры захватывают землю, заставляя массы людей (ах, бедные, недалекие), особенно когда ученые, «греть руки» над собственной смертью и про(ис)поведовать ее. Парадигмальным становится мировоззрение «пост» и «транс». Но не (у) всех. Философы должны быть среди тех, кто выступает за сохранение сущего, спасая хотя бы честь человека как Разумного существа. Проповедовать не универсальный эволюционизм, «трансгресс», а коэволюцию разных форм бытия, полионтизм. Окончательно, свою позицию я резюмирую напоминанием притчи о двух, попавших в горшок с молоком лягушках: одна сложила лапки

и утонула, другая, оптимистка, билась и получила масло. Она выпрыгнула. Человеческий род попал в положение отдельного индивида и в норме должен бороться за *собственную реализацию бесконечных возможностей бытия*, несмотря ни на что и вопреки фаталистической перспективе. Вменять себе свободу.

А.Н.: *Тогда согласны ли вы с тем, что философия должна утешать заходящее человечество, а не расстраивать его параноидальным алармизмом? Или вы считаете, что современная философия (особенно постсоветская) может кого-то мобилизовать на борьбу (например, с самой собой)?*

В.К.: Кто-то выступает за эвтаназию, кто-то способен умирать с открытыми глазами. Философ все-таки должен иметь мужество сознавать, что происходит и как обыкновенного человека-индивида, когда он болен, не подталкивать человечество к печальному концу. Не торопить к закату, наоборот, помогать ему продолжать жить. В любом случае выбирать второе положение. По крайней мере про(ис)поведывать его. Если же кто-то избирает наркотический подход, называя его эвтаназией, то почему бы ему не умереть прямо сейчас, зачем вы оттягиваете такое удовольствие?

Кроме того (и здесь я объективно перехожу на вашу позицию) «мы не будем знать, когда нас не будет» – мой собственный и любимый тезис, так что не стоит слишком беспокоиться, что кого-то можно расстроить. Я много пишу об этом, и, как правило, встречаю защитную реакцию: это алармизм, пессимизм, консерватизм, а вы сделайте нам красиво. У тех же, кто не утратил способность мыслить логически, в силу чего у них не получается просто отвергнуть факты, происходит «сшибка» их теоретически сильного, высококвалифицированного сознания с уже переформатированным в пользу стремления к небытию их бессознательным эго. Они перестают читать, говоря, что им стало противно и впадают в гнев: все, что пишет автор чепуха, он мракобес, контра, реакционер, дебил, идиот, его тексты «какой-то невероятный, редкостный в своей умственной импотенции бред». Такие риторически изощренные отзывы по интернету я получаю, когда текст, по-видимому, попадает не в бровь, а в глаз – в их новое, уже постчеловеческое «я».

Верить, будто распространением знания, правды, можно решать проблемы, к сожалению, иллюзия. К глубокому сожалению. Люди хотят

знать и принимают только то, что отвечает их интересам, даже если они «не их», отрицают их, но через это реализуются объективные процессы «бытия, определяющего сознание» (К. Маркс) основной массы людей. Только немногие способны «держать поднятой голову над водой» этого великого и, как теперь, когда человечество устремилось к отрицанию себя, можно сказать – ужасного закона.

А.Н.: *И всё-же, неужели вы не видите никаких положительных перспектив в развитии цивилизации? Разве, будучи философом, вы не должны эмансипировать Человека, отчуждая его косность и мракобесие?*

В.К.: Что значит, «не вижу». Как раз вижу, что цивилизация прогрессирует, а человек деградирует. («Процветающее общество деградирующих индивидов» – Ж. Бодрийяр). Что мы живем практически в раю, все сказки стали былью и апокалипсис происходит с комфортом, в форме эвтаназии. «Апокалипсис в раю» – в этом вся соль или, как сказали бы теперь, фишка моей книги «Время Mortido», про конкретные сюжеты которой мы почти забыли, а обсуждаем, скорее, навеянные ею и предыдущим интервью интересные вам/нам отклики. В том и дело, что человека никто не губит извне, что наиболее коварный и смертельный яд сладкий и тот, который вырабатывается в самом организме человека=цивилизации. Апокалипсис происходит в виде *само*апокалипсиса. Не случайно, парадигмой мысли, вместо: «Человек – это звучит гордо», на сцену сознания, в т. ч. у вас, вырывается мазохизм, идеи унич(то)ижения и замены себя чем-то иным без образа и образца, лишь бы «иное», лишь бы был не человек. Это трагическая диалектика развития, о которой серьезнее всех написали в близкое нам время Т. Адорно и М. Хоркхаймер в «Диалектике Просвещения». Эту, их линию я и продолжаю, только на современном материале, показывая, как культура Просвещения перерастает в «культуру Смерти».

Другое дело, что теперь «диалектики» как марксистской методологии (собственно говоря, это было философско-спекулятивное предвидение синергетики) боятся не только из классово-идеологических соображений. «Электронным постлюдям» думать будет вообще незачем, «все в компьютере», главная способность – «найти знание». Этому теперь и учат, т. е. компетенции, а не собственному знанию как пониманию.

Если мы разучились считать, то почему думаете, не разучимся читать, потом говорить, а потом не деградируем в «думании»? В основе это один и тот же процесс. Он и происходит. Если вы работаете в вузе, особенно «эффективном» = компьютеризованном, то должны это заметить. В XXI веке образования не будет. Смысл проводимых во всем мире, в том числе нашим министерством образования реформ – *борьба с образованием*, чтобы через e-learning, а потом полную автоматизацию трансформировать его в «управление (со)-знанием». В программирование людей. Вот вам прогресс.

А.Н.: *Не знаю, почему вы навязали мне амплу прогрессора, а за собой оставили роль консерватора, – по старой бинарной привычке? Мне, наоборот, кажется, что современная молодёжь ещё более консервативна, чем старшее поколение.*

В.К.: Диалектика не означает, что нельзя обозначать крайних положений. Наоборот, они задают смысл противоречия, которое, правда не сводится к ним, а движется, развертываются между ними. Про себя твердо могу сказать, что в свете современной ситуации человека, позиция консерватизма, это моя первая пуговица, после которой я пытаюсь за(расс)тегивать весь костюм человеческой деятельности. А то, что вы – прогрессор, выражаете дух времени, но как человек, не готовы перестать мыслить и впадать, подобно трансгуманистам, в эвтаназию, боритесь с этим трендом, живо, даже болезненно переживая противоречия цивилизации – это мое ощущение, которое возникло из задаваемых вами вопросов. Потому я все и надеюсь склонить, «отвоевать» вас в пользу человека.

О молодежи. Не думаю, что она консервативна, если что ей и угрожает, то про(гр)цесс превращения в жертву технического прогресса, отрыв от предметной жизни, инфантилизм, утонуть в сетях, превратиться в зомби. Тем паче, что после внедрения УЭК (универсальных электронных карт), через 3–5 лет нас всех очипуют. «Чипизируют». Большинство это будет приветствовать, как приветствуют всеобщую слежку-наблюдение, интернет-контроль биографий, превентивную проверку (наплевав на всякую презумпцию невиновности), просвещение и чтение эмоционального состояния мозга по лицам в аэропортах, и т. п. – на практике. И радостные ожидания (не знаю, как вы) завершения работ по чтению мыслей. Подавляющее большинство

не вырвется из этого плена. Станут элементами World Wide Grid и подданными Большого Брата. Да, слышали ли вы о Сноудене и смотрите ли, опять спрошу, американские фильмы, где эти тенденции вполне явно представлены?

А.Н.: *Нельзя ли цели движения «Бессмертие – 2045» считать полезными, хотя бы в плане реванша постсоветской науки, оказавшейся не у дел в последние 20 лет?*

В.К.: Опять 45. Далось Вам это бессмертие. Но если по жизни, то ваш вопрос спускает нас с высоты/глубины и универсальности философского подхода на конкретный уровень хозяйствования в конкретной стране. Я, как житель своей страны и, следовательно, патриот, понимая обусловленность судьбы индивидов (клеток) состоянием общества (организма) (перефразируя А. Блока: я философ и потому не либерал) не хочу, чтобы она была отсталой, тогда ее довольно скоро растащат. Поэтому за развитие науко-техники. Но за их перенаправление в пользу человека и ограничение, пропуск через гуманитарные фильтры, регулирование в масштабах всего мира, а инициатором такого «управления развитием» была бы наша страна. Философское мышление заботится о всеобщем, речь идет о сути и принципах. С этой точки зрения, «Бессмертие-2045» – концентрат трансгуманизма, антропофагии и без(д)умного характера вырвавшегося из под человеческого контроля прогресса. То, что проект затевают в России, это трагический парадокс на фоне ее исторических претензий быть носителем духовности и официальной ориентации на сохранение устойчивости в процессе развития.

А.Н.: *Как вы относитесь к философским взглядам нашего российского философа Ф.И. Гиренка? Я весьма критичен к его оборотничеству, но отдаю должное, что он философствует на пределе – пафосно, с выпускианием пата. Вы завидуете публичности московского эпатажника с философского факультета МГУ?*

В.К.: На фоне стандартного, наукообразного, некритического, по преимуществу «западо-комментаторского» философствования Федор Иванович отличается остротой, свободой и оригинальностью высказываний, но за ними не так много ответственных и убедительных идей. Это своего рода поп-философствование. Привлечение внимания

через эпатаж. Публика его (жа)ждет. Постепенно такой автор становится заложником своего бренда – всегда чем-нибудь удивлять (а выступать приходится часто) и, в конце концов, начинает нести сущую ахирию. Спасает его ярлык постмодернизма, под который можно подвести все что угодно. И чем страннее, бездоказательнее, тем «постмодернистичнее». Жертвой такого восприятия, по-моему, стали и вы. Хочу быть правильно понятым: я высоко оцениваю многие философские высказывания Ф. И. Гиренка и никоим образом не свожу все написанное им к оригинальничанию, но то, что его у него избыточно – правда.

Суть своего философского метода он формулирует так: «Идеальный философский текст является бессловесным, а речь немой». При некритическом подходе этого достаточно, чтобы усмотреть здесь нечто чрезвычайно философское. Да, истинное философствование может быть в молчании, в образе жизни, об этом давно говорили мудрецы, особенно в восточных культурах. Но тогда оно «без текста». А если текст, речь, то они должны нести какой-то смысл. Или проповедуется идея, что человека создал не Бог (во что верят тысячи лет миллионы людей) и не труд (что доказывается археологией, палеонтологией, в сотнях зоологических и исторических музеев мира, где, подбирая косточку к косточке, отслеживается переход от одного состояния живого к другому), а абсурд. Сказал, удивил, добавил к бесчисленному количеству выдумок масс-медиа про что угодно свою, только от имени философии – и вот «настоящий постмодернистский философ». Да, пожалуй, сейчас человечество (в)падает в абсурд, но его надо объяснить, а не умножать.

Поэтому, если известности Ф. И. Гиренка действительно можно завидовать, то не черной, но не скажу, что и белой, а серой завистью, с огорчением: что эта публичность с привкусом пиара. Слава философа у современников редко бывает профанной. Не совпадает с местом в списке РИНЦ. Наверное, и с вашим списком «Кто сегодня делает философию в России». Она таинственна. Это признание для (у)тех, кто понимает.

А.Н.: И все-таки, хотелось, чтобы вы прокомментировали одну его неординарную, так называемую мизогинную позицию, что «философия – не женское дело».

В.К.: Как консерватор, хотя левый, или, если быть точнее, антропологический традиционалист, я, естественно, тоже не сторонник равенства = уравнивания = одинаковости = стандартизации (страсть к стандарту теперь у технопрогрессистов) = ликвидации полов, которое явочным порядком осуществляется вместо их равноправия по закону. Оно, собственно говоря, давно есть (для выполнения одних и тех же функций, чем озабочен феминизм, незачем было «по-полам» разделяться) и вся эта пошлая политкорректность направлена на уничтожение разнообразия и яркости выражения жизни. Ее историческая роль в подготовке почвы для «снятия» человека: если различия по полу не имеют значения, то какие более значимые различия у «человеков» как личностей останутся? Его превращение сначала в гендер, потом клон и прочих генетических манипуляций с ним в духе Human enhancement. Гомосексуализм и феминизм – это две стороны одной медали размывания и подрыва фундамента жизни, предваряющий этап движения к полному ато(о/нано)мизму как идеалу либерализма, когда все любят: 1) себя, 2) свой пол, 3) опять себя (в виртуале), 4) ничего не любят. Самолюбы. Гомолюбы. Аут-изм. Такова единая линия эгоизации человечества = распада социальных отношений.

Политкорректная идеология направлена против полов как условия воспроизводства рода (однополые гомосексуальные браки – оксюморон, полов (половин-ок) может быть только два(е) или их нет, по сути это «бес-полые браки», но тогда брака нет); семьи как ячейки общества (ювенальная юстиция) тоже нет. Вместо живого дела/леса – сухостой. Горельник. Идеология политкорректности/толерантности данные процессы обосновывает и реализует. Как бы ни относиться к ним лично, проклинать или (и) завидовать, или даже практиковать, их сколько-нибудь честная философско-историческая оценка заставляет, требует, обязывает сказать, что это разложение, распадение родового человека, его желания и воли к продолжению жизни. Свобода, опирающаяся на провозглашение прав индивида (частицы) выше прав общества (целого) похожа на свободу раковой клетки множиться за счет организма. *Вы(пере)рождение. Деградация.* Со всеми, вытекающими отсюда последствиями (в богатых странах – вытекающими в гламурной форме).

Притом, углубляющиеся, отменяя идентичность людей, превращая их в существа без свойств. Без половых различий – подчеркивать

«это» неполиткорректно, без национальности – теперь «не пишут», без рас – упаси боже, без возраста (скрывают) и имени (не нужно, будет цифра), без веры (если она не пустая фраза). Стандартные, одинаковые. «Голые» как ник-то в компьютере. Свойства, ненужные там, становятся неважными здесь. Возникает отрицающая человека положительная обратная связь. Вот отчего его сдают с такой поразительной легкостью. Это «детерриторизация», расчистка места для «пост» и «транс», по заказу и во имя прогресса. Как, например, борьба с курением табака, наплевав на всякие права человека, чтобы расчистить место для курения марихуаны. А потом более сильных наркотиков. Кто при этом, по мнению страховых компаний «превысит меру» и начнет болеть, будут перепрограммировать. Это же очевидно, потому и не видят, хотя уже президент США объявляет, что марихуана не вреднее алкоголя. Причина этого процесса в том, что табак дает нервно-физиологическое раздражение, что соответствует индустриальной эпохе, а марихуана нервно-психологическое, действуя прямо на мозг, что отвечает информационной эпохе. Открываются новые, более прогрессивные возможности деградации.

Общество, в котором потребление вытесняет производство, а мир предстает как глобальный торговый центр, становясь при этом шоу-спектаклем, все меньше нуждается в силе, мужественности и строгой мысли. Потому они не культивируются. Мужчины попадают в их же усилиями созданную, ими же тысячелетиями изобретавшуюся западню технически эффективного и, наконец, автоматизированного (без людей) производства. Потому что преуспевать в обществе потребления: больше чем женщины покупать, лечиться, следить за собой, показываться в рекламе, тратиться на косметику и салоны, демонстрировать себя на неадекватных своим возможностям и природе социальных позициях, значит перестать быть мужчиной. Но именно на это сейчас с(за)прос. Мужчина все-таки производитель (по крайней мере, был), а нужнее видимость и потребители. Перед ними и надо заискивать, вплоть до выборов и политики, если только дело не дошло до серьезной гражданской борьбы, когда становится «горячо». Тогда не до фальши с игрой в гендерное равенство. А «в норме», в утратившем цель (продолжения) жизни обществе спектакля и потребления, все сколько-нибудь тяжелое, трудное и опасное, что формировало из ребенка мужчину, опускается на дно, если существует, то в глупине и остаточной форме.

Через мужской пол в мир приходит новое. Но смотрите: в литературе, масс-медиа, культуре все больше женщин, текстов, авторов типа Д. Донцовы и т. п. В тоже время любые эмпирические наблюдения показывают, что сфера, из которой вымывается мужской элемент, внутренне надломилась, банализируется. Куда деваются мужчины? Да посетите сборища программистов, хакеров, веб-дизайнеров и т. п. Их там и на всяких компьютерных соревнованиях почти сто процентов. Парни уходят в цифровую (пост)культуру. Они ее творцы и жертвы. Естественно, что если человечество, идя по пути самоснятия, впало в *Mortido*, то мужчины в первых рядах замены вечности и социальности виртуальностью и симулякрами (под/д/елками). Большинство компьютерных маньяков, готовых до седых волос играть в виртуальные игры – они. Рок «бьет по штабам». Как начиная с Нового времени, «гений перекочевал в физику» (А. Уайтхед), так сейчас он уходит в *сферу Иного*. И там растворяется. Здесь остается симулякр мужчины – так называемая деловая женщина, которая отказалась от природной роли рождения ребенк(ов)а и функционирует как береза, раскрашенная под дуб.

Как-то по телевидению меня спросили, что значит быть успешной женщиной. Я сказал: успешная женщина та, у которой есть семья и дети. По-видимому, многие, а феминист(к)и несомненно, сочли это оскорблением. В по(за)раженной тоталитаризмом лицемерия Евразии могли подать в суд. Идеология самоотрицания становится агрессивной, она закреплена теперь в праве и выступать за сохранение условий продолжения жизни, ее фундамента, не только не престижно, даже опасно. Тем более что контуры березового дуба могут выглядеть четче. А настоящих дубов все меньше, что, по-видимому, начинает закрепляться физиологически (басовые партии в операх некому петь, все больше синкопы, а в модных тусовках женоподобных). Почва не та, выводятся. Потом – «бессмертный» киборг, говорить о его «сексуальной ориентации» не имеет смысла. Транс-гоминисты и не говорят.

«Философия – не женское дело»? На (пред)последнем этапе расчеловечивания человека все станет женским. Отношения в обществе, его дух уже сейчас похожи на отношения в школе, откуда, как известно, мужчины исчезли. «Как класс». Как рыбы из пересыхающего водоема. Не только из-за денег. Образуется среда, унижительная поверхностность, мелкий формализм и бюрократизм которой их выдавливает,

в ней стыдно быть первым, выдерживают ее более ответственные и терпеливые (тоже пока) женщины. Отсюда влияние политкорректности, пресловутых «прав человека» и «медиализации» отношений. Влияние Нового мирового (постчеловеческого) порядка. В него как в «пазл» входят ценности, подавляющие желание людей продолжать свое естественное существование. Родовое желание Быть.

«Пазл» современной цивилизации, ее передового отряда – *под-рив условий и всего человеческого*, что, как известно, теоретически было со странным (поначалу) удовлетворением провозглашено в начале постмодернистской эпохи. Сейчас он, его клетки «заполняются» на практике. Высшим идеалом, нормой поведения, которым надо следовать – чтобы все стало противоестественным, патологичным, «было наоборот» тому, как требует продолжение жизни. От гомосексуализма/феминизма и извращения ради этого истории (прошлое как заложник настоящего), до пропаганды не заводить детей (child free). Ладно бы в перенаселенных странах, в Индии и Китае, а нет – в этносах, которые и так прогрессивно вымирают. Сверхпотребление перерастает в потребление самого человека. *Жизнь и реальность становятся традицией*. Значит существование передовых народов – вопрос исторически короткого времени. Зато заговорили об «эротизации Апокалипсиса»! И все это объявляется цивилизационным идеалом, к которому всем и как можно скорее (Россия, к счастью, отстает) надо стремиться. Считаете, что человечество, особенно его авангард, Запад, не сошло с ума? Напрасно. Желать, стремиться к своему разложению и гибели – если это не безумие, то, что оно такое, в чем должно состоять?

А.Н.: *Недавно Вы отмечали юбилей – 70 лет. У вас есть последователи? Вы так энергично философствуете, что не подумаешь о возрасте.*

В.К.: Спасибо за лесть, надеюсь, она искренняя, несмотря на то, что по ходу беседы вы могли обидеться. Если последователи, то только теоретические. В научно-организационном плане я «сам по себе», без какой-либо официальной или клан(к)овой поддержки, да и не в столице, где возможностей мельтешения, из которого на 90 % складывается любая известность, намного больше. Но нет худа без добра, это позволяет высказываться без мировоззренческой оглядки, кроме,

разумеется, педагогических и общеправовых ограничений. Что касается возраста, то может потому, что я «биокоп» и, несмотря на экспансию в мир идеологии автогеноцида, варианты которой мы обсуждали, все еще хочу: 1) быть, 2) человеком, 3) бороться за это как *нашу реализацию* возможных миров.

А.Н.: *Ваше заключительное пожелание читателям книги*

В.А.: Люди! Наступает Время *mortido*. На 2045 год определена «точка сингулярности, когда человечество перейдет на новый этап развития» – так описывает данное роковое событие самый авторитетный сейчас новационный безумец и выдающийся прогнозист Реймонд Курцвейл. *Это и есть наша антропологическая катастрофа, конец света, его дата* (примерно), но определенная уже не «жрецами майя», а «по-научному», на базе достижений ТЕХНИКИ. Вполне серьезно, с теоретическим обоснованием и математическими выкладками. *Конец света готовится*. Посмотрите и «порадитесь» вместе со стремительно растущим числом его адептов своему предстоящему исчезновению. И... испугайтесь, озаботьтесь, если хотите жить. Заодно, оцените смысл и предназначение идеологии бессмертия.

Пора создавать Всемирное Движение Человеческого Сопротивления! Моя книга об этом.

Про(сти)щай, человек!
ПОРТРЕТ И ЛИТУРГИЯ В ПАМЯТЬ
ЕГО/НАШЕЙ ВЕЧНОЙ СЛАВЫ

1. Краса Вселенной

Борясь с движением человечества к вырождению, отказу от жизни и культуры в пользу техники и виртуализма, надо (по)смотреть на человека как Высшее, когда-либо существовавшее на Земле естественно-разумное существо. Как Homo genus vulgaris. Это важно для противостояния прогрессистской нигилистической тенденции, борьбы за самосохранение и продолжение бытия. Или, при печальном исходе, хотя бы запечатлеть наш образ для/в чьей-либо(?) Памяти, положить цветы и поцеловав покойного, бросить на него прощальный взгляд. В Красной книге должен быть его портрет. Портрет, словесный, как описание, дававшееся, когда не было фотографической техники и на лица друг друга мы были способны смотреть внимательно.

Все повторяют фразу Хайдеггера: язык – дом бытия. На примере немецкого языка он показал его значение для мышления. В родном языке коренится мысль, ее бессознательные исто(чни)ки. То же самое в русском, да и любом коренном, народном. Но как иссыхает душа, истощается сознание, обедняется смысл жизни, когда вместо живых слов употребляют чужие, иностранные, оторванные от породившей их почвы. От пластов чувственного, предметного, эротического, от культуры повседневности. Вместо живых цветов удовлетворяются сухими, взятыми из словаря-гербария. Нюхают пласт(ико)массовые: какой фабрикой пахнет. Обмениваются трупами слов, которые передают голую информацию, как если бы вместо человека смотрели на его одежду (что теперь и происходит, эрос больше не разлит в воздухе) и целовали бренд.

Обозначилась тенденция, планируют переводить высшую (пока?) школу на единый для всего мира английский язык. Даже не собственно английский, а «глобиш», его информационный скелет. Велят с ним жить. Чудовищно, но речь пошла и о философии (мудрствуйте, экзистируйте,

публикуясь по-английски), так дойдет до изучения литературы, истории, потом родной речи, языка – чтобы на иностранном языке. Это абсурд, ибо гуманитарное знание вырастает из переживания мира, опыта, духа и культуры народа. Их космополитизация и «экуменизация» означает его умирание. И..., а пред-вестие конца Слова (сознания, смыслов), после которого останутся цифры, которые даже не надо произносить.

Голос (язык и песни), наряду с об-ликом – основа этно-культурной идентичности народа. Песни практически умолкли. Сначала перестали петь в быту, «по жизни», а теперь песен нет даже на эстраде, если только старые, не ближе конца XX века. Вместо них «композиции» с разнообразным компьютерным звучанием. И изощренный антураж, который становится главным.

Песня – душа народа, которая теперь, почти у всех «цивилизованных потребителей», машинная, «английская». Совпадает, что у них перестали блеснуть, подернутые пресыщенностью глаза. Зеркало души стало тусклым как сама душа. Зато сверкают экраны. Художники и дизайнеры изощряются в тонкостях рисунков, оформления, стиля. Все зря. Никто ничего не видит, не смотрят. Некогда. И незачем. Избыток, скорость, потеря эстетического восприятия вообще. Поэтому вместо художественного переживания мира – манипуляции ума, прикладное мышление, игротехника, которую называют Science art. *Постискусство.*

И вот, наконец – деградирует, лишаясь жизненной энергии, язык. Иностранные слова – обеззар(а)яженные. Дистиллят. Но в чистой воде рыбы не живут. Потому если что-то рождается, то полу-мертвое, поверхностное. Идеи, мысли, дела. Это финальная точка разложения культур(ы) в глобальном масштабе. Дело идет к тому, что от человеческой духовности останутся построенные из бывших слов формальные конструкторы, виртуальные образы, которые будут для нас, аутистов и гомутеров, внешним миром. Вместо предметного и живого.

Техника так совершенствуется, что человек скоро сможет обойтись без самого себя – иронизировал в конце XX века Станислав Ежи Лец. Теперь, когда человек изгоняется даже из образования, даже из социального патронажа (в Японии услуги больным в интернатах оказывают «роботы милосердия!»), а особенно в свете дальнейших обещаний прогресса по замене людей во всех сферах деятельности, даже в творчестве, и тотального контроля за ними, как-то уже не до иронии. Для тех, кто не загипнотизирован и не уснул, она становится

горькой, трагической. Так давайте держаться за жизнь. И за смысл – мы, «средоточие живого», кто не роботообразные, не зомби, не «трансхьюманы». Кто Люди – рождено-смертные, чувствующие, сознающие, полионтисты, циклисты, консерваторы, традиционалисты – кого восславил Шекспир:

«Какое чудо природы человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как ловок и поразителен по складу и движениям! Поступками как близок к ангелам! Почти равный Богу – разумением! Краса Вселенной! Венец всего живущего!»¹

* * *

Человек: чело-век, цело-век, тело-век; тело, тло, зола, глина, земля; адам (др. еврейск.), антропос (греч.), гомо, гуманизм (лат.), жень (китайск.), ме/а/н (англо-нем.).

Мужчина: мускина, мускул, мушца, мышца, мо(у)щина, мощь, могущество, сила, энергия, мужество; вотец, вот-(сам)ец (нашли причину ребенка), вотчина, отчина, от(е)чество.

Женщина: генщина, наследие, род, родина; мать, matka, основа, мать-сыра-земля, матица, материя; дева, Ев(б)а, р-еб(в)енок, ма-ма, па-па, ба-ба – лепет, первые слова человека, которые должны быть самыми почетными в языке; с-ума-сшедшая цивилизация их преследует.

Семья: семя, семя (раньше племя), усы(ны), которые пускает растение от корня; д(о)чень, черенки, которые отрывают от растения, пересаживая его в другое место; жена, которую сын привел в семью – с(ы)ноха, муж дочери, который ее взял за себя – (в)зять.

Тело: тло, зола, земля, глина, прах, вещество, вещ(ит), весит, телец, теленок, тяжесть, при-тяжение (тела к телу) в космосе и жизни.

Кожа: кожура, кора, корки, корень, шкура, шкура, с(ш)корняки, скуратовы, кожаное пальто или сапоги.

Лицо: лик, рожа, рода, урод-а, морда, рыть, рыло, харя, хара(я)кте-ристика, табло, фейс.

Волосы: волесы, лес, волусы, в-усы, вис(ки), висы, плешь, опушка, макушка, вихры, бор-ода, под-бородок.

¹ Шекспир У. Гамлет Соч. в 8 томах. Т. 8 Сцена II акт 2. М. 1997, с. 59.

Глаза: г-лазы, вы-лаз, про-ходы, от-верстия, оки, очи, очки, о-коло, зен(ки)ища, зенит, центр; г-лазут-чик, соглядатай, вз-гляд.

Уши: уши, с-лухи, слухачи, слу(ы)шать, олух, неслух, глух-ой.

Нос: нёс, несет, наносит, нюс, нюхать, снюхались, ноздри, нос(овые)-дыры.

Рот: рвот, рвет, ртище, рана; орудие убийства (зуб-ить, губить), самый страшный орган любого живого существа, место, где находят свою смерть другие существа; уста, устье, куда все впадает; пасть, где все пропадает, про-пасть, няма, ням-ням, яма, Бог смерти у индусов – Няма, рисовался в виде открытого рта; кусать, вкус-но, «кушать подано, жрите, пожалуйста», кус(ш)айте, гости дорогие.

Язык: яз-вык, я-звук, звучать, звать, на-з(ы)вать, зычить, горлить; говорить, орить, орать, к-рик, рык, р(ы)ечать, речь; лизать, близкий, тот, кого можно об-лизать, когда долго целуются, говорят – лижутся; если вам/вас некого/некому облизать, у вас нет близкого человека.

Шея: вяя, вья, вьется, вьюн; обвивается, не на своей основе стоит, в-юноша, (вь)юла, вязы, вязье, ворот, что вращается; кадык, ка-дых.

Плечи: лопатки, крыльца (почеши меж крыльцами, говорили в деревне), крылья, крылатка и – п(о)лечи, полечу. Птицы мы – были.

Грудь: груди, горуда, гора, грудно, сгрудились, все вместе, купно, сово-купление; гро(у)здья, кисть (руки, винограда).

Сердце: сердце(вина), середина, в середине болит, жаловался, придя в больницу, крестьянин; ядро, центр чего-угодно, душа, сердечный, добрый, о-серчать, сердится, волноваться.

Живот: жизнь, живо(тно)е, кто появляется не из яйца или икринки, а из живота, биться не на живот, а на смерть; брюхо, рюха, ряха, обрюзг; сырише, сырое и вареное, сыровы, т. е. животовы, желудковы, кутыревы.

Спина: хребтина или часть тела, на которой спали?, пояс, талия, поясница; тыл, тылица, зад, затылок, зад-ница, г(.)оп-а.

Руки: р-ук, указ-ывать, каз-ать, указ-ка; руководить – рукой водить, ручной, руко-пись-мо; палец, палица, палка, паленая ветка, пока не было скребков и топоров.

Ноги: ляжка, лёжка, ле(о)житься, лядва, (б)лядва, ног-ти, (м)ногие, когти, г(к)олоно, круглый (коло), голый, голова, голыш, кто без волос, только потом без одежды, стопа, топать, ступа-ть, стоп-стоять.

Он(а), Сам(ец/ка): пестики и тычинки, песта (если дать огласовку, то все понятно); пестун – совсем младенец, потом грудничек, еще молоко-сос, пока вьюн-оша, не на своих ногах, парень, парубок (пар, чистый, пустой, земля под паром, не засеянная, «отдыхает», не плодоносит), далее г(ж)ених, и наконец – (в)отец, вот-ец, вотчина, отчизна; а также тыч; тычка, заостренная палка, обозначение границы земельного участка, точка, (знак конца, если в тексте), ты – обращение близости, интима и неформальности, «перейти на ты» = «без галстуков» (галстук – символ застегнутости, закрытости, официоза, коррелят ширинке на брюках, но для всего тела, и вот его, тело, расстегивают, открывают, выпускают на волю); конец, кон(ь) – прямой, поставить на кон – окончательно, непосредственно; тыкалка, недотыканный, недотыкомка, «ты меня не тыкай», т(ы)варь, творить (человека), месить (т-есто, хлеб для еды), тыворчество, Творец; Бог – Отец наш небесный, Творец Небу и Земли.

Уд, удалец, удалый добрый молодец, удаль молодецкая, удилище, (м)удило, Лука Мудищев, мал, да удал, удача, удалой долго не думает, ударник (винтовки, труда), (м)удак, (м-удо)звон, бл-уд-ница, блу(я)дный сын, блуждать, заблуждение, удо-вольствие, удвле-творение.

Тур, буй-тур, горный козел, турнир (тетеревов за куру, рыцарей за дам), рогатый бык, рог, наставить рога, рог, из которого изливается плодородие, пить из рога – обрести мужскую силу, на рог(ж)ен прет, какого тебе рож(г)на надо, сбить рога – усмирить, турак, дурак, всякий настоящий мужчина – дурак; Дуровы, Дуракины, Дурылины, Дурново – почетные дворянские фамилии, свидетельствующие о производительной силе их родов, только в простонародье – Быковы.

Буй, высокое место, торчит над ровной поверхностью (водой), на острове Буяне, город Буй в Костромской области, б(х)уй, буйный, буювой, буян-ить, буйствовать, буй-вол, лишенный буя – вол, рабочая скотина, буец, боец, бой, боевик, б(у)итва, бойня(а), в(б)ойна; а также гребень, г(х)р-ебет; бор, бур, бо(у)рмашина, боровок (самец свиньи), бурный, бурить, буренка (корова, которая не осталась в-яловая), бо(а)ран, дичь боровая, охота на самцов весной, когда они в состоянии любви (токуют), б(о)рат, если родился мальчик (с-есть-ра, если д-евочка), о-бор-зел,

об-наг(ой)-лел, бордель, бор(ь)ба, борец, бороться, обороняться, браниться, брань, броня, оборона; Борис – «славянский Адам» = человек, Genus Homo.

2. Запись в Красную книгу

Конец света начался со смерти Бога. А завершается смертью человека.

Человек – домашнее животное Бога. Создавая Адама, Он вдунул в него «Душу живу». Потом она стала Разумом. Теперь Интеллектом, который превращается в Искусственный. Мертвый. Животное отвязалось от Бога и умирает. **Рождается Иное**, восторжествовали Новые (не)Боги.

Современная цивилизация: жизнь в раю. **Апокалипсис в раю**. Поэтому она влюблена в смерть. Во все против(н)о – естественное, антиприродное, безжизненное = в бес-смертное. Её передовой отряд – без-надежно, для о(т)ставших-ся еще может быть разное.

Садист в отношении природы человек стал мазохистом в отношении техники. Техно(ра/о/бо)кратом. Трансгуманистом. **Трансгомони-стом**. Бес-смерти (я) хочет.

Человеческое или Иное – вот глобальная, роковая проблема Третьего тысячелетия. Идет техногенная эвтаназия человечества. **Остановить эвтаназию!**

Объективные тенденции развития реализуются сами. Для них достаточно исполнителя. Marionетки. А для противостояния им нужен Герой. Свободный человек. **Борец со своим временем**.

Грести против течения – это быть консерватором и традиционалистом. Оставаться человеком. Хотя бы (с) веслом на корме. **Живые люди всех стран – соединяйтесь!**

Наука имеет дело с возможными мирами. Нам важна **наша реализация возможного**. Мир, в котором мы живем. Феноменологический. Это вполне достаточное основание, чтобы считать его высшим и лучшим из миров.

Люди всегда должны быть геоантропоцентристами. Любить Землю. Космос только уважать. И бояться его. **Ценностный геоцентризм – это экология. Ценностный антропоцентризм – это гуманизм**.

Человек умер. Это мы его убили. **(Само)убийцы**. И теперь, когда вытесняемые технологией живые люди так близко подошли к концу

света (своего), они, наконец, заслуживают жалости и любви. Чьей? Друг друга! **Приидите, последнее целование дадим, братие, умершему ...**

... Но как ликуют легкомысленные.

Мы живем в эпоху, когда человеческая техника превращается в технического человека. В «постчеловека». У него есть будущее: несколько веков. У живого, исторического = традиционного человека все будущее – в прошлом. Про(сти)щай, человек. Да здравствует вечное возвращение!

Консервативная революция под знаменем археоавангарда – вот повестка дня на XXI век. Стратегия радикального (о)сознания своей «подвешенности над бездной» и поддержания динамического равновесия. Идеал канатоходца. Все остальное – повестка ночи.

Время *Mortido*: Как жалко, что все проходит. Как хорошо, что все проходит! Но... Миссия Человека во Вселенной должна быть вы(ис)полнена до Конца.

Остновить «деградацию в новое» – такова наша философия борьбы за сохранение жизненного мира людей. Антропология Традиции.

То, что однажды случилось, всегда может случиться вновь. Человек! Отныне Ты занесен в Красную книгу Вечности! *Spiro, spera* (Дыши, надейся) ...

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. КОНЦА СВЕТА НЕ БУДЕТ, А БУДЕТ........ 6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Глава I. Когнитизация антропоморфной реальности, ее философско-исторические основания и последствия

1. Последнее слово в познании мира..... 19
2. От бытийного идеализма
к априорному трансцендентализму..... 26
3. Когнитология как реализация
философии трансцендентализма..... 37

Глава II. Наша цивилизация в эпоху трансмодерна

1. Отказ от мудрости..... 45
2. Человек в сознании..... 54
3. Потеря сознания, в-падение в мышление
и когницизм..... 59
4. Глобальная технологизация жизни..... 68

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЧЕЛО-ВЕК XXI: УХОДЯЩАЯ НАТУРА, УГАСАЮЩИЙ ДУХ...

Глава I. Из истории человека...

1. Человек обыкновенный..... 89
2. Постчеловек..... 95
3. Смотрите, кто пришел..... 100
4. Человек не умер, но..... 103

Глава II. Жизнь под знаком «пост»: на тонущем корабле гуманизма	
1. Эта коварная реальность.....	115
2. Отказ от гуманитарной парадигмы.....	118
3. Проективный сдвиг.....	127
4. Нужна философия сопротивления.....	131
Глава III. Жизнь под знаком «транс»: сумерки полов	
1. Источник жизни и высшая ценность духа.....	137
2. Парасексуальная революция: пейзаж после битвы.....	141
3. Ге(й)ндеризм как социальное конструирование одномерного человека.....	149
4. Биотехническое конструирование трансчеловека.....	156
Глава IV. Антропология живой смерти: искушение усовершенствованием	
1. Кентавры, русалки, циклопы.....	163
2. Големы, Франкенштейн... Эпштейн и другие адепты постчеловека.....	170
3. Или мы останемся, какие есть, или нас не будет.....	179
Глава V. Антропология мертвой смерти: прельщение бессмертием	
1. Подданные королевы утопий.....	184
2. Катастрофа-2045: в-падение в бессмертие и техницизм.....	191
3. Mors creator vitae est.....	199

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. В КОНЦЕ БЫЛА ЦИФРА...

Глава I. Язык людей: от крика к тишине	
1. Высокий полет и (при)знаки падения.....	207
2. Язык т(ч)еловека: речь-рукопись/мо.....	210
3. Язык без человека: печать-текст.....	214
4. Смерть языка (и) человека: письмо-исчисление.....	218

**Глава II. (про)Чтение Деррида:
идеолог конца света, пост-языка и Иного**

1. З(о)лословие о бытии.....	224
2. Чудо воскрешения.....	230
3. Религия инонизма.....	236

**Глава III. Контрлингвистическая революция:
от слова к цифре, от коммуникации
к коммутации**

1. Антиязык.....	245
2. Скрипторика.....	257
3. Риторика.....	260
4. Язык с человеком со-против-ляются.....	266

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ. SOS... SOS... SOS...
КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ!.....**

	268
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Можно ли управлять прогрессом? Интервью.....

	277
--	-----

**Про(сти)щай, человек! Портрет и литургия
в память его/нашей вечной славы**

1. Краса Вселенной.....	302
2. Запись в Красную книгу.....	307

Кутырёв Владимир Александрович

ПОСЛЕДНЕЕ ЦЕЛОВАНИЕ

Человек как традиция

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Ю. А. Корневская*

Корректор *И. Е. Иванцова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

в Киеве:

«Книжный бум», книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8.

Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Тел. (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₁₆. Усл. печ. л. 19,07. Печать офсетная.

Заказ №